

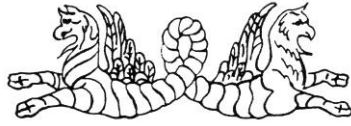

Альманах основан в 2014 году

Журнал основан в 2018 году

The Almanac was founded in 2014

The Journal was founded in 2018

**PALEOROSIA. ANCIENT RUS:
in Time, in Personalities, in Ideas**

Παλαιορωσια
εν χρονω, εν προσωπω, εν ειδει

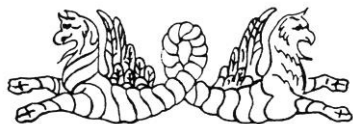
**2025
No. 3 (31)**

Scientific Journal

List of the Higher Attestation Commission

Category K2

**Publishing House of Saint Petersburg
Theological Academy
2025**

**ПАЛЕОРОСИЯ. ДРЕВНЯЯ РУСЬ:
во времени, в личностях, в идеях**

Παλαιорωσια
εν χρονω, εν προσωπω, εν ειδει

2025
№3 (31)

Научный журнал

ВАК

Категория К2

Санкт-Петербург
Издательство СПбДА
2025

UDC 94(47)+281.93(060.55)

The journal is included in “List of peer-reviewed scientific publications
in which main scientific results of theses
for the candidate of science degree, for the doctor of science degree”

Specializations:

5.6.1. Russian history (historical sciences);

5.6.5. Historiography, source study, methods of historical research (historical sciences);

5.9.1. Russian literature and literature of the peoples of the Russian Federation (philological sciences);

5.11.2. Historical theology (research directions:

Orthodoxy, Islam, Judaism, Protestantism) (theology).

By decision of the Higher Attestation Commission (HAC),
the journal has been assigned to Category K2 as of September 26, 2025.

EDITORIAL BOARD

Archpriest Konstantin Kostromin (St. Petersburg) (chairman)

Pavel Gaidenko (Moscow)

Mikhail Shpakovsky (Moscow)

Nikolai Petrov (St. Petersburg)

Alexey Gladkov (Moscow)

Editor-in-Chief

Archpriest Konstantin Kostromin,

PhD in History, PhD in Theology

ISSN 2618-9674 (Print)

ISSN 2686-9063 (Online)

© Article authors, 2025

© Publishing House of St. Petersburg
Theological Academy, 2025

УДК 94(47)+281.93(060.55)
ББК 63.3(2)4+86.372.24-3я5
П 14

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» по группам специальностей:

- 5.6.1. Отечественная история (исторические науки);
- 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования (исторические науки);
- 5.9.1. Русская литература и литература народов Российской Федерации (филологические науки);
- 5.11.2. Историческая теология (по исследовательскому направлению: православие, ислам, иудаизм, протестантизм) (теология).

Решением Высшей аттестационной комиссии (ВАК)
журнал с 26.09.2025 г. распределен в Категорию К2.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Протоиерей Константин Костромин (Санкт-Петербург)
Павел Иванович Гайденко (Москва)
Михаил Викторович Шпаковский (Москва)
Николай Игоревич Петров (Санкт-Петербург)
Алексей Константинович Гладков (Москва)

Главный редактор журнала
Протоиерей Константин Костромин,
кандидат исторических наук, кандидат богословия,
Санкт-Петербургская Духовная Академия

П 14 Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях : научный журнал. — СПб. : Изд-во СПбДА, 2014 — .
Выпуск № 3 (31). — 2025. — 216 с.

УДК 94(47)+281.93(060.55)
ББК 63.3(2)4+86.372.24-3я5

ISSN 2618-9674 (Print)
ISSN 2686-9063 (Online)

© Авторы статей, 2025
© Издательство Санкт-Петербургской
Духовной Академии, 2025

THE EDITORIAL COUNCIL

1. *Pavel Gaidenko* – Doctor of History, Professor at Bauman Moscow State Technical University and Moscow State Linguistic University (Moscow) (chairman)
2. *Alexander Avdeev* – Doctor of History, Professor at St Tikhon Orthodox Humanitarian University (Moscow)
3. *Alexey Alekseev* – Doctor of History, Deputy Director General for Research at the Russian National Library (St. Petersburg)
4. *Dmitry Bulanin* – Doctor of Philology, Chief Researcher at the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg)
5. *Irina Gerasimova* – Doctor of Philosophy, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences (Moscow)
6. *Alexander Kamchatnov* – Doctor of Philology (Moscow)
7. *Vladimir Kirillin* – Doctor of Philology, Chief Researcher at the A. M. Gorky Institute of World Literature of Russian Academy of Sciences (Moscow)
8. *Alexander Korzinin* – Doctor of History, Chief Researcher at Presidential Academy RANEPА (St. Petersburg)
9. *Denis Lyapin* – Doctor of History, Leading Researcher of Bunin Yelets State University (Yelets)
10. *Vladimir Milkov* – Doctor of Philosophy (Moscow)
11. *Lyudmila Mininkova* – Doctor of History, Professor at the Southern Federal University (Rostov-on-Don)
12. *Lyudmila Morozova* – Doctor of History (Moscow)
13. *Alexey Petrov* – Doctor of History, Professor at St. Petersburg Theological Academy (St. Petersburg)
14. *Elena Piotrovskaya* – Doctor of History, Leading Researcher at the St. Petersburg Institute of History of Russian Academy of Sciences (St. Petersburg)
15. *Roman Pochekaev* – Doctor of History, PhD in Legal Sciences, Head of the Department of Theory and History of Law and State at the National Research University Higher School of Economics in St. Petersburg (St. Petersburg)
16. *Rem Simonov* – Doctor of History (Moscow)
17. *Larisa Soboleva* – Doctor of Philology, Professor at Ural Federal University (Yekaterinburg)
18. *Roman Sokolov* – Doctor of History, Professor at Herzen Pedagogical State University (St. Petersburg)
19. *Igor Tyumentsev* – Doctor of History, Professor at Presidential Academy RANEPА (Volgograd)
20. *Vyacheslav Shaposhnik* – Doctor of History, Professor at St. Petersburg State University (St. Petersburg)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

1. *Павел Иванович Гайдено* — доктор исторических наук, Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана, Московский государственный лингвистический университет (Москва) (председатель)
2. *Александр Григорьевич Авдеев* — доктор исторических наук, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Университет Дмитрия Пожарского (Москва)
3. *Алексей Иванович Алексеев* — доктор исторических наук, заместитель генерального директора по научной работе Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург)
4. *Дмитрий Михайлович Буланин* — доктор филологических наук, Институт русской литературы (Пушкинский дом) Российской академии наук (Санкт-Петербург)
5. *Ирина Алексеевна Герасимова* — доктор философских наук, Институт философии Российской академии наук (Москва)
6. *Александр Михайлович Камчатнов* — доктор филологических наук (Москва)
7. *Владимир Михайлович Кириллин* — доктор филологических наук, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Московская Духовная Академия, Сретенская Духовная Академия (Москва)
8. *Александр Леонидович Корзинин* — доктор исторических наук, Северо-западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы (Санкт-Петербург)
9. *Денис Александрович Ляпин* — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина (Елец)
10. *Владимир Владимирович Мильков* — доктор философских наук (Москва)
11. *Людмила Владимировна Мининкова* — доктор исторических наук, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)
12. *Людмила Евгеньевна Морозова* — доктор исторических наук (Москва)
13. *Алексей Владимирович Петров* — доктор исторических наук, Санкт-Петербургская Духовная Академия, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург)
14. *Елена Константиновна Пиотровская* — доктор исторических наук, Санкт-Петербургский Институт истории Российской академии наук (Санкт-Петербург)
15. *Роман Юлианович Почекаев* — доктор исторических наук, кандидат юридических наук, Высшая школа экономики (Санкт-Петербург)
16. *Рэм Александрович Симонов* — доктор исторических наук (Москва)
17. *Лариса Степановна Соболева* — доктор филологических наук, Уральский федеральный университет (Екатеринбург)
18. *Роман Александрович Соколов* — доктор исторических наук, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург)
19. *Игорь Олегович Тюменцев* — доктор исторических наук, Волгоградский институт управления Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Волгоградский государственный университет (Волгоград)
20. *Вячеслав Валентинович Шапошник* — доктор исторических наук, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург)

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Л. Н. Аряев.</i> Почему Татищев крестил новгородцев «мечом и огнем»? К вопросу о происхождении рассказа о крещении новгородцев в «Истории Иоакима»	10
<i>А. С. Королев.</i> Муравленин, Моровлин, Муромец: к проблеме происхождения прозвища Ильи	31
<i>О. Л. Губарев.</i> Копья поют и стяги глаголют (два скандинавизма в «Слове о полку Игореве»).....	56
<i>Д. В. Пузанов.</i> Что общего у солнца, мира и меда: влияние чувственного восприятия окружающей среды и церковной службы на формирование воображаемых миров древнерусского человека XI–XIII вв.....	67
<i>В. И. Клейменов.</i> Летописные повествования и приписка в Прологе о Каменском побоище 21 августа 1407 г.: к вопросу о взаимоотношении и происхождении текстов	87
<i>А. И. Алексеев.</i> О политико-правовых, богословских и социально-экономических воззрениях преподобного Иосифа Волоцкого	100
<i>А. С. Ищенко.</i> Когда и как Иван IV Васильевич стал Иваном Грозным?	113
<i>А. А. Казаков.</i> Волоколамский инок Арсений Невежа: факты биографии в контексте событий первой трети XVI в.	134
Историографические исследования	
<i>В. В. Митрофанов.</i> Творческие связи А. Е. Преснякова и С. Ф. Платонова в 1900–1905 гг. (по эпистолярным источникам)	150
<i>Е. Н. Дербин.</i> Политический строй Древней Руси в трудах русских историков-эмигрантов в Италии (конец 1910-х – середина 1940-х гг.)	175
<i>А. С. Билецкий.</i> Трансформация представлений о становлении древнерусской государственности в трудах российских историков середины XIX – начала XX вв.	190
<i>Список сокращений</i>	209
<i>Правила оформления статей</i>	210

CONTENTS

<i>Leonid Aryayev.</i> Why did Tatishchev baptize Novgorodians with “Sword and Fire”? On the Origin of the Story about the Baptism of Novgorodians in “Ioachim Chronicle”	10
<i>Alexander Korolev.</i> Muravlenin, Morowlin, Muromets: on the Origin of Ilya’s Nickname.....	31
<i>Oleg Gubarev.</i> The Spears sing and the Banners speak (Two Scandinavian Expressions in “The Tale of Igor’s Campaign”).....	56
<i>Daniil Puzanov.</i> What do the Sun, the Myrrh and the Honey have in common: Influence of Sensory Perception of Environment and Church Service on Formation of Imaginary Worlds of Old Rus People of 11 th -13 th Centuries	67
<i>Vitaly Klymenov.</i> Chronicle Narratives and the Marginal Note in Prologue about the Battle of Kamno, 21 August 1407: Interrelations and Origin of the Texts.....	87
<i>Alexey Alekseev.</i> On the Political, Legal, Theological and Socio-Economic Views of St. Joseph of Volotsk	100
<i>Aleksandr Ischenko.</i> When and how did Ivan IV Vasilyevich become Ivan the Terrible?.....	113
<i>Alexander Kazakov.</i> Volokolamsk Monk Arsenius Nevezha: His Biography in Historical Context of the First Third of 16 th Century	134
Historiographical studies	
<i>Viktor Mitrofanov.</i> Creative Relations between A. E. Presnyakov and S. F. Platonov in 1900–1905 (according to Epistolary Sources).....	150
<i>Evgeniy Derbin.</i> The Political System of Ancient Rus’ in Works of Russian Emigrant Historians in Italy (late 1910s – mid 1940s).....	175
<i>Alexey Biletskii.</i> Transformation of Ideas about Formation of Old Rus’ Statehood in Works of Russian Historians of the mid-19 th – early 20 th Centuries	190
<i>List of Abbreviations Requirements for Manuscripts</i>	209
<i>Rules for Writing Articles</i>	210

Л. Н. Аряев

**Почему Татищев крестил новгородцев «мечом и огнем»?
К вопросу о происхождении рассказа
о крещении новгородцев в «Истории Иоакима»**

УДК 94(47).025:930.23:82
DOI 10.47132/2618-9674_2025_3_10
EDN VJZFRT

Аннотация: Татищевский рассказ о крещении новгородцев задумывался как стилизация, предназначенная для подтверждения аутентичности «Истории Иоакима». Стилизация осуществлялась через повествование от первого лица, упоминание мелких подробностей, использование взятых из настоящих летописей выражений, введение в рассказ былинных персонажей. Выражение «мечом и огнем» заимствовано Татищевым у Стрыйковского; на его основе по летописным образцам Татищев смоделировал поговорку «Путята крести мечом, а Добрыня огнем». Драматичные подробности усмирения новгородцев (в том числе поджог) Татищев додумал на основе собственного опыта преследования башкирских повстанцев и уральских старообрядцев. Представление о насильственном противостоянии христианства и язычества в Древней Руси возникло у Татищев под влиянием поздних источников (XVI–XVII вв.), а непосредственным толчком к созданию рассказа о крещении новгородцев послужила легенда о перуновой палице.

Ключевые слова: В. Н. Татищев, История Иоакима, Крещение Руси, Великий Новгород.

Об авторе: **Леонид Николаевич Аряев**

Независимый исследователь, г. Зальфельд (Германия).

E-mail: l.aryayev@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8394-5856>

Для цитирования: Аряев Л. Н. Почему Татищев крестил новгородцев «мечом и огнем»? К вопросу о происхождении рассказа о крещении новгородцев в «Истории Иоакима» // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2025. № 3 (31). С. 10–30.

Статья поступила в редакцию 05.11.2024; одобрена после рецензирования 23.04.2025; принята к публикации 03.05.2025.

Leonid Aryayev

Why did Tatishchev baptize Novgorodians with “Sword and Fire”?
On the Origin of the Story
about the Baptism of Novgorodians in “Ioachim Chronicle”

UDK 94(47).025:930.23:82
DOI 10.47132/2618-9674_2025_3_10
EDN VJZFRT

Abstract: Tatishchev’s tale of the baptism of Novgorodians was conceived as a stylization to confirm the authenticity of the “Ioachim Chronicle”. The stylization was achieved through first-person narration, including small details, using expressions borrowed from real chronicles, and introducing epic characters into the story. Tatishchev borrowed the expression “with sword and fire” from Strykowski and compiled the saying “baptized Putyata with the sword and Dobrynya with fire” according to the samples from chronicles. Tatishchev came up with dramatic details of the suppression of Novgorodians (including arson), drawing from his own experience of persecution of Bashkir rebels and Ural Old Believers. Tatishchev thought up the idea of a violent confrontation between Christianity and paganism in Ancient Russia under the influence of later sources (16–17th centuries), while the story of the baptism of the Novgorodians was composed under the direct influence of the legend of Perun’s club.

Keywords: Tatishchev, Ioachim Chronicle, Christianization of Rus’, Novgorod.

About the author: **Leonid Aryayev**
Independent researcher, Saalfeld (Germany).
E-mail: l.aryayev@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8394-5856>

For citation: Aryayev L. Why did Tatishchev baptize Novgorodians with “Sword and Fire”? On the Origin of the Story about the Baptism of Novgorodians in “Ioachim Chronicle”. *Paleorosia. Ancient Rus in time, in personalities, in ideas*, 2025, No. 3 (31), p. 10–30.

The article was submitted 05.11.2024; approved after reviewing 23.04.2025; accepted for publication 03.05.2025.

Фрагмент из представленной В. Н. Татищевым «Истории Иоакима», посвященный крещению Новгорода «мечом и огнем»¹, занимает особое место в историографии. Сама по себе «История Иоакима», взятая в целом, не вызвала доверия даже у благосклонных к Татищеву историков. В лучшем случае в ней видели позднюю компиляцию XVII–XVIII в., которой первый русский историограф неосмотрительно доверился². В то же время, для некоторых сообщаемых Псевдо-Иоакимом сведений, и в первую очередь для рассказа о крещении новгородцев, допускалась некая «древняя основа», коренящаяся в «несохранившихся летописях» или в «устной традиции»³.

Археологические данные о пожаре в Неревском конце Новгорода в 989 г. академик В. Л. Янин считал доказательством того, что «утверждение Иоакимовской повести о насильственном крещении новгородцев имеет вполне реальную основу» и опирается «на какую-то достаточно устойчивую древнюю традицию»⁴. Показательна готовность, с которой даже такой крупный ученый при первой же возможности согласился видеть «реальную основу» в заведомо позднем и недостоверном тексте и не остановился даже перед тем, чтобы обосновать свою догадку с помощью целого ряда натяжек (например, не получала должного обоснования совсем небесспорная дата крещения Новгорода, из находки одного-единственного медного крестика делался вывод о наличии «христианской общины» в городе, начало церкви Преображения на улице Розважа произвольно относилось к X в. и т. д.)⁵.

Не менее впечатляющ пример другого академика — А. А. Шахматова, полагавшего, что «рассказ о крещении Новгорода содержит черты, изобличающие современника»⁶. Утверждение более чем странное, учитывая, что как такового текста «Истории Иоакима» в реальности не существует, исследователи имеют дело в лучшем случае с пересказом Татищева — каким же образом в нем можно увидеть или не увидеть «черты современника»? И это не просто досадный промах мэтра российского источниковедения: доверие к «иоакимовской» версии крещения Новгорода высказывали многие выдающиеся российские историки — от С. М. Соловьева⁷ до С. Н. Азбелева⁸.

Такое не может быть случайностью. Очевидно, несмотря на свое заведомо спорное происхождение, на перенасыщенность анахронизмами и на подозрительные обстоятельства «находки», татищевская «История Иоакима» обладает большой убедительной силой. В чем же заключается причина ее обаяния? Во всяком случае, не в источниковедческой достоверности. Написанная смесью современного Татищеву русского языка с церковнославянским (а местами переходящая на чистый русский)⁹,

¹ Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен. Т. 1. М., 2016. С. 139–140.

² Тихомиров М. Н. О русских источниках «Истории Российской» // Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен. Т. 1. С. 63; Свердлов М. Б. Василий Никитич Татищев — автор и редактор «Истории Российской». СПб., 2009, С. 91.

³ Алексеев С. В. Источники Иоакимовской летописи // Историческое обозрение. Вып. 3. М., 2002. С. 18–20; Азбелев С. Н. Новгородские летописи XVII в. Новгород, 1960. С. 47–50.

⁴ Янин В. Л. Когда и как крестили новгородцев // Наука и религия. 1983. № 11. С. 31; Его же. Летописные рассказы о крещении новгородцев (о возможном источнике Иоакимовской летописи) // Русский город. 1984. Вып. 7. С. 56.

⁵ Горовенко А. В. Рассказ Иоакимовской летописи о крещении новгородцев: могут ли данные археологии опровергнуть текстологические выводы? // Valla. 2018. Т. 4, № 5. С. 1–16.

⁶ Шахматов А. А. Общерусские летописные своды XIV и XV вв. // ЖМПН. 1900. Т. 332, ноябрь. С. 183.

⁷ Соловьев С. М. Сочинения: в 18-ти книгах. Кн. 1, т. 1–2. М., 1988. С. 177, 308, прим. 257.

⁸ Азбелев С. Н. К изучению Иоакимовской летописи // Новгородский исторический сборник. 2003. Вып. 9 (19). С. 5–27.

⁹ Голубинский Е. Е. О так называемой Иоакимовской летописи Татищева // Прибавления к изданию творений Святых Отцев в русском переводе. 1881. Ч. 28. С. 631.

начинающаяся со Скифа, Словена и Вандала и содержащая рассказы, не имеющие параллелей ни в одной из настоящих древнерусских летописей — такого рода «История» является прямо-таки эталоном заведомо недостоверного источника. При этом нет никаких текстологических, лингвистических или иных оснований выделять из этого сомнительного источника рассказ о крещении новгородцев и противопоставлять его остальному тексту «Истории Иоакима» как достоверное свидетельство. «Совпадение» сообщения о поджоге Добрыней Новгорода со свидетельствами о пожаре в Неревском конце 989 г. на первый взгляд выглядит впечатляюще, однако в начальной версии «Истории Иоакима» (отраженной в Академическом списке) о поджоге не говорилось ни слова — это известие было позже дописано Татищевым на полях¹⁰; таким образом, даже если поверить в реальность «тетрадей Мельхиседека Борщова», подробность о поджоге следует считать позднейшим домыслом Татищева, что обесмысливает всякие толки о «совпадениях». «Крещение огнем» изначально подразумевало не поджог города, а насильственное сожжение Добрыней деревянных идолов. Следует подчеркнуть, что традиционная отговорка апологетов Татищева — что он вторично обратился к источнику и вычитал в нем то, что в первый раз пропустил — в данном случае не работает: Татищев прямым текстом пишет, что отослал «тетради» сразу после ознакомления с ними, а в сентябре 1748 г. получил известие о смерти Мельхиседека и пропаже его «пожитков»¹¹; поскольку написано все это еще до появления приписки о поджоге, то последняя явно имеет «внеисточниковое» происхождение (возможно, Татищев пытаясь исправить несогласованную фразу в изначальном варианте, воспользовался случаем украсить свой рассказ драматической подробностью).

Может быть, сила Татищева — в художественной убедительности его нарратива? Но литератор Татищев был неважный. Его письменная речь архаична, тяжела и несет на себе слишком сильный отпечаток языка петровской эпохи с его стилистической пестротой, грамматической разноголосицей и синтаксической неорганизованностью. Переходы в процессе работы над «Историей Российской» на «древнее наречие» и обратно тоже не прибавили труда Татищеву литературного изящества. Однако некоторые фрагменты татищевской «Истории» все же обладают яркой художественной выразительностью, и рассказ о крещении новгородцев, несомненно, относится к их числу.

Для самого Татищева этот рассказ имел особое значение. Новгородское крещение поминается им уже в самом начале главы «О истории Иоакима епископа новгородского» и служит *первым из доказательств* того, что автором этой истории действительно был Иоаким Корсунянин: «Хотя нечто и баснословное по тогдашнему обычаю внесено, по обстоятельствам крещения новгородцев точно показывает о себе, что есть Иоаким епископ»¹². *Вторым доказательством* аутентичности памятника Татищев считал его согласованность с проложными житиями и польскими хрониками XVI в., которым историограф в целом доверял и даже удивлялся, не находя соответствующих им известий в древнерусских летописях: «Другое обстоятельство, что хотя так много разных манускриптов древних я имел, как в гл. 7 показано, однако ж многих в них обстоятельств, положенных в прологах и польских историях, не нахожу, а здесь почти точно или яснее тех положены. Следственно, оные сочинители не отъинуда, как из сея истории брали...»¹³. Забавно, что несколькими абзацами ниже Татищев забывает о собственной гипотезе — теперь уже автор «Истории

¹⁰ Моргайло В. М. Работа В. Н. Татищева над текстом Иоакимовской летописи // АЕ за 1962 г. М., 1963. С. 262; Татищев В. Н. История Российская... Т. 1. С. 139, 531, вар. 17–17.

¹¹ Татищев В. Н. История Российская... Т. 1. С. 140.

¹² Там же. С. 132.

¹³ Там же.

Иоакима» заимствует из «польских историй» и смешивает славян с сарматами («в чем он, веря польским, обманулся»¹⁴).

То, что Татищев начинает с доказательств аутентичности предлагаемого им текста, полностью дезавуирует его нарочитые сомнения по поводу «Истории Иоакима» (ссылки на «новый слог» и «вымышленность» монаха Вениамина, выделение «иоакимовских» известий в отдельную главу), которые некоторыми историками принимались за свидетельства научной добросовестности Татищева¹⁵, но которые в действительности больше походят на стандартную уловку для аутентизации сомнительного текста¹⁶. Еще важнее, что рассказ о крещении новгородцев в «Истории Иоакима» имеет конкретную функцию — он должен подтверждать авторство Иоакима Корсунянина и, тем самым, гарантировать достоверность всей «Истории» в целом. В свою очередь, «История Иоакима» призвана была засвидетельствовать правдивость поздних русских и польских источников, которыми активно пользовался Татищев, равно как и освятить авторитетом древней летописи собственные предположения историографа (о тождественности славян с «алазонами» и «амазонами», о родстве Рюрика с Гостомыслом, о вымышленности Диры, о месте крещения Владимира, о его женах и сыновьях и др.).

Замысел Татищева удался лишь частично: «История Иоакима» все равно не получила дополнительного кредита доверия — слишком сильно ее текст походил на заведомо фантастические книжные легенды позднего летописания. Зато рассказ о крещении новгородцев получился столь удачным, что зажил самостоятельной жизнью и обрел немало защитников своей подлинности.

Стилизация осуществлялась несколькими приемами. Прежде всего, рассказ о крещении новгородцев представлен как свидетельство участника событий. Повествование идет от первого лица («Мы же стоим на торговой стране, ходихом по торжисчам и улицам, учухом люди, елико можихом»). Упомянуты мелкие детали и подробности, о которых мог знать только очевидец (пороки на остатках разметанного моста, точное название разоренной язычниками церкви, численность сражающихся отрядов, раздельное крещение мужчин и женщин выше и ниже моста и др.). Художественную силу этих приемов, создающих эффект присутствия и резко повышающих доверие к тексту, Татищев мог оценить при знакомстве с настоящими летописями (например, в рассказах об ослеплении Василька Ростиславовича или о смерти Владимирка Галицкого). Уже при работе над первой редакцией своего труда историограф приписал летописцу воспоминание о совместном пении в церкви с Игорем Ольговичем¹⁷, что должно было придать убедительности татищевским соображениям об еп. Нифонте Новгородском как последователе Нестора и Сильвестра в деле летописания и авторе княжеских словесных портретов¹⁸.

Стоит отметить, что повествование от первого лица было введено в «Историю Иоакима» довольно неуклюже: в начале «Истории...» об Иоакиме говорится в третьем лице, причем он противопоставляется Нестору как более сведущий в древних новгородских событиях летописец. Ясно, что автором этого вступления никак не мог быть Иоаким, умерший задолго до появления трудов Нестора и потому лишенный возможности оценить полноту несторовых известий о новгородских делах. В дальнейшем тексте «Истории...» ее предполагаемый автор ничем себя не проявляет вплоть

¹⁴ Там же. С. 133.

¹⁵ Тихомиров М. Н. О русских источниках... С. 61.

¹⁶ Толочко А. П. «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. М.; Киев, 2005. С. 242–243, прим. 128.

¹⁷ Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен. Т. 4. М., 2017. С. 274.

¹⁸ Толочко А. П. «История Российская»... С. 354–355.

до своего внезапного появления на Торговой стороне, где по мере сил проповедует новую веру. Исполнив свою функцию — сообщить драматические подробности крещения Новгорода — автор немедленно пропадает, передавая слово Татищеву. Кем же была написана «История Иоакима» — очевидцем крещения Новгорода, под которым, по выражению Татищева, «ни о ком ином кроме Иоакима епископа, разуметь невозможно», или же более поздним автором, имевшим возможность сравнить Иоакима с Нестором? Путаница усугубляется тем, что Татищев представляет рассказ как выписку из «тетрадей», причем не сплошную, а лишь тех фрагментов, «чего у Нестора не находится или здесь иначе положено». Перед нами, таким образом, своего рода выборочный конспект «Истории Иоакима», сопровождаемый комментариями и соображениями самого Татищева. Но в этот конспект временами прорывается речь то самого Иоакима, то какого-то более позднего автора, критикующего Нестора за неполноту знаний «о князех русских старобытных». Кажется, Татищев, движимый желанием вставить в текст повествование от первого лица, не до конца продумал, как лучше это можно было бы сделать. Надо, впрочем, учитывать, что завершить работу над своей «Историей Российской» он так и не успел и что мы имеем дело, по существу, с черновиками его труда.

Также для придания древнего колорита и усиления эффекта аутентичности Татищев ввел в текст былинных персонажей — Путятю и Добрыню. Образцом для историографа послужила Никоновская летопись, составитель которой щедро украсил свое повествование героями русского эпоса — Яном Усмошвецем, Александром Поповичем с Торопом, Добрыней Рязанцем и др.; да и составитель ПВЛ использовал явно фольклорные сюжеты о юноше-кожемяке и белгородском киселе. Тот же Добрыня фигурировал как в летописях, так и в былинах — это убеждало Татищева, что и другие былинные персонажи могли иметь исторических прототипов¹⁹.

Помимо этого, Татищев использовал отсылки к реальным летописным текстам. Так, «дифференцированный» подход Добрыни к идолам — «деревянии сожгоша, а камении, изломав, в реку вергоша» — это повторение действий Владимира после возвращения из Корсуня в Киев в ПВЛ. Оттуда же взята насмешка Добрыни над идолами, «которые себя оборонить не могут», представляющая собой вольную переделку ответа киевлянам варяга-христианина в 6491 г. («не суть бо бози но древо»); еще ближе речь Добрыни к татищевскому комментарию рассказа о низвержении Перуна Владимиром²⁰. Горестная сентенция Псевдо-Иоакима «Но гиблючим в нечестии слово крестное, яко апостол рек, явися безумием и обманом» восходит к комментарию автора ПВЛ об «уродстве» христианства в глазах неверных, данного по поводу упорства Святослава в язычестве.

Наличие такого рода заимствований из ПВЛ противоречит утверждению Татищева об авторстве Иоакима, который не мог быть знаком с трудом условного «Нестора». Обратный вариант — заимствование «Нестором» у «Иоакима» — также невозможен, поскольку, согласно самому Татищеву, «о князех русских старобытных Нестор монах не добре сведом бе»²¹, т. е. «Истории Иоакима» у него не имелось.

¹⁹ «О Путяте нигде Нестор не упомянул... В песнях же старинных о увеселениях Владимира тако поют: Против двора Путятина, против терема Зыбатина старого Путяти темной лес. Ис чего можно видеть, что знатный муж был» (Татищев В. Н. История Российская... Т. 1. С. 147, прим. 45).

²⁰ Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен. Т. 2. М., 2016. С. 75. Примечательно, что в первой редакции (Там же. Т. 4. С. 173) Татищев еще воспроизводил летописное понимание низвержение Перуна (как «поругание бесу»), во второй редакции толкование стало куда более «рациональным».

²¹ Татищев В. Н. История Российская... Т. 1. С. 133.

Но настоящей творческой находкой Татищева стала фраза «Сего для людие поносят новгородцев: Путята крести мечем, а Добрыня огнем». Образцом ему опять-таки послужила ПВЛ, в которой поговорки «погибоша аки обре», «беда аки в Родне» и «пищаньцы волчья хвоста бегают» завершали краткие сообщения о нашествии авар, об осаде Родни и о походе на радимичей. Правда, сходство поговорок из ПВЛ с поговоркой из «Истории Иоакима» мнимое: если автор ПВЛ на основе поговорок пытался восстановить факты далекого прошлого, о которых уже мало кто хоть что-то помнил, то фраза о Путяте и Добрыне отсылала к событиям, случившимся на глазах у повествователя и только что во всех подробностях им описанным. Условный «Нестор» шел от поговорки к событию, Псевдо-Иоаким — от события к поговорке. Татищев, таким образом, совершенно не уловил смысл и значение использования поговорок летописцем. Тем не менее, стилизация оказалась на редкость удачной. Показательно, что даже Н. М. Карамзин, оценивавший татищевскую «Историю Иоакима» как «шутку», посчитал известие о крещении новгородцев «любопытным» и заметил: «жаль, что оно выдумка, основанная единственно на старинной пословице: “Путята крести мечом, а Добрыня огнем!”»²² — то есть, не поверив в известие, Карамзин поверил в поговорку и решил, что Татищев, подобно древнерусскому летописцу, додумал по ней историческое событие.

Однако ни в каких собраниях русских пословиц и поговорок XVIII–XIX столетий²³, в том числе, записанных самим Татищевым²⁴, крещение мечом и огнем не упоминается. Найти его можно лишь в одном-единственном сборнике середины XIX в., составленном Н. А. Добролюбовым²⁵, который был знаком с татищевским трудом и доверял рассказу о крещении новгородцев²⁶. То, что в сборнике фигурирует архаичная форма спряжения глагола «крестить» — «Путята крести» — подтверждает, что «народная пословица» списана Добролюбовым с «Истории Российской».

То, что Татищев задолго до «открытия» Псевдо-Иоакима знал выражение «огнем и мечом», явствует из его письма к Третьяковскому 18 февраля 1736 г., где о патриархе Никоне сказано: «не кротостию и учением, но мечом и огнем стал принуждать»²⁷ (здесь и далее курсив автора статьи). Вообще «мечом и огнем» — выражение не фольклорное, а чисто книжное, известное уже со времен античности. Татищев мог познакомиться с ним, например, из имевшегося в его библиотеке перевода «Истории Александра Великого Македонского» Квинта Куриция Руфа²⁸: в этой книге персидский наместник Киликии Арсан разоряет край «огнем и мечом», чтобы затруднить

²² Карамзин Н. М. История Государства Российского. Изд. 5-е. Кн. I. СПб., 1842. С. 126–127, прим. 463 к т. I.

²³ Курганов Н. Г. Российская универсальная грамматика, или Всеобщее писмословие. СПб., 1769. С. 109–125; Симоны П. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столетий // Сборник ОРЯС. Т. 66. СПб., 1900. С. 163–216; Западов А. Журнал М. Д. Чулкова «И то и се» и его литературное окружение // XVIII век. 1940. Вып. 2. С. 124–128; Барсов А. А. Собрание 4291 древних российских пословиц. СПб., 1770; Пословицы, поговорки и загадки XVIII–XX вв. М., Л., 1961; Пословицы русского народа. Сборник В. Даля. М., 1957; Буслав Ф. И. Исторические очерки русской народной поэзии и искусства. Т. 1. СПб., 1861. С. 78–136; Снегирев И. М. Русские народные пословицы и притчи. М., 1848.

²⁴ Пословицы, поговорки и загадки XVIII–XX вв. С. 47–64.

²⁵ Там же. С. 130.

²⁶ Добролюбов Н. А. Собрание сочинений: в 9-ти т. Т. 3: Статьи и рецензии. Июнь-декабрь 1858 г. М., Л., 1962. С. 319.

²⁷ Татищев В. Н. Записки. Письма. М., 1990. С. 226.

²⁸ Пекарский П. Новые известия о В. Н. Татищеве. СПб., 1864. С. 59. Впрочем, эту книгу Татищев получил от Шумахера довольно поздно — летом 1750 г. (Татищев В. Н. Записки. Письма. С. 411–412), когда «История Иоакима» уже была написана.

продвижение македонян²⁹. «Огонь и меч» можно найти и у древнерусских книжников³⁰. Но всего вероятнее, что фразу «мечом и огнем» Татищев позаимствовал у одного из своих любимых авторов — М. Стрыйковского.

Уже в сохранившихся примечаниях к самому раннему варианту своего труда («Древних российских летописцев вторая часть») Татищев, рассказывая о походе Ярослава Мудрого на Польшу, в примечании 145 цитирует польского историка: «Вот его [Стрыйковского] слова: “Ярослав пришел с войском, частью конным, частью на судах по Бугу, покорил много городов в Мазовии *огнем и мечом*, жителей пленил и, заселив города русскими, возвратился после того с богатой добычей”»³¹. Другой раз «огонь и меч» — и опять со ссылкой на Стрыйковского — появляются в примечании 172: «...Стрыйковский под 1079 годом пишет...: “Русские князья Владимир Новгородский, Давид и Олег переяславские (черниговские), Владимир перемышльский и Ярослав Ярополкович луцкий подыскали удобное время, пошли с войском, разделенным на 4 части, на Польшу во время короля Владислава Германа, брата Болеслава, и завоевали и опустошили Польшу *огнем и мечом* вплоть до Вислы”»³². Соответствующие места, включая выражение “*ogniem u mieczem*”, действительно читаются в хронике Стрыйковского³³. Без особых изменений Татищев воспроизвел эти цитаты в примечаниях к 1-й и 2-й редакциям³⁴.

Не в последнюю очередь занимательности татищевскому рассказу придает подробное описание беспорядков и боевых столкновений в Новгороде. Батальные сцены очень оживляют повествование, о чем Татищев, без сомнения, знал. Однако, занявшись изучением русских летописей, он мог воочию убедиться, что в них крайне редко приводятся какие-либо подробности о ходе сражений, особенно такие, которые представляли бы интерес для искушенного в тактических вопросах артиллериста и инженера просвещенного XVIII столетия — о численности войск, их расположении, вооружении, ходе сражения, маневрах, военных хитростях и т. д. Подобно Титу Ливию, Татищев охотно дополнял скудные известия о древних битвах, а порой придумывал и битвы небывалые. Так, он заставил Святослава в начале первой балканской кампании выдержать тяжелое сражение на Днестре, где ему противостояли болгары, хазары, ясы и касоги, а помогали венгры, и где победу Святославу принес обманчивый маневр³⁵. Реальную битву на Серете 1154 г. Татищев расцветил драматическими подробностями о приключениях Мстислава Изяславовича, которых не знает ни одна из настоящих летописей³⁶. Еще одно реальное боевое столкновение — князя

²⁹ Квинт Курций. О делах содеянных Александра Великого царя Македонского. СПб., 1724. С. 40.

³⁰ Например, в рассказе о походе Ивана III на Новгород архиеп. Феофил говорит великому князю: «меч твой и огонь ходит по Новгородской земле» (Лицевой летописный свод XVI века. Кн. 16: Русь, 1483–1491. М., 2022. С. 187).

³¹ Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен. Т. 7. М., 2018. С. 132, прим. 145.

³² Там же. С. 139, прим. 172.

³³ Strykowski M. *Kronika polska litewska, żmódzka u wszystkiej Rusi Kijowskiej, Moskiewskiej, Siewierskiej, Wołyńskiej, Podolskiej, Podgorskiej, Podlaskiej*. Królewiec, 1582, s. 177, 191.

³⁴ Татищев В. Н. История Российская... Т. 4. С. 554, прим. 179, С. 560, прим. 212; Там же. Т. 2. С. 310, прим. 245, С. 320, прим. 292. Любопытно, что в первой редакции цитаты из польской хроники даны в той же стилизованной под «древнее наречие» манере, что и весь текст («прииде», «ово», «пустошаху» и др.).

³⁵ Татищев В. Н. История Российская... Т. 2. С. 57. Все эти фантастические подробности появляются только во второй редакции. Нужно помнить, что Татищев полагал местом жительства хазар низовья Днестра и Днепра, а ясов помещал в Молдавии — отсюда и столь странный состав участников битвы.

³⁶ Татищев В. Н. История Российская... Т. 4. С. 315–316; Там же. Т. 3. С. 58–60.

Мстислава Ростиславовича с чудью — историограф дополнил известием о тысяцком Самце, совершившем рейд в тыл противника и *поджегшем* его села, что привело врага в замешательство и принесло победу³⁷. В полностью вымышленном сражении с болгарами святославов воевода Волк (если был воевода Волчий Хвост, то наверное же был и Волк) *поджигает* ночью Преславец, чтобы сбить с толку противника и обеспечить безопасный отвод вверенных ему частей³⁸.

Множить примеры нет необходимости. Важно лишь отметить, сколь охотно Татищев вводил в текст неизвестные аутентичным источникам тактические детали сражений. Не менее примечательна легкость, с которой герои Татищева в ходе битвы прибегали к поджогам. Примеры такого рода тактики Татищев мог найти в доступной литературе: например, в книге Мавро Орбини (ссылки на которого имеются и в примечаниях к «Истории Иоакима») пересказывалась легенда об амазонках, зажегших ночным нападением римский лагерь и сорвавших осаду Фессалоник³⁹.

Эта своеобразная «военная пиромания» прослеживается не только в исторических текстах Татищева, но и в его деловой документации и переписке. И огонь, и меч оказались очень востребованными, когда Татищев во главе Оренбургской комиссии подавлял очередное восстание башкир. В декабре 1737 г. на «генеральном собрании» в Самаре Татищев планирует предложить восставшим выдать своих вождей, в противном же случае «все тех волостей и родов, без всякого помилования, от войск Е. И. В-ва огнем и мечом сокрушены, и дети их в русские города развезены будут»⁴⁰. В своем наказе полковникам Арсеньеву и Толбузину от 8 марта 1736 г. он предписывал «смотреть накрепко, чтоб тех воров нигде никто не укрылся, но *всех предать мечу, а дома и сена пожечь*, только малых ребят, також девок и молодых баб допустить вывозить»⁴¹. В 1738 г. Татищев распорядился Тойгильду Жулякова «за то, что, крестясь, принял паки магометанский закон, — на страх другим, при собрании всех крещенных татар, сжечь»⁴². Это был далеко не единственный случай в царствование Анны Иоанновны, когда человека жгли за его веру, но тут инициатором аутодафе выступал рационалист и адепт Просвещения, что делает этот случай особо примечательным. Фактически Татищев, подобно героям своего нарратива, проводил насильственную христианизацию, буквально действуя «мечом и огнем».

Еще явственнее принудительное «миссионерство» видно в организованных Татищевым гонениях на уральских старообрядцев. В конце 1735 — начале 1736 г. посланные им команды разорили и пожгли десятки старообрядческих скитов, заимок и келий, около полутысячи человек были заточены по монастырям⁴³. Академик

³⁷ Татищев В. Н. История Российская... Т. 3. С. 161–162. Эта «хитрость», по определению самого Татищева, не читалась в первой редакции. В Воронцовском списке 2-й редакции в этом месте появляется знак вставки, но сам текст вставки отсутствует. Яркие подробности о рейде Самца по чудским тылам были внесены Татищевым позже и читались в печатном издании 1774 г. (Там же. Т. 3. С. 378, вар. 47–47).

³⁸ Татищев В. Н. История Российская... Т. 2. С. 60.

³⁹ Мавроурбин, архим. Рогожский. Книга историография початия имене, славы и разширения народа славянского. СПб., 1722. С. 122. Татищев критически отзывался о Мавро Орбини, но охотно ссылался на него, когда их мнения совпадали, например, — о славянстве амазонок или о происхождении имени славян от «славы» (Татищев В. Н. История Российская... Т. 1. С. 141, прим. 5, С. 409).

⁴⁰ Цит. по: Устюгов Н. В. Башкирское восстание 1737–1739 гг. М., Л., 1950. С. 87–88.

⁴¹ Материалы по истории Башкортостана. Т. VI. Уфа, 2003. С. 143–144.

⁴² Чупин Н. К. Сожжение на костре в Екатеринбурге в 1738 г. (Из дел Екатеринбургского горного архива // Русская старина. 1878. Т. XXIII. С. 311.

⁴³ Покровский Н. Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974. С. 89.

Н. Н. Покровский обоснованно видел «ироническую логику» в том, что одна из самых масштабных «выгонок» старообрядцев была организована «просвещеннейшим» борником государственного подхода и казенного интереса⁴⁴. Но этому есть простое объяснение. Будучи (по крайней мере на словах) религиозно терпимым, Татищев, однако же, был беспощаден к суеверию, а «раскольники», идущие на смерть «за бороду» и за сугубую аллилуйю, были в его глазах приверженцами самого что ни на есть дикого суеверия (по его собственному выражению — «пустоверцами»⁴⁵), и с ними можно и нужно было бороться.

В оправдание Татищева можно сказать, что, преследуя старообрядцев, он всего лишь следовал именному указу от 12 ноября 1735 г. Однако надо учитывать, что этот указ во многом был следствием его собственных донесений о ситуации с «раскольниками» и «беглыми» на Урале⁴⁶. «Пустоверцы», которые «за бороду жгутся», не могли возбуждать ни малейшего сочувствия в адепте петровского просвещения⁴⁷. Организованная Татищевым «выгонка» привела к возобновлению массовых самосожжений среди старообрядцев: 31 августа 1736 г. Толоконцевская гарь унесла жизни 75 человек. Для Татищева это могло послужить еще одним подтверждением суеверия и изуверства «раскольников», но для жертв его гонений это был «последний довод», который сработал: по выражению академика Н. Н. Покровского, Толоконцевская гарь «существенно повлияла на обстановку, затрудняя проведение Татищевым более широких и регулярных операций по искоренению старообрядчества»⁴⁸.

Что насильственное обращение в веру дает лишь преходящий эффект или не дает никакого — в этом Татищев мог убедиться на собственном опыте. На месте сожженных и разоренных скитов спустя короткое время появились новые. Большая часть арестованных старообрядцев, заточенных по монастырям, разбежалась. В том числе — и даже в первую очередь, поскольку их не так строго стерегли — бежали те, кто наружно принял официальную религию. Старая вера оказалась очень стройкой, а ее — последователи крайне упорными. Не этот ли опыт привел Татищева к довольно своеобразному представлению о ходе христианизации Руси, радикально отличающемуся от той картины, которая нарисована в аутентичных летописях?

Как в ПВЛ, так и в НПЛмл свет христианства проникает на Русь постепенно, медленно и неуклонно, от первого проблеска апостольского путешествия к предрассветным сумеркам крещения Ольги, через яркий рассвет при Владимире к цветущему полдню при Ярославе Мудром, когда стали умножаться черноризцы и монастыри. Распространение новой веры происходит без особых эксцессов, христиане и язычники мирно сосуществуют (как в рассказе о договоре Игоря с греками). Даже такой закоренелый язычник, как Святослав, не препятствует никому креститься и ограничивается всего-навсего насмешками. Гибель варяга-христианина и его сына в Киеве так и остается единственным эпизодом, когда противостояние христианства и язычества на Руси приняло насильственный характер. При Владимире сопротивление язычников сводится к комичным плачам по Перуну и по отдаваемым в учение детям.

В татищевской «Истории...» все гораздо драматичнее. Тут христианизация — это борьба, причем с переменным успехом и трагическими поворотами. Крещение Аскольда приводит к его предательскому убийству при содействии языческой партии⁴⁹.

⁴⁴ Там же. С. 68.

⁴⁵ Татищев В. Н. Записки. Письма. С. 211.

⁴⁶ Покровский Н. Н. Антифеодальный протест... С. 82.

⁴⁷ Татищев В. Н. Записки. Письма. С. 278.

⁴⁸ Покровский Н. Н. Антифеодальный протест... С. 104.

⁴⁹ Татищев В. Н. История Российская... Т. 2. С. 266, прим. 63.

Ольга отправляется в Царьград, потому что боится креститься в Киеве⁵⁰. Ее опасения небезосновательны: татищевский Святослав уже не смеется над христианами, а обрушивает на них прямо-таки «диоклетиановы» гонения, не щадя даже созданного татищевским воображением брата Глеба и грозясь по возвращении с Дуная разорить сжечь все христианские храмы⁵¹. Ярополк Святославич тайно симпатизирует христианству, но, по-видимому, недостаточно хорошо маскируется — его предают, он убит, на престол восходит ярый поборник язычества Владимир. Через некоторое время обстановка в очередной раз резко меняется — Владимир сам обращается в христианство, но при этом все равно не желает принимать крещение от базилиевсов, предпочитая давно к тому времени покойного царя Симеона Болгарского⁵². Таким образом, по Татищеву, одних только князей было умучено за веру целых трое — можно представить, сколь брутальным должно было быть противостояние! Кровавое столкновение Добрыни и Путяты с новгородскими язычниками органично вписывается в этот драматичный контекст. Фанатичные речи тысяцкого Угоняя («Лучше нам померети, неже боги наши дати на поругание») уместны только в «Истории Иоакима», в настоящих летописях они звучали бы диссонансом, — не меньшим, чем появление *верховного жреца* Богомила Соловья: реальные летописцы ничего не знали о языческих жрецах на Руси.

Личное участие в гонениях на старообрядцев и башкир, несомненно, помогло Татищеву создать художественно убедительную картину религиозной борьбы, но сама по себе татищевская концепция упорного противостояния язычества и христианства нуждается в ином, чисто источниковедческом объяснении. Наибольшее значение имеют поздние источники XVI–XVII вв., широко использованные Татищевым на всех этапах его работы над «Историей Российской».

М. Стрыйковский в своей «Хронике» указывал, что еще до Ольги «русаки» были крещены, но пребыли в истинной вере недолго; упоминал он (со ссылкой на Зонару) и о чуде неопалимого Евангелия⁵³. В предисловии к первым печатным изданиям Киево-Печерского Патерика (Татищев считал автором этого предисловия митр. Петра Могилу) говорилось о целых пяти крещениях (при апостоле Андрее, в 863 г. посредством миссии Кириллы и Мефодия, в 886 г. после чуда с Евангелием, при Ольге и при Владимире Святославиче)⁵⁴. О том, что «россы» многократно крестились до Владимира, сообщал и «Синописис» Гизеля⁵⁵. Татищев, с небольшими поправками⁵⁶, принял эту «пятичленку» и даже увечил число крещений до шести (за счет разделения второго крещения на «болгарское» и «моравское»⁵⁷), но понимал эту концепцию по-своему. Для издателей Киево-Печерского Патерика «многоступенчатое»

⁵⁰ Там же. Т. 1. С. 137.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же. С. 138.

⁵³ Strykowski M. *Kronika...* S. 142.

⁵⁴ *Paterikon, albo Żywoty ss. ojców Pieczerskich*. Kiiow, 1635, s. 11–13; Патерик или Отечник Печерский. Киев, 1661. С. 10–11. Татищев также ссылался на Кормчую (т. 1, с. 127), по-видимому, имея в виду издание 1653 г. с предисловием патр. Никона, где говорилось о четырех крещениях. Скорее всего, на Никона повлиял Захария Копыстенский, который тоже насчитывал четыре крещения, выделяя моравскую миссию особо (*Копыстенский З. Палинодия // РИБ. СПб., 1878. Т. IV. С. 969–973, 986–989*).

⁵⁵ Синописис, или краткое собрание от различных летописцев о начале славяно-русского народа и первоначальных князей богоспасаемого града Киева. Киев, 1680. С. 40–42.

⁵⁶ Так, Татищев ограничивал путешествие апостола Андрея по Руси только Киевом (без Новгорода), а крещение при «показанном чуде незгоревшаго евангелия» переносил с 886 на 867 г. (*Татищев В. Н. История Российская...* Т. 1. С. 128–129, 131).

⁵⁷ *Татищев В. Н. История Российская...* Т. 1. С. 129–130.

крещение опровергало домыслы католиков и униатов, будто Русь приняла христианство из Рима. Для Татищева же необходимость повторных крещений служила указанием на «незавершенность», «неполноту» крещений предыдущих, что можно было объяснить только упорным сопротивлением язычества. Похожее толкование многократного крещения вообще было распространено на заре становления российской историографии: так, составитель Латухинской Степенной книги 1676 г. (которой пользовался и Татищев⁵⁸) полагал, что первые четыре крещения «не укоренишася добре ради частых браней и князей поганых»⁵⁹.

В широко использованной Татищевым Никоновской летописи содержалась заимствованная из Хронографа 1512 г. история об обращении русов Аскольда после чуда неопалимого Евангелия⁶⁰. Схожую историю Татищев нашел у высоко ценимого им Барония⁶¹. Не верить в крещение Аскольда у Татищева оснований как будто не было. Чем же тогда объяснить, что «аскольдово крещение» не возымело никаких последствий, что в договоре Олега с греками русь противопоставляется христианам, а первые известия о киевских христианах относятся ко временам Игоря? Очевидно, языческая реакция сумела восторжествовать. Когда еще это могло произойти, как не при захвате Киева и убийстве Аскольда Олегом? Сама легкость, с которой Олегу удалось обмануть Аскольда — не связана ли она с происками языческой «пятой колонны»? И не выходит ли тогда, что Аскольда нужно считать мучеником за веру? Именно такое предположение выдвинул Татищев, а чудесно обретенная им «История Иоакима» это подтвердила — в ней Аскольд прямо назван «блаженным»⁶².

Далее, в ПВЛ имелся вымышленный диалог Ольги с патриархом, в котором она опасалась «поганства» своего сына и своих «людей», патриарх же ссылался на примеры Давида, Моисея, Лота, Ноя и проч., спасенных Божьим соизволением. С помощью этой беседы летописец старался объяснить, почему Ольга ограничилась личным крещением и не ввела христианство на всей Руси. Но при буквальном прочтении этот отрывок можно было бы принять за свидетельство о сильной и агрессивной языческой партии, заставляющей опасаться за свою жизнь саму киевскую княгиню. Татищев, по крайней мере, понял именно так, и потому в его «Истории Иоакима» Ольга до последнего таит свое стремление креститься, она не смеет сделать это и в Киеве, а в Царьград для крещения отправляется под фальшивым предлогом. В Воскресенской летописи, бывшей у Татищева (названной им «Нижегородским манускриптом»), равно как и в ряде других имевшихся у него летописей (Никоновской, НПЛмл) есть известие, что варяг-мученик, убитый вместе с сыном язычниками-киевлянам, еще до этого трагического события хранил свою веру в тайне⁶³ — значит, христианство в языческой Руси было гонимым, запрещенным, как и в языческом Риме, а это свидетельствует о жестком религиозном противостоянии. В имевшемся у Татищева труде

⁵⁸ Сиренов А. В. Степенная книга и русская историческая мысль XVI–XVIII веков. М., СПб., 2010. С. 485.

⁵⁹ Латухинская степенная книга. 1676 год. М., 2012. С. 108, л. 72 об.

⁶⁰ ПСРЛ. Т. 9: Летописный список именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000. С. 13; ПСРЛ. Т. 22: Русский Хронограф редакции 1512 года. СПб., 1911. С. 352–353, л. 165.

⁶¹ Бароний Ц. Деяния церковные и гражданские от Рождества Христова до 1198 лета. Кн. 3: Века IX–XII. М., 1915. С. 1015.

⁶² Татищев В. Н. История Российская... Т. 1. С. 137, 145, прим. 31.

⁶³ ПСРЛ. Т. 7: Летопись по Воскресенскому списку. СПб., 1856. С. 295; ПСРЛ. Т. 9. С. 41; ПСРЛ. Т. 3: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., Л., 1950. С. 130, л. 46. О тайном исповедании варяга-мученика говорилось и в Ипатьевской летописи (ПСРЛ. Т. 2: Ипатьевская летопись. М., 1962. С. 69, л. 32), но в ее Ермолаевском («Голицынском») списке, бывшем у Татищева, в этом месте был пропуск (Там же. Приложение. С. 6).

С. Пуфендорфа⁶⁴ рассказывалось, что римские императоры возлагали на христиан ответственность за военные неудачи⁶⁵; неудивительно, что и татищевский Святослав связывал понесенные им тяжелые потери с гневом «лжебогов» на христиан⁶⁶. У Пуфендорфа стойкость христиан еще больше усиливала ярость императоров⁶⁷ — у Татищева Святослав, «видя их [христиан] непокорение, наипаче на презвитеры яряся, якобы тии чарованием неким людем отврасчают и в вере их утверждают»⁶⁸.

Был у Татищева и подходящий пример из славянской истории. В имевшимся у него переводе Гельмгольдовой хроники, выполненном в 1736 г. К. А. Кондратовичем⁶⁹, рассказывалось об упорном язычестве руян: вскоре после первого своего крещения они восстают, изгоняют священников, а святого Витта начинают почитать как божество Святовита, которому даже приносят человеческие жертвы. В другом месте той же хроники рассказывалось, как полабские славяне вернулись к язычеству после 70 лет пребывания в христианстве⁷⁰. Татищев, как и многие последующие российские историки, не всегда отделял историю России от истории славянства и некоторые явления, присущие западным и южным славянам, со спокойной совестью экстраполировал на славян восточных. В данном случае восточным славянам был приписан языческий фанатизм, свойственный некоторым полабским племенам.

Всем этим Татищев был подготовлен к тому, чтобы увидеть в доступных ему источниках свидетельства массового сопротивления крещению Руси при Владимире. Правда, относительно Киева все летописи ограничивались невнятными и невыразительными оплакиваниями Перуна — по домыслу Псевдо-Иоакима, «люди невернии вельми о том скорбяху и роптаху, но отрицатися воев ради не смеяху». Иное дело Новгород. В примечаниях к «Истории Иоакима» Татищев писал: «Яко Нестор сказует, Иоаким послан был в Новгород з Добрынею, не упоминая Путяты, ни обстоятельства крещения. В Крекшина манускрипте *обстоятельства с противностью новгородцев нечто сему согласно, но кратко и баснословно о идоле Перуне описано*, якобы, когда оный ломали и тасчили, рыдал и противился. А в Ростовской есче прибавлено, якобы *Перун палицу, имевшую в руке его, на мост бросил сказав, что торговцы з горожаны всегда будут драться*. В Степенной сия басня расположена и к наказанию их царем Иоанном II-м соглашена, ч. II, н. 581. Что можно в пример суеверным иметь, которые таким нечувственным весчам провесчания вымышляют или верят, гл. 2». Фрагмент сопровождался маргиналиями «Перуна противность» и «Палица Перуна»⁷¹.

Как установил А. П. Толочко, под «крекшинским манускриптом» Татищев подразумевал Чертковский список Владимирского летописца⁷². В нем действительно сказано: «Иде Иаким владыка в Новгород и крестивъ новгородцев. И прииде в Новгород архиепископ Аким и требища их разори и Перуна посече и повеле въврещи в Волхлв и волоча биюще его. И в то время вшед в Перуна бес, глаголя: „о горе, ох достался немилостивым рукам“. И вринуша его в Волхов; онъ же плотя сквозе мост и верже палицу свою: „на сем мя поминают новгородские сие дети, юже ныне беется на мосту

⁶⁴ Пекарский П. Новые известия... С. 62.

⁶⁵ Pufendorf S. von. *Einleitung zu der Historie der Vornehmsten Reiche und Staaten*. Frankfurt (Main), 1682. S. 742.

⁶⁶ Татищев В. Н. История Российская... Т. 1. С. 137.

⁶⁷ Pufendorf S. von. *Einleitung zu der Historie...* S. 743.

⁶⁸ Татищев В. Н. История Российская... Т. 1. С. 137.

⁶⁹ Там же. С. 616, прим. Р.

⁷⁰ Гельмольд из Босау. Славянская хроника // Адам Бременский, Гельмольд из Босау, Арнольд Любекский. Славянские хроники. М., 2011. С. 160–161, 172–173.

⁷¹ Татищев В. Н. История Российская... Т. 1. С. 147.

⁷² Толочко А. П. «История Российская»... С. 65–68.

безумными бесу утеху творят⁶⁴. И архиепископъ Аким нача ставити церкви, попы и диаконы⁷³. В Степенной книге Иоаким отправляется в Новгород в сопровождении Добрыни, Анастаса Корсунянина и посланного патр. Фотием (sic) митр. Михаила, завершившего обращение новгородцев проповедью; сообщение о боях новгородцев на мосту дополнено известием, что они делают это в праздники и бьются «древянным ослопием» несмотря на неоднократные запреты «святителей». Фигурирует там и легенда о «Видьблянине», который оттолкнул Перуна от берега шестом со словами «Уже ты, небоже Перушица, довольно ты zde чтим был и до сытости хлеба ял. Ныне же иди от града сего лишен света во тьму кромешную»⁷⁴. Попытки идентифицировать татищевскую Ростовскую летопись оказались безрезультатными⁷⁵, но о перуновой палице сообщалось в другой летописи, бывшей в распоряжении Татищева — Воскресенской («Нижегородской»)⁷⁶; неясно, почему Татищев не сослался на нее, но его манера давать ссылки вообще довольно непоследовательна: так, о Перуне в Волхове сообщалось не только в «манускрипте Крекшина» и Степенной книге, но и в НПЛмл («летописи попа Иоанна»), содержащей также известие об отталкивании Перуна от берега шестом⁷⁷, а о перуновой палице, как мы видели, «добавлено» не только в Степенной книге, но в «крекшинском манускрипте»; видимо, Татищев при ссылках порой излишне полагался на свою память.

Перунова палица произвела большое впечатление на Татищева. С этой легендой он увязывал попытку сбросить с волховского моста посадника Дмитрия Мирошкинича и новгородский погром Ивана Грозного («наказанию их царем Иоанном II-м»)⁷⁸. Происхождение и обоснованность такого сопоставления — тема, выходящая за рамки настоящей статьи. Важнее, что Татищев поместил легенду о палице в комментариях к рассказу о крещении новгородцев и посчитал ее, наряду с сообщением о «рыдающем» Перуне, согласной «с противностью новгородцев». Это указывает на исходный пункт татищевской «реконструкции», породившей в итоге столь занимательный нарратив.

Татищев нередко истолковывал «баснословные» летописные рассказы наивно-рационалистически. Так, чудо с прозрением ослепленных Всеволодом Большим Гнездом князей он объяснил тем, что ослепление было лишь инсценировкой для успокоения раздраженного народа, причем представил свое толкование не только в примечаниях, но и в виде летописного текста⁷⁹. Столкнувшись с рассказом о «рыдающем» идоле, кидающем палицу на мост, Татищев счел это легендарным отражением реального события. Такого рода подход к источникам соответствовал его стремлению при работе над второй редакцией своей «Истории» расцветить ее живописными подробностями из поздних источников («от разных русских историй, яко степенных, хронографов, миней и прологов, изъяснить»⁸⁰). В Хронографе редакции 1512 г. и в Никоновской летописи, вследствие неумелой компиляции, о крещении Новгорода говорилось дважды⁸¹, что могло навести на мысль об упорном сопротивлении крещению; сообщение о «рыдании» Перуна, о его попытках пристать к берегу,

⁷³ ПСРЛ. Т. 30: Владимирский летописец. Новгородская вторая (Архивская) летопись. М., 2009. С. 38, л. 52 об., прим. 1–9.

⁷⁴ ПСРЛ. Т. 21: Степенная книга царского родословия. Ч. 1. СПб., 1908. С. 109–110, л. 203 об.–204.

⁷⁵ Толочко А. П. «История Российская»... С. 84.

⁷⁶ ПСРЛ. Т. 7. С. 313.

⁷⁷ ПСРЛ. Т. 3. С. 159–160, л. 68 об.

⁷⁸ Татищев В. Н. История Российская... Т. 3. С. 243, 347, прим. 581.

⁷⁹ Татищев В. Н. История Российская... Т. 4. С. 386, 591, прим. 375.

⁸⁰ Татищев В. Н. История Российская... Т. 1. С. 111.

⁸¹ ПСРЛ. Т. 9. С. 63, 65; ПСРЛ. Т. 22. С. 367, л. 188–188 об.

о брошенной палице и вызванных ею боях на мосту при таком настрое вполне можно было счесть за искаженные воспоминания о насильственном крещении. Об архиепископе Иоакиме, идоле и палице Перуна сообщалось (со ссылкой на Герберштейна) и в «польских историях» (например, у Стрыйковского⁸²), которые, как считал Татищев, опирались на древнерусские источники⁸³. Это укрепляло Татищева в уверенности, что при крещении Руси на берегах Волхова произошли драматические события, которые он, опираясь на исторические познания и собственный жизненный опыт, попытался восстановить.

Из Степенной книги и Хронографа редакции 1512 г. Татищев позаимствовал известие об участии в крещении Добрыни (это явно было домыслено по образцу ПВЛ, где Владимир после вокняжения в Киеве посылал Добрыню устанавливать в Новгороде идол Перуна — «логично» было поручить Добрыне и его низвержение). Появление в рассказе героя эпоса вызвало ассоциации с другим былинным персонажем — Путятой. Главный антагонист — «сладкоречивый» языческий жрец — получил псевдославянское «говорящее» имя — Богомил, дополненное взятым опять же из былин именем «Соловей». Но если возможен человек с именем Соловей, то чем плох Воробей? Это имя досталось в Воронцовском списке новгородскому посаднику (в Академическом именно он был Соловьем⁸⁴). Забавное имя тысяцкого — Угоняй — было взято из повести о Холопьем граде⁸⁵. Так были сконструированы главные персонажи рассказа, дополненные пришедшим из НПЛмл Иоакимом Корсунянином.

Упоминание о волховском мосте, куда упала палица Перуна, указало Татищеву место, где начались столкновения, а его собственный опыт артиллериста и военачальника подсказал, как «следовало бы строить оборону Софийской стороны от наступающего с Торговой стороны неприятеля: разрушить один-два пролёта моста, а на оставшуюся часть выкатить пару пушек»⁸⁶; за неимением пушек сгодились «самострелы», замененные в Воронцовском списке на «пороки». Впрочем, готовые образцы для описания внутригородских противостояний Татищев мог найти и в летописях. Например, в манускрипте «попа Иоанна» (НПЛмл) под 6867 г. рассказывалось о «великом мятеже», в ходе которого жители Словенского конца «переметали» мост, чтобы не пустить на Торговую сторону своих противников со стороны Софийской⁸⁷.

Наличие ростовцев в отряде Путяты объясняется тем, что в ряде поздних источников (Владимирском летописце, Никоновской летописи, также в Степенной книге) крещение Владимиро-Суздальской земли предшествует приходу Иоакима в Новгород; летописцы ставили на первое место Владимир и Суздаль, но Татищев знал, что во времена Владимира Святого ведущим городом в том крае был Ростов — недаром именно он достался в удел Ярославу Мудрому. Малочисленность отряда Путяты должна была объяснить дерзость новгородцев (ведь, по Татищеву, многие терпели насильственное крещение «воев ради»). Лично посылая воинские команды против численно превосходящего неприятеля, Татищев хорошо знал эффективный тактический прием, к которому прибегнул и Добрыня — «повеле у берега некие дома зажегши». Чтобы облегчить Добрыне принятие столь радикального решения, Татищев переработал первоначальный текст «Истории Иоакима», заставив новгородцев убить жену Добрыни⁸⁸.

⁸² Strykowski M. *Kronika...* S. 141.

⁸³ Татищев В. Н. *История Российская...* Т. 1. С. 151, п. 5.

⁸⁴ Моргайло В. М. *Работа В. Н. Татищева...* С. 264.

⁸⁵ Татищев В. Н. *История Российская...* Т. 1. С. 374, п. 10.

⁸⁶ Горovenko A. V. *Рассказ Иоакимовской летописи...* С. 10.

⁸⁷ ПСРЛ. Т. 3. С. 366, л. 218 об.

⁸⁸ Моргайло В. М. *Работа В. Н. Татищева...* С. 262.

В ПВЛ рассказывалось о массовом крещении киевлян в реке. Татищев перенес процедуру с Днепра на Волхов, предусмотрительно распорядившись, дабы не нарушать приличий, крестить «мужи выше моста, а жены ниже моста». Заодно историограф воспользовался случаем, чтобы аутентизировать еще одну свою гипотезу: Иоаким якобы велел всем уже крещеным надевать «кресты на шею», а Владимир распространил это по всей Руси, «чтоб кто от крещения не отлыгался»⁸⁹ (Татищев полагал, что ношение нательных крестов «нигде у христиан, кроме Руси, нас, не употреблено»). Можно догадываться, что во время организованной им «выгонки» старообрядцев Татищев много бы дал за подобный простой способ выявления «уклонистов». В этой подробности, как и во многих других чертах рассказа о крещении новгородцев, видны «черты, избличающие современника». И именно такого рода подробности придали татищевскому нарративу ту художественную убедительность, которая подкупает уже не одно поколение исследователей, заставляя их вновь и вновь подыскивать аргументы в пользу аутентичности заведомого апокрифа.

Приходится признать, что академик А. А. Шахматов все-таки был прав: «История Иоакима» действительно была написана современником и даже участником событий. Только события эти относились не к X, а к XVIII в., и современником их был не еп. Иоаким Корсунянин, а тайный советник Василий Никитич Татищев.

Источники и литература

Источники

1. Бароний Ц. Деяния церковные и гражданские от Рождества Христова до 1198 лета. Кн. 3: Века IX–XII. М., 1915.
2. Гельмольд из Босау. Славянская хроника // Адам Бременский, Гельмольд из Босау, Арнольд Любекский. Славянские хроники. М.: Русская панорама, 2011. С. 151–304.
3. Квинт Курций. О делах содеянных Александра Великого царя Македонского. СПб., 1724.
4. Копыстенский З. Палинодия // Русская историческая библиотека. СПб., 1878. Т. IV. С. 313–1200.
5. Курганов Н. Г. Российская универсальная грамматика, или Всеобщее писмословие. СПб., 1769.
6. Латухинская степенная книга. 1676 год. М.: Языки славянской культуры, 2012.
7. Лицевой летописный свод XVI века. Кн. 16: Русь, 1483–1491. М., 2022.
8. Мавроурбин, архим. Рогожский. Книга историография початия имене, славы и расширения народа славянского. СПб., 1722.
9. Материалы по истории Башкортостана. Т. VI. Уфа: Китап, 2003.
10. Патерик или Отечник Печерский. Киев, 1661.
11. ПСРЛ. Т. 2: Ипатьевская летопись. М.: Изд-во восточной литературы, 1962.
12. ПСРЛ. Т. 3: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1950.
13. ПСРЛ. Т. 7: Летопись по Воскресенскому списку. СПб., 1856.
14. ПСРЛ. Т. 9: Летописный список именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М.: Языки русской культуры, 2000.

⁸⁹ Татищев В. Н. История Российская... Т. 1. С. 147, прим. 46.

15. ПСРЛ. Т. 21: Степенная книга царского родословия. Ч. 1. СПб., 1908.
16. ПСРЛ. Т. 22: Русский Хронограф. Ч. 1: Хронограф редакции 1512 года. СПб., 1911.
17. ПСРЛ. Т. 30: Владимирский летописец. Новгородская вторая (Архивская) летопись. М., 2009.
18. Сборник Русского Исторического Общества. Т. 126. Юрьев, 1907.
19. Синописис, или краткое собрание от различных летописцев о начале славяно-русского народа и первоначальных князей богоспасаемого града Киева. Киев, 1680.
20. Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен: в 7-ми томах. Т. 1–4. М.: Академический проект, 2016–2017.
21. Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен: в 7-ми томах. Т. 7. М.: Академический проект, 2018.
22. *Paterikon, albo Żywoty ss. ojców Pieczerskich*. Kiiow, 1635.
23. Pufendorf S. von. *Einleitung zu der Historie der Vornehmsten Reiche und Staaten*. Frankfurt (Main), 1682.
24. Strykowski M. *Kronika polska litewska, żmódzka y wszyskiej Rusi Kijowskiej, Moskiewskiej, Siewierskiej, Wołyńskiej, Podolskiej, Podgorskiej, Podlaskiej*. Królewiec, 1582.

Литература

25. Азбелев С. Н. Новгородские летописи XVII в. Новгород, 1960.
26. Азбелев С. Н. К изучению Иоакимовской летописи // Новгородский исторический сборник. 2003. Вып. 9 (19). С. 5–27.
27. Алексеев С. В. Источники Иоакимовской летописи // Историческое обозрение. Вып. 3. М., 2002. С. 18–20.
28. Барсов А. А. Собрание 4291 древних российских пословиц СПб., 1770.
29. Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной поэзии и искусства. Т. 1. СПб., 1861.
30. Голубинский Е. Е. О так называемой Иоакимовской летописи Татищева // Прибавления к изданию творений Святых Отцев в русском переводе. 1881. Ч. 28. С. 602–640.
31. Горовенко А. В. Рассказ Иоакимовской летописи о крещении новгородцев: могут ли данные археологии опровергнуть текстологические выводы? // Valla. 2018. Т. 4, № 5. С. 1–16.
32. Добролюбов Н. А. Собр. соч.: в 9-ти томах. Т. 3: Статьи и рецензии. Июнь–декабрь 1858 г. М., Л.: Гос. изд-во художественной литературы, 1962.
33. Западов А. Журнал М. Д. Чулкова «И то и се» и его литературное окружение // XVIII век. 1940. Вып. 2. С. 95–141.
34. Карамзин Н. М. История Государства Российского. Изд. 5-е. Кн. I. СПб., 1842.
35. Моргайло В. М. Работа В. Н. Татищева над текстом Иоакимовской летописи // Археографический ежегодник за 1962 г. М., 1963. С. 260–268.
36. Пекарский П. Новые известия о В. Н. Татищеве. СПб., 1864.
37. Покровский Н. Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск: Наука, 1974.
38. Попов Н. А. Татищев и его время М., 1861.
39. Пословицы, поговорки и загадки XVIII–XX вв. М., Л., 1961.
40. Пословицы русского народа. Сборник В. Даля. М.: Гослитиздат, 1957.
41. Свердлов М. Б. Василий Никитич Татищев — автор и редактор «Истории Российской». СПб.: Европейский дом, 2009.
42. Симони П. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столетий // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. 66. СПб., 1900.

43. Сиренов А. В. Степенная книга и русская историческая мысль XVI–XVIII веков. М., СПб.: Альянс-Архео, 2010.
44. Снегирев И. М. Русские народные пословицы и притчи. М., 1848.
45. Соловьев С. М. Сочинения: в 18-ти книгах. Кн. 1, т. 1–2. М.: Мысль, 1988.
46. Татищев В. Н. Записки. Письма. М.: Наука, 1990.
47. Тихомиров М. Н. О русских источниках «Истории Российской» // Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен: в 7-ми томах. Т. 1. М.: Академический проект, 2016.
48. Толочко А. П. «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. М.: Новое литературное обозрение; Киев: Критика, 2005.
49. Устюгов Н. В. Башкирское восстание 1737–1739 гг. М., Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950.
50. Чупин Н. К. Сожжение на костре в Екатеринбурге в 1738 г. (Из дел Екатеринбургского горного архива // Русская старина. 1878. Т. XXIII. С. 309–313.
51. Шахматов А. А. Общерусские летописные своды XIV и XV вв. // Журнал Министерства народного просвещения. 1900. Т. 332, ноябрь.
52. Янин В. Л. Когда и как крестили новгородцев // Наука и религия. 1983. № 11. С. 27–31.
53. Янин В. Л. Летописные рассказы о крещении новгородцев (о возможном источнике Иоакимовской летописи) // Русский город. 1984. Вып. 7. С. 40–56.

Sources and References

Sources

1. Baronius C. *Deyaniya cerkovnye i grazhdanskie ot Rozhdestva Hristova do 1198 leta [Ecclesiastical and civil acts from the Birth of Christ to the summer of 1198]*, book 3: 9th–12th centuries. Moscow, 1915. (In Russian)
2. Helmold of Bosau. *Chronica Slavorum*. In: Adam of Bremen, Helmold of Bosau, Arnold of Lübeck. *Slavyanskije hroniki*. Moscow, Russkaya panorama Publ., 2011, p. 151–304. (In Russian)
3. Kopystensky Z. *Palinodiya. Russkaya istoricheskaya biblioteka*. St. Petersburg, 1878, vol. IV, p. 313–1200. (In Old-Russian)
4. Kurganov N. G. *Rossijskaya universal'naya grammatika, ili Vseobshchee pismoslovie [Russian universal grammar, or universal writing]*. St. Petersburg, 1769. (In Russian)
5. *Latuhinskaya stepennaya kniga. 1676 god [Latuchin's Book of Royal Degrees. Year 1676]*. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2012. (In Old-Russian)
6. *Litvoy letopisny svod 16 veka [Illustrated Chronicle of the 16th century]*, book 16: Rus', 1483–1492. Moscow, 2022. (In Old-Russian)
7. *Materialy po istorii Bashkortostana [Materials on the history of Bashkortostan]*, vol. 6. Ufa, Kitap Publ., 2003. (In Russian)
8. Mavro Orbini. *Kniga istoriografiya pochatiya imene, slavy i razshireniya naroda slavyanskogo [The Book of the Origin, Glory, and Expansion of the Slavic People]*. St. Petersburg, 1722. (In Russian)
9. *Paterik ili Otechnik Pecherskij [Kyiv Caves Patericon]*. Kiev, 1661. (In Old-Russian)
10. *Paterikon, albo Żywoty ss. ojców Pieczerskich [Kyiv Caves Patericon]*. Kiiow, 1635. (In Polish)
11. *Polnoye sobraniye russkikh letopisey [Complete Collection of Russian Chronicles]*, vol. 2: Ipatiev Chronicle. Moscow, Vostochnaya literature Publ., 1962. (In Old-Russian)

12. *Polnoye sobraniye russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles], vol. 3: Novgorod First Chronicle. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Press, 1950. (In Old-Russian)
13. *Polnoye sobraniye russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles], vol. 7: Chronicle according to the Voskresensky list. St. Petersburg, 1856. (In Old-Russian)
14. *Polnoye sobraniye russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles], vol. 9: Chronicle collection, called the Patriarchal or Nikon Chronicle. Moscow, Yaziki russkoy kul'turi Publ., 2000. (In Old-Russian)
15. *Polnoye sobraniye russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles], vol. 21: Steppennaja kniga carskogo rodoslovija [Degree book of the royal genealogy], part 1. St. Petersburg, 1908. (In Old-Russian)
16. *Polnoye sobraniye russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles], vol. 22: Russian Chronograph, part 1: The Chronograph of 1512. St. Petersburg, 1911. (In Old-Russian)
17. *Polnoye sobraniye russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles], vol. 30: Vladimir Chronicler. Novgorod Second (archival) Chronicle. Moscow, 2009. (In Old-Russian)
18. Pufendorf S. von. *Einleitung zu der Historie der Vornehmsten Reiche und Staaten* [Introduction to the history of the most distinguished empires and states]. Frankfurt (Main), 1682. (In German)
19. Quintus Curtius Rufus. *O delah sodeyannyh Aleksandra Velikogo carya Makedonskogo* [Histories of Alexander the Great]. St. Petersburg, 1724. (In Russian)
20. *Sbornik Russkogo Istoricheskogo Obshchestva* [Collection of the Russian Historical Society], vol. 126. Yuryev, 1907. (In Russian)
21. *Sinopsis, ili kratkoe sobranie ot razlichnyh letopiscev o nachale slavyano-rossijskogo naroda i pervonachal'nyh knyazej bogospasaemogo grada Kieva* [Synopsis, or a brief collection from various chroniclers about the beginning of the Slavic-Russian people and the original princes of the God-protected city of Kiev]. Kiev, 1680. (In Old-Russian)
22. Strykowski M. *Kronika polska litewska, żmódzka y wszyskiej Rusi Kijowskiej, Moskiewskiej, Siewierskiej, Wołyńskiej, Podolskiej, Podgorskiej, Podlaskiej* [Polish Chronicle of Lithuania, Żmódzkie and all Rus' Kiev, Moscow, Siewierskie, Wołyńska, Podolskie, Podgorskie, Podlaskie]. Królewiec, 1582. (In Polish)
23. Tatischev V. N. *Istorija Rossijskaja s samyh drevnejshih vremen* [Russian history from the most ancient times], in 7 vols, vol. 1–4. Moscow, Akademicheskij proekt Publ., 2016–2017. (In Russian)
24. Tatischev V. N. *Istorija Rossijskaja s samyh drevnejshih vremen* [Russian history from the most ancient times], in 7 vols, vol. 7. Moscow, Akademicheskij proekt Publ., 2018. (In Russian)

References

25. Azbelev S. N. *Novgorodskie letopisi 17 v.* [Novgorod chronicles of the 17th century]. Novgorod, 1960. (In Russian)
26. Azbelev S. N. K izucheniyu Ioakimovskoj letopisi [To study the Joachim Chronicle]. *Novgorodskij istoricheskij sbornik*, 2003, vol. 9 (19), p. 5–27. (In Russian)
27. Alekseev S. V. Istochniki Ioakimovskoj letopisi [Sources of the Joachim Chronicle]. *Istoricheskoe obozrenie*, issue 3. Moscow, 2002, p. 18–20. (In Russian)
28. Barsov A. A. *Sobranie 4291 drevnih rossijskikh poslovic* [Collection of 4291 ancient Russian proverbs]. St. Petersburg, 1770. (In Russian)
29. Buslaev F. I. *Istoricheskie ocherki russkoj narodnoj poezii i iskusstva* [Historical essays of Russian folk poetry and art], vol. 1. St. Petersburg, 1861. (In Russian)
30. Golubinsky E. E. O tak nazyvaemoj Ioakimovskoj letopisi Tatischeva [About the so-called Ioakimov chronicle of Tatischev]. *Pribavleniya k izdaniyu tvorenij Svyatyh Otcev v russkom perevode*, 1881, part 28, p. 602–640. (In Russian)

31. Gorovenko A. V. Rasskaz Ioakimovskoj letopisi o kreshchenii novgorodcev: mogut li dannye arheologii opроверgnut' tekstologicheskie vyvody? [The story of the Joachim Chronicle about the baptism of the Novgorodians: can archaeological data refute textual conclusions?]. *Valla*, 2018, vol. 4, no. 5, p. 1–16. (In Russian)
32. Dobrolyubov N. A. *Sobranie sochinenij* [Collected works], in 9 vols, vol. 3: Articles and reviews. June–December 1859. Moscow, Leningrad, 1962. (In Russian)
33. Zapadov A. Zhurnal M. D. Chulkova “I to i se” i ego literaturnoe okruzenie [Chulkov’s magazine “Both this and that” and its literary environment]. *The 18th Century*, 1940, issue 2, p. 95–141. (In Russian)
34. Karamzin N. M. *Istoriya Gosudarstva Rossijskogo* [History of the Russian State], 5th ed., book I. St. Petersburg, 1842. (In Russian)
35. Morgajlo V. M. Rabota V. N. Tatishcheva nad tekstom Ioakimovskoj letopisi [Tatishchev’s work on the text of the Joachim Chronicle]. *Arheograficheskij ezhegodnik za 1962 g.* Moscow, 1963, p. 260–268. (In Russian)
36. Pekarskij P. *Novye izvestija o Tatishcheve* [New messages about Tatishchev]. St Petersburg, 1864. (In Russian)
37. Pokrovskij N. N. *Antifeodal’nyj protest uralo-sibirskih krest’yan-starobryadcev v 18 v.* [The anti-feudal protest of the Ural-Siberian peasants of the Old Believers in the 18th century]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1974. (In Russian)
38. Popov N. A. *Tatishchev i ego vremena* [Tatishchev and his time]. Moscow, 1861. (In Russian)
39. *Posloviy, pogovorki i zagadki 18–20 vv.* [Proverbs, sayings and riddles of the 18–20th centuries]. Moscow, Leningrad, 1961. (In Russian)
40. *Posloviy russkogo naroda. Sbornik V. Dal’ya* [Proverbs of the Russian people. Vladimir Dal’s Collection]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1957. (In Russian)
41. Sverdlov M. B. *Vasilij Nikitich Tatishchev — avtor i redaktor “Istorii Rossijskoj”.* [Vasily Nikitovich Tatishchev as the author and editor of “The History of the Russian”]. St. Peterburg, Evropejskij dom Publ., 2009. (In Russian)
42. Simoni P. Starinnye sborniki russkih poslovic, pogovorok, zagadok i proch. 17–19 st. [Ancient collections of Russian proverbs, sayings, riddles, etc. 17–19 centuries]. *Sbornik otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoj Akademii Nauk*, vol. 66. St. Petersburg, 1900. (In Russian)
43. Sirenov A. V. *Stepennaja kniga i russkaja istoricheskaja mysl’ 16–18 vekov* [Degree book and Russian historical thought of the 16th–18th centuries]. Moscow, St. Petersburg, Al’jans-Arheo Publ., 2010. (In Russian)
44. Snegirev I. M. *Russkie narodnye posloviy i pritchi* [Russian folk proverbs and parables]. Moscow, 1848. (In Russian)
45. Solovyov S. M. *Sochinenija* [Works], in 18 books, book 1, vo1. 1–2. Moscow, Mysl’ Publ., 1988. (In Russian)
46. Tatishchev V. N. *Zapiski. Pis’ma* [Notes and letters]. Moscow, Nauka Publ., 1990. (In Russian)
47. Tolochko A. P. “Istorija Rossijskaja” Vasilija Tatishcheva: istochniki i izvestija [“Russian History” by Vasily Tatishchev: sources and messages]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ.; Kyiv, Kritika Publ., 2005. (In Russian)
48. Tikhomirov M. N. O russkih istochnikah “Istorii Rossijskoj” [About the Russian sources of the “Russian History”]. *Tatishchev V. N. Istorija Rossijskaja s samyh drevnejshih vremen* [Russian history from the most ancient times], in 7 vols, vol. 1. Moscow, Akademicheskij proekt Publ., 2016. (In Russian)
49. Ustyugov N. V. *Bashkirskoe vosstanie 1737–1739 gg.* [Bashkir uprising of 1737–1739]. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Press, 1950. (In Russian)
50. Chupin N. K. Sozhzhenie na kostre v Ekaterinburge v 1738 g. (Iz del Ekaterinburgskogo gornogo arhiva [Burning at the stake in Yekaterinburg in 1738 (From the files of the Yekaterinburg Mining Archive)]. *Russkaya starina*, 1878, vol. XXIII, p. 309–313. (In Russian)

51. Shakhmatov A. A. Obshcherusskie letopisnye svody 14 i 15 vv. [All-Russian chronicle vaults of the 14th and 15th centuries]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*, 1900, vol. 332, November. (In Russian)

52. Yanin V. L. Kogda i kak krestili novgorodcev [When and how the Novgorodians were baptized]. *Nauka i religiya*, 1983, no. 11, p. 27–31. (In Russian)

53. Yanin V. L. Letopisnye rasskazy o kreshchenii novgorodcev (o vozmozhnom istochnike Ioakimovskoj letopisi). [A chronicle story about the baptism of the Novgorodians (about a possible source of the Joachim chronicle)]. *Russkij gorod*, 1984, issue 7, p. 40–56. (In Russian)

А. С. Королев

**Муравленин, Моровлин, Муромец:
к проблеме происхождения прозвища Ильи**

УДК 821.161.1:398.2:930.23:94(47)(093)
DOI 10.47132/2618-9674_2025_3_31
EDN XUVMGD

Аннотация: Образ могучего русского героя Ильи впервые зафиксирован в западноевропейских источниках XIII в. — в «Саге о Тидреке Бернском», основанной на нижне-немецких сказаниях, и в верхненемецкой поэме «Ортнит», в которых одним из персонажей является знатный русский по имени Илиас, совершающий воинские подвиги. То, что мы имеем дело со своеобразным откликом на русский фольклор, сомнений не вызывает. Самые ранние известные упоминания Ильи в качестве знаменитого былинного богатыря относятся ко второй половине XVI в. и происходят из западно-русских земель. В первом случае это Орша (1574 г.) — упоминается богатырь «Илия Муравленин». Во втором это Киев (1594 г.) — богатырь «Elia Morowlin». Исследователи давно пытаются выяснить происхождение и разгадать значение прозвища Ильи Муравленин/Morowlin, считая его предшествующим Муромцу. В тексте статьи даны краткий обзор мнений исследователей и вариант решения проблемы, для чего предлагается установить, как в западнорусских землях в XVI в. именовался великорусский город Муром.

Ключевые слова: Илья Муромец, Илиас Русский, былины, Муравленин, Моровлин, муромлянин.

Об авторе: **Александр Сергеевич Королев**

Кандидат исторических наук, доцент департамента истории института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета.

E-mail: koryuz@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0072-7416>

Для цитирования: Королев А. С. Муравленин, Моровлин, Муромец: к проблеме происхождения прозвища Ильи // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2025. № 3 (31). С. 31–55.

Статья поступила в редакцию 02.04.2025; одобрена после рецензирования 03.07.2025; принята к публикации 21.07.2025.

Alexander Korolev

**Muravlenin, Morowlin, Muromets:
on the Origin of Ilya’s Nickname**

UDK 821.161.1:398.2:930.23:94(47)(093)
DOI 10.47132/2618-9674_2025_3_31
EDN XUVMGD

Abstract: The image of the Russian hero Ilya was first recorded in Western European sources in the 13th century – in the “Thidhrekssaga” based on Low German legends, and in the High German poem “Ortnit”, where one of the characters is a noble Russian named Ilias who performs military feats. There is no doubt that this is some kind of a unique echo of Russian folklore. The earliest known references to Ilya as a famous epic hero date back to the second half of the 16th century and come from the western Russian lands. In the first case, that land is Orsha (1574) and the hero mentioned is “Iliia Muravlenin”. In the second case, that land is Kyiv (1594) and the hero is “Elia Morowlin”. Researchers have long been trying to figure out the origin of Ilya Muravlenin’s nickname and to decipher its meaning, considering it to have proceeded to Muromets. The article provides a brief overview of the opinions of researchers and a solution to the problem, and so it is proposed to establish what name the Russian city of Murom in the western Russian lands had in the 16th century.

Keywords: Ilya Muromets, Ilya of Rus, Epics, Muravlenin, Morowlin, Muromlyanin.

About the author: **Alexander Korolev**

PhD in History, Associate Professor at the Department of History Moscow Pedagogical University.

E-mail: koryuz@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0072-7416>

For citation: Korolev A. Muravlenin, Morowlin, Muromets: on the Origin of Ilya’s Nickname. *Paleorosia. Ancient Rus in time, in personalities, in ideas*, 2025, No. 3 (31), p. 31–55.

The article was submitted 02.04.2025; approved after reviewing 03.07.2025; accepted for publication 21.07.2025.

Впервые образ могучего русского героя Ильи письменно зафиксирован в западно-европейских источниках XIII в. — в верхненемецкой поэме «Ортнит» и в «Саге о Тидреке Бернском», основанной на нижненемецких сказаниях, в которых одним из персонажей является знатный русский по имени Илиас¹. В «Ортните» Илиас (Eligas/Elias) Русский — дядя главного героя, «король из Руси» (или «король из дикой Руси»), активно помогающий племяннику (ломбардскому королю) в добычании невесты (дочери сирийского короля), героически сражается во время военного похода, массово истребляя неприятеля. В «Тидрек-саге» Илиас (Ilias) — ярл Греции, сводный брат (от наложницы) короля Руси Вальдемара. В масштабной саге, переполненной персонажами-людьми и всякой нечистью, а также сюжетными линиями, братья-союзники воюют против короля гуннов Атилы и Тидрека Бернского. Последние и являются главными героями, в итоге покоряющими Русь (в тексте сообщается о Новгороде, Полоцке и Смоленске).

Имена героев и некоторое сходство мотивов традиционно подталкивали исследователей к проведению сопоставлений с русским былинным эпосом², хотя в Илье-Илиасе из «Ортнита» и «Тидрек-саги» мы не видим ничего характерного для былинного Ильи Муромца³. Немцы писали, что Илья-Илиас — славный и могучий богатырь, сражавшийся вместе с Ортнитом или Владимиром-Вальдемаром против их врагов, проявляя беспощадность и готовность истреблять неприятеля толпами, но Илья-Илиас — знатный человек, король Руси или ярл Греции, связанный родством со своим сюзереном (тем же конунгом Вальдемаром-Владимиром). В былинах же традиционно подчеркивается «простое» происхождение Ильи Муромца. А потому не исключено, что из русского «материала» создатели «Ортнита» и «Тидрек-саги» не взяли ничего, кроме имен Владимира и Ильи, позволивших им придать текстам произведений «русский колорит». В связи с этим нельзя не вспомнить замечание, сделанное когда-то В. М. Жирмунским: «В тех случаях, когда между народами нет эпической “взаимности”, чужой богатырь может быть известен только по имени или к славе его имени могут быть прикреплены эпические сказания, возникшие на его новой родине»⁴. Однако в случае с Ильей-Илиасом эта «взаимность» все-таки имела место⁵. Немаловажно учесть и тенденцию, отмеченную Б. И. Ярхо, проявляющуюся при попадании персонажа в иностранный эпос — повышение его знатности⁶, а потому с переходом на германскую почву Илья вполне мог превратиться в брата Владимира. Впрочем, нельзя исключать и того, что в русском фольклоре могла иметь место обратная ситуация: знатность былинного Ильи век от века падала, в результате чего на момент начала активного собирания былин в XIX в. герой превратился в крестьянского сына и старого казака.

¹ Кирпичников А. И. Опыт сравнительного изучения западного и русского эпоса. Поэмы ломбардского цикла. М., 1873. С. 21–24; Веселовский А. Н. Русские и вильгины в саге о Тидреке Бернском (Веронском) // Известия ОРЯС. 1906. Т. 11, кн. 3. СПб., 1906. С. 70–190; Его же. Былины о Волге Всеславьевиче и поэмы об Ортните // Русский фольклор. Т. 27: Межэтнические фольклорные связи. СПб., 1993. С. 277–292.

² Дашкевич Н. П. Центральные герои русского былевого эпоса (кн. Владимир и Илья) в древне-северной саге // Чтения в историческом обществе Нестора летописца. 1900. Кн. 14, вып. 3. С. 74–75.

³ Глазырина Г. В. Илья Муромец в русских былинах, немецкой поэме и скандинавской саге // Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. М., 1978. С. 194.

⁴ Жирмунский В. М. Народный героический эпос. Сравнительно-исторические очерки. М., Л., 1962. С. 174.

⁵ См. об этом в: Клейнберг И. Э. «Дедрик Бернский» в Новгородской I летописи // Летописи и хроники. 1973. М., 1974. С. 132–135.

⁶ Ярхо Б. И. Илья, Илиас, Хилтебрант // Известия ОРЯС. 1917. Т. 22, кн. 2. Пг., 1918. С. 337.

Присутствие русских королей Вальдемара и Илиаса в немецких сказаниях не оставляет сомнений, что к концу XII в. фольклорные Владимир и Илья были настолько популярны на Руси, что к XIII в. стали известны в Западной Европе и оказались «встроены» в местную литературную традицию⁷, а «Илиас саг и Илья Муромец былин — одно лицо», и «в образе Илиаса саг, могучего богатыря, совершающего ряд подвигов, чувствуются отголоски русских былин»⁸.

А потому удивительно, что в Никоновской летописи (первая треть XVI в.) в «дополнительных» (в сравнении с ПВЛ) сообщениях о богатырях Владимира Святославича (явно навеянных великорусским былинным материалом, где фигурируют и Добрыня, и Александр Попович⁹) Илья не упоминается. Учитывая древность образа Ильи (пусть изначально и не «Муромца») и его популярность уже в XII–XIII вв., это представляется странным — особенно при сопоставлении позднейшей популярности былинного Ильи Муромца с совершенно уже неизвестными Рагдаем Удалым, Мальвредом Сильным и др., упомянутыми в тексте Никоновской летописи вместе с какими-то обрывками из их эпических «биографий»¹⁰.

При этом известно о популярности в том же XVI в. образа Ильи в западнорусских землях. Так, в вестовой отписке оршанского старосты Филона Кмиты Чернобыльского, направленной из Орши в Вильно к кастеляну троцкому Остафию Воловичу 5 августа 1574 г., среди жалоб на тяготы и усталость от военных невзгод, приведших к запустению, бегству людей, и волнений по поводу неясного будущего, адресант, оперирующий ярким, образным языком, вдруг вставляет: «Бо придет час, коли будет надобе Илии Муравленина и Соловья Будимировича, придет час, коли будет служб наших потреба!»¹¹. Затем, спустя два десятилетия, посол императора Священной Римской империи Рудольфа II Эрих Лассота, проведенный в Киеве три дня — с 7 по 9 мая 1594 г., при описании Софийского собора упомянул про «*Eliae Morowlin*, знаменитого героя или богатыря (*Bohater*), о котором рассказывают много басен. Гробница его ныне разрушена, но в том же приделе сохранилась гробница его товарища»¹². Ясно, что в обоих случаях речь

⁷ Г. В. Глазырина высказывала мнение, что «первые сказания об Илье» должны были начать складываться на Руси не позднее середины XI в., и тогда же «они становятся известны в Германии в результате активных политических и экономических связей двух стран» (Глазырина Г. В. Илья Муромец... С. 200–201).

⁸ Астахова А. М. Илья Муромец в русском эпосе // Илья Муромец. М., Л., 1958. С. 408–409.

⁹ Сообщения о гибели Александра Поповича и 70 богатырей на Калке встречаются в составе многих летописей XV–XVII вв. — Новгородской IV, Софийской I и II, Воскресенской, Ростовской архивной, Ермолинской, Типографской, в Рогожском летописце, Тверском сборнике и др. Но в Никоновской летописи этот персонаж как бы дублируется: Александр Попович — и участник Калкского побоища, и неоднократно упоминается под 1000–1004 гг., среди богатырей Владимира Святославича (ПСРЛ. Т. 9: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000. С. 68; ПСРЛ. Т. 10: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000. С. 92). В тексте летописи упоминаются и два Добрыни — «дивный богатырь» Добрыня Судиславич, павший во время знаменитого похода новгород-северского князя Игоря Святославича на половцев, и Добрыня Рязанич Золотой Пояс, погибший на Калке (Там же. С. 13, 92). Д. С. Лихачев пришел к обоснованному выводу, что сообщения об Александре Поповиче попали в летописи под влиянием былин, которые были тогда уже настолько популярны, что летописец «испытывал серьезное желание дать этому соответствующее отражение в летописи, заполнив сведениями о богатырях пустые годы княжения Владимира» (Лихачев Д. С. Летописные известия об Александре Поповиче // Его же. Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 340).

¹⁰ ПСРЛ. Т. 9. С. 68.

¹¹ Помнікі старажытнай беларускай пісьменнасці. Мінск, 1975. С. 89.

¹² Путевые записки Эриха Лассоты, отправленного римским императором Рудольфом II к запорожцам в 1594 г. СПб., 1873. С. 19.

идет о нашем Илье. Контекст, в котором упоминается Илья (у Филона Кмиты — понятная с полунамека отсылка к образу, у Лассоты — прямое определение его в качестве «знаменитого героя», о котором «рассказывают много басен» киевляне), не оставляет сомнений в популярности богатыря в XVI в., когда в Московском государстве создавался «напитанный» (если можно так выразиться) былинным духом Никоновский свод. Складывается впечатление, что, в отличие от западнорусских земель Речи Посполитой (где герой был популярен настолько, что и в Киеве, и в Вильно, и в Орше о нем рассказывали всякие всем известные «басни», а его образ и при неясном упоминании вызывал вполне определенные ассоциации у людей, принадлежавших к разным общественным слоям), в Московском государстве Илья-Илия почему-то тогда не был настолько известен, чтобы на него обратили внимание составители Никоновского свода¹³. Впрочем, следует учитывать, что объединение эпических героев и сюжетов вокруг одного центра (Киева) и одного эпического времени (эпохи князя Владимира Красное Солнышко) в сознании великорусского общества происходит в период конца XIV–XV вв.¹⁴, а потому великорусские книжники, вносявшие известный им эпический материал в летописи, могли в тот момент кому-то из героев уделить большее внимание (Александру (Алеше) Поповичу и Добрыне), а кого-то и вовсе не заметить.

Итак, два независимых друг от друга западнорусских свидетельства, отстоящие друг от друга на два десятилетия, происходящие с территории одного государства, но разделенные огромным расстоянием, дают довольно схожую форму написания прозвища — «Илия Муравленин» (Филон Кмита Чернобыльский) и «Елия Моровлин» (Эрих Лассота), которые, вероятно, обозначают одно и то же¹⁵. Но что означает прозвище Муравленин/Моровлин? В «Тидрек-саге» и «Ортните» XIII в. русский Илиас упоминается вообще без прозвища. Отсюда происходит вполне допустимое предположение, что «Муравленин/Моровлин» явилось некой промежуточной формой, которая при переходе из западнорусской среды в великорусскую была переосмыслена

¹³ В. Ф. Миллер предположил, что популярность у Ильи была, но своеобразная, особого рода, которая не позволила упомянуть его в Никоновской летописи. Сопоставив намеки, который в своем письме делает Филон Кмита Чернобыльский с материалом былин о соре Ильи Муромца с князем Владимиром, В. Ф. Миллер пришел к выводу о «неслучайности» умолчания летописей об Илье: «Быть может, Илья Муравлин не удостоился попасть в число богатырей Владимира именно потому, что не умел себя держать за княжеским столом, говорил князю в лицо неприятные вещи, относился к нему не всегда почтительно, иногда даже пренебрежительно. Ведь наши поздние летописные своды, напр. Никоновский, носят в значительной степени официальный характер, проникнуты московскими государственными тенденциями, и в силу такого направления и настроения едва ли могли допустить в сонм богатырей св. Владимира лицо, по своему происхождению и замашкам, слишком неудобное для княжеских палат» (Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности. Былины. Т. 2. М., 1910. С. 168). Ясно, что это предположение ничем подтвердить невозможно. Из текста Филона Кмиты (а Эриха Лассоты — тем более) трудно установить содержание эпического материала, которое могло (в XVI в.) сюжетно отличаться от известных нам текстов старин изначально или в силу постепенной эволюции образа (как это произошло с тем же Александром-Алешей Поповичем). По крайней мере Соловей Будимирович упоминается в тексте Филона Кмиты явно в каком-то ином контексте, чем тот, в котором этот персонаж известен в былинах великорусского цикла. К разряду недоказуемых предположений относится и мнение Н. П. Дашкевича, что летописи, в которых Илья мог упоминаться, просто до нас не дошли (Дашкевич Н. П. Центральные герои русского былевого эпоса... С. 76).

¹⁴ Лихачев Д. С. Летописные известия об Александре Поповиче... С. 346–351.

¹⁵ Понятно почему Лассота называет Илию (Илью) Елией. Тут, наверное, дело в выговоре киевлян. Иностранец уловил в начале имени не «и», а йотированный звук «и» («i» — буква в современном украинском алфавите), т. е. — «йи». Лассота слышалось не Илья, а «Йиля», и он как мог, так и передал это при написании.

как «Муромец», сделавшись новым прозвищем богатыря. В этом случае «Муравленин/Моровлин» может иметь совсем отличное от «Муромца» значение¹⁶, разобравшись с которым, можно лучше понять происхождение нашего былинного героя.

В связи с этим исследователями выдвигались разнообразные гипотезы (как правило с опорой на исторический материал). А. Н. Веселовский считал, что формы Муравленин, Моровлин «древнее вульгаты: Муромец»¹⁷ и происходят от «Мирмидон». А «византийцы называли племена, поочередно являвшиеся на юге России мирмидонами», и известна «русская рать князя Бравлина, поплененная все от Керчи до Корсуни и взявшая Сурож», где Бравлин, конечно, «искажение» от Мравлин¹⁸.

Мнение А. Н. Веселовского распространения не получило, в отличие от попытки В. Ф. Миллера вывести прозвище героя из названия черниговского города Моровска (Моровийска), недалеко от которого находился и древний город Карачев (Карачев = Карачарово). Из Моровска, казалось, Илье было проще, чем из Муромы, добраться до Чернигова и далее — до Киева¹⁹. О возможности «смещения» в былинах Муромы и Моровийска почти одновременно с В. Ф. Миллером писал Л. Н. Майков²⁰. Гипотеза В. Ф. Миллера представляется натяжкой, поскольку при создании данной конструкции использовалась былина о первой поездке Ильи, ясно говорившая о Муроме, но в предложенной гипотезе ее действие зачем-то переносилось на другую, сходную по названию местность, обнаруженную на карте, которая могла похвастать лишь тем, что ее название было как будто «ближе» к Муравленин/Моровлин²¹.

¹⁶ В. Ф. Миллер даже привел аргументы в пользу необходимости разграничивать «Муравленин» и «Муромец». Во-первых, «польский подданный Кмита, враг Москвы, не мог сравнивать себя с “московским” мужиком». Во-вторых, «такое приурочение не было известно в XVI в. в Белоруссии, в местах, где жил Кмита. Не было оно также известно и в Киеве, где в том же веке указывали Лассоте могилу Eliae Morowlin'a» (*Миллер В. Ф.* Очерки русской народной словесности. Т. 3. М., Л., 1924. С. 87, 129).

¹⁷ *Веселовский А. Н.* Мелкие заметки к былинам // ЖМНП. 1890. Март. С. 9–10.

¹⁸ Там же. С. 22–23.

¹⁹ *Миллер В. Ф.* Экскурсы в область русского народного эпоса. М., 1892. С. 181–190.

²⁰ *Майков Л.* Материалы и исследования по старинной русской литературе (II–III) // Сборник ОРЯС. 1891. Т. 53, № 5. С. 11.

²¹ Построение В. Ф. Миллера критиковали и исследователи, стоявшие на позициях «исторической школы» в былиноведении. Д. И. Иловайский писал, что «Муром и в Суздальскую, и в Московскую эпоху даже особенно выдвинулся своими легендами и книжными сказаниями (о Петре и Февронии, Юлиании Лазаревской и других); во всяком случае, он не чета какому-нибудь Моравийску. Наконец, позднейшее и более точное приурочение Ильи к селу Карачарову еще более подтверждает, что прозвание его не произошло вследствие смещения Муромы с Моравийском, так как Карачарово или Карачаево лежит под самым Муромом, есть его подгородное селение. И тут сложились разные местные предания, связанные с именем Ильи» (*Иловайский Д. И.* Богатырь-казак Илья Муромец как историческое лицо // *Его же.* Рязанское княжество. М., 1997. С. 462). В советское время Д. С. Лихачев пришел к выводу, что в основе предпочтения Моравийска Мурому лежит «недоразумение»: «Чернигов находился как раз на обычном пути из Муромы в Киев: так обычно ездили в XI и XII веках. К тому же Муромо-Рязанская земля в древнейшую пору входила в состав Черниговского княжества, поэтому путь Ильи из Муромы в Киев через стольный город Черниговского княжества был вполне естественен. Моравийск же, или Моравск, находился на половине пути между Черниговом и Киевом, и ехать из него в Киев через Чернигов было невозможно» (*Лихачев Д. С.* Народное поэтическое творчество в годы феодальной раздробленности Руси — до татаро-монгольского нашествия (XII — начало XIII в.) // Русское народное поэтическое творчество. Т. 1: Очерки по истории русского народного поэтического творчества X — начала XIII веков. М., Л., 1953. С. 227). В новейшее время С. Б. Хведченя обратил внимание на удаленность Моравийска от Карачева — их «разделяют сотни километров. Говорить о “Моравийском городе Карачев” — полнейший абсурд» (*Хведченя С. Б.*

Искавший иное объяснение П. В. Владимиров попытался (также вполне произвольно) вывести Муравленин/Моровлин из Муравского шляха (пути), который, шел когда-то «до самого Крыма через “чистое поле”, мимо Змиевых Курганов, Каганского перевоза, Святых Гор, мимо города Карачева и речки Соловой» — а это все названия, не лишённые «значения для объяснения исторических и местных основ былинных песен об Илье Муромце и о других богатырях»²². Затем еще один представитель «исторической школы» М. Г. Халанский, считая прототипом Ильи Муромца Вещего Олега, предлагал объяснение прозвища Моровлин из «мурманский, урманский или норманский» (этапы превращения: урманин → мурманин → моромонин и т.д.)²³. Исследователь утверждал также, будто скандинавское имя Хельги (Олег) на русской почве легко могло перейти в Илью²⁴, что на самом деле невозможно²⁵.

Одно время мне казалась довольно перспективной разработка известий о некоем князе Олеге, сбежавшем в первой половине X в. из Руси в Моравию, о котором нет информации в имеющемся в нашем распоряжении русском летописании, но упомянутом в западославянских сочинениях XVII — начала XVIII вв. (Я. А. Коменский, Т. Пешина, Я. Стржедовский)²⁶. Поскольку в средневековой литературе южных и восточных славян «мравлене», «маравляне», «моравляни», «морьявляне», «моревляне» и т.д. означало «мораване»²⁷, я, с учетом прозвища Ильи Муравленин/Моровлин, придерживался гипотезы о том, что прототипом центрального героя русского былинного эпоса мог стать или какой-то дружинник, побывавший в Моравии вместе с беглецом Олегом и вернувшийся после долгой отлучки на Русь, или даже сам Олег Моравский²⁸.

Русский богатырь Илья из града Муром // Уваровские чтения — II. Муром, 21–23 апреля 1993 г. М., 1994. С. 144).

²² Владимиров П. В. Введение в историю русской словесности. Киев, 1896. С. 221–222.

²³ Халанский М. Отношение былин об Илье Муромце к сказаниям об Олеге Вещем // ЖМНП. 1911. Сентябрь. С. 44–50, 58.

²⁴ Там же. С. 41–42.

²⁵ Жирмунский В. М. Народный героический эпос... С. 161. Ранее сомнения в возможности такого превращения высказывал В. Ф. Миллер: «Положим, что имя Helgr — Helge могло измениться в формы Вольга, Воля, Елья, Юля, Лья, Илья, но мы нисколько не можем быть уверены, что этот звуковой процесс действительно совершился» (Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности. Т. 3. М., Л., 1924. С. 84).

²⁶ Королев А. С. К вопросу о крещении княгини Ольги // Научная конференция молодых ученых: тезисы докладов и сообщений. Февраль 1995 г. М., 1995. С. 7–8; *Его же*. Отношения Киева и местных княжений по договору 944 года русов с греками // Русский язык, культура и история. Сборник материалов II научной конференции лингвистов, литературоведов, фольклористов. Ч. 2. М., 1997. С. 128; *Его же*. Роль Великой Моравии в крещении русов при княгине Ольге // Научные труды Московского педагогического государственного университета. Серия: Социально-исторические науки. М., 1998. С. 3–8; *Его же*. Моравский фактор во внешней политике Киевской Руси в X веке // Славяне и их соседи. Межславянские взаимоотношения и связи. Средние века и раннее Новое время. Тезисы XVIII конференции. М., 1999. С. 73–77; *Его же*. История междукняжеских отношений на Руси в 40–70-е годы X века. М., 2000. С. 165–174; *Его же*. Загадки первых русских князей. М., 2002. С. 167–182.

²⁷ Лавров П. А. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930. С. 26, 60, 103; Турилов А. А. К истории великоморавского наследия в литературах южных и восточных славян (Слово «О похвале Богородице» Кирилла Философа (рукопись XV в.) // Великая Моравия, ее историческое и культурное значение. М., 1985. С. 260.

²⁸ Наиболее полное отображение данное построение (впервые изложенное мной в главе дипломной работы, защищенной в 1995 г.) в печатном виде получило в книге: Королев А. С. Загадки первых русских князей. С. 183–203. Замечу, что примерно в одно время со мной А. С. Мыльников, мельком обратив внимание на западнорусское именование Ильи «не Муромцем, а Муравленином», задался вопросом, оставшимся, впрочем, без ответа: «Не могло ли это

По прошествии двух десятилетий вся выстроенная тогда конструкция уже не представляется мне убедительной²⁹.

Предпринимались попытки объяснить Муравленин/Моровлин, и не прибегая к географическим или историческим аналогиям. В. П. Аникин писал о происхождении западнорусского прозвища Ильи из «муравы». Это зелень, трава на корню, а от нее происходит «муравленный» (постоянный эпитет печи, покрытой обливными, темно-зеленого цвета изразцами с «травяным» орнаментом). А раз так, то просидевший три десятилетия на печи Илья Муравленин/Моровлин логично превращается, в Илью «Запечного» или «Печного», «подобно герою русских сказок Ивану-запечнику». Получалось, что в неких поздних «каличьих обработках былин», под воздействием сказок, произошло это переименование Ильи, занесенное затем каликами в Киев и Оршу. В великорусских же былинах «возобладало исторически ясное и определенное прозвище Ильи как «Муромца» — богатыря родом из муромской земли»³⁰. Эта гипотеза (или скорее догадка) В. П. Аникина вполне произвольна. В том же духе С. Б. Хведченя (впрочем, без конкретной ссылки на источник) сообщал, что «в Киеве бытует версия

как-то соотноситься с Моравией? Все же Муром находился в Московии, а в землях Чешской короны, в состав которых входила Моравия, в конце XV — начале XVI правила одна из ветвей все тех же Ягеллонов — великих князей Литовских и польских королей» (*Мыльников А. С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Представления об этнической номинации и этничности XVI — начала XVIII века. СПб., 1999. С. 337*). В это же время появилась статья Н. В. Филина, в которой автор приходит к выводам, сходным с теми, что содержатся в моих публикациях второй половины 1990-х — начала 2000-х гг., несколько иначе выстраивая аргументацию — начиная с былин, а затем обращаясь к поздним западнславянским известиям (*Филин Н. В. Об историческом прототипе Ильи Муромца // Армагеддон: актуальные проблемы истории, философии, культурологии. 2000. Кн. 7 (апрель-сентябрь). С. 56–87*).

²⁹ Опровержение см. в: *Королев А. С. Илья Муромец. М., 2016. С. 222–226; Его же. Об одном оригинальном сюжете из начальной русской истории в сочинениях западнславянских авторов XVI–XVIII вв. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2016. № 3. С. 53–65; Его же. К вопросу об участии моравян в христианизации Руси во времена княгини Ольги // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2021. Вып. 2 (14). С. 6–36. Дело даже не в сомнительной достоверности вышеупомянутых известий западнславянских авторов об Олеге Моравском, от которых я отталкивался. Маловероятно (если даже встать на позиции «исторической школы» в былинноведении), чтобы прозвище Муравленин/Моровлин в значении «выходец из Моравии» могло удержаться в устной традиции в Киеве или Орше столь долго — с X по XVI вв. Великая Моравия была уже давно забыта и непонятное прозвище должно было бы неминуемо «отпасть». Конечно, необходимо отметить, что в историческом словаре белорусского языка (памятуя письмо Филона Кмиты из Орши) встречаются формы «моравецъ», «моровець», «муравецъ», «муровянин» в значении «уроженец Моравии» (*Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. 18: Местце — Надзавати. Мінск, 1999. С. 152*). Но русский Илиас, отразившийся в немецкой литературе XIII в., не имеет подобного прозвища. Если же предположить появление некоего «моравского» прототипа позднее, то он должен был бы также иметь литературное происхождение — некий литературный персонаж центральноевропейского происхождения, который мог бы «наслоиться» на Илью-Илиаса Русского (как произошло, например, с известным Бовой-королевичем, повесть и сказки о котором являются производными от французской *chanson de geste*, сложенной в эпоху крестовых походов, героем которой был рыцарь Бэв из города Антона (*Кузьмина В. Д. Повесть о Бове-королевиче в русской рукописной традиции XVII–XIX вв. // Старинная русская повесть. Статьи и исследования. М., Л., 1941. С. 83–84*). Однако у нас нет информации о существовании подобного произведения, которое должно было бы получить довольно широкое распространение, чтобы оказаться и в Западной Руси. Никакого намека на какой-то западноевропейский материал, послуживший основой для его появления (а он мог бы быть знаком Эриху Лассоте, потому что древнего онемеченного моравского рода, который прибыл в Киев из Священной Римской империи, центром которой тогда была Прага) в вышеуказанных упоминаниях об Илье Муравленине/Моровлине нет.*

³⁰ *Аникин В. П. Русский богатырский эпос. М., 1964. С. 110–111.*

о второй профессии Ильи — строителя крепостей («муровать» — значит строить стены), что якобы и послужило основой для появления его прозвища³¹. Впрочем, следуя этой (или подобной) логике можно найти еще «варианты» для объяснения, столь же «убедительные», сколь и произвольные³².

В связи с вышесказанным необходимо коснуться одной любопытной тенденции, намечившейся в современном Муроме, где ныне в широкое обращение проникло новообразование «муромляне», которое стало теснить традиционное «муромцы». Так, в книге о Муроме, изданной в начале XX в., дважды назвал местных жителей краевед Н. П. Травчетов, повествуя о крещении «муромлян», никак это не комментируя³³. Гораздо большее значение имело единичное упоминание «муромлян» в «историческом» разделе, написанном бывшим директором краеведческого музея Муром И. П. Богатовым, книги о Муроме, изданной в юбилейном для города 1962 г. Сообщая, что в XI в. «прямой Окский путь между Муромом и Черниговом» был «перерезан», автор в подтверждение привел текст из былины «Об Илье Муромце», где сообщается, что дорога «леса Брынскими» из-за Соловья-разбойника «заросла» уже «тридцать лет», и заметил: «Муромлянам приходилось ездить в Чернигов окружным волжским путем (Волга — две Нерли — Клязьма — Ока), сворачивая с него волоком на Днепр, а с Днепра — в ладьях на Десну»³⁴. Никакого комментария И. П. Богатов не дал, но соседство в тексте «муромлян» и Ильи Муромца позволяет предположить, что автор не просто использовал здесь некую форму именованя жителей Муром, может быть сконструированную по аналогии с «киевляне», а был знаком с тем,

³¹ Хведченя С. Б. Русский богатырь Илья... С. 145.

³² Достаточно вспомнить, что в известном «Назирателе» XVI в. «муравли» и «муравей» — это муравьи, а «муравилце» — муравейник (Назиратель. М., 1973. С. 193 об.-194). А в украинском языке имеется «муравленик», т. е. продавец поливной посуды — «муравленицы», «муравленики» (Російсько-український словник. Т. 2. Киев, 1932. С. 584). Перечень «вариантов» объяснения можно продолжить, более основательно покопавшись в соответствующих словарях.

³³ Травчетов Н. П. Город Муром и его достопримечательности. Очерк истории и современного состояния города. Владимир, 1903. С. 10, 12. Любопытно, что в прочих случаях (и в основном) автор называет местных жителей традиционно — муромцами (Там же. С. 7–8, 10, 21–22, 50–51, 135). В работах местных краеведов о Муроме, изданных ранее, не удалось встретить ничего подобного — всегда говорится о «муромцах» (см., напр.: Титов А. А. Историческое обозрение города Муром // Труды Владимирской Ученой Архивной Комиссии. Кн. 4. Владимир, 1902. С. 15, 17–19, 59 (сочинение было составлено не позднее 1834 г.)); Токмаков И. Муром, уездный город Владимирской губернии. Материалы для историко-статистического описания города в связи с церковно-археологическим обзором священных достопримечательностей этого края с IX по XIX столетие. Владимир, 1887. С. 17; Добрынкин Н. Г. В память пребывания императора Павла I в г. Муроме в 1798 году. Владимир, 1899. С. 2, 5; Добрынкин В. Н. Муром прежде и теперь. М., 1903. С. 10, 11, 44). М. В. Ахметова, не указывая источники, относит происхождения варианта самоназвания «муромляне» к XIX в. (Ахметова М. В. Топонимическая лексика: региональная норма и данные словарей // Вопросы культуры и речи. Вып. XI. М., 2012. С. 294). Замечу, что А. А. Шахматов назвал обитателей Муром «муромлянами» в работе, изданной в 1908 г. (Шахматов А. А. Разыскания о русских летописях. М., Жуковский, 2001. С. 71). Исследователь так именовал муромцев в связи с теми же обстоятельствами, что и Н. П. Травчетов, ссылаясь на страницы того же издания жития Константина Муромского, что и муромский краевед. Поскольку в издании памятника, привлеченном обоими авторами, именование «муромляне» не употребляется (там фигурируют «люди града Муром» и «муромстии граждане» (Памятники старинной русской литературы. Сказания, легенды, повести, сказки и притчи. Вып. 1. СПб., 1860. С. 229–238)), можно предположить, что А. А. Шахматов ознакомился с работой Н. П. Травчетова и сочинение муромского краеведа повлияло на появление в его тексте «муромлян». А это уже позволяет говорить о влиянии текста работы Н. П. Травчетова на современников.

³⁴ Муром. Историко-экономический очерк. Владимир, 1962. С. 7.

как именовался богатырь в Западной Руси в XVI в., и считал возможным распространить это слегка измененное прозвище на муромцев в целом³⁵. Возможно, этими же соображениями руководствовался ранее и Н. П. Травчетов. Появление в тексте И. П. Богатова «муромлян» нельзя считать случайным и по другой причине. В год издания книги Муром отмечал юбилей — 1100-летие³⁶. Ранее именно И. П. Богатов (археолог-любитель) активно выступал за столь древнюю дату основания города, энтузиазма у профессионалов не вызывавшую³⁷, чем во многом способствовал празднованию юбилея города вообще³⁸. В те же годы стала набирать размах тенденция (активно поддерживаемая в прессе) по повсеместному внедрению в названия жителей суффикса «-чане»³⁹, в результате чего в употребление стало входить в том числе и «муромчане», что у муромцев поддержки не встретило⁴⁰. Вводя в местный оборот «муромлян», краевед И. П. Богатов мог попытаться противопоставить новомодным «муромчанам», как ему казалось, древнюю альтернативу⁴¹. И хотя, надо думать, И. П. Богатов был не единственным, кто продвигал «муромлян»⁴², именно его печатная фраза 1962 г. позволила внести «муромлянин» в словари в качестве варианта названия жителей Мурома (наряду с «муромец» и «муромчанин»)⁴³. В конце XX в. горячим популяризатором названия «муромляне»

³⁵ Характерно, что в остальных случаях в тексте написанного им раздела И. П. Богатов именовал своих земляков последовательно «муромцами» (Там же. С. 7–8, 11–12).

³⁶ Любопытно, что в том же 1962 г. был написан «негласный гимн» Мурома «Наш город» (слова Л. Савчука), в тексте которого также фигурируют «муромляне» (Ахметова М. В. Топонимическая лексика... С. 294, прим. 6).

³⁷ Богатов И. П. О времени возникновения Мурома // Советская археология. 1959. № 3. С. 226.

³⁸ Смирнов Ю. М. Муром: город на особицу (субъективные заметки о муромском менталитете). Владимир, 2013. С. 114.

³⁹ См. об этом явлении в: Ахметова М. В. Еще раз о суффиксе -чане (история одной полемики) // Русский язык в научном освещении. 2013. № 2 (26). С. 65–90; *Ее же*. Вариантность названий жителей (по материалам электронной базы СМИ «Интегрум») // Вестник РГГУ. Серия: Филологические науки. Языкознание. 2013. № 8 (209). С. 86–105.

⁴⁰ Ахметова М. В. Топонимическая лексика... С. 294. Хотя «муромчане» и получило некоторое распространение за пределами Мурома (см., напр.: Вагнер Г. К., Чугунов С. В. По Оке от Коломны до Мурома. М., 1980. С. 64), и даже прочно вошло в словари в качестве варианта названия жителей города (Левашов Е. А. Географические названия. Прилагательные, образованные от них. Названия жителей. СПб., 2000. С. 345; Русский орфографический словарь / отв. ред. В. В. Лопатин. М., 2005. С. 392).

⁴¹ В изданной ранее, в 1947 г., брошюре по истории Мурома И. П. Богатов везде последовательно писал о «муромцах» (Город Муром в VIII–XVI веках. Муром, 1947. С. 11–12, 21, 25, 27, 37).

⁴² Уже ранее, в 1960 г., писатель Б. Н. Тимофеев-Еропкин в своей книге, решительно осуждая появившееся «в последнее время» стремление «(усердно насаждаемое газетами и по радио) «стричь всех под одну гребенку», то есть стараться всюду внедрить суффикс «чан», называл «нелепостью» «слова «муромчане» и «муромляне», которые появились как наименования жителей древнего города Мурома», где «в народной памяти живет великий предок и земляк современных «муромчан» — славный русский богатырь Илья Муромец!» (Тимофеев Б. Н. «Правильно ли мы говорим?». Заметки писателя. Л., 1960. С. 128–129). Судя по всему, не только И. П. Богатов, Л. Савчук и, ранее, Н. П. Травчетов употребляли в своих текстах «муромляне». В юбилейном 1995 г. была опубликована книга о Муроме в годы Великой Отечественной войны, где приводятся два литературно обработанных письма периода войны (1943 и 1945 гг.), в которых наличествует обращение «муромляне» (Эхо прошедшей войны: Сборник материалов, воспоминаний и документов о Муроме и муромлянах в годы Великой Отечественной войны. Муром, 1995. С. 122, 182). Однако характер публикации не позволяет судить об авторах этих писем (обращает внимание и название сборника, в котором присутствуют «муромляне»).

⁴³ Словарь названий жителей СССР / ред. А. М. Бабкин, Е. А. Левашов. М., 1975. С. 52–53; Городецкая И. Л., Левашов Е. А. Русские названия жителей. Словарь-справочник. М., 2003. С. 195.

выступил еще один известный муромский краевед, рабочий А. А. Епанчин, считавший его исконным, в отличие даже от «муромцев», которое он не признавал самоназванием жителей Мурома⁴⁴. В результате популяризации в краеведческой литературе и местной печати к настоящему времени «муромлянин» в качестве самоназвания получило довольно широкое распространение в Муроме (по крайней мере, среди образованной публики), конкурируя с «муромец»⁴⁵.

Если встать на точку зрения муромских краеведов, то можно подумать, что Муравленин/Моровлин — просто чудесно сохранившееся в западнорусских известиях исконное прозвище Ильи Муромца (и всех муромцев). Однако в Великороссии Илья — именно Муромец, и исконное название (и самоназвание) жителей Мурома все-таки «муромцы». Так они и названы («муромци») в первом упоминании под 1096 (6604) г. в тексте ПВЛ (кстати, тут же упоминаются и «рязанци», «ростовци», «бѣлоозерци», «суждалци», «новгородци») ⁴⁶. И нет причин подозревать здесь какую-то ошибку летописцев. И в XVI–XVII вв. традиционное «муромцы» является самоназванием жителей Мурома — то есть тогда, когда в Западной Руси богатыря Илью называли Муравленином/Моровлином⁴⁷. Так, в сотной грамоте Муромскому посаду, составленной муромскими (!) писцами М. И. Шишеловым и Б. Григорьевым в 1573/74 г., фигурируют никакие не «муромляне», а именно «муромцы посадские люди»⁴⁸, а среди дворов упоминается

⁴⁴ А. А. Епанчин употреблял «муромляне» в отношении жителей Мурома последовательно (Епанчин А. А. «Господь поставил меня собирателем» (из краеведческого архива). Муром, 2016. С. 21–22, 25–27, 58, 85–87, 90, 96, 111, 176–177). Довольно показательна его фраза из частного письма, написанного в 1988 г., о том, что «сами граждане нашего Богоспасаемого именовали себя “муромляне”. Скорее всего, это продукт XVIII в. (впрочем, как знать). В летописях, которые писались не в Муроме, нас называют “муромцы” (но ведь это не самоназвание). Граждане Пензы называют себя “пензяки”, а все остальное человечество именуется их “пензенцы”. Сейчас официально в Муроме принята форма летописная (“муромцы”), но, естественно, что патриоты сохранили свое старорежимное наименование. И за это в срубе сторимся...» (Епанчин А. А. Краеведческий сборник: материалы архива. Муром, 2015. С. 158). В этом же письме А. А. Епанчин пишет о своей мечте посетить Киево-Печерскую лавру и увидеть мощи Ильи Муромца (Там же. С. 158). Любопытно, что в 1988 г. автор в качестве аргумента не использовал западнорусское именование Ильи XVI в.

⁴⁵ Это зафиксировано даже в научной литературе (см., напр., многочисленные работы М. В. Ахметовой, в какой-то степени даже включившейся в популяризацию «муромлян»: Ахметова М. В. «Русское» и его символы в «локальном тексте» города Мурома // Геополитика и русские диаспоры в Балтийском регионе. Ч. 1: Гуманитарные аспекты проблемы: русские глазами русских. Калининград, 2008. С. 60, 65, 70, 72, прим. 15, 73; *Ее же*. Русскость как топос «локального текста»: случай Мурома // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Фольклористика. 2009. № 9. С. 207, 210, 213–214; *Ее же*. Топонимическая лексика... С. 294; *Ее же*. Еще раз о суффиксе -чане... С. 76, прим 16; *Ее же*. «Неправильное» именование как оскорбление (об одном аспекте вариантности катойконимов) // Шаги / Steps. 2015. № 1. С. 21, 26). Замечу, что в прекрасном учебном пособии по истории Мурома, изданном в 2001 г. Управлением образования администрации г. Мурома и Муромским историко-художественным музеем значительным тиражом, авторы называют жителей Мурома все-таки «муромцами» (История Мурома и Муромского края с древнейших времен до конца двадцатого века: Учебное пособие. Муром, 2001. С. 68, 207–208, 370, 374–375), и упоминание «муромлян» (в уже упомянутом выше тексте письма 1945 г.) является единственным (Там же. С. 375).

⁴⁶ Повесть временных лет. СПб., 1999. С. 108–109.

⁴⁷ Правда, в XVI–XVII вв. упоминаются еще и «муролы» — знаменитые мастера-каменщики из Мурома (Грabbарь И. Э. История русского искусства. Т. 2. М., 1908. С. 142; Беспалов Н. А. Муром. Памятники искусства XVI — начала XIX в. Ярославль, 1971. С. 5, 119).

⁴⁸ Кучкин В. А. Материалы для истории русского города XVI в. (Выпись из писцовых книг г. Мурома 1566 г. и муромская сотная 1573/74 г.) // АЕ за 1967 г. М., 1969. С. 304.

«место Ивана Муромцова»⁴⁹. Среди служилых людей и детей боярских Муром Муромцевы (никак не «Муромляниновы») упоминаются в начале 1590-х гг.⁵⁰ И в 1618 г. в Муроме жили дворяне и дети боярские — «муромцы»⁵¹. Исключительно «муромцы» повсеместно упоминаются в сотной с писцовых книг г. Муром 1623/24 г.⁵², в писцовой книге г. Муром 1636/37 г.⁵³, в списке с переписной книги г. Муром 1646 г.⁵⁴, в списке со строельной книги г. Муром 1649 г.⁵⁵ «Муромцы», «муромцы посадские люди» и «муромцы дворяне и дети боярские» упоминаются и в копиях книг царских грамот Муромской земской приказной избы в период с 1619 по 1686 гг.⁵⁶ «Муромцы посадские люди» упоминаются в Муроме и в 1732 г.⁵⁷ Среди купцов Муром Муромцевы известны и во второй половине XVIII в.⁵⁸

Пытаясь выяснить соотношение вариантов прозвища Ильи — Муравленин/Моровлин или Муромец — нельзя не упомянуть о давнем замечании А. И. Соболевского, что разгадка «в значительной степени зависит от решения другого вопроса: под каким названием был известен в Киеве старого времени великорусский город Муром?»⁵⁹. Таким образом, можно попытаться подойти к решению как бы «с другой стороны», поставив вопрос более конкретно: а не было ли прозвище Муравленин/Моровлин производным от названия родного для Ильи Муромца (возможно, понятого неправильно)?⁶⁰

В связи с этим следует обратить внимание на то, что в пяти былинах, записанных А. Ф. Гильфердингом от четырех сказителей летом 1871 г., сказывалось, что Илья выехал «из города из Муромля» (причем, в двух случаях добавляется: перед выездом богатырь еще и отстоял «заутрену во Муромле»). А далее по тексту эти сказители вполне традиционно называют богатыря старым казаком Ильей Муромцем⁶¹. Может

⁴⁹ Там же. С. 314.

⁵⁰ *Ершов В. Е.* Муромцы, служилые люди и дети боярские в XVI веке. Муром, 2007. С. 33.

⁵¹ *Ершов В. Е.* Служилый «город» Муром в первой половине XVII века. Муром, 2010. С. 35–36.

⁵² Сотная с писцовых книг г. Муром 1623/24 г. Владимир, 2010. С. 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 39, 40, 50, 72, 101, 144, 145, 149, 150, 151.

⁵³ Писцовая книга г. Муром 1636/37 г. Владимир, 2010. С. 29, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 52, 68, 122, 129, 174, 175, 176, 177, 178, 179, 180, 181, 182, 183, 184, 185, 186, 187, 190, 194, 197, 202, 203, 204, 205.

⁵⁴ Список с переписной книги г. Муром 1646 г.; Список со строельной книги г. Муром 1649 г. Владимир, 2010. С. 31, 32, 33, 34, 53.

⁵⁵ Там же. С. 82, 90, 91, 92, 93, 95, 96, 99, 106, 108, 109.

⁵⁶ Копийная книга царских грамот Муромской земской приказной избы. Владимир, 2011. С. 85, 86, 87–89, 92, 94, 95, 100, 101–102, 104–105, 106–107, 109–112, 115–116, 118, 125, 131–132, 139–141, 142, 144, 146–147, 150–151, 154, 155, 158, 159, 170, 173–177, 178, 181.

⁵⁷ *Кучкин В. А.* Материалы для истории русского города... С. 314–315.

⁵⁸ *Титов А. А.* Историческое обозрение... С. 79.

⁵⁹ *Соболевский А. И.* К вопросу о прозвище былинного Ильи // *Его же.* Труды по истории русского языка. Т. 2. М., 2006. С. 168.

⁶⁰ В новейшее время С. Б. Хведченя заметил, что написание прозвища Ильи у Эрих Ласоты — «это могла быть просто досадная ошибка или неверный перевод имени богатыря на немецкий язык», а «истинное происхождение имени богатыря кроется в его происхождении из города Муромца» (*Хведченя С. Б.* Русский богатырь Илья... С. 144–145). Здесь, впрочем, мы имеем дело с предположением ничем не подтвержденным.

⁶¹ Речь идет о Петре Калинине (43 года, уроженец деревни Горка Пудожгорского погоста (Повенецкого уезда) — былины «Святогор» и «Илья Муромец и Соловей разбойник»; Иване Фепонове (50 лет, уроженец деревни Мелентьевской Купецкой волости) — былина «Илья Муромец и Соловей разбойник»; знаменитом кижанине Трофиме Рябинине — былина «Илья и Соловей» и Алексее Дьякове (50 лет, уроженец деревни Потаневской Кижской волости) — былина «Илья Муромец и Соловей разбойник» (Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом

быть, «Муромль» — это тот вариант «Мурома», который отразился в западнорусских землях, где, в результате, «Муромцу» нашли соответствующий аналог — «Муравленин/Моровлин»? Однако на основании только этих данных уверенно утверждать подобное не следует. Если посмотреть на «разброс» записей Гильфердинга, то получается, что варианты с «Муромлем» встречались на Повенецком побережье, Пудогге и в Кижях (двое кижан как раз и пели про «заутрену в Муромле»). На Выгозере, Водлозере и Кенозере ничего подобного Гильфердингу не пропели⁶². Отметим также: то, что пели о выезде Ильи из «Муромля» кижане (Трофим Рябинин и Алексей Дьяков) восходит к творчеству одного человека — легендарного сказителя Ильи Елустафьева. Экспедиция братьев Б. М. и Ю. М. Соколовых 1926–1928 гг., как известно, отправившаяся «по следам Рыбникова и Гильфердинга», этих особенностей уже не выявила. Не прослеживаются они и по записям, произведенным в тех же местах в 1930-х гг. Правда, как и в 1890-х, в 1930-х «из Муромля» Илью отправляли в первую поездку представители клана Рябининых — Иван Трофимович, Кирик Гаврилович (внук Трофима Григорьевича), Иван Герасимович и Петр Иванович Рябининых-Андреевы⁶³. Но они, как известно, были склонны воспроизводить уже неоднократно опубликованные былины своей семьи. И все-таки выявленные варианты записей былин подтверждают, что вариант превращения Мурома в «Муромль» возможен, причем в форме былинного распева.

Теперь попытаемся ответить на «вопрос», некогда поставленный А. И. Соболевским. Замечу, что точно установить, как в западнорусских землях (откуда происходят сообщения Филона Кмиты и Лассоты) именовался Муром (довольно отдаленный географически, контакты с которым выходцев с территории Западной Руси были ограничены) во времена близкие — в XVI–XVII вв., до расширения контактов с Российским государством в результате присоединения Малороссии, непросто. Как мне представляется, ответ содержится в западнорусских летописях, изданных в составе XVII, XXXII и XXXV томов ПСРЛ. Так, в Летописи Красинского (погибла во время Второй мировой войны, рукопись была написана крупным полууставом XVI в.) в рассказе (помещенном под 1438 г.) о походе московского войска великого князя Василия II Васильевича к Мурому на казанских татар Улу-Мухаммеда зимой 1445 г. (во время которого литовцы совершили набег на Козельск, Верею, Калугу и Можайск) сообщается, что московский князь «ходил к Муромлю с Татари битис с царем Махмѣтом и з сыном его Момотяком»⁶⁴. Оригинал сборника, который включал Летопись Красинского, был

1871 года. Т. 1. М., Л., 1949. (№ 1) С. 98–99, (№ 3) С. 111, (№ 56) С. 515; Т. 2. М., Л., 1938. (№ 74) С. 12, (№ 112) С. 238).

⁶² Правда, А. Ф. Гильфердингом была здесь записана (от 26-летнего крестьянина Алексея Батова) единственная в своем роде былина «Колыван-богатырь», в которой повествуется о встрече в чистом поле трех сильных могучих богатырей: Колывана богатыря, Муромляна богатыря и Самсона богатыря (Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Т. 2. (№ 185) С. 612–613). Прозвище одного из богатырей (Муромляна) напоминает Муравленина/Моровлина. Однако из текста былины ясно следует, что этого Муромляна сказитель не ассоциировал с Ильей Муромцем, известным ему по другим былинам. А еще установлена зависимость былины А. Батова от письменного источника (*Новиков Ю. А. Сказитель и былинная традиция*. СПб., 2000. С. 97–98).

⁶³ *Ляцкий Е.* Сказитель И. Т. Рябинин и его былины // *Этнографическое обозрение*. 1894. № 4. С. 146–147; Былины Ивана Герасимовича Рябининых-Андреевых. Петрозаводск, 1948. (№ 2) С. 116; Онежские былины. М., 1948. (№ 96) С. 420, (№ 103) С. 467; Былины Севера. Т. 2. М., Л., 1951. (№ 131) С. 173, (№ 141) С. 264; Былины П. И. Рябининых-Андреевых. Петрозаводск, 1939. (№ 2). С. 40.

⁶⁴ ПСРЛ. Т. 17: Западнорусские летописи. М., 2008. Стб. 185. Также и в Патриаршем списке конца XVII в. (Там же. Стб. 184–185, в сноске разночтение е). Ср.: ПСРЛ. Т. 35: Летописи белорусско-литовские. М., 1980. С. 144.

составлен в конце XV в., а переписан во второй половине XVI в.⁶⁵ То же самое описание встречается и в Летописи Рачинского: «ходил к Муромлю битися с царем Махметемъ и з сыом его Монтякомъ»⁶⁶. Последнее известие датировано 1548 г., а «летопись интересна своим языком, народным, разговорным»⁶⁷. В Ольшевской летописи середины XVI в. описывается то же событие, и здесь характерно, что московский князь той зимой ходил в поход «do Murowla»⁶⁸. Здесь наше внимание привлекает «в» в середине слова вместо «м», появившееся, вероятно, в результате замены одного звука другим в речи, что важно при сопоставлении с «Муравленин/Моровлин» у Филона Кмиты и Эриха Лассоты⁶⁹. В Евреиновской летописи (из сборника конца XVII в.) текст сходный: «ходил к Муромлю с царем Махметомъ и з сыном его Момотяком...»⁷⁰. Важно и то, что в летописях Рачинского, Ольшевской и Евреиновской Муром (Муромл/Муровл) более не упоминаются. Любопытно, что во всех этих летописях описания похода 1445 г. практически идентичны и содержат одну и ту же особенность: в них смешиваются два похода русских войск 1445 г. на татар — к Мурому (зимний), который «не принес решающего успеха» ни одной из сторон, и к Суздаю (летний), в ходе которого, как известно, Василий II был разбит и оказался в татарском плену⁷¹. Позднее сообщение о неудачном походе русских «под Муромле» встречается (под 1458 г.) и в «Кройнике литовской и жмойтской», текст которой заканчивается 1588 г. Ее составитель при изложении истории Великого княжества Литовского во многом следовал Хронике Стрыйковского, впрочем, допуская расхождения и неточности в датировках⁷². Замечу, что аналогичное сообщение имеется и в других западнорусских летописях: Супральской, Слуцкой, Академической, Румянцевской⁷³. Однако в этих вариантах значителен написание «Муром».

Таким образом, у нас есть основания считать, что вариант прозвища Ильи Муравленин/Моровлин, имевший хождение в западнорусских землях в XVI в., является производным от «Муромл/Муровл» — то есть местной передачей названия Мурома, а Муравленин (или Моровлин) — просто передачей великорусского Муромец. В пользу этого вывода говорит и то, в связи с чем упоминается Илья Муравленин/Моровлин у Филона Кмиты Чернобыльского и Эриха Лассоты.

Поскольку самые ранние упоминания Ильи в «Тидрек-саге» и «Ортните» (XIII в.) не содержат прозвища героя (точнее, он фигурирует в качестве Ильи «Русского» или «Греческого»), а в великорусских летописных сводах XV–XVII вв., составители которых «насыщали событиями» (по удачному выражению А. С. Усачева⁷⁴) свое повествование, используя самые разные материалы (в том числе и эпические), Илья не упоминается, мы не можем пока прийти к выводу о том, где и каким образом Илья

⁶⁵ Описание см. в: *Улащик Н. Н.* Введение в изучение белорусско-литовского летописания. М., 1985. С. 55–57.

⁶⁶ ПСРЛ. Т. 17: Западнорусские летописи. Стб. 341. Ср.: ПСРЛ. Т. 35. С. 166.

⁶⁷ *Улащик Н. Н.* Введение в изучение белорусско-литовского летописания. С. 54–55.

⁶⁸ ПСРЛ. Т. 17: Западнорусские летописи. Стб. 467. Ср.: ПСРЛ. Т. 35. С. 191.

⁶⁹ Известно произнесение «Муром», как «Муров», с произошедшим отсюда написанием. См., напр., в Густынской летописи (XVII в., повествование доведено до 1597 г.) при описании событий 6603–6604 (1095–1096) гг. помещение по соседству «Муром», «Муров» и «муровци» (ПСРЛ. Т. 40: Густынская летопись. СПб., 2003. С. 65–66).

⁷⁰ ПСРЛ. Т. 17. Стб. 401. Ср.: ПСРЛ. Т. 35. С. 233.

⁷¹ Об этих событиях см.: *Борисов Н. С.* Иван III. М., 2000. С. 74–77.

⁷² Тобольский список «Кройники» 40-х гг. XVIII в. (ПСРЛ. Т. 32: Белорусско-литовские летописи. М., 1975. С. 85–86).

⁷³ *Улащик Н. Н.* Введение в изучение белорусско-литовского летописания. С. 127.

⁷⁴ *Усачёв А. С.* «Насыщение событиями» первых веков истории Древнерусского государства в исторических сочинениях // Восточная Европа в древности и средневековье. Ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза. М., 2011. С. 286.

сделался Муромцем (Муравленином/Моровлином) — в великорусских или западнорусских областях. При этом в Муроме, с которым (как верно заметил еще Д. И. Иловайский) было связано большое количество легенд и литературных произведений, персонажами которых были местные герои, в том же XVI в. существовали какие-то предания о богатырях, намеки на которые обнаруживаются в выписи из писцовых книг г. Мурома 1566 г. и сотной грамоте Муромскому посаду писцов М. И. Шишелова и Б. Григорьева 1573/74 г., где упоминаются горы с характерными названиями — Богатырева и Скокова⁷⁵. Если счесть, что в этих топонимах отразилась «память» о богатырях и «скоках» богатырского коня, то можно предположить и существование неких местных преданий. Но из этого еще не следует, что скакавший по местным горам богатырь прозывался здесь Ильей Муромцем. Точнее, муромцем он вполне мог быть — действие-то происходило в этом городе. Но вот как его звали и какое он носил прозвище, на основании имеющейся у нас информации вряд ли возможно установить с точностью. Если речь идет о каких-то местных преданиях, которые жители Мурома передавали друг другу, то вряд ли (если, конечно, эти предания не были откликом на ставшие известными и привнесенные извне) муромцы называли своего героя Муромцем — это его для них никак не характеризовало. Прозвище Муромец выдает восприятие Ильи за пределы его эпической малой родины — это определение, которое дается извне. Причем название Ильи в западнорусских землях Муравленином/Моровлином — в значении Муромец, пусть и в западнорусском варианте названия этого города, употреблявшееся к тому же в период упадка Мурома⁷⁶, является косвенным подтверждением положения о тогдашней популярности нашего героя в Киеве и Орше, где Илью, явившегося на службу в Киев к князю Владимиру, выводили из древнего, но на тот момент «московского» Мурома. Все это является подтверждением положения о сохранении в западнорусских землях Польско-Литовского государства XVI в. памяти об общем историческом прошлом, получившем отражение в героическом эпосе о Владимире киевском и его богатырях⁷⁷. В завершение отмечу: поскольку «муравленин/моровлин» — это средневековый западнорусский эквивалент великорусского «муромец», то желание некоторой части муромцев наших дней именоваться «муромлянами» является не восстановлением древнейшего именованья (и исторической справедливости), а делом личного вкуса.

Источники и литература

Источники

1. Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838.
2. Былины Ивана Герасимовича Рябинина-Андреева / Подг. текстов и прим. А. М. Астаховой. Петрозаводск: Государственное изд-во Карело-Финской ССР, 1948.
3. Былины П. И. Рябинина-Андреева / Подг. текстов, статья и прим. В. Базанова. Под ред. А. М. Астаховой. Петрозаводск, 1939.

⁷⁵ Кучкин В. А. Материалы для истории русского города... С. 303, 313. Ср. первое издание текста муромской сотной 1573/74 г. в сокращении: Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838. № 229. С. 250. См.: Иловайский Д. И. Богатырь-казак Илья Муромец... С. 462.

⁷⁶ Муром, испытав подъем, продолжавшийся полтора десятилетия после казанского похода Ивана Грозного 1552 г., в результате моровой язвы 1570 г. запустел — в 1573/74 г. в посаде было «в живе 111 дворов, людей 149» (Кучкин В. А. Материалы для истории русского города... С. 304).

⁷⁷ Флоря Б. Н. Россия и восточнославянские земли Польско-Литовского государства в конце XVI — первой половине XVII в. Политические и культурные связи. М., 2019. С. 14.

4. Былины Севера / Подг. текстов и прим. А. М. Астаховой. Т. 2. М., Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1951.
5. Копийная книга царских грамот Муромской земской приказной избы / Сост. В. Я. Чернышев. Владимир: Изд-во Владимирского гос. ун-та, 2011.
6. Назиратель / Изд. подгот. В. С. Гольшенко, Р. В. Бахтурина, И. С. Филиппова. М.: Наука, 1973.
7. Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1. М., Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1949.
8. Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Т. 2. М., Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1938.
9. Онежские былины / Науч. ред. текстов Ю. М. Соколова. М., 1948. (Летописи Государственного литературного музея, кн. 13).
10. Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко. Сказания, легенды, повести, сказки и притчи. Вып. 1. СПб., 1860.
11. Писцовая книга г. Мурома 1636/37 г. / Сост. В. Я. Чернышев. Владимир: Изд-во Владимирского гос. ун-та, 2010.
12. Повесть временных лет / Подг. текста, перевод, статьи Д. С. Лихачева. СПб.: Наука, 1999.
13. Помнікі старажытнай беларускай пісьменнасці / Рэд. Ю. С. Пшыркоў. Мінск: Навука і тэхніка, 1975.
14. ПСРЛ. Т. 9: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М.: Языки русской культуры, 2000.
15. ПСРЛ. Т. 10: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М.: Языки русской культуры, 2000.
16. ПСРЛ. Т. 17: Западнорусские летописи. М.: Языки славянских культур, 2008.
17. ПСРЛ. Т. 32: Белорусско-литовские летописи. М.: Наука, 1975.
18. ПСРЛ. Т. 35: Летописи белорусско-литовские. М.: Наука, 1980.
19. ПСРЛ. Т. 40: Густынская летопись. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003.
20. Путевые записки Эриха Лассоты, отправленного римским императором Рудольфом II к запорожцам в 1594 г. СПб., 1873.
21. Сотная с писцовых книг г. Мурома 1623/24 г. / Сост. В. Я. Чернышев. Владимир: Изд-во Владимирского гос. ун-та, 2010.
22. Список с переписной книги г. Мурома 1646 г.; Список со строельной книги г. Мурома 1649 г. / Сост. В. Я. Чернышев. Владимир: Изд-во Владимирского гос. ун-та, 2010.
23. Эхо прошедшей войны: Сборник материалов, воспоминаний и документов о Муроме и муромлянах в годы Великой Отечественной войны. Муром: Кардрук, 1995.

Литература

24. Аникин В. П. Русский богатырский эпос. М.: Просвещение, 1964.
25. Астахова А. М. Илья Муромец в русском эпосе // Илья Муромец. М., Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. С. 393–419.
26. Ахметова М. В. Вариантность названий жителей (по материалам электронной базы СМИ «Интегрум») // Вестник РГГУ. Серия: Филологические науки. Языкознание. 2013. № 8 (209). С. 86–105.
27. Ахметова М. В. Еще раз о суффиксе -чане (история одной полемики) // Русский язык в научном освещении. 2013. № 2 (26). С. 65–90.
28. Ахметова М. В. «Неправильное» именование как оскорбление (об одном аспекте вариантности катойконимов) // Шаги / Steps. 2015. № 1. С. 19–39.

29. Ахметова М. В. «Русское» и его символы в «локальном тексте» города Муром // Геополитика и русские диаспоры в Балтийском регионе. Ч. 1: Гуманитарные аспекты проблемы: русские глазами русских. Калининград, 2008. С. 59–74.
30. Ахметова М. В. Русскость как топос «локального текста»: случай Муром // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Фольклористика. 2009. № 9. С. 207–215.
31. Ахметова М. В. Топонимическая лексика: региональная норма и данные словарей // Вопросы культуры и речи. Вып. XI. М.: Языки славянской культуры, 2012. С. 289–295.
32. Беспалов Н. А. Муром. Памятники искусства XVI — начала XIX в. Ярославль: Волжское книжное изд-во, 1971.
33. Богатов И. П. О времени возникновения Муром // Советская археология. 1959. № 3. С. 223–226.
34. Борисов Н. С. Иван III. М.: Молодая гвардия, 2000.
35. Вагнер Г. К., Чугунов С. В. По Оке от Коломны до Муром. М.: Искусство, 1980.
36. Веселовский А. Н. Былины о Волхе Всеславьевиче и поэмы об Ортните // Русский фольклор. Т. 27: Межэтнические фольклорные связи. СПб.: Наука, 1993. С. 273–312.
37. Веселовский А. Н. Мелкие заметки к былинам // Журнал Министерства народного просвещения. 1890. Март. С. 1–55.
38. Веселовский А. Н. Русские и вильтины в саге о Тидреке Бернском (Веронском) // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. 1906. Т. 11, кн. 3. СПб., 1906. С. 1–190.
39. Владимиров П. В. Введение в историю русской словесности. Киев, 1896.
40. Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. 18: Местце — Надзавати. Мінск: Беларуская навука, 1999.
41. Глазырина Г. В. Илья Муromeц в русских былинах, немецкой поэме и скандинавской саге // Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. М.: Наука, 1978. С. 192–202.
42. Город Муром в VIII–XVI веках / Под ред. И. П. Богатова. Муром, 1947.
43. Городецкая И. Л., Левашов Е. А. Русские названия жителей. Словарь-справочник. М.: Астрель, АСТ, 2003.
44. Грабарь И. Э. История русского искусства. Т. 2. М., 1908.
45. Дашкевич Н. П. Центральные герои русского былевого эпоса (кн. Владимир и Илья) в древне-северной саге // Чтения в историческом обществе Нестора летописца. 1900. Кн. 14, вып. 3. С. 73–76.
46. Добрынкин В. Н. Муром прежде и теперь. М., 1903.
47. Добрынкин Н. Г. В память пребывания императора Павла I в г. Муроме в 1798 году. Владимир, 1899.
48. Епанчин А. А. «Господь поставил меня собирателем» (из краеведческого архива). Муром: Изд-во М. В. Апухтина, 2016.
49. Епанчин А. А. Краеведческий сборник: материалы архива. Муром: Изд-во М. В. Апухтина, 2015.
50. Ершов В. Е. Муромцы, служилые люди и дети боярские в XVI веке. Муром, 2007.
51. Ершов В. Е. Служилый «город» Муром в первой половине XVII века. Муром, 2010.
52. Жирмунский В. М. Народный героический эпос. Сравнительно-исторические очерки. М., Л.: Государственное изд-во художественной литературы, 1962.
53. Иловайский Д. И. Богатырь-казак Илья Муromeц как историческое лицо // Иловайский Д. И. Рязанское княжество. М.: Чарли, Алгоритм, 1997. С. 455–477.
54. История Муром и Муромского края с древнейших времен до конца двадцатого века: Учебное пособие. Муром, 2001.

55. *Кирпичников А. И.* Опыт сравнительного изучения западного и русского эпоса. Поэмы ломбардского цикла. М., 1873.
56. *Клейнберг И. Э.* «Дедрик Бернский» в Новгородской I летописи // Летописи и хроники. 1973. М.: Наука, 1974. С. 129–136.
57. *Королев А. С.* Загадки первых русских князей. М.: Вече, 2002.
58. *Королев А. С.* Илья Муромец. М.: Молодая гвардия, 2016.
59. *Королев А. С.* История междукняжеских отношений на Руси в 40–70-е годы X века. М.: Прометей, 2000.
60. *Королев А. С.* К вопросу о крещении княгини Ольги // Научная конференция молодых ученых: тезисы докладов и сообщений. Февраль 1995 г. М.: Изд-во МПГУ, 1995. С. 7–8.
61. *Королев А. С.* К вопросу об участии моравян в христианизации Руси во времена княгини Ольги // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2021. № 2 (14). С. 6–36.
62. *Королев А. С.* Моравский фактор во внешней политике Киевской Руси в X веке // Славяне и их соседи. Межславянские взаимоотношения и связи. Средние века и раннее Новое время. Тезисы XVIII конференции. М., 1999. С. 73–77.
63. *Королев А. С.* Об одном оригинальном сюжете из начальной русской истории в сочинениях западославянских авторов XVI–XVIII вв. // Локус: люди, общество, культура, смыслы. 2016. № 3. С. 53–65.
64. *Королев А. С.* Отношения Киева и местных княжений по договору 944 года русов с греками // Русский язык, культура и история. Сборник материалов II научной конференции лингвистов, литературоведов, фольклористов. Ч. 2. М., 1997. С. 126–131.
65. *Королев А. С.* Роль Великой Моравии в крещении русов при княгине Ольге // Научные труды Московского педагогического государственного университета. Серия: Социально-исторические науки. М.: Прометей, 1998. С. 3–8.
66. *Кузьмина В. Д.* Повесть о Бове-королевиче в русской рукописной традиции XVII–XIX вв. // Старинная русская повесть. Статьи и исследования. М., Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1941. С. 83–134.
67. *Кучкин В. А.* Материалы для истории русского города XVI в. (Выпись из писцовых книг г. Мурома 1566 г. и муромская сотная 1573/74 г.) // Археографический ежегодник за 1967 г. М.: Наука, 1969. С. 291–315.
68. *Лавров П. А.* Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930.
69. *Левашиов Е. А.* Географические названия. Прилагательные, образованные от них. Названия жителей. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000.
70. *Лихачев Д. С.* Летописные известия об Александре Поповиче // *Лихачев Д. С.* Исследования по древнерусской литературе. Л.: Наука, 1986. С. 318–352.
71. *Лихачев Д. С.* Народное поэтическое творчество в годы феодальной раздробленности Руси — до татаро-монгольского нашествия (XII — начало XIII в.) // Русское народное поэтическое творчество. Т. 1: Очерки по истории русского народного поэтического творчества X — начала XIII веков. М., Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1953. С. 217–247.
72. *Ляцкий Е.* Сказитель И. Т. Рябинин и его былины // Этнографическое обозрение. 1894. № 4. С. 105–153.
73. *Майков Л.* Материалы и исследования по старинной русской литературе (II–III) // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. 1891. Т. 53, № 5. С. 1–45.
74. *Миллер В. Ф.* Очерки русской народной словесности. Былины. Т. 2. М., 1910.
75. *Миллер В. Ф.* Очерки русской народной словесности. Т. 3. М., Л., 1924.
76. *Миллер В. Ф.* Экскурсы в область русского народного эпоса. М., 1892.

77. Муром. Историко-экономический очерк. Владимир: Владимирское книжное изд-во, 1962.
78. Мыльников А. С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Представления об этнической номинации и этничности XVI – начала XVIII века. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999.
79. Новиков Ю. А. Сказитель и былинная традиция. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000.
80. Російсько-український словник. Т. 2. Киев, 1932.
81. Русский орфографический словарь / отв. ред. В. В. Лопатин. М., 2005.
82. Словарь названий жителей СССР / ред. А. М. Бабкин, Е. А. Левашов. М.: Русский язык, 1975.
83. Смирнов Ю. М. Муром: город на особицу (субъективные заметки о муромском менталитете). Владимир: ВИТ-принт, 2013.
84. Соболевский А. И. К вопросу о прозвище былинного Ильи // Соболевский А. И. Труды по истории русского языка. Т. 2. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 168–169.
85. Тимофеев Б. Н. «Правильно ли мы говорим?». Заметки писателя. Л.: Лениздат, 1960.
86. Титов А. А. Историческое обозрение города Мурوما // Труды Владимирской Ученой Архивной Комиссии. Кн. 4. Владимир, 1902. С. 1–99.
87. Токмаков И. Муром, уездный город Владимирской губернии. Материалы для историко-статистического описания города в связи с церковно-археологическим обзором священных достопамятностей этого края с IX по XIX столетие. Владимир, 1887.
88. Травчетов Н. П. Город Муром и его достопримечательности. Очерк истории и современного состояния города. Владимир, 1903.
89. Турилов А. А. К истории великоморавского наследия в литературах южных и восточных славян (Слово «О похвале Богородице» Кирилла Философа (рукопись XV в.) // Великая Моравия, ее историческое и культурное значение. М.: Наука, 1985. С. 253–269.
90. Улащик Н. Н. Введение в изучение белорусско-литовского летописания. М.: Наука, 1985.
91. Усачёв А. С. «Насыщение событиями» первых веков истории Древнерусского государства в исторических сочинениях // Восточная Европа в древности и средневековье. Ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза. XXIII Чтения памяти В. Т. Пашуто. Москва, 19–21 апреля 2011 г. Материалы конференции. М., 2011. С. 286–292.
92. Филин Н. В. Об историческом прототипе Ильи Муромца // Армагеддон: актуальные проблемы истории, философии, культурологии. 2000. Кн. 7 (апрель-сентябрь). С. 56–87.
93. Флоря Б. Н. Россия и восточнославянские земли Польско-Литовского государства в конце XVI – первой половине XVII в. Политические и культурные связи. М.: Индрик, 2019.
94. Халанский М. Отношение былин об Илье Муромце к сказаниям об Олеге Вещем // Журнал Министерства народного просвещения. 1911. Сентябрь. С. 40–62.
95. Хведченя С. Б. Русский богатырь Илья из града Мурума // Уваровские чтения – II. Муром, 21–23 апреля 1993 г. М., 1994. С. 143–146.
96. Шахматов А. А. Разыскания о русских летописях. М.: Академический проект, Жуковский: Кучково поле, 2001.
97. Ярхо Б. И. Илья, Илиас, Хилтебрант // Известия Отделения русского языка и словесности Российской Академии наук. 1917 г. Т. 22, кн. 2. Пг., 1918. С. 327–337.

Sources and References

Sources

1. *Akty juridicheskie, ili Sobranie form starinnogo deloproizvodstva* [Legal acts, or a collection of forms of ancient office work]. St. Petersburg, 1838. (In Old-Russian)
2. *Byliny Ivana Gerasimovicha Ryabinina-Andreeva* [Epics of Ivan Gerasimovich Ryabinin-Andreev]. Petrozavodsk, 1948. (In Russian)
3. *Byliny P. I. Ryabinina-Andreeva* [Epics of P. I. Ryabinin-Andreev]. Petrozavodsk, 1939. (In Russian)
4. *Byliny Severa* [Epics of the North], vol. 2. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Press, 1951. (In Russian)
5. *Ekho proshedshej vojny: Sbornik materialov, vospominanij i dokumentov o Murome i muromlyanah v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Echo of the Last War: A collection of materials, memoirs and documents about Murom and the Muromlyans during the Great Patriotic War]. Murom, Kardruk Publ., 1995. (In Russian)
6. *Kopijnaya kniga carskih gramot Muromskoj zemskoj prikaznoj izby* [The book of copies of the royal letters of the Murom government office of the Zemstvo]. Vladimir State University Press, 2011. (In Russian)
7. *Naziratel'* [Trustee]. Moscow, Nauka Publ., 1973. (In Russian)
8. *Onezhskie byliny* [Onega epics]. Moscow, 1948. (Letopisi Gosudarstvennogo literaturnogo muzeya, book 13). (In Russian)
9. *Onezhskie byliny, zapisannye A. F. Gil'ferdingom letom 1871 goda* [Onega epics recorded by A. F. Gilferding in the summer of 1871], vol. 1. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Press, 1949. (In Russian)
10. *Onezhskie byliny, zapisannye A. F. Gil'ferdingom letom 1871 goda* [Onega epics recorded by A. F. Gilferding in the summer of 1871], vol. 2. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Press, 1938. (In Russian)
11. *Pamyatniki starinnoj russkoj literatury. Skazaniya, legendy, povesti, skazki i pritchi* [Monuments of ancient Russian literature. Tales, legends, novellas, fairy tales and parables], vol. 1. St. Petersburg, 1860. (In Old-Russian)
12. *Piscovaya kniga g. Muroma 1636/37 g.* [The scrivener's book of the city of Murom 1636/37]. Vladimir State University Press, 2010. (In Russian)
13. *Polnoye sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles], vol. 9: Nikon Chronicle. Moscow, Yazyki russkoj kul'tury Publ., 2000. (In Old-Russian)
14. *Polnoye sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles], vol. 10: Nikon Chronicle. Moscow, Yazyki russkoj kul'tury Publ., 2000. (In Old-Russian)
15. *Polnoye sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles], vol. 17: Western Russian Chronicles. Moscow, Yazyki slavyanskih kul'tury Publ., 2008. (In Old-Russian)
16. *Polnoye sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles], vol. 32: Belarusian-Lithuanian chronicles. Moscow, Nauka Publ., 1975. (In Old-Russian)
17. *Polnoye sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles], vol. 35: Belarusian-Lithuanian chronicles. Moscow, Nauka Publ., 1980. (In Old-Russian)
18. *Polnoye sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles], vol. 40: Gustynskaya Chronicle. St. Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ., 2003. (In Old-Russian)
19. *Pomniki starazhytnaj belaruskaj pis'mennasci* [Monuments of ancient Belarusian writing]. Minsk: Navuka i tekhnika Publ., 1975. (In Belarusian)
20. *Povest' vremennyh let* [The Tale of Bygone Years]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1999. (In Old-Russian and Russian)

21. Putevye zapiski Eriha Lassoty, otpravlennogo rimskim imperatorom Rudol'fom II k zaporozhcam v 1594 g. [Travel notes by Erich Lassota, sent by the Roman Emperor Rudolf II to the Zaporozhians in 1594]. St. Petersburg, 1873. (In Russian)
22. Sotnaya s piscovyh knig g. Muroma 1623/24 g. [Extract from the scrivener books of the city of Murom 1623/24]. Vladimir State University Press, 2010. (In Russian)
23. Spisok s perepisnoj knigi g. Muroma 1646 g.; Spisok so stroel'noj knigi g. Muroma 1649 g. [A copy from the census book of the city of Murom in 1646; A copy from a book describing buildings in Murom in 1649]. Vladimir State University Press, 2010. (In Russian)

References

24. Ahmetova M. V. "Nepravil'noe" imenovanie kak oskorblenie (ob odnom aspekte variantnosti katojkonimov) ["Incorrect" naming as an insult (about one aspect of the variation of demonyms)]. *Shagi = Steps*, 2015, no. 1, pp. 19–39. (In Russian)
25. Ahmetova M. V. "Russkoe" i ego simvol'y v "lokal'nom tekste" goroda Muroma ["Russian" and its symbols in the "local text" of the city of Murom]. *Geopolitika i russkie diaspory v Baltijskom regione*, part 1: Gumanitarnye aspekty problemy: russkie glazami russkih. Kaliningrad, 2008, p. 59–74. (In Russian)
26. Ahmetova M. V. Eshche raz o suffiks -chane (istoriya odnoj polemiki) [Once again about the suffix -chane (the story of a controversy)]. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2013, no. 2 (26), p. 65–90. (In Russian)
27. Ahmetova M. V. Russkost' kak topos "lokal'nogo teksta": sluchaj Muroma [Russianness as a topos of the "local text": the case of Murom]. *RSUH/RGGU Bulletin*, series: Literary Theory. Folklore studies, 2009, no. 9, p. 207–215. (In Russian)
28. Ahmetova M. V. Toponimicheskaya leksika: regional'naya norma i dannye slovarnej [Toponymic vocabulary: regional norm and dictionary data]. *Voprosy kul'tury i rechi*, vol. 11. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2012, p. 289–295. (In Russian)
29. Ahmetova M. V. Variantnost' nazvanij zhitelej (po materialam elektronnoj bazy SMI "Integrum") [Variation of names of residents (based on the materials of the electronic database of the Integrum media)]. *RSUH/RGGU Bulletin*, series: Philology studies, Linguistics, 2013, no. 8 (209), p. 86–105. (In Russian)
30. Anikin V. P. *Russkij bogatyrskij epos [The Russian Heroic Epic]*. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1964. (In Russian)
31. Astahova A. M. Il'ya Muromec v russkom epose [Ilya Muromets in the Russian Epic]. *Il'ya Muromec*. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Press, 1958, p. 393–419. (In Russian)
32. Bepalov N. A. *Murom. Pamyatniki iskusstva 16 — nachala 19 v. [Murom. Monuments of art of the 16 — early 19 century]*. Yaroslavl, Volzhskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1971. (In Russian)
33. Bogatov I. P. O vremeni vozniknoveniya Muroma [About the time of Murom's appearance]. *Sovetskaya arheologiya*, 1959, no. 3, p. 223–226. (In Russian)
34. Borisov N. S. *Ivan III*. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2000. (In Russian)
35. Dashkevich N. P. Central'nye geroi russkogo bylevogo eposa (kn. Vladimir i Il'ya) v drevne-severnoj sage [The central characters of the Russian epic (Prince Vladimir and Ilya) in the ancient Northern saga]. *Chteniya v istoricheskom obshchestve Nestora letopisca*, 1900, vol. 14, no. 3, p. 73–76. (In Russian)
36. Dobrynkin N. G. *V pamyat' prebyvaniya imperatora Pavla I v g. Murome v 1798 godu [In memory of the stay of Emperor Paul I in Murom in 1798]*. Vladimir, 1899. (In Russian)
37. Dobrynkin V. N. *Murom prezhde i teper' [Murom before and now]*. Moscow, 1903. (In Russian)
38. Epanchin A. A. "Gospod' postavil menya sobiratelem" (iz kraevedcheskogo arhiva) ["The Lord made me a collector" (from the archive of local lore)]. Murom, M. V. Apuhtin Publ., 2016. (In Russian)

39. Epanchin A. A. *Kraevedcheskij sbornik: materialy arhiva [Local history collection: archive materials]*. Murom, M. V. Apuhtin Publ., 2015. (In Russian)
40. Ershov V. E. *Muromcy, sluzhilye lyudi i deti boyarskie v 16 veke [Murom residents, sluzhilye lyudi and deti boyarskie in the 16 century]*. Murom, 2007. (In Russian)
41. Ershov V. E. *Sluzhilyj "gorod" Murom v pervoj polovine 17 veka [The sluzhilyj "gorod" of Murom in the first half of the 17th century]*. Murom, 2010. (In Russian)
42. Filin N. V. Ob istoricheskom prototipe Il'i Muromca [About the historical prototype of Ilya Muromets]. *Armageddon: aktual'nye problemy istorii, filosofii, kul'turologii*, 2000, book 7, p. 56–87. (In Russian)
43. Florya B. N. *Rossiya i vostochnoslavjanskie zemli Pol'sko-Litovskogo gosudarstva v konce 16 — pervoj polovine 17 v. Politicheskie i kul'turnye svyazi [Russia and the East Slavic lands of the Polish-Lithuanian Commonwealth in the late 16 and first half of the 17 centuries. Political and cultural ties]*. Moscow, Indrik Publ., 2019. (In Russian)
44. *Gistarychny sloŭnik belaruskaj movy [Historical dictionary of the Belarusian language]*, vol. 18. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 1999. (In Belarusian)
45. Glazyrina G. V. Il'ya Muromec v russkikh bylinah, nemeckoj poeme i skandinavskoj sage [Ilya Muromets in Russian Epics, German Poem and Scandinavian Saga]. *Metodika izucheniya drevnejshih istochnikov po istorii narodov SSSR*. Moscow, Nauka Publ., 1978, p. 192–202. (In Russian)
46. *Gorod Murom v 8–16 vekah [The city of Murom in the 8–16 centuries]*. Murom, 1947. (In Russian)
47. Gorodeckaya I. L., Levashov E. A. *Russkie nazvaniya zhitelej [Russian names of inhabitants]*. A reference dictionary. Moscow, Astrel Publ., AST Publ., 2003. (In Russian)
48. Grabar' I. E. *Istoriya russkogo iskusstva [The history of Russian art]*, vol. 2. Moscow, 1908. (In Russian)
49. Halanskij M. Otnoshenie bylin ob Il'e Muromce k skazaniyam ob Olege Veshchem [The relation of the epics about Ilya Muromets to the legends about Oleg the Prophetic]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*, 1911, September, p. 40–62. (In Russian)
50. Hvedchenya S. B. Russkij bogatyř Il'ya iz grada Muroma [The Russian hero Ilya from the city of Murom]. *Uvarovskie chteniya*. Moscow, 1994, p. 143–146. (In Russian)
51. Ilovajskij D. I. Bogatyř-kazak Il'ya Muromec kak istoricheskoe lico [Bogatyř and Cossack Ilya Muromets as a historical figure]. In: Ilovajskij D. I. *Ryazanskoe knyazhestvo*. Moscow, Charli Publ., Algoritm Publ., 1997, p. 455–477. (In Russian)
52. *Istoriya Muroma i Muromskogo kraja s drevnejshih vremen do konca 20 veka: Uchebnoe posobie [The history of Murom and the Murom region from ancient times to the end of the 20 century: A textbook]*. Murom, 2001. (In Russian)
53. Kirpichnikov A. I. *Opyt sravnitel'nogo izucheniya zapadnogo i russkogo eposa. Poemy lombardskogo cikla [The experience of comparative study of Western and Russian epics. Poems of the Lombard cycle]*. Moscow, 1873. (In Russian)
54. Klejnenberg I. E. "Dedrik Bernskij" in Novgorod First Chronicle. *Letopisi i hroniki*, 1973. Moscow, Nauka Publ., 1974, p. 129–136. (In Russian)
55. Korolev A. S. *Ilya Muromets*. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2016. (In Russian)
56. Korolev A. S. *Istoriya mezhdruknyazheskikh otnoshenij na Rusi v 40–70-e gody 10 veka [The history of relations between princes in Russia in the 40–70s of the 10 century]*. Moscow, Prometej Publ., 2000. (In Russian)
57. Korolev A. S. K voprosu o kreshchenii knyagini Ol'gi [On the question of the baptism of Princess Olga]. *Nauchnaya konferenciya molodyh uchenyh: tezisy dokladov i soobshchenij. Fevral' 1995 goda*. Moscow, 1995, p. 7–8. (In Russian)
58. Korolev A. S. K voprosu ob uchastii moravan v hristianizacii Rusi vo vremena knyagini Ol'gi [On the question of the participation of Moravians in the Christianization of Russia

in the time of Princess Olga]. *Paleorosia. Ancient Rus: in Time, in Personalities, in Ideas*, 2021, no. 2 (14), p. 6–36. (In Russian)

59. Korolev A. S. Moravskij faktor vo vneshnej politike Kievskoj Rusi v 10 veke [The Moravian factor in the foreign policy of Kievan Rus in the 10th century]. *Slavyane i ih sosedi. Mezhslovjanskie vzaimootnosheniya i svyazi. Srednie veka i rannee Novoe vremya*. Moscow, 1999, p. 73–77. (In Russian)

60. Korolev A. S. Ob odnom original'nom syuzhete iz nachal'noj russkoj istorii v sochineniyah zapadnoslovjanskih avtorov 16–18 vv. [About an original story from the early Russian history in the writings of West Slavic authors of the 16–18 centuries.]. *Lokus: lyudi, obshchestvo, kul'tury, smysly*, 2016, no. 3, p. 53–65. (In Russian)

61. Korolev A. S. Otnosheniya Kieva i mestnyh knyazhenij po dogovoru 944 goda rusov s grekami [Relations between Kiev and local principalities under the treaty of 944 between the Rus' and the Greeks]. *Russkij yazyk, kul'tura i istoriya*, part 2. Moscow, 1997, p. 126–131. (In Russian)

62. Korolev A. S. Rol' Velikoj Moravii v kreshchenii rusov pri knyagine Ol'ge [The role of Great Moravia in the Baptism of Rus' under Princess Olga]. *Nauchnye trudy Moskovskogo pedagogicheskogo gosudarstvennogo universiteta*, series: Socio-historical sciences. Moscow, Prometej Publ., 1998, pp. 3–8. (In Russian)

63. Korolev A. S. *Zagadki pervyh russkikh knyazej [The Riddles of the first Russian Princes]*. Moscow, Veche Publ., 2002. (In Russian)

64. Kuchkin V. A. Materialy dlya istorii russkogo goroda 16 v. (Vypis' iz piscovykh knig g. Muroma 1566 g. i muromskaya sotnaya 1573/74 g.) [Materials for the history of the Russian city of the 16 century. (Extract from the scribal books of Murom in 1566 and the Murom Hundred in 1573/74)]. *Arheograficheskij ezhegodnik za 1967 god*. Moscow, Nauka Publ., 1969, p. 291–315. (In Russian)

65. Kuz'mina V. D. Povest' o Bove-koroleviche v russkoj rukopisnoj tradicii 17–19 vv. [The tale of Bove the Prince in the Russian manuscript tradition of the 17–19 centuries]. *Starinnaya russkaya povest'. Stat'i i issledovaniya*. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Press, 1941, p. 83–134. (In Russian)

66. Lavrov P. A. *Materialy po istorii vzniknoveniya drevnejšej slavyanskoj pis'mennosti [Materials on the history of the origin of the most ancient Slavic writing]*. Leningrad, 1930. (In Russian)

67. Levashov E. A. *Geograficheskie nazvaniya. Prilagatel'nye, obrazovannye ot nih. Nazvaniya zhitelej [Geographical names. Adjectives derived from them. Names of residents]*. St. Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ., 2000. (In Russian)

68. Lihachev D. S. Letopisnye izvestiya ob Aleksandre Popoviche [Chronicle news about Alexander Popovich]. In: Lihachev D. S. *Issledovaniya po drevnerusskoj literature*. Leningrad, Nauka Publ., 1986, p. 318–352. (In Russian)

69. Lihachev D. S. Narodnoe poeticheskoe tvorcestvo v gody feodal'noj razdroblennosti Rusi — do tataro-mongol'skogo nashestviya (12 — nachalo 13 v.) [Folk poetry in the years of feudal fragmentation of Russia — before the Tatar-Mongol invasion (12 — early 13 century)]. *Russkoe narodnoe poeticheskoe tvorcestvo*, vol. 1: Oчерki po istorii russkogo narodnogo poeticheskogo tvorcestva 10 — nachala 13 vekov. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Press, 1953, p. 217–247. (In Russian)

70. Lyackij E. Skazitel' I. T. Ryabinin i ego byliny [The storyteller I. T. Ryabinin and his epics]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 1894, no. 4, p. 105–153. (In Russian)

71. Majkov L. Materialy i issledovaniya po starinnoj russkoj literature (II–III) [Materials and research on ancient Russian literature (II–III)]. *Sbornik Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoj Akademii nauk*, 1891, vol. 53, no. 5, p. 1–45. (In Russian)

72. Miller V. F. *Ekskursy v oblast' russkogo narodnogo eposa [Excursions into the field of Russian folk epic]*. Moscow, 1892. (In Russian)

73. Miller V. F. *Ocherki russkoj narodnoj slovesnosti [Essays on Russian folk literature]*, vol. 3. Moscow, Leningrad, 1924. (In Russian)
74. Miller V. F. *Ocherki russkoj narodnoj slovesnosti. Byliny [Essays on Russian folk literature. Epics]*, vol. 2. Moscow, 1910. (In Russian)
75. *Murom. Istoriko-ekonomicheskij ocherk [Murom. Historical and economic essay]*. Vladimir, Vladimirskoe knizhnoe izd-vo Publ., 1962. (In Russian)
76. Myl'nikov A. S. *Kartina slavyanskogo mira: vzglyad iz Vostochnoj Evropy: Predstavleniya ob etnicheskoy nominacii i etnichnosti 16 — nachala 18 veka [The picture of the Slavic world: a view from Eastern Europe: Ideas about ethnic nomination and ethnicity of the 16 — early 18 century]*. St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 1999. (In Russian)
77. Novikov Yu. A. *Skazitel' i bylinnaya tradiciya [The Storyteller and the epic tradition]*. St. Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ., 2000. (In Russian)
78. *Russian-Ukrainian dictionary*, vol. 2. Kiev, 1932. (In Russian and Ukrainian)
79. *Russian spelling dictionary*, ed. by V. V. Lopatin. Moscow, 2005. (In Russian)
80. Shahmatov A. A. *Razyskaniya o russkikh letopisyah [The Quest for Russian Chronicles]*. Moscow, Akademicheskij proekt Publ., Zhukovskij, Kuchkovo pole Publ., 2001. (In Russian)
81. *Dictionary of names of inhabitants of the USSR*, ed. by A. M. Babkin, E. A. Levashov. Moscow, Russkij yazyk Publ., 1975. (In Russian)
82. Smirnov Yu. M. *Murom: gorod na osobicu (sub'ektivnye zametki o muromskom mentalitete) [Murom: a special city (subjective notes on the Murom mentality)]*. Vladimir, VIT-print Publ., 2013. (In Russian)
83. Sobolevskij A. I. K voprosu o prozvishe bylinnogo Il'i [On the question of the nickname of the epic Ilya]. In: Sobolevskij A. I. *Trudy po istorii russkogo yazyka*, vol. 2. Moscow: Yazyki slavyanskih kul'tur Publ., 2006, p. 168–169. (In Russian)
84. Timofeev B. N. "Pravil'no li my govorim?" Zаметki pisatelya ["Are we saying this correctly?" Writer's notes]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1960. (In Russian)
85. Titov A. A. Istoricheskoe obozrenie goroda Muroma [Historical review of the city of Murom]. *Trudy Vladimirskoj Uchenoj Arhivnoj Komissii*, vol. 4. Vladimir, 1902, p. 1–99. (In Russian)
86. Tokmakov I. *Murom, uezdnyj gorod Vladimirskoj gubernii. Materialy dlya istoriko-statisticheskogo opisaniya goroda v svyazi s cerkovno-arheologicheskim obzorom svyashchennyh dostopamyatnostej etogo kraja s 9 po 19 stoletie [Murom, the county town of Vladimir province. Materials for the historical and statistical description of the city in connection with the ecclesiastical and archaeological survey of the sacred sites of this region from the 9th to the 19th century]*. Vladimir, 1887. (In Russian)
87. Travchetov N. P. *Gorod Murom i ego dostoprimechatel'nosti. Ocherk istorii i sovremennogo sostoyaniya goroda [The city of Murom and its attractions. An outline of the history and current state of the city]*. Vladimir, 1903. (In Russian)
88. Turilov A. A. K istorii velikomoravskogo naslediya v literaturah yuzhnyh i vostochnyh slavyan (Slovo "O pohvale Bogorodice" Kirilla Filosofa (rukopis' 15 v.)) [On the History of the Great Moravian Heritage in the Literatures of the Southern and Eastern Slavs (The Word "On the Praise of the Virgin" by Cyril the Philosopher (manuscript of the 15th century))]. *Velikaya Moraviya, ee istoricheskoe i kul'turnoe znachenie*. Moscow, Nauka Publ., 1985, p. 253–269. (In Russian)
89. Ulashchik N. N. *Vvedenie v izuchenie belorussko-litovskogo letopisaniya [Introduction to the study of the Belarusian-Lithuanian Chronicle]*. Moscow, Nauka Publ., 1985. (In Russian)
90. Usachyov A. S. "Nasyshchenie sobytijami" pervyh vekov istorii Drevnerusskogo gosudarstva v istoricheskikh sochineniyah [The "saturation of events" of the first centuries of the history of the Ancient Russian State in historical writings]. *Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e. Rannie gosudarstva Evropy i Azii: problemy politogeneza. XXIII Chteniya pamyati V. T. Pashuto*. Moscow, 2011, p. 286–292. (In Russian)

91. Vagner G. K., Chugunov S. V. *Po Oke ot Kolomny do Muroma [Along the Oka River from Kolomna to Murom]*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1980. (In Russian)
92. Veselovskij A. N. Byliny o Volhe Vseslav'eviche i poemy ob Ortnite [Epics about Volkh Vseslavyevich and poems about Ortnite. *Russkij fol'klor*, vol. 27: Mezhetnicheskie fol'klornye svyazi. St. Petersburg, Nauka Publ., 1993, p. 273–312. (In Russian)
93. Veselovskij A. N. Melkie zametki k bylinam [Small notes on epics]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*, 1890, March, p. 1–55. (In Russian)
94. Veselovskij A. N. Russkie i vil'tiny v sage o Tidreke Bernskom (Veronskom) [Russians and Wiltins in the saga of Tidrek of Bern (Verona)]. *Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoj Akademii nauk*, 1906, vol. 11, no. 3. St. Petersburg, 1906, p. 1–190. (In Russian)
95. Vladimirov P. V. *Vvedenie v istoriyu russkoj slovesnosti [An introduction to the History of Russian literature]*. Kyiv, 1896. (In Russian)
96. Yarho B. I. Il'ya, Ilias, Hildebrant [Ilya, Ilias, Hildebrant]. *Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Rossiyskoj Akademii nauk*, 1917, vol. 22, book 2. Petrograd, 1918, p. 327–337. (In Russian)
97. Zhirmunskij V. M. *Narodnyj geroicheskij epos. Sravnitel'no-istoricheskie ocherki [A folk heroic epic. Comparative historical essays]*. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izd-vo hudozhestvennoj literatury Publ., 1962. (In Russian)

О. Л. Губарев

**Копья поют и стяги глаголют
(два скандинавизма в «Слове о полку Игореве»)**

УДК 821.161.1:82-94:94(47)(093)
DOI 10.47132/2618-9674_2025_3_56
EDN RCIVHQ

Аннотация: В «Слове о полку Игореве» есть два выражения, вызвавшие дискуссии исследователей эпоса и оставшиеся до конца неразъясненными. Это «поющие копья» и «глаголющие стяги». Большинство историков и лингвистов сходится в том, что эти выражения не следует понимать в прямом смысле. Однако уже в XIX в. М. П. Погодин обратил внимание на эти выражения в связи с их сходством с формулами, часто употребляемыми в поэзии скальдов. Скандинавы, и русы в том числе, верили в то, что предметы могут быть «живыми» и «оживать», а также обладают свойствами живых существ, например, голосом. И тогда смысл этих выражений, с учетом верований русов в возможность оружия «оживать», становится понятен.

Ключевые слова: Слово о полку Игореве, скандинавское влияние, оружие, скальдическая поэзия, кеннинги.

Об авторе: **Олег Львович Губарев**
Независимый исследователь (Санкт-Петербург).
E-mail: LvovichG@rambler.ru

Для цитирования: Губарев О. Л. Копья поют и стяги глаголют (два скандинавизма в «Слове о полку Игореве») // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2025. № 3 (31). С. 56–66.

Статья поступила в редакцию 12.04.2025; одобрена после рецензирования 23.04.2025; принята к публикации 03.05.2025.

Oleg Gubarev

**The Spears sing and the Banners speak
(Two Scandinavian Expressions in “The Tale of Igor’s Campaign”)**

UDK 821.161.1:82-94:94(47)(093)
DOI 10.47132/2618-9674_2025_3_56
EDN RCIVHQ

Abstract: In “The Tale of Igor’s Campaign” there are two expressions that provoked discussions among researchers of the epic text, but have not yet been fully clarified. These are “singing spears” and “speaking banners”. Most historians and linguists agree that these expressions should not be taken literally. However, as early as in the 19th century, M. P. Pogodin turned his attention to these expressions because of their similarity to patterns often used in the poetry of skalds. Scandinavians, including the Rus group, believed that objects can be “alive” and “come to life”, and also possess the properties of living beings, for example, a voice. So, taking into account the beliefs of the Rus people in the ability of weapons to “come to life”, the meaning of these expressions becomes clear.

Keywords: The Tale of Igor’s Campaign, Scandinavian Influence, Weapons, Scaldic Poetry, Kennings.

About the author: **Oleg Gubarev**
Independent researcher (St. Petersburg).
E-mail: LvovichG@rambler.ru

For citation: Gubarev O. The Spears sing and the Banners speak (Two Scandinavian Expressions in “The Tale of Igor’s Campaign”). *Paleorosia. Ancient Rus in time, in personalities, in ideas*, 2025, No. 3 (31), p. 56–66.

The article was submitted 12.04.2025; approved after reviewing 23.04.2025; accepted for publication 03.05.2025.

В «Слове о полку Игореве» (далее — «Слова...») есть два непонятных историкам выражения — «поющие копьа» и «глаголющие стяги». Историография их толкования приведена в «Энциклопедии “Слова...”»¹. У историков часто возникает желание объяснить непонятное место в источнике, выдвигая допущения и дополнительные предположения и гипотезы. Это называется геропизмом². Каких только допущений и дополнительных гипотез не выдвигали исследователи «Слова...» в попытке объяснить эти непонятные места! Уже первые издатели «Слова...» перевели слова «копья поют» как «копья же на Дунае славятся», считая, что они относятся к рассказу о Рюрике и Давыде.

Е. В. Барсов приводит сборку различных переводов выражения «копья поют»³. Он сообщает, что В. Г. Анастасевич перевел это место как «кони пьют на Дунае». А. Ф. Вельтман и П. П. Вяземский понимали это так, что речь идет о конях, которых поят в водах Дуная. А. А. Потембин сравнивал «поющие копьа» с «пеньем стрел»⁴. Барсов считал, что текст искажен и речь идет о копьях, которые «поют на Дунае», считая, что выражение «напоить копьа» означает жаркое сражение. А. И. Смирнов защищал тезис о «поющих копьях» при их метании во врага.

В наши дни А. К. Югов пояснял, что под «копьями» надо понимать отряды войск: «...никакие вещественные копя, ни короткие, ни длинные, не поют в „Слове о полку Игореве“, а поют отряды, поют врозь, враждебно!»⁵. Д. С. Лихачев считал, что фраза искажена или оборвана⁶. Он и А. А. Зимин указали, что копя в бою не метали⁷. Однако потом Лихачев все же допустил, что «поют бросаемые копя». Н. А. Мещерский считал, что речь идет о «ветре, дующем сквозь копя»⁸.

Итак, очевидно, что ни одно из высказываемых соображений не объясняет удовлетворительно это непонятное место. Ту же картину мы видим, когда историки и литературоведы пытаются объяснить выражение «стяги глаголют». Первые переводы объясняли слово «стяг» как знамя. М. Фасмер производил в своем этимологическом словаре это слово от скандинавского *stǫng* («шест»). Д. Н. Дубенский подчеркивал, что кроме значения «знамя» возможно и другое — «войско»⁹. Знамена, как отмечал Л. Яковлев, помогали войску выстроиться в боевой порядок. В. В. Макушев считал, что это выражение «означает что-то взятое из природы: знамена здесь не кстати, и самое выражение „знамена говорят“ странно»¹⁰. Другие исследователи, привлекая аналогичные выражения из «Сказания о Мамаевом побоище», а именно: «стяжи

¹ Творогов О. В. Копье // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 3. СПб., 1995. С. 76–78; Бобров А. Г. Стяг // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Т. 5. СПб., 1995. С. 77–79.

² Клейн Л. С. Гипотеза в археологии // Российский археологический ежегодник. № 1. 2011. СПб., 2011. С. 60.

³ Барсов Е. В. «Слова о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси. Т. 2. М., 1887. С. 269–270.

⁴ Слова о полку Игореве / прим. А. А. Потембина // Филологические записки. 1878. Вып. 2. С. 135.

⁵ Слова о полку Игореве / пер., комм. и статьи А. Югова. М., 1970. С. 199.

⁶ Лихачев Д. С. Устные истоки поэтической системы «Слова о полку Игореве» // Слова о полку Игореве. Исследования и статьи. М., Л., 1950. С. 76.

⁷ Зимин А. А. Ипатьевская летопись и «Слова о полку Игореве» // История СССР. 1968. № 6. С. 62.

⁸ Мещерский Н. А. Слова о полку Игоревѣ, сына Святъславля, внука Ольгова: Реконструкция древнерусского текста; Слова о походе Игоревом...: Пер. реконструиру. текста; Комм. к тексту «Слова о полку Игореве» (совм. с А. А. Бурькиным) // Слова о полку Игореве. Л., 1985. С. 476.

⁹ Дубенский Д. Слова о полку Игореве Святъславля пестворца старого времени объясненное по древним письменным памятникам. М., 1844. С. 52.

¹⁰ Макушев В. В. [Рец. на кн.: Тихонравов Н. С. Слова о полку Игореве] // ЖМНП. 1867. Ч. 133. С. 461–462.

режут наволоченья, простирающиеся, аки облаци тихо трепещуще, хотят промолвити», опровергли попытки представить «стяги» как отряды войск¹¹. Л. А. Булаховский полагал, что «глаголют» надо понимать как искаженное «плаполять», т. е. развеваются или «плаполють» — пылают¹². И. Д. Тиунов предложил следующий перевод: «знамена показывают, (что) половцы идут»¹³. Д. С. Лихачев возражал, что не нужно «одушевлять» стяги, предсказывающие нападение половцев, потому что нападение половцев «не стоит предсказывать — оно видно и слышно: о движении половцев говорит пыль, поднятая их войском, топот копыт, стяги...»¹⁴ Антиномист А. Л. Никитин пытался доказать, что выражение «стяги глаголют» подразумевало, что, что стяги стоят «глаголем», т. е. развеваются¹⁵.

В стихотворном переводе А. Ю. Чернова выражения «копья поют» и «стяги глаголют» сохранены в полном соответствии с древнерусским текстом. В комментариях он сделал попытку расшифровать выражение «копья поют» как описание свиста ветра при скачке в вертикально поднятых копьях. Относительно выражения «стяги глаголют» Чернов приводит несколько версий: «1) русские или половецкие стяги “переговариваются” (стягами в бою отдавались команды); 2) стяг — наименьшее воинское подразделение, которое в бою “стягивается” вокруг своего стяга, значит, это разные полки русских дают знать князю, что на них наступает враг; 3) Алишер Навои сравнивал арабскую букву алеф, записывающуюся вертикальной черточкой, с гордо поднятым стягом, но за два века до него древнерусский поэт увидел в развевающемся стяге славянскую букву “Г” (“глаголь”); 4) по-древнерусски *глаголать* — не только говорить, но и пророчить»¹⁶.

У зарубежных исследователей «Слова...» при объяснении этих мест возникают те же проблемы. Так, Р. Манн пишет: «Копия, конечно, могут “петь” только в переносном смысле... Эти формулы... отражают методику бардов и песнотворцев, которые работают по-другому, опираясь на большой запас готовых формул, способствующих плавному, непрерывному повествованию»¹⁷. В другом случае выражение «копья поют» переведено с добавлением от себя переводчиками как «spears sing as they clashed» («копья поют, когда они сталкиваются»), а вместо «стяги говорят» в переводе стоит «banners flutter» (знамена трепещут)¹⁸.

Очевидно, что ни одно из предложенных объяснений не может быть признано удовлетворительным.

Еще в XIX в. Ф. И. Буслаев и М. П. Погодин считали эти выражения скандинавизмами¹⁹. Скандинавское происхождение словосочетаний было изучено в 1949 г. М. Шлаух, которая привела такие их аналоги:

¹¹ Дылевский Н. М. Лексические и грамматические свидетельства подлинности «Слова о полку Игореве» по старым и новым данным // Слово о полку Игореве — памятник XII века. М., Л., 1962. С. 183–184.

¹² Булаховский Л. А. «Слово о полку Игореве» как памятник древнерусского языка // Слово о полку Игореве. Сборник исследований и статей. М., Л., 1950. С. 158.

¹³ Тиунов И. Д. Несколько замечаний к «Слову о полку Игореве» // Слово о полку Игореве. Сборник исследований и статей. М., Л., 1950. С. 197.

¹⁴ Лихачев Д. С. Устные истоки... С. 53–92.

¹⁵ Никитин А. Л. К вопросу стратификации «Слова о полку Игореве» // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 1: XI–XVI века. М., 1989. С. 144.

¹⁶ Чернов А. Ю. Хроники изначного времени. «Слово о полку Игореве»: текст и его окрестности. СПб., 2006. С. 219.

¹⁷ Манн Р. «Песнь о полку Игореве»: Новые открытия. М., 2009. С. 83. См.: Mann R. *Lances Sing: a Study of the Igor Tale*. Columbus, 1990.

¹⁸ *On the Campaign of Igor*. A translation of the “Slovo o polku Iгореve” by Haney J. & Dahl E. Seattle, 1992.

¹⁹ Погодин М. П. Замечания о наших былинах // ЖМНП. 1870. Ч. 152. С. 167.

*slíðrtungur lét syngva
sverðleiks reginn...*²⁰

Шлаух указывает, что эти выражения на Old Norse не являются *prosopopoeia*²¹. В рецензии на книгу Рудольфа Абихта Резанов также показывает параллели в «Слове...» с образцами поэзии скальдов²².

Видимо, в связи с господством антинорманизма в СССР убедительные объяснения этих двух темных мест в «Слове...» были забыты или проигнорированы. А между тем нет ничего проще, чем понимать, как указывал Погодин, эти выражения в их прямом смысле, соответствующем вере скандинавов и русов в «живые» предметы, когда грань между живой и неживой материей стиралась в их представлениях.

Раннесредневековые скандинавы и русы (как скандинавская диаспора)²³ верили в то, что у предметов есть «душа». Они верили, что оружие обладает свойствами живого существа, например, голосом, что мечи и копья в бою могут петь воинственную песню, рычать и говорить²⁴. Русы-язычники, заключая договоры с византийцами, верили, что оружие может «ожить» и напасть на своих владельцев в случае нарушения клятвы. При этом они специально складывали на землю щиты, тем самым показывая, что не собираются «ущититься», если при нарушении договора оружие на них нападет. Упоминания о нападении «ожившего» оружия встречаются в скандинавских сагах²⁵.

В скальдической поэзии и других раннескандинавских и англосаксонских источниках постоянно встречаются «поющие» копья и мечи. С. Брюнинг приводит примеры, когда у англосаксов и скандинавов не только мечи, но и копья «поют» или «кричат», например, в поэмах *Widsið* (l.128) и *Vellekla* (§ 35) и в поэме скальда Скули Торстейнссона (*Skúli Þorsteinsson*) о битве при Свельде (§ 2)²⁶. В исландских сагах повествуется о знаменах викингов, «знаменах ворона», где изображение ворона оживает перед битвой и знамя может «говорить» («предсказать») о поражении или победе в бою²⁷. Еще Ф. И. Буслаев приводил примеры того, что знамена в раннесредневековых европейских поэмах и прозе могут «кричать». Он упоминает слова Вольфрама фон Эшенбаха из поэмы «Парцифаль» (1200–1210 гг.) о том, что знамя Трюхиндигера «кричит» (*erschreit*). В поэме «Крестьянин Гельбрехт» (1250 г.) герой говорит: «так прокричало мне мое знамя» (*sö scriet mir mín pfanne*)²⁸. Казалось бы, это подтверждает высказанное Д. С. Лихачевым возражение выводам Д. М. Шарыпкина о скандинавском влиянии на «Слово...», поскольку одушевленные предметы характерны вообще

²⁰ «The lord of the swordplay [i.e., warrior] let the scabbard-tongues [i.e., swords] sing out» («господин игры мечей [т.е., воин] дал языку ножен [т.е., мечу] спеть») (Schlauch M. *Scandinavian Influence on the SLOVO? Russian Epic Studies*. Philadelphia, 1949, p. 120).

²¹ *Ibid.*, p. 121.

²² Резанов В. «Слово о полку Игореве» и поэзия скальдов // ЖМНП. 1908. Новая серия. Ч. 15. С. 438–455.

²³ Abrams L. *Diaspora and Identity in the Viking Age. Early Medieval Europe*, 2012, vol. 20 (1), p. 17–38; Jesch J. *Viking Diaspora*. Routledge, 2015; Губарев О. Л. Даны Рюрика как скандинавская диаспора // Южное Приладожье и история России. Мат-лы научно-практ. конф. СПб., 2021. С. 47–68.

²⁴ Brunning S. *The “Living” Sword in Early Medieval Northern Europe: An interdisciplinary study*, PhD thesis, vol. 1–2. London, 2013.

²⁵ Губарев О. Л. О клятвах русов и славян // *Stratum plus*. 2013. № 5. С. 239–245.

²⁶ Brunning S. *The “Living” Sword in Early Medieval Northern Europe*, vol. 1, p. 191, 218.

²⁷ Lukman N. The Raven Banner and the Changing Ravens. A Viking Miracle from Carolingian Court Poetry to Saga and Arthurian Romance. *Classica et Medievalia*, 1958, vol. 19, p. 140.

²⁸ Буслаев Ф. И. О влиянии христианства на славянский язык. М., 1848. С. 25.

для всей раннеевропейской литературы²⁹. Однако, двумя годами позднее Лихачев, говоря о дуалистическом характере исполнения «Слова...», фактически поддержал мнение Д. М. Шарыпкина³⁰.

События IX–X вв. в истории Руси отделены от времени появления письменности значительным промежутком времени. Ассимиляция скандинавов-русов в славянской среде шла достаточно быстро в силу особой склонности норманнов к адаптации явлений чужой культуры к своим нуждам и усвоения чужих обрядов³¹. Однако еще в X в. русы использовали Old Norse, как показывают «русские» названия порогов на Днепре в отличие от их славянских аналогов. Отсутствие в восточных землях враждебного окружения, которое обычно стимулирует осознание и поддержание идентичности диаспоры³², также сказывалось на процессе быстрой ассимиляции в славянской и финноугорской среде. Но следы скандинавского происхождения еще долгое время давали себя знать. Они проявлялись в именослове (когда согласно А. М. Членову перевод на понятный подданным русов славянский язык имена Рёрика («славный») и Хельги («посвященный богам, святой») объединялись в имя Святослав³³. Выражались они и в аллитерационных формулах, таких как скандинавские и древнефризские, встречающихся в договорах Руси с греками³⁴, свойственных устному творчеству, а иногда и в употреблении кеннингов, свойственных скальдической поэзии, в таком древнерусском героическом эпосе, как «Слово...», и вплоть до XII в., как указывают Н. Ю. Бубнов и Д. М. Шарыпкина³⁵.

Оживление предметов в «Слове...» — не исключение. А. Шелемова отмечала «...тенденцию к перемещению образов вещного комплекса военной атрибутики из области реально-практической в сферу символично-поэтическую. На протяжении всего текста боевое оружие “заряжено”, если можно так выразиться, живым “духом”: сабли и мечи гремят о шлемы, летят стрелы калёные, копья поют, трещат, преломляются, сабли иступляются, луки напрягаются и от беды расслабляются, колчаны открываются и от горя затворяются...»³⁶

На мой взгляд, именно наличие упоминаний «поющих копий» и «глаголющих стягов», убедительно объясняемых через обращение к скандинавским

²⁹ Лихачев Д. С. Княжеские певцы по свидетельству «Слова о полку Игореве» // ТОДРЛ. 1984. Т. XXXVI. С. 505.

³⁰ Лихачев Д. С. Предположение о диалогическом строении «Слова о полку Игореве» // Исследования «Слова о полку Игореве». Л., 1986. С. 9–28.

³¹ «The ‘racially pure’ Vikings of stereotype were, in fact, cultural chameleons adopting local habits, languages and religions» («“Расово чистые” стереотипные норманны в действительности были культурными хамелеонами, адаптируя местные обычаи, языки и религию») (Barraclough E. Vikings: Warriors of No Nation. *History Today*, 2018, vol. 68, issue 4. URL: <https://www.historytoday.com/miscellanies/vikings-warriors-no-nation> (date of access: 03.12.2023)).

³² Garipzanov I. H. Frontier Identities: Carolingian Frontier and gens Danorum. *Franks, Northmen, and Slavs. Identities and State Formation in Early Medieval Europe*. Brepols, 2008, p. 113–142.

³³ Членов А. М. К вопросу о имени Святослава // Личные имена в прошлом, настоящем и будущем: Проблемы антропонимики. М., 1970. С. 324–329; Мачинский Д. А. Второе русское протогосударство со столицей в Невогарде / Рюриковом городке и конструкции русского государства, построенного на двуединстве Киева и Невогарда / Новгорода (870–1054 гг.) // Староладожский сборник. Вып. 7. СПб., 2009. С. 163.

³⁴ Губарев О. Л. «Дондеже солнце съять и весь мирь стоять» (магическая формула в договоре Руси с греками 945 г.) // *Valla*. 2017. Т. 3, № 3. С. 16–22.

³⁵ Бубнов Н. Ю. «Слово о полку Игореве» и поэзия скальдов. СПб., 2006; Шарыпкина Д. М. Боян в «Слове о полку Игореве» и поэзия скальдов // ТОДРЛ. 1976. Т. XXXI. С. 14–22.

³⁶ Шелемова А. Особенности метафорического мышления автора «Слова о полку Игореве» // *Polilog. Studia Neofilologiczne*. 2011. № 1. С. 22.

раннесредневековым реалиям, лишний раз подтверждает подлинность «Слова...» Кроме того, скандинавские корни начальной Руси IX–X вв. продолжали оказывать влияние и на произведения древнерусской литературы XII в., такие как «Слово о полку Игореве».

Источники и литература

1. Барсов Е. В. «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси. Т. 1–2. М., 1887.
2. Бобров А. Г. Стяг // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: в 5-ти томах. Т. 5: Слово Даниила Заточника — Я. Дополнения. Карты. Указатели. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. С. 77–79.
3. Бубнов Н. Ю. «Слово о полку Игореве» и поэзия скальдов. СПб.: Русская симфония, 2006.
4. Булаховский Л. А. «Слово о полку Игореве» как памятник древнерусского языка // Слово о полку Игореве. Сборник исследований и статей. М., Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. С. 130–163.
5. Буслаев Ф. И. О влиянии христианства на славянский язык. М., 1848.
6. Губарев О. Л. Даны Рюрика как скандинавская диаспора // Южное Приладожье и история России. Мат-лы научно-практ. конф. 12 декабря 2020 г., д. Потанино Волховского р-на Ленинградской обл. СПб.: Инкери. 2021. С. 47–68.
7. Губарев О. Л. «Дондеже солнце съяет и весь миръ стоять» (магическая формула в договоре Руси с греками 945 г.) // Valla. 2017. Т. 3, № 3. С. 16–22.
8. Губарев О. Л. О клятвах русов и славян // Stratium plus. 2013. № 5. С. 239–245.
9. Дубенский Д. Слово о плъку Игореве Святъслава пестворца старого времени объясненное по древним письменным памятникам. М., 1844.
10. Дылевский Н. М. Лексические и грамматические свидетельства подлинности «Слова о полку Игореве» по старым и новым данным // Слово о полку Игореве — памятник XII века. М., Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. С. 169–254.
11. Зимин А. А. Ипатьевская летопись и «Слово о полку Игореве» // История СССР. 1968. № 6. С. 43–64.
12. Клейн Л. С. Гипотеза в археологии // Российский археологический ежегодник. № 1. 2011. СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. гос. ун-та, 2011. С. 56–69.
13. Лихачев Д. С. Княжеские певцы по свидетельству «Слова о полку Игореве» // ТОДРЛ. 1984. Т. XXXVI. С. 503–505.
14. Лихачев Д. С. Предположение о диалогическом строении «Слова о полку Игореве» // Исследования «Слова о полку Игореве». Л., 1986. С. 9–28.
15. Лихачев Д. С. Устные истоки поэтической системы «Слова о полку Игореве» // Слово о полку Игореве. Исследования и статьи. М., Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. С. 53–92.
16. Макушев В. В. [Рец. на кн.: Тихонравов Н. С. Слово о полку Игореве] // ЖМНП. 1867. Ч. 133. С. 441–472.
17. Манн Р. «Песнь о полку Игореве»: Новые открытия. М.: Языки славянской культуры, 2009.
18. Мачинский Д. А. Второе русское протогосударство со столицей в Невогарде / Рюриковом городке и конструкции русского государства, построенного на двуединстве Киева и Невогарда / Новгорода (870–1054 гг.) // Староладожский сборник. Вып. 7. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 149–177.

19. Мещерский Н. А. Слово о пълку Игоревѣ, сына Святъславля, внука Ольгова: Реконструкция древнерусского текста; Слово о походе Игоревом...: Пер. реконструиру. текста; Комм. к тексту «Слова о полку Игореве» (совм. с А. А. Бурькиным) // Слово о полку Игореве. Л.: Советский писатель, 1985. С. 22–56, 438–483.
20. Никитин А. Л. К вопросу стратификации «Слова о полку Игореве» // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 1: XI–XVI века. М., 1989. С. 143–145.
21. Погодин М. П. Замечания о наших былинах // ЖМНП. 1870. Ч. 152. С. 155–171.
22. Резанов В. «Слово о полку Игореве» и поэзия скальдов // ЖМНП. 1908. Новая серия. Ч. 15. С. 438–455.
23. Слово о полку Игореве / пер., комм. и статьи А. Югова. М.: Московский рабочий, 1970.
24. Слово о полку Игореве / прим. А. А. Потевни // Филологические записки. 1878. Вып. 2. С. 105–149.
25. Творогов О. В. Копье // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: в 5-ти томах. Т. 3: К – О. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. С. 76–78.
26. Туунов И. Д. Несколько замечаний к «Слову о полку Игореве» // Слово о полку Игореве. Сборник исследований и статей. М., Л. Изд-во Академии наук СССР, 1950. С. 196–203.
27. Чернов А. Ю. Хроники изначного времени. «Слово о полку Игореве»: текст и его окрестности. СПб.: Вита Нова, 2006.
28. Членов А. М. К вопросу о имени Святослава // Личные имена в прошлом, настоящем и будущем: Проблемы антропонимики. М.: Наука, 1970. С. 324–329.
29. Шарыкин Д. М. Боян в «Слове о полку Игореве» и поэзия скальдов // ТОДРЛ. 1976. Т. XXXI. С. 14–22.
30. Шелемова А. Особенности метафорического мышления автора «Слова о полку Игореве» // Polilog. Studia Neofilologiczne. 2011. № 1. С. 17–26.
31. Abrams L. Diaspora and Identity in the Viking Age. *Early Medieval Europe*, 2012, vol. 20 (1), p. 17–38.
32. Barraclough E. Vikings: Warriors of No Nation. *History Today*, 2018, vol. 68, issue 4. URL: <https://www.historytoday.com/miscellanies/vikings-warriors-no-nation> (date of access: 03.12.2023).
33. Brunning S. *The “Living” Sword in Early Medieval Northern Europe: An interdisciplinary study*, PhD thesis, vol. 1–2. London, 2013.
34. Garipzanov I. H. Frontier Identities: Carolingian Frontier and gens Danorum. *Franks, Northmen, and Slavs. Identities and State Formation in Early Medieval Europe*. Brepols, 2008, p. 113–142.
35. Jesch J. *Viking Diaspora*. Routledge, 2015.
36. Lukman N. The Raven Banner and the Changing Ravens. A Viking Miracle from Carolingian Court Poetry to Saga and Arthurian Romance. *Classica et Medievalia*, 1958, vol. 19, p. 133–151.
37. Mann R. *Lances Sing: a Study of the Igor Tale*. Columbus: Slavica, 1990.
38. *On the Campaign of Igor*. A translation of the “Slovo o polku Igoreve” by Haney J. & Dahl E. Seattle, 1992.
39. Schlauch M. Scandinavian Influence on the SLOVO? *Russian Epic Studies*. Philadelphia, 1949, p. 99–124.

Sources and References

1. Abrams L. Diaspora and Identity in the Viking Age. *Early Medieval Europe*, 2012, vol. 20 (1), p. 17–38. (In English)
2. Barraclough E. Vikings: Warriors of No Nation. *History Today*, 2018, vol. 68, issue 4. URL: <https://www.historytoday.com/miscellanies/vikings-warriors-no-nation> (date of access: 03.12.2023). (In English)
3. Barsov E. V. “Slovo o polku Igoreve” kak hudozhestvennyj pamyatnik Kievskoj družinnoj Rusi [“The Tale of Igor’s Campaign” as an Artistic Monument of Kievan Rus], vol. 1–2. Moscow, 1887. (In Russian)
4. Bobrov A. G. Styag [Banner]. *Enciklopediya “Slova o polku Igoreve”*, in 5 vols, vol. 5. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 1995, p. 77–79. (In Russian)
5. Brunning S. *The “Living” Sword in Early Medieval Northern Europe: An interdisciplinary study*, PhD thesis, vol. 1–2. London, 2013. (In English)
6. Bubnov N. Yu. “Slovo o polku Igoreve” i poeziya skal’dov [“The Tale of Igor’s Campaign” and Skaldic Poetry]. St. Petersburg, Russkaya simfoniya Publ., 2006. (In Russian)
7. Bulahovskij L. A. “Slovo o polku Igoreve” kak pamyatnik drevnerusskogo yazyka [“The Tale of Igor’s Campaign” as a Monument of the Old Russian Language]. *Slovo o polku Igoreve. Sbornik issledovanij i statej*. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Press, 1950, p. 130–163. (In Russian)
8. Buslaev F. I. *O vliyanii hristianstva na slavyanskij yazyk [On the Influence of Christianity on the Slavic Language]*. Moscow, 1848. (In Russian)
9. Chernov A. Yu. *Hroniki iznanochnogo vremeni. “Slovo o polku Igoreve”: tekst i ego okrestnosti [Chronicles of the Inside time. “The Tale of Igor’s Campaign”: The Text and its Surroundings]*. St. Petersburg, Vita Nova Publ., 2006. (In Russian)
10. Chlenov A. M. K voprosu o imeni Svyatoslava [On the Question of Svyatoslav’s Name]. *Lichnye imena v proshlom, nastoyashchem i budushchem: Problemy antropimiki*. Moscow, Nauka Publ., 1970, p. 324–329. (In Russian)
11. Dubenskij D. *Slovo o plku Igoreve Svyatslavlya pestvorca starogo vremeni ob’yasnennoe po drevnim pis’mennym pamyatnikam [The Tale of Igor’s Campaign of a Singer of the Old Times, Explained by Ancient Writings]*. Moscow, 1844. (In Russian)
12. Dylevskij N. M. Leksicheskie i grammaticheskie svidetel’sтва podlinnosti “Slova o polku Igoreve” po starym i novym dannym [Lexical and Grammatical Evidence of the Authenticity of “The Tale of Igor’s Campaign” Based on Old and New Data]. *Slovo o polku Igoreve – pamyatnik 12 veka*. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Press, 1962, p. 169–254. (In Russian)
13. Garipzanov I. H. *Frontier Identities: Carolingian Frontier and gens Danorum. Franks, Northmen, and Slavs. Identities and State Formation in Early Medieval Europe*. Brepols, 2008, p. 113–142. (In English)
14. Gubarev O. L. “Dondezhe solnce s’yaet’ i ves’ mir stoit” (magicheskaya formula v dogovore Rusi s grekami 945 g.) [“As Long as the Sun Shines and the World Stands” (a Magical Formula in the Rus-Byzantine Treaty of 945)]. *Valla*, 2017, vol. 3, no. 3, p. 16–22. (In Russian)
15. Gubarev O. L. *Dany Ryurika kak skandinavskaya diaspora [The Danes of Rurik as a Scandinavian Diaspora]*. *Yuzhnoe Priladozh’e i istoriya Rossii*. St. Petersburg, Inkeri Publ., 2021, p. 47–68. (In Russian)
16. Gubarev O. L. *O klyatvah rusov i slavyan [About the Oaths of the Rus and Slavs]*. *Stratum plus*, 2013, no. 5, p. 239–245. (In Russian)
17. Jesch J. *Viking Diaspora*. Routledge, 2015. (In English)
18. Klejn L. S. Hypothesis in Archaeology. *Rossijskij arheologicheskij ezhegodnik*, no. 1. St. Petersburg State University, 2011, p. 56–69. (In Russian)

19. Lihachev D. S. Knyazheskie pevcy po svidetel'stvu "Slova o polku Igoreve" [The Prince's Singers according to "The Tale of Igor's Campaign"]. *Trudy Otdela drevnerusskoj literatury*, 1984, vol. XXXVI, p. 503–505. (In Russian)
20. Lihachev D. S. Predpolozhenie o dialogicheskom stroenii "Slova o polku Igoreve" [The Assumption about the Dialogical Structure of "The Tale of Igor's Campaign"]. *Issledovaniya "Slova o polku Igoreve"*. Leningrad, 1986, p. 9–28. (In Russian)
21. Lihachev D. S. Ustnye istoki poeticheskoy sistemy "Slova o polku Igoreve" [The Oral Origins of the Poetic System in "The Tale of Igor's Campaign"]. *Slovo o polku Igoreve. Issledovaniya i stat'i*. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Press, 1950, p. 53–92. (In Russian)
22. Lukman N. The Raven Banner and the Changing Ravens. A Viking miracle from Carolingian court poetry to Saga and Arthurian Romance. *Classica et Medievalia*, 1958, vol. 19, p. 133–151. (In English)
23. Machinskij D. A. Vtoroe russkoe protogosudarstvo so stolicej v Nevogarde / Ryurikovom gorodke i konstrukcii ruskogo gosudarstva, postroennogo na dvuedinstve Kieva i Nevogarda / Novgoroda (870–1054 gg.) [The Second Russian Proto-State with its Capital in Nevogard / Rurik's Town and the Structure of the Russian State Based on the Unity of Kiev and Nevogard / Novgorod (870–1054)]. *Staroladozhskij sbornik*, issue 7. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2009, p. 149–177. (In Russian)
24. Makushev V. V. [Review of the book: Tihonravov N. S. Slovo o polku Igoreve]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*, 1867, part 133, p. 441–472. (In Russian)
25. Mann R. "Pesn' o polku Igoreve": *Novye otkrytiya* ["The Tale of Igor's Campaign": *New Discoveries*]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2009. (In Russian)
26. Mann R. *Lances Sing: a Study of the Igor Tale*. Columbus, Slavica Publ., 1990. (In English)
27. Meshcherskij N. A. Slovo o plku Igoreve, syna Svyatslavlya, vnuka Ol'gova: Rekonstrukciya drevnerusskogo teksta; Slovo o pohode Igorevom...: Perevod rekonstruirovannogo teksta; Kommentarii k tekstu "Slova o polku Igoreve" (sovmestno s A. A. Burykinym) [The Tale of Igor's Campaign, Son of Svyatoslav, Grandson of Oleg: Reconstruction of the Old Russian text; The Tale of Igor's Campaign...: Translation of the reconstructed text; Comments on the text of "the Tale of Igor's Campaign" (with A. A. Burykin)]. *Slovo o polku Igoreve*. Leningrad, Sovetskij pisatel' Publ., 1985, p. 22–56, 438–483. (In Old-Russian and Russian)
28. Nikitin A. L. K voprosu stratifikacii "Slova o polku Igoreve" [On the Stratification of The Tale of Igor's Campaign]. *Germenevtika drevnerusskoj literatury*, vol. 1: the 11th-16th cent. Moscow, 1989, p. 143–145. (In Russian)
29. *On the Campaign of Igor*. A translation of the "Slovo o polku Igoreve" by Haney J. & Dahl E. Seattle, 1992. (In English)
30. Pogodin M. P. Zamechaniya o nashih bylinah [Remarks about Our Epics]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*, 1870, part 152, p. 155–171. (In Russian)
31. Rezanov V. "Slovo o polku Igoreve" i poeziya skal'dov ["The Tale of Igor's Campaign" and Skaldic Poetry]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*, 1908, the new series, part 15, p. 438–455. (In Russian)
32. Schlauch M. Scandinavian Influence on the SLOVO? *Russian Epic Studies*. Philadelphia, 1949, p. 99–124. (In English)
33. Sharypkin D. M. Boyan v "Slove o polku Igoreve" i poeziya skal'dov [Boyan in "The Tale of Igor's Campaign" and the Poetry of the Skalds]. *Trudy Otdela drevnerusskoj literatury*, 1976, vol. XXXI, p. 14–22. (In Russian)
34. Shelemova A. Osobennosti metaforicheskogo myshleniya avtora "Slova o polku Igoreve" [Features of the Author's Metaphorical Thinking in "The Tale of Igor's Campaign"]. *Polilog. Studia Neofilologiczne*, 2011, no. 1, p. 17–26. (In Russian)
35. Slovo o polku Igoreve [The Tale of Igor's Campaign], the notes by A. A. Potebnya. *Filologicheskie zapiski*, 1878, issue 2, p. 105–149. (In Old-Russian and Russian)

36. *Slovo o polku Igoreve* [*The Tale of Igor's Campaign*], translated, commented and the articles by A. Yugov. Moscow, Moskovskij rabochij Publ., 1970. (In Old-Russian and Russian)
37. Tiunov I. D. Neskol'ko zamechanij k "Slovu o polku Igoreve" [A Few Comments on "The Tale of Igor's Campaign"]. *Slovo o polku Igoreve. Sbornik issledovanij i statej*. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Press, 1950, p. 196–203. (In Russian)
38. Tvorogov O. V. Kop'e [Spear]. *Enciklopediya "Slova o polku Igoreve"*, in 5 vols., vol. 3. St. Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ., 1995, p. 76–78. (In Russian)
39. Zimin A. A. Ipat'evskaya letopis' i "Slovo o polku Igoreve" [The Hypatian Codex and "The Tale of Igor's Campaign"]. *Istoriya SSSR*, 1968, no. 6, p. 43–64. (In Russian)

Д. В. Пузанов

**Что общего у солнца, мира и меда:
влияние чувственного восприятия окружающей среды
и церковной службы на формирование воображаемых миров
древнерусского человека XI–XIII вв.**

УДК 94(47):27-526.6:930.23+008
DOI 10.47132/2618-9674_2025_3_67
EDN RMGKYV

Аннотация: В статье анализируются различные аспекты использования представлений о восприятии человеком вкуса, световых характеристик и запаха при конструировании описаний чудесных явлений в оригинальной и переводной древнерусской литературе. Особое внимание уделяется приемам, благодаря которым чувственное проявление чудесного сопоставлялось с конкретными объектами материального окружающего мира (природного и ритуального), а также способам выстраивания оппозиций чувственного проявления священного и бесовского. Выявлена существенная зависимость древнерусских представлений о моральном значении световых явлений, вкусов и запахов от библейского символизма. Одновременно выявлены представления, которые занимают существенное место и находят творческое развитие в оригинальной древнерусской литературе.

Ключевые слова: свет, вкус, запах, чувственное восприятие мира, чудеса, святость, греховность, церковная служба, природа.

Об авторе: **Даниил Викторович Пузанов**

Кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела исторических исследований Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской Академии наук.

E-mail: lpdmor@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4459-9572>

Для цитирования: Пузанов Д. В. Что общего у солнца, мира и меда: влияние чувственного восприятия окружающей среды и церковной службы на формирование воображаемых миров древнерусского человека XI–XIII вв. // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2025. № 3 (31). С. 67–86.

Статья поступила в редакцию 31.03.2025; одобрена после рецензирования 27.05.2025; принята к публикации 21.07.2025.

Daniil Puzanov

**What do the Sun, the Myrrh and the Honey have in common:
Influence of Sensory Perception of Environment
and Church Service on Formation of Imaginary Worlds
of Old Rus People of 11th-13th Centuries**

UDK 94(47):27-526.6:930.23+008
DOI 10.47132/2618-9674_2025_3_67
EDN RMGKYV

Abstract: The article presents analysis of various aspects of the use of ideas about human perception of taste, light characteristics and smell in making descriptions of miraculous phenomena in the original and translated Old Rus literature. Special attention is paid to the techniques used to compare sensual manifestation of the miraculous to specific objects of the material surrounding world (natural and ritual), as well as ways to build oppositions of the sensual manifestation of the sacred and the demonic. A significant dependence of Old Rus ideas about the moral sense of light phenomena, tastes and smells on biblical symbolism has been revealed. At the same time, the ideas are revealed that occupied a significant place in the original Old Rus literature and were creatively developed in it.

Keywords: Light, Taste, Smell, Sensory Perception of the World, Miracles, Holiness, Sinfulness, Church Service, Nature.

About the author: **Daniil Puzanov**

PhD in History, Researcher of the Department of Historical Research of the Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: lpdmor@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4459-9572>

For citation: Puzanov D. What do the Sun, the Myrrh and the Honey have in common: Influence of Sensory Perception of Environment and Church Service on Formation of Imaginary Worlds of Old Rus People of 11th-13th Centuries. *Paleorosia. Ancient Rus in time, in personalities, in ideas*, 2025, No. 3 (31), p. 67–86.

The article was submitted 31.03.2025; approved after reviewing 27.05.2025; accepted for publication 21.07.2025.

Восприятие естественного и искусственного освещения, вкуса и запаха активно используются и использовались в разных ритуально-религиозных практиках. Роль эмоционального воздействия в репрезентации сакрального мира осознается не только современными учеными, она осмысливалась и в некоторых культурах прошлого. Можно вспомнить известные случаи из ПВЛ, когда византийцы специально для того, чтобы привлечь к своей вере послов Руси, провели перед ними торжественную праздничную службу. Представшая перед послами красота так впечатлила их, что они не знали находятся ли они на земле или на небе и стало для них свидетельством пребывания с греками Бога¹. Таким образом, согласно книжнику, одним из первых опытов восприятия древнерусскими людьми Бога был чувственный физиологический опыт. И он одновременно и отражал сакральную реальность (летописец не мог сомневаться, что в христианском храме действительно прибывает Бог), и был искусственно сотворен человеком при помощи земных веществ.

В христианской культовой традиции активно использовались и световые, и обонятельные эффекты, а также существовала ритуальная пища. Несмотря на это, сходство между некоторыми формами описания в древнерусских произведениях различных чувственных маркеров Бога, святости и антисвятости не всегда связано с обрядовой символикой. В самих древнерусских источниках встречаются сообщения о пределах яркости света, приятности запаха и сладости определенных продуктов. Кроме того, свет, запах и вкус образовывали строгие дуализмы вроде: свет — тьма, приятно — дурно пахнущее, сладкое — горькое.

Комбинируя сведения известной на Руси философской литературы (прежде всего «Шестоднева» Иоанна экзарха Болгарского), данные психологии и языка, В. В. Колесов реконструировал некоторые общие особенности древнерусского восприятия ощущений, связанных с органами чувств². По мнению исследователя, под влиянием христианской культуры привилегированное положение среди других средств мировосприятия начинает занимать зрение, что он не без оснований связывал со значением образности света в христианстве. При этом В. В. Колесов считал древнерусскую культуру (до XV в.) «по преимуществу» «слуховой», объясняя этим обстоятельством большую роль устной коммуникации в этот период (фольклора, проповедей, устных поручений)³.

В рамках узкой проблемы особенностей древнерусских литературных приемов сравнения вопросы визуального, осязательного, вкусового и обонятельного мировосприятий объединил в своих рассуждениях Д. С. Лихачев: «В противоположность литературе нового времени в русской средневековой литературе сравнений, основанных на зрительном сходстве, немного. В ней гораздо больше, чем в литературе нового времени, сравнений, подчеркивающих осязательное сходство, сходство вкусовое, обонятельное, связанных с ощущением материала, с чувством мускульного напряжения⁴. Однако и в «древнерусской литературе», по его мнению, «сравнения, основанные на ощущениях вкуса, обоняния и пр., не так уж обычны»⁵. Далее Д. С. Лихачев рассуждает о символичности средневековых сравнений, их направленности на внутреннюю сущность объектов, а не их внешнее сходство⁶.

Исследование световых эффектов, звуков и запахов, как составляющих единого акта создания образа Божественного присутствия, предполагает предложенный

¹ ПСРЛ. Т. 1: Лаврентьевская летопись. М., 1997. Стб. 107–108.

² Колесов В. В. Древнерусская цивилизация. Наследие в слове. М., 2014. С. 737–782.

³ Там же. С. 746, 748–749.

⁴ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979. С. 176.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 176–177.

А. М. Лидовым концепт «иеротопия»⁷. Под иеротопией исследователь понимал создание сакральных пространств. Это особый вид творчества, при котором зритель сам оказывался активным участником процесса (что проще всего представить на примере богослужения)⁸. Влияние подхода на исследования культуры Древней Руси наиболее ярко проявилось в тематических сборниках, посвященных иеротопии средневековой православной культуры. Эти сборники охватывают проблему создания сакральных пространств при помощи огня, воды, земли и воздуха⁹. Несложно заметить, что данный подход акцентирует внимание на предметах, формирующих сакральные пространства, творчестве коллектива, а не чувственном опыте человека, который может генерировать образы божественного присутствия и за пределами организованного и направляемого людьми культа. При этом из интересующих нас явлений только свет оказался в центре специального изучения¹⁰.

Свет и запах иногда оказываются в центре формирующихся тем и новых подходов. Своеобразный стихийный «светоцентризм» характерен для кандидатской диссертации по культурологии О. В. Солдатенковой, которая была посвящена идее света в культуре *Древней Руси*¹¹. Почти через 20 лет автор опубликовала практически тот же самый текст под видом исследования *русской культуры*¹². Тем не менее, игнорирующий возможную историческую эволюцию, основанный на бессистемной компиляции идей религиозных философов, писателей и исследователей разных эпох, объединенных авторскими спекуляциями, труд в действительности не позволяет сформировать даже поверхностное представление о восприятии света в какой бы то ни было культуре: хоть в *русской*, хоть в *древнерусской*.

Определенное внимание символике зловония (связанного с присутствием зла) и благовония (связанного с присутствием Святого Духа и святости или символикой рая) в древнерусских текстах уделила внимание Н. Л. Зыховская в рамках применения концепта «ольфактория» к отечественной литературе XI–XIX вв.¹³. Ее исследования, безусловно, содержат интересные наблюдения и расширяют представления о возможностях исторического изучения чувств. Однако ее попытки выявить преемственности и закономерности обонятельного мировосприятия, исходя из сравнения древнерусских текстов (преимущественно богословских) с собственно художественной литературой более поздних эпох, вызывают скепсис.

Отражение чувственных образов в древнерусской культуре обращало на себя внимание и в рамках исследований литературной образности, явлений природы

⁷ Лидов А. М. Иеротопия: Создание сакральных пространств как вид творчества и предмет исследования // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2009. № S2. С. 60, 63; *Его же*. «Образы-параdigмы» как категория культуры. Иеротопический подход к истории искусства // Искусствознание. 2011. № 3–4. С. 110–111.

⁸ Лидов А. М. Иеротопия... С. 61; *Его же*. «Образы-параdigмы»... С. 110.

⁹ См. аннотации книги: Иеротопия Воздуха и Небес в культуре христианского мира. М., 2023.

¹⁰ В 2011 г. были опубликованы материалы международного симпозиума, посвященного роли огня и света в организации сакрального пространства в средневековом православии (Огонь и свет в сакральном пространстве: мат-лы междунар. симпозиума. М., 2011). В 2013 г. свет увидел еще один сборник на ту же тему, отчасти дублировавший текст предыдущего (Иеротопия огня и света. М., 2013). В обоих трудах встречаются статьи, посвященные культуре домонгольской Руси.

¹¹ Солдатенкова О. В. Идея света в древнерусской культуре. Дисс. ... канд. культурологии. СПб., 2006.

¹² Солдатенкова О. В. Идея света в русской культуре. М., 2025.

¹³ Зыховская Н. Л. Ольфакторная картина художественного мира русской прозы XI–XIX веков. Челябинск, 2015. Анализ древнерусских текстов содержится также в отдельных статьях Н. Л. Зыховской.

и всевозможных чудес¹⁴. При этом существенное место в таких работах занимает именно световая символика. Наконец, исследованию подвергались и средневековые психофизические представления о зрении, вкусе, слухе, осязании, обонянии¹⁵.

Таким образом, в отечественной историографии традиция исследования представлений древнерусского человека о чувственном восприятии явлений окружающей действительности не выделилась в самостоятельную тему. Отражение чувственного мировосприятия обращает на себя внимание чаще всего в рамках традиционных научных проблем. Как традиционные, так и новые подходы обычно акцентируют внимание на представлениях о самих объектах окружающей среды, а не о том, как они преломляются в субъективном восприятии человека. Исключением является подход Н. Л. Зыховской, который, к сожалению, не позволяет сопоставить характерные для древнерусского человека нарративы о восприятии запаха с подобными же казусами восприятия света и вкуса.

При этом исследование древнерусских представлений о чувственном мире человека составляет куда менее заметное течение научной мысли, чем изучение древнерусской протонауки и психологии. Таким образом, обращаясь к вопросу восприятия человеком прошлого окружающего мира, мы игнорируем его отношение к непосредственному контакту с этим миром, заменяя это необходимым звено собственными априорными суждениями и спекуляциями. В этой статье предпринята попытка лишь отчасти заполнить эту лауну, обратив внимание на то, какую роль играли сходные нарративы о восприятии света, вкуса и запаха в конструировании воображаемых миров, связанных со сферой сакрального. Эти нематериальные, невероятные с точки зрения современного исследователя миры в сообщениях подобного рода приобретают осязаемые черты. Особое внимание будет уделено предметам окружающей реальности, которые вызывали у средневекового человека крайнее проявление того или иного ощущения (самое яркое, самое приятно-пахнущее, самое сладкое и т. д.). По понятным причинам сообщения о таких предметах говорят нам о древнерусской картине мира куда больше, чем просто информация о ярком свете, предельно приятном запахе или вкусе.

Довольно близкими в древнерусских текстах оказываются оппозиции свет — тьма и хороший — дурной запахи. Яркий свет и приятный запах — достаточно распространенные символы явления Бога перед людьми. При этом, в отличие от звука, который также может сопровождать теофанию и благоприятное предзнаменование вообще, в случае со светом и благовоением значимым оказывается и их противопоставление тьме и зловонию¹⁶.

¹⁴ Напр.: *Сенаторский Н.* Вера древних русских христиан в небесные знамения. Киев, 1883; *Адрианова-Перетц В. П.* Очерки поэтического стиля Древней Руси. М., Л., 1947; *Лихачев Д. С.* Поэтика...; *Лаушкин А. В.* Стихийные бедствия и природные знамения в представлениях древнерусских летописцев XI–XIII вв. // Русское Средневековье. 1998 год. Вып. 1: Книжная культура. М., 1998. С. 26–58; *Ранчин А. М.* Вертоград Златословный: Древнерусская книжность в интерпретациях, разборах и комментариях. М., 2007; *Святский Д. О.* Астрономия Древней Руси. М., 2007. С. 297–492; *Демин А. С.* Поэтика древнерусской литературы (XI–XIII вв.). М., 2009; *Его же.* Древнерусская литература как литература (О манерах повествования и изображения). М., 2015.

¹⁵ *Соколов М. В.* Очерки истории психологических воззрений в России в XI–XVIII веках. М., 1963. С. 32–37 и др.; *Колесов В. В.* Древнерусская цивилизация... С. 737–747.

¹⁶ Сообщения о шуме в этом отношении, напротив, демонстрируют определенное сходство функций звука как в божественных чудесах, так и в бесовских наваждениях: громкий звук (в т. ч. грохот множества колесниц) может сопровождать и явление ангелов и Бога (ПСРЛ. Т. 2: Ипатьевская летопись. М., 1998. С. 269, 272; Слово об успении Богородицы // БЛДР. Т. 3: XI–XII века. СПб., 2000. С. 296–298), и бесов (Житие Феодосия Печерского // БЛДР. Т. 1: XI–XII века. СПб., 2000. С. 380); рокот грома может предшествовать как возникновению образов небесных

Как благоприятное знамение могут быть истолкованы яркое световое явление в темное время суток¹⁷, аномальное увеличение света около светил и всевозможные дифракционные явления. Напротив, исчезновение света во время затмений будет сигнализировать о гневе Божьем¹⁸. Отсутствие неприятного запаха у трупа или приятный запах, исходящий от него, символизируют святость почившего человека. От тела мертвого грешника, напротив, может исходить неестественно сильное зловоние¹⁹. В апокрифах воняют и души будущих обитателей ада²⁰.

Как в случае со светом, так и в случае с запахом древнерусская литература сообщает об объектах окружающего мира, которые олицетворяют их крайнее проявление. Когда в переводных или оригинальных произведениях возникает необходимость указать на неестественно-яркий свет, то чаще всего возникает образ сияния, которое ярче (либо светлее) солнечного²¹. Еще В. П. Адрианова-Перетц обнаружила евангельские параллели (Мф 13:43; 17:2) древнерусским сообщениям о сиянии святых, подобном солнечному свету или более сильному, чем этот свет²². В тех случаях, когда «сияют» не только святые или их лица и когда свет этот оказывается ярче солнечного (в Евангелии праведники будут сиять как солнце [но не ярче] в Царствии Небесном; лицо Иисуса во время его Преображения перед учениками также сияет подобно солнцу, а Его одежда бела как свет²³ или имеет расцветку блистающего снега²⁴), мы видим определенное развитие данного образа.

При этом объектом, чья яркость достойна символизировать крайне яркий чудесный свет, почти всегда оказывается солнце²⁵. Единственный случай, когда фразы

сил (Житие Андрея Юродивого // БЛДР. Т. 2: XI–XII века. СПб., 1999. С. 339; Слово об успении Богородицы. С. 296–298), так и духов зла (Киево-Печерский патерик // Древнерусские патерики. Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик. М., 1999. С. 63).

¹⁷ Причем в Житии Феодосия Печерского при описании таких световых явлений дополнительно подчеркивается, что ночь была темной (Житие Феодосия Печерского. С. 384, 398, 416).

¹⁸ Существование дуалистических представлений о затмении как плохом предзнаменовании и увеличении света вокруг солнца как хорошем подметил еще Н. Сенаторский (*Сенаторский Н. Вера древних русских христиан...* С. 48).

¹⁹ Этот дуализм тоже обращал на себя внимание исследователей (напр.: *Зыховская Н. Л. Оlfакторная картина...* С. 40). Наиболее очевидно подобное противопоставление проявляется в Сказании о Борисе и Глебе, где приятный запах останков Глеба явно противопоставляется зловонию у могилы Святополка (Сказание о Борисе и Глебе // БЛДР. Т. 1: XI–XII века. СПб., 2000. С. 346).

²⁰ *Демин А. С. Путешествие души по загробному миру (В древнерусской литературе) // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 7, ч. 1. М., 1994. С. 57.*

²¹ Житие Феодосия Печерского. С. 384; Киево-Печерский патерик // Древнерусские патерики... С. 16, 67, 71, 77; Житие Андрея Юродивого. С. 338; Из пролога // БЛДР. Т. 2: XI–XII века. СПб., 1999. С. 390; Изборник 1076 года. М., 1965. С. 366; Сказание об Евстафии Плакиде // БЛДР. Т. 3: XI–XII века. СПб., 2000. С. 10; Сказания о царе Давиде // БЛДР. Т. 3: XI–XII века. СПб., 2000. С. 166; Хожделение Богородицы по мукам // БЛДР. Т. 3: XI–XII века. СПб., 2000. С. 308; Послание Якова Черноризца к князю Дмитрию Борисовичу // БЛДР. Т. 5: XIII век. СПб., 2000. С. 388.

²² *Адрианова-Перетц В. П. Очерки поэтического стиля...* С. 28–29.

²³ Остромирово Евангелие // РНБ. Рукописные памятники. URL: <https://expositions.nl.ru/facsimile/OstromirGospel/RA5254/o-proekte> (дата обращения: 25.03.2025). Л. 242, 284 об.

²⁴ Уподобление одежды Иисуса снегу встречается в Евангелии от Марка (Мк 9:3), в котором отсутствует упоминание светящегося как солнце лица: ГИМ. Син. 404. Евангелие тетр «Галицкое». 1144 г. Л. 88.

²⁵ В переводе на современный русский язык Пролога из «Библиотеки литературы Древней Руси» (Из пролога. С. 390–391) встречается фраза «светящимся ярче молнии» (ориг.: «свѣтящимъ ся паче еликтора»). Однако в данном случае переводчики, вероятно, неверно перевели слово «електор». Это слово восходит к греческому «ἤλεκτωρ» и обозначает «светило, солнце»

вроде «свѣтяху... паче...» применяются не к солнцу, находим в «Сказании об Евстафии Плакиде», согласно которому, тела сожженных язычниками святых не только не обгорели, но и светились сильнее снега²⁶. Тем не менее, акцент в данном случае сделан не на описании невообразимой яркости, а на противопоставлении жара холоду. Ведь до того, как войти в огонь, праведники молятся: «ярость же огня сего преложи на *хладъ* (курсив мой — Д. П.) и сподоби ны, да в немъ скончаемся»²⁷.

Несмотря на всю символичность и шаблонность сообщений о чудесном свете, превосходящем сияние солнца, такой прием должен был находить подтверждение в повседневной практике. Коллективная фантазия того времени была ограничена и уровнем развития технологий. Неслучайно даже дневной свет в храме, исходящий от освещения свечами, — тоже чудо²⁸. Как и упоминание в Житии Авраамия Смоленского одежды, которая бела «яко подобну снѣгу бѣлѣши» и одновременно подобна свету — вовсе не свидетельство достижения совершенства в технологиях окрашивания тканей, а описание видения²⁹.

В этом отношении полную противоположность многочисленным сообщениям о восприятии крайне яркого света представляет единственное сообщение о крайнем проявлении запаха, обладающее положительной семантикой. В Киево-Печерском Патерике раскаивающийся монах собирает свои слезы в сосуд. Подвижнику является ангел, порицающий подобное поведение. Он приносит сосуд «слез», которые чернец излил искренне и случайно вытер либо обронил на землю. Эти «слезы» одновременно пахнут миром и имеют аромат, превосходящий все приятные запахи. Кроме того, они и используются подобно церковным маслам: клирик был помазан собственными «слезами» перед погребением³⁰.

Последнее сообщение тоже черпало вдохновение в предыдущей христианской традиции³¹. Тем не менее, в Киево-Печерском патерике особое внимание уделено проблемам чувственного восприятия чудесного. Благодаря этому источнику мы знаем, что световая и ароматная символика могут быть взаимозаменяемы в рамках идентичных сюжетов.

Затворнику Исакию являются бесы в облике ангелов, пародируя яркий свет, подобный солнечному. Лица духов тьмы сияют ярче солнца³². Лжеангелы показывают святому беса, принявшего облик Христа, лицо которого светится сильнее всех. Поддавшись на обман, Исакий кланяется лжехристу, забыв перекреститься, из-за чего попадает во власть бесов³³. Позже история повторяется: Никита, несмотря на увещания игумена, уходит в суровый затвор. Во время молитв монах чувствует неимоверно приятный запах, маркировавший присутствие Святого Духа

(Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): в 10-ти томах. Т. 3: Добродѣтельно — изгечиса. М., 1990. С. 206). В то же время чудесное сияние одежды Богородицы действительно может сравниваться со светом молнии (Житие Андрея Юродивого. С. 358).

²⁶ Сказание об Евстафии Плакиде. С. 26.

²⁷ Там же. С. 24.

²⁸ Киево-Печерский патерик // БЛДР. Т. 4: XII век. СПб., 2000. С. 326.

²⁹ Житие Авраамия Смоленского // БЛДР. Т. 5: XIII век. СПб., 2000. С. 32. Уподобление снегу одежды Бога и ангелов периодически встречается в Библии (Дан 7:9; Мф 28:3; Мк 9:3). Интересно как раскрывается смысл таких сравнений в Евангелии от Марка: «и быша ризы его лыщяща бѣлы зѣло яко снѣгъ. яцѣхъ же не можетъ бѣлѣникъ на земли тако обѣлити» (ГИМ. Син. 404. Л. 88).

³⁰ Киево-Печерский патерик // Древнерусские патерики... С. 60.

³¹ Как пишет Г. П. Федотов, «эта мудрая повесть целиком взята из египетского патерика» (Федотов Г. П. Собр. соч.: в 12-ти томах. Т. 8: Святые Древней Руси. М., 2000. С. 49).

³² Киево-Печерский патерик // Древнерусские патерики... С. 77.

³³ Там же. С. 77–78.

(«благоухание неизречено»; «Духа Святого обоняние»; возможно, это запах, ассоциируемый с каждением³⁴), и слышит голос, молящийся вместе с ним³⁵. За этими образами, как и в предыдущем случае, скрывался лукавый дьявол.

Параллелизм между двумя историями воспроизводится в Патерике осознанно³⁶. Впрочем, еще Г. П. Федотов обнаружил, что искушение Никиты «гораздо тоньше и хитрее»³⁷. Мы, в свою очередь, отметим существование некоторой разницы в том, как яркий свет и приятный запах используются в схожих житийных памятниках. Световая символика доминирует в истории Исакия из-за того, что в данном случае воздействие визуального эффекта оказывается важнее. Духи тьмы хотят заставить монаха поклониться своему старейшине или антихристу (как он назван позже)³⁸. Вероятно, поэтому главный бес и принимает образ Христа, что и «активирует» мотив сияющего лица.

Горделивый Никита, мечтающий отыскать в затворе людскую славу, способность творить чудеса, услышав мнимого ангела, начинает молиться, дабы увидеть самого Бога. Но в ответ слышит голос: «Невозможно человѣку во плоти видѣти мене»³⁹. Далее бес в соответствии с ветхозаветной традицией принимает видимый образ ангела, но не Господа (тем более, не Иисуса). Использование разных символов святости в похожих историях обусловлено существенной разницей в характере падения двух чернецов. Прельщение Исакия грозит монаху длительной болезнью, а Никита впадает в ересь, начинает пророчествовать и признает один лишь Ветхий Завет и иудейские книги. Если Бога нельзя увидеть, то и сияющее лицо Его невозможно показать. Следовательно, на передний план выходят другие средства выражения присутствия Господа. Различия обусловлены и разницей психологических портретов монахов, один из которых позже примет путь осознанного юродства, а другой станет епископом Новгорода⁴⁰. Соответственно, и падение Никиты куда более осознано и контролируемо разумом самого чернца. Его история куда сильнее подчеркивает условность атрибутов Божественного, которые при случае могут менять и силы зла. Последние оказываются способны и молиться, и слышать молитвы монаха (не исключено, что они представлялись сказанными вслух), и отвечать на них, и Священному Писанию учить.

В случае оппозиции приятно-дурно пахнущего можно встретить прямо противоположный пример, когда за свойственной злу символикой скрывается настоящая праведность. Так, согласно тому же Киево-Печерскому патерику, когда заболел Пимен, братия не хотела за ним ухаживать из-за вони, которую издавало его чрево. Поучая братию, больной произносит интересную фразу: «уни ми есть в жизни сей всему изгнати, да тамо плоть моа без истлѣния будет: сдѣ смрадное обоняние — тамо благоухание неизреченно»⁴¹.

³⁴ Связь кадила с символикой Святого Духа была распространена в христианской культуре (Игошев В. В. Типология, назначение и символика древнерусских кадил и ладаниц // Огонь и свет в сакральном пространстве: мат-лы междунар. симпозиума. М., 2011. С. 144; *Его же*. Типология, назначение и символика древнерусских кадил и ладаниц // Иеротопия огня и света. М., 2013. С. 460–461). В Учительном Евангелии запах от каждения сопоставлен с присутствием Бога (ГИМ. Син. 262. Евангелие учительное Константина Болгарского. 1-я четверть XII в. Л. 253 об.).

³⁵ Киево-Печерский патерик // Древнерусские патерики... С. 37.

³⁶ Там же. С. 36.

³⁷ Федотов Г. П. Собр. соч.: в 12-ти томах. Т. 8. С. 47.

³⁸ Киево-Печерский патерик // Древнерусские патерики... С. 79.

³⁹ Там же. С. 37.

⁴⁰ Там же. С. 38, 79.

⁴¹ Там же. С. 74.

Световая символика, даже если она достаточно яркая, может обретать негативные значения тоже далеко не только по воле дьявола. В ПВЛ под 1102 г. отражена теоретическая возможность восприятия как недобрых знамений череды световых явлений, которые предшествовали успешному походу русских войск на половцев. Во всяком случае, монахи в этот момент молились, дабы знамение было обращено на добро⁴². Еще более очевидный случай обманчивости световых знамений содержится в переводной источнике. В славянском переводе Иосифа Флавия такие знамения, как появление света на жертвеннике и чудесное открытие ворот церкви, трактуются неразумными как благие знамения. Хотя на самом деле они предвещали разорение святого места воинами⁴³.

Определенные сходства с оппозициями свет — тьма и приятный — дурной запахи имеют представленные в древнерусской литературе противопоставления горькой, несъедобной либо недостаточно вкусной еды пище сладкой и приятной. Хотя здесь мы имеем совершенно другую логику: изначально несъедобный либо противный предмет становится сладок, что и символизирует святость⁴⁴, или приготовленная в молитвах монахами пища оказывается вкуснее княжеских яств⁴⁵. Знает древнерусская книжность и прием, при котором некоторый выражающий святость предельный вкус описывается как вкус, превосходящий сладость земного продукта. Этим продуктом почти всегда является мед⁴⁶. Последний, конечно, был удобен в этом отношении не только благодаря вкусу. Мед, точно также как свет и запах, имеет определенное значение в библейской образности⁴⁷ (что не сказать о сахаре, который вместе с медом олицетворял предельно приятный вкус в поучениях свт. Кирилла Туровского⁴⁸). В переводном Житии пророка Моисея сладость апостольского учения олицетворяет финик⁴⁹.

В то же время пристрастие к сладкому может рассматриваться как греховное влечение, а сама по себе сладость олицетворять грехи, особенно блуд и сладострастие. В этой ситуации оппозиция сладкое — горькое переживает смысловой переворот: горькая пища (иногда горькая как полынь или желчь, или горьче полыни) приобретает положительные коннотации, а сладкая (в т.ч. подобная меду), наоборот,

⁴² То, что эти знамения в представлении книжников могли предвещать и благоприятные, и неблагоприятные события, отмечал еще А. В. Лаушкин (*Лаушкин А. В. Стихийные бедствия...* С. 48).

⁴³ «История Иудейской войны» Иосифа Флавия: Древнерусский перевод. Т. 1. М., 2004. С. 353.

⁴⁴ Киево-Печерский патерик // Древнерусские патерики... С. 54; Палея Толковая. М., 2002. С. 326–328; Житие Константина-Кирилла // БЛДР. Т. 2: XI–XII века. СПб., 1999. С. 50; Служба подвижнику креста Космы Маюмского // БЛДР. Т. 2: XI–XII века. СПб., 1999. С. 486, 490.

⁴⁵ Житие Феодосия Печерского. С. 402.

⁴⁶ Сказание о Макарии Римском // БЛДР. Т. 3: XI–XII века. СПб., 2000. С. 328; Сказание отца нашего Агапия // БЛДР. Т. 3: XI–XII века. СПб., 2000. С. 344; Слова и поучения Кирилла Туровского // БЛДР. Т. 4: XII век. СПб., 2000. С. 184.

⁴⁷ Выразить предельно сладкий вкус мед может в разных книгах Св. Писания в достаточно различающихся контекстах. Но осязаемое влияние на древнерусское мировоззрение должны были оказывать строки Псалтыри (Пс 118:103): «Коль сладка гъртани м[ое]му словеса твоя паче мед[а] оустомъ моимъ» (ГИМ. Син. 235. Псалтырь. Захария. 1296 г. Л. 268–268 об.). О распространении этого образа в переводных текстах, известных на Руси, писал еще В. В. Колесов (*Колесов В. В. Древнерусская цивилизация...* С. 757). Со своей стороны отметим, что восходящие к данным строкам Псалтыри образы возникают в толкованиях других библейских текстов (РГБ. Ф. 304.1. № 90. Книги 16 Пророков толковые. Л. 227 об.; ГИМ. Син. 262. Л. 168 об.–169, 181 об.).

⁴⁸ Слова и поучения Кирилла Туровского. С. 142.

⁴⁹ Палея Толковая. С. 328–329.

негативные⁵⁰. При этом сладость, вероятно, может обозначать приятные ощущения вообще, что позволяет употреблять такие фразы как «егда се ядяхъ, мнѣхъ, яко въ муро (курсив мой. — Д. П.) Божие приложилася есть сладость си»⁵¹, или противопоставлять приятный вкус зловонию, невыносимому запаху нечистот⁵².

В рамках сугубо вкусовых ощущений главным антиподом меда выступали полынь и желчь. Восприятие этих веществ в качестве нестерпимо горьких продуктов тоже имеет связи с библейской образностью⁵³. Однако было бы неверно считать русских книжников только слепыми трансляторами сложившейся на юге традиции. Необычайно богато на описание всевозможных вкусовых ощущений «Слово о черноризце Прохоре, который зовется Лебедником» из Киево-Печерского патерика. Главный герой буквально воспроизводит евангельское наставление Христа уподобиться птицам небесным, которые не сеют и не жнут, но Бог питает их (Мф. 6:26). Прохор собирает лебеду и делает из нее хлеб, питаясь почти только этой пищей. Постигший впоследствии Русь голод превращает чернеца в своеобразного культурного героя: некто подсмотрел за действиями монаха и стал делать хлеб из лебеды для себя и своих родных (хлеб с добавлением лебеды действительно мог спасти во время голода).

Тогда Прохор стал готовить хлеба не только для себя, но и для голодающих людей. Сделанные из изначально горького продукта, эти хлеба были сладкими, будто с медом. Один человек украл такой хлеб, но в его руках он стал подобен праху и был настолько горек, что было невозможно им питаться. Погибающий от голода грешник покаялся игумену, но тот не поверил и велел провести своеобразный эксперимент (!): одного из монахов подговаривают украсть у Прохора хлеб, и никто не мог вкушать такую пищу от горечи. Тогда игумен велел один хлеб украсть, а второй попросить у Прохора. Краденный хлеб превратился в подобие праха и стал невероятно горек. Взятый же из рук святого был сладок как мед и светел⁵⁴. Позже горечь краденных хлебов в источнике будет сравниваться с горечью полыни⁵⁵.

По мнению Г. П. Федотова, описанное выше чудо «имеет аналогии в житии св. Савы Освященного»⁵⁶. К сожалению, исследователь не раскрыл какого рода эти параллели, в то время как в Житии Савы можно обнаружить сразу два эпизода, напоминающие историю Прохора. С одной стороны, Сава накормил четырех голодающих сарацинов кореньями мелагрии (горькое растение) и тростниковой сердцевинкой. Благодарные арабы, выследив, где живет сподвижник, впоследствии принесли ему хлеб, сыр и финики⁵⁷. Позже святой при помощи крестного знамения превратил горькие тыквы в сладкие⁵⁸. Превращение несъедобно-горькой пищи в сладкую могло вызывать ассоциации и с широко известным на Руси библейским мотивом обращения Моисеем горьких, непригодных для питья вод Мерры в сладкие при помощи специального древа (Исх. 15:25). Средневековые толкователи видели в этом дереве прообраз

⁵⁰ Слово о законе и благодати митрополита Киевского Илариона // ВЛДР. Т. 1: XI–XII века. СПб., 2000. С. 36; Житие Константина-Кирилла. С. 48; Житие Андрея Юродивого. С. 340, 344; Повесть о Варлааме и Иосафе // ВЛДР. Т. 2: XI–XII века. СПб., 1999. С. 366; Изборник 1076 года. С. 217–218.

⁵¹ Житие Андрея Юродивого. С. 340.

⁵² Там же. С. 344.

⁵³ Втор 29:18; Иов 20:14; Пс 68:22; Притч 5:4; Иер 8:14, 9:15, 23:15; Плач 3:15; Мф 27:34; Откр 8:11.

⁵⁴ Киево-Печерский патерик // Древнерусские патерики... С. 54.

⁵⁵ Там же. С. 55.

⁵⁶ Федотов Г. П. Собр. соч.: в 12-ти томах. Т. 8. С. 45.

⁵⁷ Житие Савы Освященного, составленное св. Кириллом Скифопольским в древне-русском переводе. СПб., 1890. С. 59–61.

⁵⁸ Там же. С. 255.

креста⁵⁹, что нашло отражение в церковных песнопениях⁶⁰. В Киево-Печерском патерике, безусловно, читали и Житие Савы, и историю Моисея⁶¹.

Однако в описанных выше текстах мы не видим сравнений ни сладкой пищи с медом, ни горькой с полынью. Мотив обращения пророком горьких вод в сладкие своеобразно обыгрывается в переводном Житии Константина-Кирилла, когда мучимые жаждой путешественники обнаруживают непригодную для питья, горькую как желчь, воду. Но после того, как Константин-Кирилл вспоминает о чуде Моисея, Бог делает эту воду студеной и сладкой как мед⁶². Как мы видели, мед — тот продукт, который чаще всего обозначает крайнее проявление приятного вкуса, как и полынь с желчью — синоним самой последовательной горечи. Заимствовал ли каждый конкретный автор такие сравнения из строго определенного источника, сказать невозможно.

Как бы то ни было, история Прохора использует лишь отдельные образы из переводных сочинений. Сравнение вкуса хлеба, раздаваемого монахом, со вкусом меда, как и украденного у него хлеба с прахом и вкусом полыни — плод творчества древнерусского книжника. Не встретим мы в вероятных «протографах» и аналога проведенного игуменом эксперимента. Таким образом, высказанное ранее предположение об особом внимании авторов Патерика к чувственному миру человека находит полное подтверждение. Тем интересней, что через чувственное восприятие и эксперимент описываются явления, с точки зрения современного человека совершенно невероятные. Книжники как будто издеваются над упрощенными трактовками современных исследователей, объясняющих веру в сверхъестественное мнимым отсутствием в религиозном сознании интереса к практической деятельности, «реальному миру». Тогда как само по себе восприятие чуда предполагает определенное внимание к воспроизводимым чувствами характеристикам окружающего мира, пусть даже истории о сверхъестественных событиях будут полностью вымышленными.

Таким образом, обозначающий святость в рамках чудесного явления объект мог быть связан как с некоторыми феноменами окружающей человека природной среды, так и с ритуальной реальностью. Хотя в случае со световыми, пахнущими и имеющими вкус явлениями соотношение природного и культового аспектов не будет одинаковым.

Наиболее «ритуализирован» в этом отношении именно запах. Еще Н. Л. Зыховская заметила, что в качестве позитивного ольфактория на Руси чаще всего выступали «церковные благовония», в то время как негативный связывался с запахом «разлагающегося трупа»⁶³. Впрочем, сама же исследовательница находит и другие воплощения противных запахов: телесная вонь, зловоние нечистот, могил и определенных заболеваний⁶⁴.

При описании позитивных ольфакториев Н. Л. Зыховская не может раскрыть их столь же детально. Максимально конкретному запаху трупа в ее оппозиции противостоят довольно размытые «церковные благовония». Но как мы уже видели, эти «благовония» тоже приобретают вполне конкретное наполнение. Это может быть аромат мира либо запах разогретого ладана (как его называли по-другому:

⁵⁹ Палея Толковая. С. 326–328.

⁶⁰ Служба воздвиженью креста Косьмы Маюмского. С. 486, 490.

⁶¹ Влияние «Жития Савы Освященного» Кирилла Скифопольского на образность разных произведений, вышедших из стен Киево-Печерского монастыря, хорошо известно. О Моисее, изменившим качество вод Мерры, в свою очередь, упоминал в своих проповедях сам прп. Феодосий Печерский (Поучения и молитва Феодосия Печерского // БЛДР. Т. 1: XI–XII века. СПб., 2000. С. 436).

⁶² Житие Константина-Кирилла. С. 50.

⁶³ Зыховская Н. Л. Ольфакторная картина... С. 28.

⁶⁴ Там же. С. 38–40.

ливана⁶⁵). Даже когда речь идет о приятном запахе леса, подразумевается аромат экзотического леса, который должен был вызывать ассоциации с символикой церковной службы и ее благоуханием. Так, в Толковой Палее аромат кедров ливанских, которым питается феникс, сопоставляется с райской пищей⁶⁶. В том же источнике своеобразным образом обыгрывается естественный аромат поля, с которым Исаак сравнил запах своего сына (Быт 27:27). Поле оказывается символом всего мира, в котором жил Христос, а сам запах — это мир, запах Христа, помазуясь которым, крестятся народы⁶⁷.

Таким образом, в коллективном сознании древнерусского человека наиболее приятные запахи тесно связывались с символикой церкви, а наиболее противные чаще всего были разными способами сопоставлены со смертью (это и болезни, и смрад разлагающегося тела и могил, и даже души умерших грешников). Церковь была противоположена физической смерти, точно так же как жизнь вечная — вечным мукам. Но определенную роль в такой конфигурации играли и свойства запаха, ведь Царствие Небесное может олицетворять и само небо.

Схожая с запахом мира соотносительность символа святости с храмовым пространством наблюдается в случае такого светового явления, как горение свечи. Основной же световой аналог (как выразитель крайнего проявления светоносных характеристик) — свет солнечный — имеет лишь косвенные либо символические связи с богослужебной практикой. Конечно, естественное освещение могло играть существенную роль в формировании сакрального пространства храма, что характерно как для древнерусской, так и для византийской традиции⁶⁸. А за световыми эффектами в аллегорических нарративах часто прятались образы церковной службы и другой храмовой символики⁶⁹. Однако обилие благоприятных световых знамений, связанных со светилами, не позволяет так сужать богатство солнечной световой семантики. Световая символика как символ святости употребляется слишком часто, поэтому неудивительна и вариативность ее воплощений. Имеющий положительную семантику свет может сравниваться даже с пожаром⁷⁰.

В отличие от световой и ароматной символики богоизбранности, вкусовая не имела подобного рода связей с реальными предметами богослужения. Богослужебная пища (особенно Святые Дары⁷¹) оказывала определенное влияние на древнерусский

⁶⁵ Игошев В. В. Типология, назначение и символика древнерусских кадил и ладаниц // Огонь и свет... С. 144.

⁶⁶ Палея Толковая. С. 66. В других древнерусских текстах ароматы экзотического леса могут сопоставляться с христианским учением, а гора, на которой расположен такой лес, с церковью (РГБ. Ф. 304.1. № 90. Л. 205).

⁶⁷ Палея Толковая. С. 201–202.

⁶⁸ См., напр.: Рожнятовский В. М. Роль света и тени в интерьере Спасо-Преображенского храма Мирожского монастыря // Известия Уральского государственного университета. 2006. № 47. С. 101–110; *Его же*. Световые эффекты в пространстве византийского и древнерусского храма: исторические этапы и особенности развития // Иеротопия огня и света. М., 2013. С. 394–421; Годованец А. Ю. Свето-пространственная композиция Софии Константинопольской и позднерусская наука о свете // Иеротопия огня и света. М., 2013. С. 136–146.

⁶⁹ Слова и поучения Кирилла Туровского. С. 174–176; Матвиенко В. А., Щёголева Л. И. Книги временные и образные Георгия Монаха. Т. 1, ч. 1: Интерпретированный текст Троицкой рукописи. М., 2006. С. 330.

⁷⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 276. Не исключено, что на семантику данного образа могли повлиять представления о зарном или огнезарном свечении как знаке святости (напр.: Матвиенко В. А., Щёголева Л. И. Книги временные... С. 210, 330). Но данное сообщение также могло описывать какое-либо реальное природное явление (напр., красное северное сияние).

⁷¹ См., напр.: Антология памятников литературы домонгольского периода в рукописи XV в.: Софийский сборник. М., СПб., 2013. С. 134, 240, 290, 297; Изборник Святослава 1073 года. М., 1983. Л. 156; Книга нарицаема Козьма Индикоплов. М., 1997. С. 258.

символизм, но вопрос вкуса здесь не имел особого значения⁷². Зато с таинством причастия, как убедительно показал Ш. Гриффин, связан метафорический образ «вони благоуханья» в памятниках, описывающих убиение Глеба Владимировича⁷³.

Ритуальное же значение меда — это нереализованная возможность в христианской культуре. Еще в Ветхом Завете содержался запрет приношения меда на жертвенник (Лев 2:11)⁷⁴. Впоследствии 57-е правило Шестого вселенского собора подтвердит запрет приносить к алтарю мед и молоко⁷⁵. Однако свойства молока и меда играли определенную роль при описании объектов нечеловеческого мира в переводной древнерусской литературе. В этом мире мед может быть сопоставлен с песней (вероятно, ангельской церковной службой в ледяной церкви)⁷⁶. Развивая образность Псалтыри, переводные и оригинальные сочинения иногда рассматривают мед (и сладкую пищу вообще) как аллгорию христианского учения⁷⁷.

Таким образом, в культуре домонгольской Руси вопросы чувственного восприятия природной и рукотворной среды обитания человека были ограничены уже готовыми семантическими рамками, которые содержались в поступавшей на Русь зарубежной литературе. В то же время было бы опрометчиво рассматривать книжную культуру изолированно от религиозной среды вообще, или, как это делают некоторые исследователи, противопоставлять умозрительное, книжное восприятие мира простой практической рациональности. Книжные образы должны были находить соответствие в жизненном опыте, чтобы демонстрировать достаточное развитие в оригинальных сочинениях. И последние действительно, используя ограниченный набор имеющей преимущественно библейское происхождение символики, демонстрируют весьма творческий подход к созданию оригинальных сюжетных линий и весьма тонко ощущают проблемы чувственного восприятия мира.

Само по себе такое восприятие является и переводимым на язык разных культур, и в то же время достаточно субъективным. Мы можем себе представить и свет солнца (как и молнии или сияющего снега), и сладость меда (или финика и сахара) в той степени, в которой наш жизненный опыт перекликается с опытом древнерусского человека. А вот церковные благоухания едва ли составляют основу современных представлений о приятных запахах. Мало кто из современных людей сможет вообразить вкус хлеба с лебедой (разве что глубокие старики, заставшие военное время). Но в древнерусской культуре этот образ должен был быть понятным и заменять функции палестинской мелагрии. Наконец, о трупном запахе сейчас могут рассказать многие люди, связанные с определенными профессиями. Разные культуры воспроизводят разный чувственный опыт. Есть общества, где, например, напроць отсутствует культура употребления меда... И при всем при этом совершенно

⁷² Отдаленную связь с таинством причастия могли увидеть в метафоре сладкой чаши памяти о жизни вечной, используемой Иларионом (Слово о законе и благодати... С. 46). Однако очевидно, что и в данном случае речь не идет о вкусе как реальном ощущении свойств продукта. См. также о символизирующей терпение бесчестья чаше, заполненной полынью, которой изгоняются грехи: Изборник 1076 года. С. 217.

⁷³ Гриффин Ш. Евхаристический подтекст мученичества князей Бориса и Глеба // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: История. 2020. Т. 65, вып. 1. С. 14.

⁷⁴ Библейская энциклопедия. М., 1990. С. 465.

⁷⁵ Каноны, или Книга правил, святых апостолов, святых соборов, вселенских и поместных, и Святых Отцов. СПб., 2000. С. 86.

⁷⁶ Сказание о Макарии Римском. С. 328. Ледяной состав храма, в свою очередь, был связан с близостью семантики яркого света, белизны и сияния (Творогов О. В. Комментарии. Сказание о Макарии Римском // БЛДР. СПб., 2000. Т. 3: XI–XII века. С. 408).

⁷⁷ Слова и поучения Кирилла Туровского. С. 184; Житие Константина-Кирилла. С. 46.

невозможно представить, что чувствует каждый конкретный человек в определенной ситуации.

Но и сама материальная среда, в которой живут люди, точно также, как и телесное восприятие, и книги, субъективны. Не только способы восприятия окружающего мира, оценочные рамки, но и даже его формы, социально значимые практики, в окружении которых живет человек, были сформированы его предками. Подтверждая религиозные догмы отсылками к чувственному опыту, древнерусские христиане не забывали указывать на условность и обманчивость земной жизни. Их мировоззрение допускало возможность чувственной и даже экспериментальной проверки чудесного «факта». В этом отношении традиция усматривать в религиозной жизни прошлого тусклое отражение идеализма — всего лишь плен застрявшего в своих собственных воображаемых мирах человека современной секуляризированной культуры.

Источники и литература

Источники

1. Антология памятников литературы домонгольского периода в рукописи XV в.: Софийский сборник. М., СПб.: Альянс-Архео, 2013.
2. ГИМ. Син. 235. Псалтырь. Захария. 1296 г.
3. ГИМ. Син. 262. Евангелие учительное Константина Болгарского. 1-я четверть XII в.
4. ГИМ. Син. 404. Евангелие тетр «Галицкое». 1144 г.
5. Житие Авраамия Смоленского // БЛДР. Т. 5: XIII век. СПб.: Наука, 2000. С. 30–65.
6. Житие Андрея Юродивого // БЛДР. Т. 2: XI–XII века. СПб.: Наука, 1999. С. 330–359.
7. Житие Константина-Кирилла // БЛДР. Т. 2: XI–XII века. СПб.: Наука, 1999. С. 22–65.
8. Житие Савы Освященного составленное св. Кириллом Скифопольским в древнерусском переводе. СПб., 1890.
9. Житие Феодосия Печерского // БЛДР. Т. 1: XI–XII века. СПб.: Наука, 2000. С. 352–433.
10. Изборник Святослава 1073 года. М.: Книга, 1983.
11. Изборник 1076 года. М.: Наука, 1965.
12. Из пролога // БЛДР. Т. 2: XI–XII века. СПб.: Наука, 1999. С. 388–405.
13. «История Иудейской войны» Иосифа Флавия: Древнерусский перевод. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2004.
14. Каноны, или Книга правил, святых апостолов, святых соборов, вселенских и поместных, и Святых Отцов. СПб., 2000.
15. Киево-Печерский патерик // БЛДР. Т. 4: XII век. СПб.: Наука, 2000. С. 296–489.
16. Киево-Печерский патерик // Древнерусские патерики. Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик. М.: Наука, 1999. С. 7–80.
17. Книга нарицаема Козьма Индикоплов. М.: Индрик, 1997.
18. Матвиенко В. А., Щёголева Л. И. Книги временные и образные Георгия Монаха. Т. 1, ч. 1: Интерпретированный текст Троицкой рукописи. М.: Наука, 2006.
19. Остромирово Евангелие // РНБ. Рукописные памятники. URL: <https://expositions.nlr.ru/facsimile/OstromirGospel/RA5254/o-proekte> (дата обращения: 25.03.2025).
20. Палея Толковая. М.: Согласие, 2002.
21. Повесть о Варлааме и Иосафе // БЛДР. Т. 2: XI–XII века. СПб.: Наука, 1999. С. 360–387.
22. Послание Якова-Черноризца к князю Дмитрию Борисовичу // БЛДР. Т. 5: XIII век. СПб.: Наука, 2000. С. 386–393.

23. Поучения и молитва Феодосия Печерского // БЛДР. Т. 1: XI–XII века. СПб.: Наука, 2000. С. 434–455.
24. ПСРЛ. Т. 1: Лаврентьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1997.
25. ПСРЛ. Т. 2: Ипатьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1998.
26. РГБ. Ф. 304.1 (Главное собрание рукописей библиотеки Троице-Сергиевой лавры). № 90. Книги 16 Пророков толковые.
27. Сказание о Борисе и Глебе // БЛДР. Т. 1: XI–XII века. СПб.: Наука, 2000. С. 328–351.
28. Сказание о Макарии Римском // БЛДР. Т. 3: XI–XII века. СПб.: Наука, 2000. С. 322–337.
29. Сказание об Евстафии Плакиде // БЛДР. Т. 3: XI–XII века. СПб.: Наука, 2000. С. 10–27.
30. Сказание отца нашего Агапия // БЛДР. Т. 3: XI–XII века. СПб.: Наука, 2000. С. 338–349.
31. Сказания о царе Давиде // БЛДР. Т. 3: XI–XII века. СПб.: Наука, 2000. С. 160–171.
32. Слова и поучения Кирилла Туровского // БЛДР. Т. 4: XII век. СПб.: Наука, 2000. С. 142–205.
33. Слово о законе и благодати митрополита Киевского Илариона // БЛДР. Т. 1: XI–XII века. СПб.: Наука, 2000. С. 26–61.
34. Слово об успении Богородицы // БЛДР. Т. 3: XI–XII века. СПб.: Наука, 2000. С. 292–305.
35. Служба воздвиженью креста Космы Маюмского // БЛДР. Т. 2: XI–XII века. СПб.: Наука, 1999. С. 480–491.
36. Хождение Богородицы по мукам // БЛДР. Т. 3: XI–XII века. СПб.: Наука, 2000. С. 306–321.

Литература

37. *Адрианова-Перетц В. П.* Очерки поэтического стиля Древней Руси. М., Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1947.
38. Библейская энциклопедия. М.: Терра, 1990.
39. *Годованец А. Ю.* Свето-пространственная композиция Софии Константинопольской и позднеантичная наука о свете // Иеротопия огня и света. М.: Феория, 2013. С. 136–146.
40. *Гриффин Ш.* Евхаристический подтекст мученичества князей Бориса и Глеба // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: История. 2020. Т. 65, вып. 1. С. 5–18. DOI 10.21638/11701/spbu02.2020.101
41. *Демин А. С.* Древнерусская литература как литература (О манерах повествования и изображения). М.: Языки славянской культуры, 2015.
42. *Демин А. С.* Поэтика древнерусской литературы (XI–XIII вв.). М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009.
43. *Демин А. С.* Путешествие души по загробному миру (В древнерусской литературе) // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 7, ч. 1. М., 1994. С. 51–74.
44. *Зыховская Н. Л.* Ольфакторная картина художественного мира русской прозы XI–XIX веков. Челябинск, 2015.
45. *Игошев В. В.* Типология, назначение и символика древнерусских кадил и ладаниц // Огонь и свет в сакральном пространстве: мат-лы междунар. симпозиума. М.: Индрик, 2011. С. 144–146.
46. *Игошев В. В.* Типология, назначение и символика древнерусских кадил и ладаниц // Иеротопия огня и света. М.: Феория, 2013. С. 444–474.
47. Иеротопия Воздуха и Небес в культуре христианского мира. М.: Индрик, 2023.
48. Иеротопия огня и света. М.: Феория, 2013.
49. *Колесов В. В.* Древнерусская цивилизация. Наследие в слове. М., 2014.
50. *Лаушкин А. В.* Стихийные бедствия и природные знамения в представлениях древнерусских летописцев XI–XIII вв. // Русское Средневековье. 1998 год. Вып. 1: Книжная культура. М.: Мануфактура, 1998. С. 26–58.

51. Лидов А. М. «Образы-парадигмы» как категория культуры. Иеротопический подход к истории искусства // Искусствознание. 2011. № 3–4. С. 109–122.
52. Лидов А. М. Иеротопия: Создание сакральных пространств как вид творчества и предмет исследования // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2009. № 52. С. 60–77.
53. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука, 1979.
54. Огонь и свет в сакральном пространстве: мат-лы междунар. симпозиума. М.: Индрик, 2011.
55. Ранчин А. М. Вертоград Златословный: Древнерусская книжность в интерпретациях, разборах и комментариях. М.: НЛЮ, 2007.
56. Рожнятовский В. М. Роль света и тени в интерьере Спасо-Преображенского храма Мирожского монастыря // Известия Уральского государственного университета. 2006. № 47. С. 101–110.
57. Рожнятовский В. М. Световые эффекты в пространстве византийского и древнерусского храма: исторические этапы и особенности развития // Иеротопия огня и света. М.: Феория, 2013. С. 394–421.
58. Святский Д. О. Астрономия Древней Руси. М.: Русская панорама, 2007.
59. Сенаторский Н. Вера древних русских христиан в небесные знамения. Киев, 1883.
60. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): в 10-ти томах. Т. 3: Добродѣтельно — изжечисл. М.: Русский язык, 1990.
61. Соколов М. В. Очерки истории психологических воззрений в России в XI–XVIII веках. М.: Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1963.
62. Солдатенкова О. В. Идея света в древнерусской культуре. Дисс... канд. культурологии. СПб., 2006.
63. Солдатенкова О. В. Идея света в русской культуре. М.: Инфра-М, 2025.
64. Творогов О. В. Комментарии. Сказание о Макарии Римском // БЛДР. СПб.: Наука, 2000. Т. 3: XI–XII века. С. 408.
65. Федотов Г. П. Собр. соч.: в 12-ти томах. Т. 8: Святые Древней Руси. М.: Мартис, 2000.

Sources and References

Sources

1. “Istoriya Iudejskoj vojny” Iosifa Flaviya: Drevnerusskij perevod [“History of the Jewish War” by Flavius Josephus: An Old Russian Translation], vol. 1. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul’tury Publ., 2004. (In Old-Russian and Ancient Greek)
2. Antologiya pamyatnikov literatury domongol’skogo perioda v rukopisi 15 veka: Sofiiskii sbornik [Anthology of Monuments of the Pre-Mongolian Period Literature in Manuscripts of the 15th Century: Sofia Collection]. Moscow, St. Petersburg, Al’yans-Arkheo Publ., 2013. (In Old-Russian)
3. Hozhdenie Bogorodicy po mukam [Birth–Giver of God’s Walk Through Torment]. Biblioteka literatury Drevnej Rusi, vol. 3: the 11th–12th centuries. St. Petersburg, Nauka Publ., 2000, p. 306–321. (In Russian and Old-Russian)
4. Iz prologa [From the Prologue]. Biblioteka literatury Drevnej Rusi, vol. 2: the 11th–12th centuries. St. Petersburg, Nauka Publ., 1999, p. 388–405. (In Russian and Old-Russian)
5. Izbornik 1076 goda [Izbornik of 1076]. Moscow, Nauka Publ., 1965. (In Old-Russian and Medieval Greek)
6. Izbornik Svyatoslava 1073 goda [Svyatoslav’s Izbornik 1073]. Moscow, Kniga Publ., 1983. (In Old-Russian)

7. *Kanony, ili Kniga pravil, svyatyh apostolov, svyatyh soborov, vselenskih i pomestnyh, i Svyatyh Otczov* [Canons, or the Book of Rules, of the Holy Apostles, Holy Cathedrals, Ecumenical and Local, and Church Fathers]. St. Petersburg, 2000. (In Russian)
8. Kievo-Pecherskij paterik [Kyiv Caves Patericon]. *Biblioteka literatury Drevnej Rusi*, vol. 4: the 12th century. St. Petersburg, Nauka Publ., 2000, p. 296–489. (In Russian and Old-Russian)
9. Kievo-Pecherskij paterik [Kyiv Caves Patericon]. *Drevnerusskie pateriki. Kievo-Pecherskij paterik. Volokolamskij paterik*. Moscow, Nauka Publ., 1999, p. 7–80. (In Russian and Old-Russian)
10. *Kniga nariczaema Koz'ma Indikoplov* [Christian Topography of Cosmas Indicopleustes]. Moscow, Indrik Publ., 1997. (In Old-Russian)
11. Matvienko V. A., Shhegoleva L. I. *Knigi vremennye i obraznye Georgiya Monaha* [Temporary and Figurative Books by George the Monk], in 2 vols, vol. 1, part 1: Interpretirovannyj tekst Troiczkoj rukopisi [The Interpreted Text of the Trinity Manuscript]. Moscow, Nauka Publ., 2006. (In Old-Russian)
12. *Ostromirovo Evangelie* [Ostromir Gospels]. Russian National Library. URL: <https://expositions.nlr.ru/facsimile/OstromirGospel/RA5254/o-proekte> (date of access: 25.03.2025). (In Russian and Old-Russian)
13. *Paleyа Tolkovaya* [Palaea Interpretata]. Moscow, Soglasie Publ., 2002. (In Russian and Old-Russian)
14. *Polnoe sobranie russkih letopisej* [Complete Collection of Russian Chronicles], vol. 1: Laurentian Codex. Moscow, Jazyki russkoj kul'tury Publ., 1997. (In Old-Russian)
15. *Polnoe sobranie russkih letopisej* [Complete Collection of Russian Chronicles], vol. 2: Hypatian Codex. Moscow, Jazyki russkoj kul'tury Publ., 1998. (In Old-Russian)
16. *Poslanie Yakova-Chernorizcza k knyazyu Dmitriyu Borisovichu* [The Message of Jacob the Monk to Duke Dmitry Borisovich]. *Biblioteka literatury Drevnej Rusi*, vol. 5: the 13th century. St. Petersburg, Nauka Publ., 2000, p. 386–393. (In Russian and Old-Russian)
17. *Poucheniya i molitva Feodosiya Pecherskogo* [Theodosius of the Caves Sermons and Prayer]. *Biblioteka literatury Drevnej Rusi*, vol. 1: the 11th-12th centuries. St. Petersburg, Nauka Publ., 2000, p. 434–455. (In Russian and Old-Russian)
18. *Povest' o Varlaame i Iosafe* [The Story of Barlaam and Joasaph]. *Biblioteka literatury Drevnej Rusi*, vol. 2: the 11th-12th centuries. St. Petersburg, Nauka Publ., 1999, p. 360–387. (In Russian and Old-Russian)
19. Russian State Library. F. 304.I (The Main Collection of Manuscripts of the Trinity Lavra of St. Sergius), no. 90. The Books of the 16 Prophets are Sensible. (In Old-Russian)
20. *Skazanie o Borise i Glebe* [The Tale of Boris and Gleb]. *Biblioteka literatury Drevnej Rusi*, vol. 1: the 11th-12th centuries. St. Petersburg, Nauka Publ., 2000, p. 328–351. (In Russian and Old-Russian)
21. *Skazanie o Makarii Rimskom* [The Tale of Macarius of Rome]. *Biblioteka literatury Drevnej Rusi*, vol. 3: the 11th-12th centuries. St. Petersburg, Nauka Publ., 2000, p. 322–337. (In Russian and Old-Russian)
22. *Skazanie ob Evstafii Plakide* [Tale About Eustathios Plakidas]. *Biblioteka literatury Drevnej Rusi*, vol. 3: the 11th-12th centuries. St. Petersburg, Nauka Publ., 2000, p. 10–27. (In Russian and Old-Russian)
23. *Skazanie otca nashego Agapiya* [The Tale of Our Father Agapius]. *Biblioteka literatury Drevnej Rusi*, vol. 3: the 11th-12th centuries. St. Petersburg, Nauka Publ., 2000, p. 338–349. (In Russian and Old-Russian)
24. *Skazaniya o czare Davide* [Tales of King David]. *Biblioteka literatury Drevnej Rusi*, vol. 3: the 11th-12th centuries. St. Petersburg, Nauka Publ., 2000, p. 160–171. (In Russian and Old-Russian)
25. *Slova i poucheniya Kirilla Turovskogo* [Cyril of Turov Tales and Sermons]. *Biblioteka literatury Drevnej Rusi*, vol. 4: the 12th century. St. Petersburg, Nauka Publ., 2000, p. 142–205. (In Russian and Old-Russian)

26. Slovo o zakone i blagodati mitropolita Kievskogo Ilariona [The Sermon on Law and Grace of Hilarion, Metropolitan of Kiev]. *Biblioteka literatury Drevnej Rusi*, vol. 1: the 11th-12th centuries. St. Petersburg, Nauka Publ., 2000, p. 26–61. (In Russian and Old-Russian)
27. Slovo ob uspenii Bogorodicy [Tale About the Dormition of the Mother of God]. *Biblioteka literatury Drevnej Rusi*, vol. 3: the 11th-12th centuries. St. Petersburg, Nauka Publ., 2000, p. 292–305. (In Russian and Old-Russian)
28. Sluzhba vozdvizhenyu kresta Kosmy Mayumskogo [Cosmas of Maiuma Service to the Exaltation of the Cross]. *Biblioteka literatury Drevnej Rusi*, vol. 2: the 11th-12th centuries. St. Petersburg, Nauka Publ., 1999, p. 480–491. (In Russian and Old-Russian)
29. State Historical Museum. Synodal Collection, no. 235. The Book of Psalms. Zachariah. 1296. (In Old-Russian)
30. State Historical Museum. Synodal Collection, no. 262. The Didactic Gospel of Constantine of Bulgaria. The 1st quarter of the 12th century. (In Old-Russian)
31. State Historical Museum. Synodal Collection, no. 404. “Galician” Tetra Gospels. 1144. (In Old-Russian)
32. Zhitie Andrey a Yurodivogo [Andrews the Fool Hagiography]. *Biblioteka literatury Drevnej Rusi*, vol. 2: the 11th-12th centuries. St. Petersburg, Nauka Publ., 1999, p. 330–359. (In Russian and Old-Russian)
33. Zhitie Avraamiya Smolenskogo [Abrahams of Smolensk Hagiography]. *Biblioteka literatury Drevnej Rusi*, vol. 5: the 13th century. St. Petersburg, Nauka Publ., 2000, p. 30–65. (In Russian and Old-Russian)
34. Zhitie Feodosiya Pecherskogo [Theodosius of the Caves Hagiography]. *Biblioteka literatury Drevnej Rusi*, vol. 1: the 11th-12th centuries. St. Petersburg, Nauka Publ., 2000, p. 352–433. (In Russian and Old-Russian)
35. Zhitie Konstantina-Kirilla [Konstantin-Kirills Hagiography]. *Biblioteka literatury Drevnej Rusi*, vol. 2: the 11th-12th centuries. St. Petersburg, Nauka Publ., 1999, p. 22–65. (In Russian and Old-Russian)
36. *Zhitie Savy Osvyashennogo sostavlennoe sv. Kirillom Skifopol'skim v drevne-russkom perevode [Sabbas the Sanctified Hagiography, Compiled by St. Cyril of Scythopolis in Old Russian Translation]*. St. Petersburg, 1890. (In Old-Russian and Medieval Greek)

References

37. Adrianova-Peretz V. P. *Ocherki poeticheskogo stilya Drevnej Rusi [Essays on the Old Rus Poetic Style]*. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Press, 1947. (In Russian)
38. *Biblejskaya enciklopediya [Encyclopaedia Biblica]*. Moscow, Terra Publ., 1990. (In Russian)
39. Demin A. S. *Drevnerusskaya literatura kak literatura (O manerakh povestvovaniya i izobrazheniya) [Old Russian Literature as Literature: (On the Manners of Narration and Image)]*. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2015. (In Russian)
40. Demin A. S. *Poetika drevnerusskoj literatury (11–13 veka) [Poetics of Old Russian literature (11th-13th centuries)]*. Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevnej Rusi Publ., 2009. (In Russian)
41. Demin A. S. *Puteshestvie dushi po zagrobnomu miru (V drevnerusskoj literature) [Journey of the Soul to the Afterlife]*. *Hermeneutics of Old Russian Literature*, iss. 7, part 1. Moscow, 1994, p. 51–74. (In Russian)
42. Fedotov G. P. *Sobranie sochinenij [Collected Works]*, in 12 vols, vol. 8: The Old Russian Saints. Moscow, Martis Publ., 2000. (In Russian)
43. Godovanets A. *Sveto-prostranstvennaya kompoziciya Sofii Konstantinopol'skoj i pozdneantichnaya nauka o svete [The Space of Hagia Sophia and the Late Antique Science of Light]*. *Hierotopy of Light and Fire*. Moscow, Theoria Publ., 2013, p. 136–146. (In Russian)

44. Griffin S. The Eucharistic Subtext of the Martyrdom of Princes Boris and Gleb. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series: History*, 2020, vol. 65, issue 1, p. 5–18. (In Russian) DOI 10.21638/11701/spbu02.2020.101
45. *Ierotopiya ognya i sveta [Hierotopy of Light and Fire]*. Moscow, Theoria Publ., 2013. (In Russian and English)
46. *Ierotopiya Vozduha i Nebes v kul'ture hristianskogo mira [Hihierotopy of Air and Heavens in Culture of the Christian World]*. Moscow, Indrik Publ., 2023. (In Russian and English)
47. Igoshev V. Tipologiya, naznachenie i simbolika drevnerusskikh kadil i ladanicz [Typology, Function and Symbolism of Medieval Russian Censers and Ladan-containers]. *Ogon' i svet v sakral'nom prostranstve: Materials of the International Symposium*. Moscow, Indrik Publ., 2011, p. 144–146. (In Russian)
48. Igoshev V. Tipologiya, naznachenie i simbolika drevnerusskikh kadil i ladanicz [Typology, Functions and Symbolism of Medieval Russian Censers and Ladan Containers]. *Ierotopiya ognya i sveta*. Moscow, Theoria Publ., 2013, p. 444–474. (In Russian)
49. Kolesov V. V. *Drevnerusskaya civilizaciya. Nasledie v slove [Old Rus Civilization. Heritage in the Word]*. Moscow, 2014. (In Russian)
50. Laushkin A. V. Stihijnye bedstviya i prirodnye znameniya v predstavleniyah drevnerusskikh letopiscev 11–13 vekov [Natural Disasters and Natural Signs Represented in the Old Russian Chroniclers of the 11th–13th Centuries]. *Russkoe Srednevekov'e*, 1998, issue 1: Book Culture. Moscow, Manufaktura Publ., 1998, p. 26–58. (In Russian)
51. Lidov A. M. “Obrazy-paradigmy” kak kategoriya kul'tury. Ierotopicheskiy podhod k istorii iskusstva [“Images-paradigms” as a Category of Culture. A Hierotopic Approach to the History of Art]. *Iskusstvoznanie*, 2011, no. 3–4, p. 109–122. (In Russian)
52. Lidov A. M. Ierotopiya: Sozdanie sakral'nyh prostranstv kak vid tvorchestva i predmet issledovaniya [Hierotopia: Creation of Sacred Spaces as a Type of Creativity and a Subject of Research]. *Gosudarstvo, religiya, Cerkov' Rossii i za rubezhom = State, Religion and Church in Russia and Worldwide*, 2009, no. S2, p. 60–77. (In Russian)
53. Likhachev D. S. *Poetika drevnerusskoj literatury [Poetics of Old Russian Literature]*. Moscow, Nauka Publ., 1979. (In Russian)
54. *Ogon' i svet v sakral'nom prostranstve [Light and Fire in the Sacred Space]: Materials of the International Symposium*. Moscow, Indrik Publ., 2011 (In Russian and English)
55. Ranchin A. M. *Vertograd Zlatoslovnyj: Drevnerusskaya knizhnost v interpretacijah, razborah i kommentariyah [Vertograd Zlatoslovnyi: Old Russian Literature in Interpretations, Developments and Comments]*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2007. (In Russian)
56. Rozhniatovsky V. Svetovye efekty v prostranstve vizantijskogo i drevnerusskogo hrama: istoricheskie etapy i osobennosti razvitiya [Lighting Effects Within the Space of Byzantine and Old Russian Churches: Historical Stages and Special Aspects of Evolution]. *Ierotopiya ognya i sveta*. Moscow, Theoria Publ., 2013, p. 394–421. (In Russian)
57. Rozhnyatovsky V. M. Rol' sveta i teni v inter'ere Spaso-Preobrazhenskogo hrama Mirozhskogo monastyra [The Role of Light and Shadow in the Interior of the Transfiguration Church of the Mirozhsky Monastery]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Ural State University*, 2006, no. 47, p. 101–110. (In Russian)
58. Senatorsky N. *Vera drevnih russkikh hristian v nebesnye znameniya [The Faith of Old Russian Christians in Heavenly Omens]*. Kyiv, 1883. (In Russian)
59. *Slovar' drevnerusskogo yazyka (11–14 veka) [Dictionary of the Old Russian language (the 11th–14th centuries)]*, in 10 vols, vol. 3: Dobrodetel'no – izzhechisya. Moscow, Russkij yazyk Publ., 1990. (In Russian and Old-Russian)
60. Sokolov M. V. *Ocherki istorii psihologicheskikh vozzrenij v Rossii v 11–18 vekah [Essays on the History of Psychological Views in Russia in the 11th–18th Centuries]*. Moscow, Academy of Pedagogical Sciences Press, 1963. (In Russian)

61. Soldatenkova O. V. *Ideya sveta v drevnerusskoj kul'ture* [The Idea of Light in Old Russian culture]: Dissertation of the Candidate of Cultural Studies. St. Petersburg, 2006. (In Russian)
62. Soldatenkova O. V. *Ideya sveta v russkoj kul'ture* [The Idea of Light in Russian Culture]. Moscow, Infra-M Publ., 2025. (In Russian)
63. Svyatsky D. O. *Astronomiya Drevnej Rusi* [Old Rus Astronomy]. Moscow, Russkaya panorama Publ., 2007. (In Russian)
64. Tvorogov O. V. Kommentarii. Skazanie o Makarii Rimskom [Comments. The Tale of Macarius of Rome]. *Biblioteka literatury Drevnej Rusi*, vol. 3: the 11th-12th centuries. St. Petersburg, Nauka Publ., 2000, p. 408. (In Russian)
65. Zyhovskaya N. L. *Ol'faktornaya kartina hudozhestvennogo mira russkoj prozy 11–19 vekov* [An Olfactory Picture of the Fiction World of Russian Prose of the 11th-19th Centuries]. Chelyabinsk, 2015. (In Russian)

В. И. Клейменов

**Летописные повествования и приписка в Прологе
о Каменском побоище 21 августа 1407 г.:
к вопросу о взаимоотношении и происхождении текстов**

УДК 94(47):930.23
DOI 10.47132/2618-9674_2025_3_87
EDN SDRRDJ

Аннотация: Статья посвящена летописным повествованиям о Каменском побоище (21 августа 1407 г.) в составе псковских летописей. Цель работы — установить взаимосвязь между текстами и предложить модель, объясняющую их происхождение. Летописные повествования о Каменском побоище можно разделить на две редакции: краткую (Псковская вторая летопись) и пространную (Псковская первая и третья летописи). На основании текстологического анализа показано, что обе редакции восходят к одному архетипическому тексту. Также рассматривается вопрос о происхождении приписки на полях Пролога рубежа XV–XVI вв., повествующей о Каменском побоище. Автор приходит к выводу, что данный текст не является самостоятельным произведением, возникшим независимо от псковского летописания, поскольку он также восходит к архетипу летописного повествования о Каменском побоище. В статье также приводятся аргументы в пользу того, что первоначальный текст записи о Каменском побоище сильно пострадал при переписывании, вследствие чего дошедший до нас текст не может считаться синхронным описываемым событиям.

Ключевые слова: текстология, летописные повествования, Каменское побоище, псковские летописи, Пролог, Псков.

Об авторе: **Виталий Игоревич Клейменов**

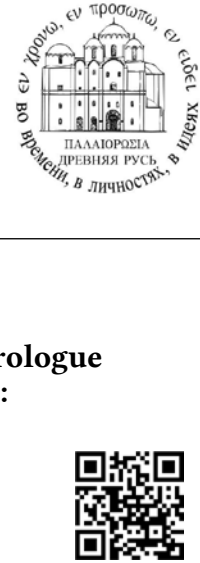
Студент магистратуры «Русь и средневековый мир», Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва).

E-mail: vikleyменов@edu.hse.ru ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-1850-6452>

Благодарности: Данная работа представляет собой доработанную версию одноименного доклада на 13-м заседании Летописного семинара, которое состоялось 12 января 2023 г. в Департаменте истории НИУ ВШЭ СПб. Приношу благодарность всем участникам семинара (в особенности А. М. Введенскому, А. А. Вовину, С. В. Городилину и Н. В. Белову) за плодотворную дискуссию и замечания, которые были учтены мной при написании статьи.

Для цитирования: Клейменов В. И. Летописные повествования и приписка в Прологе о Каменском побоище 21 августа 1407 г.: к вопросу о взаимоотношении и происхождении текстов // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2025. № 3 (31). С. 87–99.

Статья поступила в редакцию 06.03.2025; одобрена после рецензирования 25.05.2025; принята к публикации 05.06.2025.

Vitaly Kleymenov

Chronicle Narratives and the Marginal Note in Prologue
about the Battle of Kamno, 21 August 1407:
Interrelations and Origin of the Texts

UDK 94(47):930.23
DOI 10.47132/2618-9674_2025_3_87
EDN SDRRDJ

Abstract: The article deals with narratives about the Battle of Kamno (21 August 1407) in Pskov chronicles. The goal of this study is to determine the relationship between texts, as well as to propose a model which explains their origin. Chronicle narratives about the Battle of Kamno can be divided into two editions, brief (in Pskov Second Chronicle) and vast (in Pskov First and Third chronicles). The analysis of texts demonstrates that both editions have the same source – the archetype of chronicle narrative about the Battle of Kamno. Besides, the origin of a marginal note in the Prologue (dating back to the turn of 15th-16th centuries) is discussed. This text cannot be considered independent, as it also derives from the archetype of chronicle narrative. In conclusion, it is argued that the original text was considerably revised while rewriting. Thus, the surviving note cannot be treated as a source contemporary to the Battle of Kamno.

Keywords: Textology, Chronicle Narratives, Battle of Kamno, Pskov Chronicles, Prologue, Pskov.

About the author: **Vitaly Kleymenov**

Graduate student of School of History, State University Higher School of Economics, Moscow.
E-mail: vikleymenov@edu.hse.ru ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-1850-6452>

Acknowledgements: This paper is a revised version of the paper presented at the 13th the Chronicle Seminar January 12, 2023, at the Department of History at the National Research University Higher School of Economics in St. Petersburg. I would like to tell my gratitude to all seminar participants (especially A. M. Vvedensky, A. A. Vovyn, S. V. Gorodilin, and N. V. Belov) for the fruitful discussion and comments, which I have incorporated into this article.

For citation: Kleymenov V. Chronicle Narratives and the Marginal Note in Prologue about the Battle of Kamno, 21 August 1407: Interrelations and Origin of the Texts. *Paleorosia. Ancient Rus in time, in personalities, in ideas*, 2025, No. 3 (31), p. 87–99.

The article was submitted 06.03.2025; approved after reviewing 25.05.2025; accepted for publication 05.06.2025.

Военная история Северо-Запада Руси полна событиями, которые по-прежнему остаются малоизученными. Поколения историков отдавали предпочтение тем сражениям, которые уже прочно вошли в исторический нарратив: ярким тому примером является Ледовое побоище (1242 г.), в тени которого оказываются многие другие битвы, имевшие большое значение для современников. Одной из таких забытых страниц военной истории Северо-Запада Руси является Каменское побоище — сражение между псковичами и войском ливонского магистра Конрада фон Фитингофа, которое состоялось 21 августа 1407 г. на Логозовицком поле, близ погоста Камно¹. Для летописцев оно было сопоставимо по своему значению и масштабу с Ледовым побоищем и сражением при Раковоре (1268 г.) — в летописных известиях Каменское побоище сравнивается именно с этими битвами². Между тем, ни один из исследователей, так или иначе упоминавших Каменское побоище в своих работах, не задавался вопросом о происхождении летописных повествований о нем.

Каменское побоище, занимавшее столь важное место в памяти средневековых псковичей, описано во всех трех памятниках псковского летописания (П1, П2 и П3). В настоящей статье проводится текстологический анализ этих известий, на основании которого предлагается модель, объясняющая их происхождение. Выводы, сделанные в статье, в дальнейшем также могут быть использованы в дискуссии о соотношении текстов псковских летописей, которой уже посвящен внушительный пласт историографии³.

¹ Большинство исследователей рассматривает Каменское побоище лишь как один из эпизодов псковско-литовско-ливонской войны 1406–1409 гг.: *Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения: Конец XIV — начало XVI в. Л., 1975. С. 43–44; *Вебер Д. И., Филошкин А. И.* «От ордена осталось только имя...» Судьба и смерть немецких рыцарей в Прибалтике. СПб., 2018. С. 91–92; *Полехов С. В.* Псков во внешней политике великого князя литовского Витовта в первом десятилетии XV в. // ДРВМ. 2022. № 4 (90). С. 47–48. Подробнее о самом сражении см. в: *Салмин С. А.* Межгосударственные конфликты с участием Господина Пскова в начальный период контактов с Ганзой (кон. XIV — нач. XV в.): причины, ход, особенности // Древности Пскова. Археология, история. Вып. 3. Псков, 2019. С. 165–167. Первая специальная работа, посвященная Каменскому побоищу, принадлежит автору этих строк: *Клейменов В. И.* «Сие бысть побоище силно, якоже бысть Ледовое побоище, оу Раковора»: забытая страница военной истории Северо-Запада Руси (Каменское побоище 21 августа 1407 г.) // АИППЗ: Ежегодник Семинара имени академика В. В. Седова. Вып. 37: Материалы 67-го заседания (2022 г.). М., Псков, 2022. С. 272–282.

² На сопоставление Каменского побоища с Ледовым обратил внимание А. Р. Артемьев (*Артемьев А. Р.* Ледовое побоище и битвы XIV — начала XV в. на Северо-Западе Руси // ВИ. 1999. № 2. С. 150). С. А. Никонов, в свою очередь, назвал Каменское побоище «одним из самых драматичных эпизодов в военной истории Пскова начала XV в.» (*Никонов С. А.* Новые данные о средневековом Пскове XIV — начала XV века // АИППЗ. Семинар имени академика В. В. Седова. Материалы ЛП заседания. Псков, 2007. С. 154).

³ Обзор историографии по вопросу о текстологии псковских летописей приведен в монографии А. А. Вовина: *Вовин А. А.* Городская коммуна средневекового Пскова: XIV — начало XVI в. СПб., 2019. С. 56–85. См. также статьи А. М. Введенского, отстаивающего противоположную позицию по вопросам о влиянии новгородской летописной традиции на П2 и о времени составления П0: *Введенский А. М.* Использовал ли составитель Свода 1486 года (Псковская вторая летопись) летопись Новгородско-Софийской группы? // АИППЗ: Ежегодник Семинара имени академика В. В. Седова. Вып. 33: Материалы 63-го заседания (2017 г.). М., Псков, 2018. С. 61–64; *Его же.* О нижней границе создания общего протографа Псковских летописей // *Rossica Antiqua*. 2018. № 16. С. 26–47; *Его же.* Краткий новгородский летописец как источник псковских летописей // АИППЗ: Ежегодник Семинара имени академика В. В. Седова. Вып. 34: Материалы 64-го заседания (2018 г.). М., Псков, 2019. С. 108–111.

І. Летописные повествования о Каменском побоище

В целом летописные повествования о Каменском побоище можно разделить на две редакции: краткую (в П2)⁴ и пространную (в П1 и П3)⁵. Для наглядности помещаем летописные тексты в таблицу, разделив их на смысловые фрагменты⁶. Встречающиеся только в П2 чтения, которые, вероятно, восходят непосредственно к протографу (П0), подчеркнуты. **Полужирным** шрифтом выделены фрагменты, характерные только для П1, *курсивом* — только для П3. Общие для П1 и П3 фрагменты набраны **полужирным курсивом**.

Таблица 1

Сопоставление летописных повествований о походе Конрада фон Фитингхофа на Псков и Каменском побоище 21 августа 1407 г.

№	П1 (Тих.) (Пл. Вып. I. С. 31)	П2 (Син.) (Пл. Вып. II. С. 33–34)	П3 (Стр.) (Пл. Вып. II. С. 115–116)
1.	Того же лѣта [6915], месеца августа, на память святых мученикъ Флора и Лавра ,	О Каменском побоищи Того же лѣта [6915]	Того же лѣта [6915], месеца августа въ 18, на память святого мученика Фрола и Лавра ,
2.	прииде мастеръ со всею землею Немецкою ко Пскову, и сташа Нѣмцы в станы в Туховитичах.	князь мастеръ, събрав силы многыя, и <u>Задвинскую силу Коурскую</u> <u>подъемъ прииде от Бѣлого камени</u> в землю Псковскую, месеца августа въ 18 день;	прииде мастеръ со всею силою немецкою ко Пскову, и сташа Немци станы в Тоуховитичах.
3.	И псковичи совокупивше свою власть, опрочѣ пригородовъ , и оусрѣтоша Нѣмецъ оу броду в Туховитичах , а бродове бяхуть вси заворѣни, и стояша погании чetyре дни оу рѣцы, а псковичи с ними бяхуся оу рецы,	а псковичи <u>бес пригородовъ поидоша противу имъ, токмо совокупивше волости своя</u> . И оусрѣтоша их на Броду от Выбута, а броды вси бяху заворены <u>ворами</u> . И стояша погании ту 4 дни, и <u>многажды хотяху пребрести рѣку, и не возмогаша</u> , псковичемъ биющемся с ними,	И псковичи, совокупивше волость опрочѣ пригородовъ , оусрѣтоша их оу броду в Тоуховитичах , а бродовѣ бяху вси заворени, и стояше погании 4 дни оу рѣки, а псковичи с ними бяхуся оу рѣке,
4.	и поидоша Нѣмцы прочь не оучинивше ничто же.	и поидоша прочь, а не оучинивше ничто же.	и поидоша Немци прочь не оучинивше ничто же;
5.	И псковичи оуполчившеса и поидоша за рѣку	И псковичи <u>идоша въ слѣдъ их</u> и постигоша их за Кам-	и ополчившеса псковичи поидоше за рѣку

⁴ Пл. Вып. II. М., 1955. С. 33–34.

⁵ Пл. Вып. I. М., Л., 1941. С. 31; Пл. Вып. II. С. 115–116.

⁶ Данная методика позаимствована мной у Л. В. Соколовой, успешно применившей ее при изучении летописных повествований о Куликовской битве (*Соколова Л. В. Летописные повествования о Куликовской битве (К вопросу о взаимоотношении памятников) // ТОДРЛ. 2014. Т. 63. С. 305–353*).

	въ слѣд их, и сугнаша их за Камномъ на Лозоговичскомъ поли, оже Нѣмцы станы стоятъ	ном на Логовицкомъ поли; а Немци станы сташа,	вслѣд их, и соугнаше ихъ за Камномъ на Лозоговицкомъ поли, оже Нѣмци станы стоятъ,
6.	в недѣлю по вечернии, на память святыхъ мученицы Васисы;	в неделю о <u>вечернемъ годѣ</u> , <u>августа въ 21 день</u> , на память <u>святого апостола Фаддѣя</u> и святыхъ мученицы Вассы.	в неделю по вечернии, на память святыхъ мученицы Вассы;
7.	а они погании бяхуть ополчилися; и оударишася на них псковичи,	И Немци <u>воскорѣ</u> исполчишася; и <u>такo</u> псковичи оудариша на них и, <u>много бившеся</u> ,	но погании бяхуть ополчилися; и оудариша на них псковичи,
8.	се бо бысть божие неспособность за оумножение грѣх наших, и показаша псковичи плещи своя и побѣгоша;	<u>одолѣша Немци, а псковичи побѣгоша.</u>	се бысть божие неспособность за оумножение грѣх ради наших, и показаша плеща свои, и побѣгоша,
9.	и оубиша на первом ступѣ Еленьгия посадника, Кортача посадника, Панкратия посадника и инѣх бояръ много и сельскихъ людей много избиша,	И оубиша на сступе Елентиа посадника, и Картача посадника, и Панкрата посадника, и бояръ много;	и оубиша на сступе Панкрата посадника, Леонтия посадника, Ефрѣма посадника и иныхъ бояръ много, и сельскихъ людей много,
10.	а всѣхъ числомъ яко до седмисотъ головъ,	и всѣхъ людей избиша 700 <u>человекъ,</u>	а всехъ <u>избиша</u> числомъ 700,
11.	а немецкихъ князеи и бояръ избиша много, не толко колко псковичъ пало, но и боле,	<u>и паде тогда Немець много.</u>	а <u>Нѣмецъ</u> князеи и бояръ много избиша, но толко колко пскович
12.	и коней немецкихъ великихъ много приведоша во Псковъ.		и коней великихъ немецкихъ много приведоша во Псковъ.
13.	Сие бысть побоище сильно, якоже бысть Ледовое побоище, оу Раковора.		Сее бысть побоище сильно, якоже бысть Ледовое и оу Раковора.

Представляется, что П2 наиболее полно отражает архетипический текст, и именно с этим связано несколько отличительных особенностей данного известия. В архетипе летописного повествования о Каменском побоище, составленном вскоре после событий августа 1407 г., по всей видимости, не были названы броды, на которых происходило четырехдневное «стояние» 18–21 августа, поэтому составитель П2 ретроспективно указал самое очевидное место переправы через р. Великую – Выбуты⁷.

⁷ Согласно известиям П1 и П3, ливонское войско, направляясь к Пскову, остановилось и встало лагерем у бродов через р. Великую в Туховитицах (в 25 км южнее Пскова и в 10 км к югу от Выбутских бродов): ПЛ. Вып. I. С. 31; ПЛ. Вып. II. С. 115. П2, напротив, сообщает, что ливонцы пытались переправиться в Выбутах: ПЛ. Вып. II. С. 33. Однако данное указание, вероятно, является ошибкой. Возникнуть она могла вследствие того, что Выбутские броды были более

К архетипическому тексту также восходят следующие фрагменты, отсутствующие в П1 и П3: упоминание курляндцев в составе войска ливонского магистра Конрада фон Фитингофа («и Задвиньскую силу Коурскую подъемъ»), описание безуспешных попыток ливонцев переправиться через реку («многажды хотяху пребрести рѣку, и не возмогоса») и указание на дату Каменского побоища («авгюста въ 21 день, на память святого апостола Фаддѣя»). Тем не менее, в известии П2 наблюдаются следы «сшивки», поэтому считать, что в нем дословно воспроизводится архетипический текст, было бы неверно. Речь идет об описании псковских потерь (фрагменты 9 и 10): в архетипе, судя по всему, читался текст, близкий к П1 («и инѣх бояръ много и сельских людеи много избиша, а всѣх числомъ яко до седмисотъ головъ»), однако составитель П2 неудачно попытался его сократить. Летописец опустил слова «инѣх», «сельских» и «много», а «людеи» и «избиша» перенес в следующее предложение, в котором приводится общая оценка потерь. В результате редактирования текста возникло характерное для таких случаев дублирование слов — «людеи» и «человекъ», а также несколько изменился смысл текста: многие бояре, согласно летописному тексту, были убиты, как и посадники, а не «избиты» (т.е. разбиты) вместе с «сельскими людьми».

Известие П1 представляет собой более пространную редакцию повествования о Каменском побоище, которая также восходит к архетипу, но текстуально оно значительно отличается от П2. Разночтения начинаются с первых же строк: в отличие от П2, дата ливонского вторжения в П1 перенесена в начало известия и указан церковный праздник — память святых мучеников Флора и Лавра, однако число пропущено. В П1 в качестве места переправы вместо Выбутских бродов упоминаются Туховитицы и указывается, что ливонцы разбили там лагерь («и стаща Нѣмцы в станы в Туховитичах»), а при описании погони псковичей за ливонским войском вставлено слово «оуполчившися». В целом в известии П1 заметна бóльшая формульность повествования по сравнению с П2: к краткому описанию поражения и бегства псковичей («одолѣша Немци, а псковичи побѣгоша») составитель П1 добавил устойчивое выражение «показаша плещи», дополнив его религиозной сентенцией «се бо бысть божие неспособие за оумножение грѣх наших», а во фрагмент с перечислением посадников, погибших во время рукопашной схватки («на ступе»), вставил слово «первом», что также является летописной формулой. Фрагменты 9 и 10, повествующие о псковских потерях, в П1 переданы, вероятно, в полном соответствии с архетипом, в отличие от П2: в них упоминаются посадники, бояре и «сельские люди», а также присутствует оборот «яко до», указывающий на приблизительность оценки потерь. Помимо формульности текста П1 следует отметить и его эмоциональную окраску: во фрагменте 7 нейтральное «Немци» из П2 заменено на «они погани», во фрагменте 11 говорится, что ливонские потери были не просто большими («и паде тогда Немець много» в П2), но и превосходили псковские («а немецких князеи и бояръ избиша много, не толко колко псковичь пало, но и боле» в П1), а в конце летописец дает яркую эмоциональную оценку Каменскому побоищу, сравнивая его с Раковорской битвой. После описания сражения в П1 помещен отдельный сюжет про захваченных у ливонцев коней, отсутствующий в П2, однако установить его происхождение не представляется возможным: либо он был взят из архетипа, а в П2 этот сюжет не отразился, потому что был сокращен, либо он был

традиционным местом для переправы, чем Туховитицы. См., напр.: ПЛ. Вып. I. С. 78, 87; ПЛ. Вып. II. С. 30, 60, 107, 222. Как следствие, составитель П2, полагая, что ливонцы в 1407 г. также собирались перейти реку в Выбутах, указал именно эти броды. К аналогичному выводу приходит и С. А. Салмин: отдавая предпочтение свидетельствам П1 и П3, исследователь отмечает, что ливонское войско не стало делиться на несколько частей, а сразу направилось к Пскову, выбрав для переправы вместо Выбутских бродов необычное место — Туховитицы (Салмин С. А. Межгосударственные конфликты... С. 165, прим. 20).

взят из неизвестного источника составителем П1, который впоследствии вставил его в текст. Несмотря на пространность известия П1, в нем также наблюдаются следы редактуры и сокращения архетипического текста, отразившегося в П2. Так, например, из текста П1 убрано упоминание курляндцев и Белого камня. Во фрагменте 3 пространное «а псковичи бес пригородовъ поидоша противу имъ, токмо совокупивше волости своя» заменено на более краткое «и псковичи совокупивше свою власть, опрочѣ пригородовъ», опущено слово «ворами» и полностью сокращено «многожды хотяху пребрести рѣку, и не возмогоша». Небольшие сокращения есть и в описании Каменского побоища: «о вечернемъ годѣ» заменено на «по вечернии», убрано «на память святого апостола Фаддѣя», дата сражения указана без числа, а во фрагменте 7 сокращены слова «воскорѣ» и «тако» и оборот «много бившеся».

Повествование в составе П3, в свою очередь, является отредактированным вариантом пространной редакции. Текст П3 близок к П1, однако содержит ряд незначительных отличий: в П3 дата вторжения ливонцев на Псковскую землю указана с числом (18 августа, как в П2), тогда как в дате Каменского побоища число отсутствует и указан только один церковный праздник как в П1 («на память святых мученици Вассы»), во фрагменте 7 убрано «они» и оставлено только «погании», а в следующем фрагменте опущены слова «бо» и «псковичи». Во фрагментах 9 и 10 несколько изменен порядок слов: глагол «избиша» перенесен в другое место без изменения смысла, отсутствует оборот «яко до» и опущено слово «головъ». Что касается фрагмента 11 с описанием ливонских потерь, то в нем «немецких князеи и боляръ» заменено на «Нѣмецъ князеи и бояръ» и переставлены местами слова «много» и «избиша». Утверждение с оттенком реваншизма из П1 о том, что ливонцы понесли более тяжелые потери, чем псковичи («не толко колко псковичъ пало, но и боле»), также претерпело изменения: составитель П3, вероятно, не до конца понял эту фразу и сократил ее до «но толко колко псковичъ», из-за чего она полностью потеряла смысл. Далее в П3 помещен сюжет про захваченных псковичами ливонских коней, текст которого аналогичен П1. За ним следует эмоциональная оценка Каменского побоища, и этот фрагмент содержит несколько мелких правок: «якоже» заменено на «яково же», опущено слово «побоище», а также вставлен союз «и», разделяющий упоминания Ледового побоища и Раковорского сражения. Главным же отличием известия П3 от П1 является список убитых в сражении посадников (фрагмент 9): в П3 погибшие посадники упомянуты в другом порядке по сравнению как с П1, так и П2, а один из них даже назван другим именем — не Картачом, а Ефремом⁸. Можно предположить, что версия «синодика», отразившаяся в П1 и П2, вероятно, происходит из архетипического текста, тогда как составитель П3 переработал его, помняв местами посадников и назвав одного из них другим именем.

II. Приписка в Прологе рубежа XV–XVI вв.

Отдельного рассмотрения заслуживает еще одно известие о Каменском побоище, имеющее, на первый взгляд, внелетописное происхождение. Этому событию посвящена краткая запись в Прологе на мартовскую половину года, который хранится в Отделе

⁸ В пользу того, что это один и тот же человек, говорят известия НПЛмл и Новгородской Карамзинской летописи второй подборки, которые упоминают его как «Ефрѣма Кортаца» и «Ефрема Кортача» соответственно (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., Л., 1950. С. 400; ПСРЛ. Т. 42: Новгородская Карамзинская летопись. СПб., 2002. С. 172). В псковских летописях посадник Ефрем также хорошо известен: первое сообщение о нем, связанное со строительством «костра на Васильеве горке», относится к 1396 г., и вплоть до своей гибели в Каменском побоище 1407 г. он постоянно фигурирует в летописании под этим именем (ПЛ. Вып. I. С. 25).

рукописей РНБ и входит в собрание М. П. Погодина (РНБ, Погод. 602)⁹. По палеографическим признакам данный Пролог датируется концом XV — началом XVI в. (водяные знаки на бумаге отсутствуют). С. В. Городилин предположил, что этот Пролог может быть связан со Снеготорским монастырем¹⁰. Интересующая нас запись о Каменском побоище помещена в нижней части страницы с житием мц. Вассы и чад ее, день памяти которых соответствует дате сражения — 21 августа. Данная приписка имеет летописный характер и относится к комплексу записей о событиях первой трети XV в. Текстуально эта краткая заметка значительно отличается от летописных повествований о Каменском побоище — она может быть как сокращением какого-то летописного известия, так и независимым текстом. Близость летописных записей в Прологе к тексту П2 была отмечена С. А. Никоновым. Исследователь датирует эти записи не концом, а началом XV в., полагая, что они синхронны описываемым событиям, однако никаких убедительных аргументов в пользу этого не приводит¹¹. Для того, чтобы проверить выводы С. А. Никонова, необходимо провести текстологическое исследование данной приписки, которое позволит более точно установить ее происхождение и датировать дошедший до нас текст.

Таблица 2

Сопоставление краткой редакции летописного повествования о Каменском побоище в составе П2 и приписки в Прологе

№	П2 (ПЛ. Вып. II. С. 33–34)	Приписка в Прологе (РНБ, Погод. 602)
1.	Того же лѣта [6915] (месяц и число помещены ниже, см. следующий фрагмент)	В лето 6916 <i>месяца августа 21 на память святых мучицици Вассы и чад ея.</i>
2.	князь местерь, <i>сбрав силы многы,</i> и Задвинскую силу Коурскую подьемъ прииде от Бѣлого камени в землю Псковскую, <i>месяца августа въ 18 день;</i>	Бысть Немцы <i>с великою силою</i> у брода

⁹ Рукописные книги собрания М. П. Погодина. Каталог. Вып. 2. СПб., 1992. С. 205. Данная запись впервые была использована как источник о Каменском побоище в работе С. А. Никонова (*Никонов С. А. Новые данные...* С. 154–155). Вслед за С. А. Никоновым к ней обратился С. В. Полехов (*Полехов С. В. Псков во внешней политике...* С. 47, прим. 32). В статье С. А. Салмина приписка в Прологе не упоминается (*Салмин С. А. Межгосударственные конфликты...* С. 165–167). Благодарю С. В. Городилина, обратившего мое внимание на этот источник.

¹⁰ Данный тезис был сформулирован С. В. Городилиным в докладе «К вопросу об историческом контексте формирования комплексов поминальных записей на полях Прологов РГАДА Типогр. № 157 и ОР РНБ Погод. 601 и 602» на 67-м заседании семинара имени академика В. В. Седова «Археология и история Пскова и Псковской земли» (12–14 апреля 2022 г.). Публикация, в которой изложены эти и другие наблюдения С. В. Городилина, касающиеся псковских Прологов, в настоящее время находится в печати.

¹¹ *Никонов С. А. Новые данные...* С. 155. Позиция С. А. Никонова была поддержана А. М. Введенским: в докладе «Каменское побоище 1407 г.: летопись и маргиналии Пролога», прозвучавшем на конференции «Военное дело и фортификация Древней Руси. К 95-летию со дня рождения А. Н. Кирпичникова» (23–25 мая 2024 г.), исследователь выдвинул тезис о том, что приписка в Прологе была сделана независимо от летописей, а составитель П2 позднее обращался к этой записи. Данное предположение представляется недостаточно обоснованным, поскольку ему противоречат изложенные ниже наблюдения, которые указывают на то, что автор записи на полях Пролога использовал летописный текст, близкий к типу П2, но не идентичный ему.

3.	а псковичи бес пригородовъ поидоша противу имъ, токмо совокупивше волости своя. И оусрѣтоша их на Броду от Выбута, а броды вси бяху заворены ворами. И стояша погании ту 4 дни, и многажды хотяху пребрести рѣку, и не возмогоша, псковичемъ биующемся с ними,	и псковичи их не пустиша чрес реку Великую.
4.	и поидоша прочь, а не оучинивше ничто же.	И побегоша прочь.
5.	И псковичи идоша въ слѣдъ их и постигоша их за Камном на Логовицкомъ поли; а Немци станы сташа,	А псковичи погнашася после их до Камна.
6.	в неделю о вечернемъ годѣ, августа въ 21 день, на память святого апостола Фаддѣя и святыя мученици Вассы.	См. фрагмент 1
7.	И Немци воскорѣ исполчишася; и тако псковичи оудариха на них и, много бившеся,	И бысть им на Камне сеця зла, псковичем с немцы.
8.	одолѣша Немци, а псковичи побѣгоша.	
9.	И оубиша на ступе Елентиа посадника, и Картача посадника, и Панкрата посадника, и бояръ много;	
10.	и всѣхъ людеи избиха 700 человекъ,	И паде пскович 7 сот
11.	и паде тогда Немець много.	и немец паде много велми.

Сравнение текста приписки с летописными повествованиями демонстрирует, что он действительно близок к краткой редакции в составе П2. При сопоставлении этих текстов обнаруживаются многочисленные соответствия, наличие которых говорит о связи между припиской и П2. Прежде всего обращает на себя внимание то, что в приписке дата Каменского побоища указана с числом — в таком виде она есть только в известии П2. В Прологе дата Каменского побоища вынесена в начало приписки (фрагмент 1), тогда как в П2 она помещена перед описанием битвы (фрагмент 6). И хотя найти прямые заимствования из П2 в приписке не удастся, в этих текстах можно выделить схожие формулировки. Так, например, во фрагменте 2 обороту «събрав силы многыя» соответствует выражение «с великою силою». Пространное описание «стояния» на бродах («и многажды хотяху пребрести рѣку, и не возмогоша, псковичемъ биующемся с ними») в приписке сокращено до фразы «и псковичи их не пустиша чрес реку Великую». Во фрагменте 4, в котором описывается отступление ливонцев, автор приписки также сократил текст и заменил выражение «поидоша прочь» синонимичным — «пбегоша прочь». Не избежал сокращения и следующий фрагмент о погоне до Камно. Примечательно, что описание самого сражения автор приписки свел к одной фразе, заменив оборот «много бившеся» типичной летописной формулой — «бысть сеця зла». Фрагменты 10 и 11, повествующие о потерях сторон, в приписке также переданы близко к тексту П2 («и всѣхъ людеи избиха 700 человекъ, и паде тогда Немець много»). Однако, как было отмечено выше, данный фрагмент в П2 дефектен: дублирование «людеи» и «человекъ» — заметный «шов», появившийся вследствие неудачной попытки сократить текст архетипа. Первоначальный текст лучше сохранился в П1: «и оубиша на первом ступѣ Елентия посадника, Картача посадника, Панкратия посадника и инѣхъ бояръ много и сельскихъ людеи много избиха, а всѣхъ числомъ яко до седмисотъ головъ, а немецкихъ князеи

и боярь *избиша* много». Автор приписки, в свою очередь, вместо «избиша» дважды использовал глагол «паде»: «И *паде* пскович 7 сот и немец *паде* много велми». Этот же глагол встречается только в известии П2, однако там он используется лишь один раз — при описании ливонских потерь.

Вместе с тем запись в Прологе имеет две особенности, которые свидетельствуют о том, что автор приписки использовал летописный текст, близкий к типу П2, но не идентичный ему. Во-первых, в приписке не упоминается название бродов через р. Великую. Оно также, вероятно, отсутствовало в архетипическом тексте, вследствие чего составитель П2 ретроспективно указал в качестве места переправы броды в Выбутах. Во-вторых, автор приписки ошибочно отнес Каменское побоище к 6916 (1408) г., а не к 6915 (1407) г. Такое расхождение в дате не может объясняться использованием разных систем летоисчисления, поскольку сражение произошло в августе — для этого месяца даты по мартовскому и сентябрьскому стилю совпадают. Теоретически автор приписки мог использовать ультрамартовский год¹², но это маловероятно, т.к. в двух других записях из этого Пролога (за 1401 и 1417 г.) даты полностью соответствуют летописным. Если бы составитель записей на полях Пролога пользовался текстом П2, в котором дата Каменского побоища указана правильно, то такая ошибка вряд ли бы возникла. Таким образом, становится очевидно, что известие П2 не является непосредственным источником записи о Каменском побоище в Прологе. Близость этих двух текстов может объясняться тем, что автор приписки, по всей видимости, обращался к какому-то своду погодных записей, который содержал архетип летописного повествования о Каменском побоище. Впоследствии этот архетипический текст отразился сначала в П0, а затем и в восходящей к нему П2.

Что касается датировки текста приписки, то ряд признаков указывает на его позднее происхождение. Безусловно, мы можем предполагать, что вскоре после Каменского побоища была составлена поминальная запись об этом сражении, которая была включена в более ранний Пролог (первой трети XV в.), однако в своем первоначальном виде она не сохранилась. Дошедший до нас в составе Пролога рубежа XV–XVI вв. текст поминальной записи о Каменском побоище уже не может считаться синхронным описываемым событиям, поскольку при переписывании он был отредактирован. Именно на этом этапе в тексте приписки, вероятно, появилась неправильная дата Каменского побоища: перепутав последние цифры (вернее, их буквенные обозначения), переписчик указал 6916 (1408) вместо 6915 (1407) г. Ошибка на год в дате сражения не могла возникнуть в том случае, если бы запись была современна ему, поскольку это совершенно невозможно для такого знакового события, как Каменское побоище. Зато подобная ошибка могла быть допущена переписчиком, которого от описываемых событий отделяло несколько десятилетий. Поздняя редакция также могла затронуть фрагменты с описанием потерь: замена одного глагола («избиша») на другой («паде»), который хотя и близок по значению к первому, но не синонимичен ему, привела к тому, что последнее предположение в приписке несколько изменило свой смысл. Составителю поминальной записи была важна не общая численность разбитого псковского войска, а количество погибших в сражении псковичей (т.е. «павших», а не «избитых»). С другой стороны, автор заметки в Прологе, писавший ее на полях книги, мог отдать предпочтение более короткому слову в целях экономии места. Предположение, что поминальная запись о Каменском побоище могла быть отредактирована при переписывании, косвенно подтверждается и ее «конвоем».

¹² Предположение о том, что 6916 г. в этой записи может быть ультрамартовским, принадлежит С. В. Полехову (*Полехов С. В. Псков во внешней политике... С. 47, прим. 32*), хотя для XV в. использование ультрамартовского года нехарактерно.

Следующая запись, повествующая о смерти некоего князя Юрия Остафьевича Изборского Витовтовича в 1417 г., однозначно имеет следы редактуры, причем явно поздней. Данный текст серьезно пострадал при редактировании: ранняя запись, судя по всему, настолько плохо сохранилась, что переписчику пришлось восстанавливать текст в меру своего понимания. Вследствие этого в приписке оказались объединены личности двух князей, носивших похожие имена, но живших в разное время: Юрий (Георгий) Витовтович, погибший в битве под Изборском в 1349 г. и погребенный в соборе Св. Троицы¹³, в сознании переписчика слился с Григорием Остафьевичем, который действительно умер в 1417 г. и был похоронен в Снетогорском монастыре, где он ранее принял постриг¹⁴. При этом стоит отметить, что переписчик, вероятно, пользовался какими-то летописными записями, хотя и не до конца понимал их смысл. Тот факт, что он был неспособен отличить друг от друга двух князей, живших в середине XIV в. и в начале XV в. соответственно, и мог спокойно совместить их, свидетельствует о том, что переписчик имел крайне смутное представление о событиях первой трети XV в., которым посвящены приписки на полях Пролога. В связи с этим мы можем датировать дошедшие до нас тексты временем переписывания Пролога, т. е. рубежом XV–XVI вв. Приписки из более раннего Пролога, которые вполне могли быть синхронны описываемым событиям, при переписывании подверглись редакции, вследствие чего они утратили свой первоначальный вид. Не стала исключением и запись о Каменском побоище, в которой, как минимум, была испорчена дата.

Итак, проведенный текстологический анализ позволяет утверждать, что приписка о Каменском побоище в Прологе рубежа XV–XVI вв. не может считаться самостоятельным текстом, возникшим независимо от псковского летописания. Эта краткая заметка на полях Пролога представляет собой вольный пересказ летописного известия, близкого к типу П2, причем довольно сильно сокращенного. Автор приписки последовательно сокращал текст, убирая из него практически все детали и второстепенные сюжеты: географические названия, состав войск, подробности хода сражения, описание потерь и т. д. Представляется, что источником записи в Прологе было известие летописного свода, в котором содержался архетип повествования о Каменском побоище, впоследствии отразившийся сначала в П0, а затем и в восходящей к нему П2. Однако первоначальный текст поминальной записи о Каменском побоище, который, вероятно, был синхронен данному событию, не сохранился, и она дошла до нас в составе Пролога рубежа XV–XVI вв. уже в отредактированном виде.

Список сокращений

П0 — общий протограф Псковских летописей

П1 — Псковская первая летопись

П2 — Псковская вторая летопись

П3 — Псковская третья летопись

Син. — Синодальный список Псковской второй летописи (П2)

Стр. — Строевский список Псковской третьей летописи (П3)

Тих. — Тихановский список Псковской первой летописи (П1)

¹³ ПЛ. Вып. I. С. 20; ПЛ. Вып. II. С. 26, 99.

¹⁴ ПЛ. Вып. I. С. 27, 34; ПЛ. Вып. II. С. 31, 37, 111, 120.

Источники и литература

1. *Артемьев А. Р.* Ледовое побоище и битвы XIV — начала XV в. на Северо-Западе Руси // Вопросы истории. 1999. № 2. С. 148–152.
2. *Введенский А. М.* Использовал ли составитель Свода 1486 года (Псковская вторая летопись) летопись Новгородско-Софийской группы? // АИППЗ: Ежегодник Семинара имени академика В. В. Седова. Вып. 33: Материалы 63-го заседания (2017 г.). М., Псков, 2018. С. 61–64.
3. *Введенский А. М.* О нижней границе создания общего протографа Псковских летописей // *Rossica Antiqua*. 2018. № 16. С. 26–47.
4. *Введенский А. М.* Краткий новгородский летописец как источник псковских летописей // АИППЗ: Ежегодник Семинара имени академика В. В. Седова. Вып. 34: Материалы 64-го заседания (2018 г.). М., Псков, 2019. С. 108–111.
5. *Вебер Д. И., Филюшкин А. И.* «От ордена осталось только имя...». Судьба и смерть немецких рыцарей в Прибалтике. СПб.: Наука, 2018.
6. *Вовин А. А.* Городская коммуна средневекового Пскова: XIV — начало XVI в. СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2019.
7. *Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения: Конец XIV — начало XVI в. Л.: Наука, 1975.
8. *Клейменов В. И.* «Сие бысть побоище силно, якоже бысть Ледовое побоище, оу Раковора»: забытая страница военной истории Северо-Запада Руси (Каменское побоище 21 августа 1407 г.) // АИППЗ: Ежегодник Семинара имени академика В. В. Седова. Вып. 37: Материалы 67-го заседания (2022 г.). М., Псков, 2022. С. 272–282.
9. *Никонов С. А.* Новые данные о средневековом Пскове XIV — начала XV века // АИППЗ. Семинар имени академика В. В. Седова. Материалы ЛП заседания. Псков, 2007. С. 148–156.
10. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950.
11. ПЛ. Вып. I. М., Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1941.
12. ПЛ. Вып. II. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955.
13. *Полехов С. В.* Псков во внешней политике великого князя литовского Витовта в первом десятилетии XV в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2022. № 4 (90). С. 39–60.
14. ПСРЛ. Т. 42: Новгородская Карамзинская летопись. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002.
15. Рукописные книги собрания М. П. Погодина. Каталог. Вып. 2. СПб., 1992.
16. *Салмин С. А.* Межгосударственные конфликты с участием Господина Пскова в начальный период контактов с Ганзой (кон. XIV — нач. XV в.): причины, ход, особенности // Древности Пскова. Археология, история. Вып. 3. Псков, 2019. С. 149–178.
17. *Соколова Л. В.* Летописные повествования о Куликовской битве (К вопросу о взаимоотношении памятников) // ТОДРЛ. 2014. Т. 63. С. 305–353.

Sources and References

1. Artem'ev A. R. Ledovoe poboishche i bitvy 14 — nachala 15 v. na Severo-Zapade Rusi [The Battle on the Ice and the battles of the 14th — early 15th century in the North-Western Rus']. *Voprosy istorii*, 1999, no. 2, p. 148–152. (In Russian)
2. Kazakova N. A. *Russko-livonskie i russko-ganzejskie otnoshenija: Konets 14 — nachalo 16 v. [Russian-Livonian and Russian-Hanseatic relations in late 14th — early 16th centuries]*. Leningrad, Nauka Publ., 1975. (In Russian)

3. Kleymenov V. I. “Sie byst’ poboishche silno, yakozhe byst’ Ledovoe poboishche, ou Rakovora”: zabytaya stranica voennoj istorii Severo-Zapada Rusi (Kamenskoe poboishche 21 avgusta 1407 g.) [“This Battle Was as Harsh as the Battle on the Ice, of Rakovor”: The Forgotten Chapter in the Military History of North-Western Rus’ (The Battle of Kamno, 21 August 1407)]. *Arheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoj zemli: Ezhegodnik Seminara imeni akademika V. V. Sedova*, no. 37: Materials of 67 session (2022). Moscow, Pskov, 2022, p. 272–282. (In Russian)
4. Nikonov S. A. Novye dannye o srednevekovom Pskove 14 – nachala 15 veka [New data on medieval Pskov in the 14th – early 15th century]. *Arheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoj zemli. Seminar imeni akademika V. V. Sedova*. Materials of LII session. Pskov, 2007, p. 148–156. (In Russian)
5. *Novgorodskaja pervaja letopis’ starshego i mladshhego izvodov [Novgorod First chronicle of Older and Younger Redactions]*. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Press, 1950. (In Russian)
6. Polekhov S. V. Pskov vo vneshnej politike velikogo knyazya litovskogo Vitovta v pervom desyatiletii 15 v. [Pskov in the Foreign Policy of Grand Duke Vytautas of Lithuania in the First Decade of the 15th Century]. *Drevnyaya Rus’. Voprosy medievistiki*, 2022, no. 4 (90), p. 39–60. (In Russian)
7. *Polnoe sobranie russkikh letopisej [Complete collection of Russian chronicles]*, vol. 42: Novgorod Karamzin cronicle. St. Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ., 2002. (In Russian)
8. *Pskovskie letopisi [Pskov chronicles]*, vol. 1. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Press, 1941. (In Russian)
9. *Pskovskie letopisi [Pskov chronicles]*, vol. 2. Moscow, USSR Academy of Sciences Press, 1955. (In Russian)
10. *Rukopisnye knigi sobranija M. P. Pogodina. Katalog [Handwritten books of M. P. Pogodin’s collection. Catalog]*, vol. 2. St. Petersburg, 1992. (In Russian)
11. Salmin S. A. Mezghosudarstvennyye konflikty s uchastiem Gospodina Pskova v nachal’nyj period kontaktov s Ganzoj (kon. 14 – nach. 15 v.): prichiny, hod, osobennosti [The Interstate Conflicts with the Lord Pskov Participation in the Initial Period of Contact with the Hanseatic League (late 14th – early 15th Centuries): Causes, Course, Features]. *Drevnosti Pskova. Archeologia, istoria*, issue 3. Pskov, 2019, p. 149–178. (In Russian)
12. Sokolova L. V. Letopisnye povestvovaniya o Kulikovskoj bitve (K voprosu o vzaimootnoshenii pamjatnikov) [Chronicle narratives about the Battle of Kulikovo (On the interrelations of texts)]. *Trudy Otdela drevnerusskoj literatury*. St. Petersburg, 2014, vol. 63, p. 305–353. (In Russian)
13. Vvedensky A. M. Ispol’zoval li sostavitel’ Svoda 1486 goda (Pskovskaya vtoraya letopis’) letopis’ Novgorodsko-Sofijskoj gruppy? [Did the Compiler of the Codex of 1486 (Pskov Second Chronicle) Use the Chronicle of the Novgorod-Sophia Group?]. *Arheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoj zemli: Ezhegodnik Seminara imeni akademika V. V. Sedova*, no. 33: Materials of 63 session (2017). Moscow, Pskov, 2018, p. 61–64. (In Russian)
14. Vvedensky A. M. O nizhnej granice sozdaniya obshchego protografa Pskovskih letopisej [Towards Terminus Post Quem of the Creation of the Common Protograph of the Pskov Chronicles]. *Rossica Antiqua*, 2018, no. 1/2, p. 26–47. (In Russian)
15. Vvedensky A. M. Kratkij novgorodskij letopisec kak istochnik pskovskih letopisej [Brief Novgorod Chronicler as a Source of Pskov Chronicles]. *Arheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoj zemli: Ezhegodnik Seminara imeni akademika V. V. Sedova*, no. 34: Materials of 64 session (2018). Moscow, Pskov, 2019, p. 108–111. (In Russian)
16. Veber D. I., Filjushkin A. I. “Ot ordena ostalos’ tol’ko imja...”: Sud’ba i smert’ nemeckikh rycarej v Pribaltike [“The only thing left from the Order was its name...”: the fate and the death of German knights in the Baltics]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2018. (In Russian)
17. Vovin A. A. *Gorodskaya kommuna srednevekovogo Pskova: 14 – nachalo 16 v. [The Urban Commune of Medieval Pskov in the 14th – Early 16th Centuries]*. St. Petersburg, European University Press, 2019. (In Russian)

А. И. Алексеев

О политико-правовых, богословских и социально-экономических воззрениях преподобного Иосифа Волоцкого

УДК 94(47):27-1:930.23
DOI 10.47132/2618-9674_2025_3_100
EDN GLJSWC

Аннотация: В статье рассматривается широкий спектр мнений, высказанных в литературе относительно творчества одного из значительнейших писателей и богословов XVI в. прп. Иосифа Волоцкого. С его именем связывается происхождение церковной партии «иосифлян», которые, одержав победу над своими идеологическими противниками «нестяжателями», надолго определили характер церковно-государственных отношений в России. Анализируются действительные взгляды прп. Иосифа Волоцкого, о которых можно получить представление из его сочинений. Делается вывод о глубокой оригинальности основных направлений учения Иосифа Волоцкого. В области учения о природе и обязанностях носителя царской власти согласно прп. Иосифу Волоцкому главной обязанностью царя является сбережение религиозно-нравственных устоев общества. Отстаивая неотчуждаемость церковных имуществ, переданных в монастыри в качестве вкладов по душе, Волоцкий игумен указывал, что их исключительное предназначение — расходование на благотворительные цели. На основе византийского богословия иконы прп. Иосиф Волоцкий создал русское богословие образа, в котором центральное значение принадлежит действию Божественной благодати, позволяющей созерцающему умом восходить к первообразам лиц или событий, изображенных на иконе. Наконец, Иосиф Волоцкий внес неопценимый вклад в формирование трудовой этики, которая реабилитировала представление о труде как исключительной обязанности рабов.

Ключевые слова: прп. Иосиф Волоцкий, сочинения, царская власть, почитание икон, церковное имущество.

Об авторе: **Алексей Иванович Алексеев**

Доктор исторических наук, заместитель генерального директора Российской национальной библиотеки по научной работе.

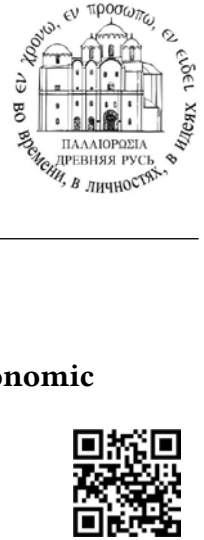
E-mail: a.alexeev@nlr.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4372-516X>

Финансирование: Статья подготовлена в рамках гранта Российского научного фонда № 25–28–00308 «Иосиф Волоцкий: историческая реальность и образ, сложившийся в культурной памяти», Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского.

Для цитирования: Алексеев А. И. О политико-правовых, богословских и социально-экономических воззрениях преподобного Иосифа Волоцкого // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2025. № 3 (31). С. 100–112.

Статья поступила в редакцию 21.03.2025; одобрена после рецензирования 10.04.2025; принята к публикации 15.04.2025.

Alexey Alekseev

**On the Political, Legal, Theological and Socio-Economic
Views of St. Joseph of Volotsk**

UDK 94(47):27-1:930.23
DOI 10.47132/2618-9674_2025_3_100
EDN GLJSWC

Abstract: The article examines a wide range of opinions expressed in literature regarding the works of St. Joseph of Volotsk. His name is associated with the origin of the church party of the “Josephites”, who, after their victory over their ideological opponents, the “non-possessors”, determined the nature of church-state relations in Russia for a long time. The real views of Venerable Joseph of Volotsk, which can be understood from his writings, are analyzed. A conclusion is made that the main directions of the teachings of Joseph Volotsky were deeply original. According to Venerable Joseph of Volotsk, the teaching about the nature and duties of the czar power must state that the the czar’s main duty of the czar is to preserve religious and moral foundations of the society. Defending inalienability of the church property transferred to monasteries as soul contributions, the Volotsk hegumen pointed out that their exclusive purpose was charitable donations. Drawing on Byzantine theology of icon, St. Joseph of Volotsk developed Russian theology of icon, which is based on the action of Divine grace allowing the contemplator to ascend with his mind to the prototypes of persons or events depicted in the icon. Finally, Joseph Volotsky made a priceless contribution to the development of work ethics, thereby rehabilitating the idea of labour as the duty of exclusively slaves.

Keywords: St. Joseph of Volotsk, Writings, Royal Power, Veneration of Icons, Church Property.

About the author: **Alexey Alekseev**

Doctor of History, Deputy Director for Research at the Russian National Library.
E-mail: a.alexeev@nlr.ru ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4372-516X>

Funding: The author acknowledge the Russian Science Foundation (RSF) for a research project no. 25–28–00308 “Joseph of Volotsk: Historical Reality and the Image Formed in Cultural Memory”, Russian Christian Humanitarian Academy named after F. M. Dostoevsky.

For citation: Alekseev A. On the Political, Legal, Theological and Socio-Economic Views of St. Joseph of Volotsk. *Paleorosia. Ancient Rus in time, in personalities, in ideas*, 2025, No. 3 (31), p. 100–112.

The article was submitted 21.03.2025; approved after reviewing 10.04.2025; accepted for publication 15.04.2025.

Творчество Иосифа Волоцкого неоднократно становилось предметом рефлексии исследователей. Наиболее часто предпринимались попытки анализировать политико-правовые аспекты учения прп. Иосифа. При этом до сих пор отсутствует комплексное исследование, позволяющее получить адекватное представление об Иосифе Волоцком как мыслителе, оказавшем значительное влияние на церковь и общество средневековой России. Следует отметить, что говорить о философских взглядах Волоцкого игумена можно лишь условно, называя так взгляды на тот или иной предмет, извлекаемые из его сочинений и посланий. В Житии одного из первоучителей славян Кирилла философия определялась предельно обще как «знание вещей божественных и человеческих, насколько может человек приблизиться к Богу, что учит человека делами своими быть по образу и подобию сотворившего его»¹.

Исследователи порой высказывали взаимоисключающие мнения относительно политического учения преподобного Иосифа. И. Хрущов писал, что «учение Иосифа Волоцкого, изложенное в обширных главах «Просветителя», воспитало убеждения Ивана Грозного»². К. И. Невоструев же, критикуя мнение Хрущева, утверждал, что «Иосиф не имел никаких политических взглядов»³. А. С. Павлов сформулировал представление о прп. Иосифе как о главном идеологе неотчуждаемости церковных имуществ⁴, а В. Малинин полагал, что «иосифляне», как и их противники в вопросе о монастырских имуществях, не выражали «строго определенную политическую доктрину»⁵. Некоторые ученые считали, что основным содержанием взглядов и деятельности прп. Иосифа и его последователей была безоговорочная поддержка московских самодержцев «во всех спорных делах своего времени»⁶. Порой имело место не изучение действительных взглядов последователей Иосифа Волоцкого, но оценочные суждения о нравственном характере «иосифлян», которым приписывали ненависть к противникам и раболепство перед властью⁷. Иногда деятельность «иосифлян» характеризовалась как «консервативно-формальное направление» в общественной мысли, в то время как нестяжатели объявлялись представляющими «направление критическое, нравственно-либеральное»⁸. Бытовало также мнение, что Иосиф Волоцкий и его последователи не являлись сколько-нибудь самостоятельными мыслителями⁹. По мнению Н. А. Бердяева, «Иосиф Волоцкий — роковая фигура не только в истории православия, но и в истории русского царства»¹⁰.

¹ Сказание о славянской письменности. М., 1981. С. 73. Подробный обзор всех аспектов употребления термина «философ» в средневековой письменности см. в: Громов М. Н. Образы философов в Древней Руси. М., 2010. С. 4–31.

² Хрущов И. П. Князь-инок Вассиан Патрикеев // Древняя и новая Россия. 1875. Т. 3. С. 265.

³ Невоструев К. И. Рассмотрение книги И. Хрущова // Отчет о 12-м присуждении наград гр. Уварова. СПб., 1870. С. 88.

⁴ Павлов А. С. Исторический очерк секуляризации церковных земель в России. Ч. 1. Одесса, 1871. С. 55–60.

⁵ Малинин В. И. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901. С. 640.

⁶ Николаевский П. Русская проповедь в XV и XVI вв. // ЖМНП. 1868. № 4. С. 92–177; Жмакин В. И. Митрополит Даниил и его сочинения. СПб., 1881. С. 21–78.

⁷ Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Кн. 1. М., 1990. С. 380; Голубинский Е. Е. История Русской Церкви. Т. 2, 1 пол. М., 1900. С. 875.

⁸ Жмакин В. И. Митрополит Даниил... С. 107.

⁹ Жмакин В. И. Борьба идей в России в первой половине XVI века // ЖМНП. 1882. Апрель. С. 148–150; Пытин А. Иосиф Волоцкий и Нил Сорский // Вестник Европы. 1894. Июнь. С. 746; Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 2, ч. 1. Париж, 1931. С. 29.

¹⁰ Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 49. В высказывании Н. А. Бердяева яростная эмоциональная оценка затмевает все факты: «Иосиф Волоцкий представитель православия,

Впрочем, в работах М. А. Дьяконова и В. Е. Вальденберга личность прп. Иосифа была оценена совершенно иначе¹¹. По их мнению, именно Волоцкий игумен впервые в отечественной мысли сформулировал учение о пределах царской власти и о праве подданных сопротивляться этой власти, если она выходит за определенные пределы¹².

Взвешенные оценки личности прп. Иосифа можно найти в трудах представителей русской эмиграции. Негативно оценивая деятельность прп. Иосифа в целом, Г. П. Федотов отмечал, что святой преобразовал монашеское делание «в широкое национальное служение», содействовал «развитию политического сознания московского князя в царя православного» и т. д.¹³ Эту мысль развил прот. Г. Флоровский, который считал, что основой деятельности прп. Иосифа являлась «правда социального служения»¹⁴. О церковном факторе учении Иосифа Волоцкого о царской власти писал прот. В. Зеньковский¹⁵.

В работах историков советского периода, проникнутых вульгарно атеистическими и антицерковными установками, резонно можно найти негативные оценки деятельности Иосифа Волоцкого. Однако с 1950-х г. наметилась тенденция к более глубокому изучению его произведений. Наиболее полно эта тенденция воплотилась в работах А. А. Зимина и Я. С. Лурье. Оба ввели в научный оборот значительное количество текстов, вышедших из-под пера Иосифа Волоцкого. Эти тексты были впервые исследованы в историческом контексте, позволяющем понять условия, цели и задачи их создания, определить авторский замысел не произвольно, а применительно к реалиям эпохи. Замечательным памятником исследовательской мысли стала монография А. А. Зимина, в которой была впервые воссоздана история Иосифо-Волоколамского монастыря в первое столетие после его основания, показана выдающаяся роль обители в политической и культурной истории страны¹⁶.

Однако чаще можно было встретить очень поверхностный обзор взглядов преподобного. Так, монография Н. М. Золотухиной, посвященная рассмотрению политических и правовых взглядов Иосифа Волоцкого¹⁷, получила критический отзыв А. И. Плигузова, отметившего многочисленные ошибки и упущения автора¹⁸.

В более поздних работах историков русской философии М. Н. Громова, А. Ф. Замалеева, В. В. Милькова направление Иосифа Волоцкого в целом было охарактеризовано как консервативное, охранительное¹⁹. В. М. Кириллин, анализируя житийные произведения, пришел к выводу, что оценка деятельности прп. Иосифа в агиографических сочинениях хорошо соотносится с историческими реалиями²⁰. Кратко

обосновавшего и освящавшего Московское царство, православия государственного, потом ставшего императорским православием. Он сторонник христианства жестокого, почти садического, властолюбивого, защитник розыска и казни еретиков, враг всякой свободы» (Там же. С. 48).

¹¹ Дьяконов М. А. Власть московских государей: Очерки по истории политических идей древней Руси до конца XVI в. СПб., 1889. С. 94–95, 129.

¹² Вальденберг В. Е. Древнерусские учения о пределах царской власти. Пг., 1916. С. 215.

¹³ Федотов Г. П. Святые Древней Руси. М., 1990. С. 183.

¹⁴ Флоровский Г., прот. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. С. 18.

¹⁵ Зеньковский В. В., прот. История русской философии. Кн. 1, ч. 1. Л., 1991. С. 48.

¹⁶ См.: Зимин А. А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV–XVI вв.). М., 1977.

¹⁷ См.: Золотухина Н. М. Иосиф Волоцкий. М., 1981.

¹⁸ См.: Плигузов А. И. Рец. на кн.: Золотухина Н. М. Иосиф Волоцкий // *Его же*. Преподобный Иосиф Волоцкий. М., 2020. С. 278–281.

¹⁹ См.: Мильков В. В., Громов М. Н., Якунин С. Н. Идеиные течения древнерусской мысли. СПб., 2001; Замалеев А. Ф. Философская мысль в России XI–XX вв. СПб., 2015. С. 115–120.

²⁰ Кириллин В. М. Социальные воззрения преподобного Иосифа Волоцкого // ДРВМ. 2015. Вып. 4. С. 44–50.

суммируя позитивные оценки историков XIX–XX в., авторы учебника по истории государства и права считают, что усилия Иосифа Волоцкого во многом «определили характер внутренней организации русской православной церкви, место последней в политической системе Московии, взаимоотношения церкви с верховной государственной властью», а его идеи «легли в основание официальной политической идеологии русского общества XVI–XVII вв.»²¹.

Противоречивые оценки были высказаны и относительно оригинальности богословских взглядов Волоцкого игумена. Митр. Макарий (Булгаков) очень высоко оценивал богословское наследие преподобного, считая его человеком «с такими познаниями, каких доселе мы не встречаем у себя ни в ком»²². Другие писали, что Иосиф Волоцкий являлся в основном компилятором, но не был оригинальным мыслителем. Прот. Г. Флоровский полагал, что сам преподобный и его последователи «к богословскому творчеству оставались недоверчивы и равнодушны»²³. Правда, специфика богословского творчества в Средние века как раз и состояла в том, что авторы оперировали исключительно текстами Священного Писания и цитатами святых отцов. В этом отношении средневекового богослова можно уподобить строителю, сооружающему здание по своему плану из чужих кирпичей. Использование одного и того же материала разными архитекторами позволяет им реализовать оригинальные авторские замыслы²⁴.

Сопоставление сочинений Иосифа Волоцкого со святоотеческой литературой привело Я. С. Лурье к выводу, что «заимствованными из патристической литературы оказываются главным образом “назидательные” разделы...; для большинства мест полемического характера... мы пока источников не знаем»²⁵. Помимо глубокого знания Священного Писания и святоотеческой литературы, прп. Иосиф обладал широким кругозором и являлся прекрасным знатоком русской истории XV в. Он находился в переписке с образованнейшими иерархами своего времени. По свидетельству Досифея Топоркова, преподобного в его монастыре посетил «некий философ», который после беседы с ним уподобил Волоцкого игумена «древним риторам» и «Великому Златоусту»²⁶.

В отличие от прп. Нила Сорского, Иосиф не посещал монастырей Афона и, насколько можно судить по сохранившимся сведениям, не был склонен переоценивать духовный опыт греческого монашества второй половины XV в. По крайней мере, в «Отвещании любозаборным», где рассказывается о порядках в Макариево-Колязинском монастыре в уста старцу Митрофану Бывальцову, прожившему девять лет на Афоне, вкладывается фраза: «яко всеу трудихся и без успеха шествовах толик путь, еже в Святую гору, мимо Колязинской монастырь: мощно бо есть в нем живущим спастися, во всем бо подобно творится zde киновиам, иже в Святей горе сущим»²⁷.

Считается, что наиболее оригинальный вклад Иосиф Волоцкий внес в разработку учения о церковно-государственных отношениях и о правах и обязанностях царской власти. Согласно В. Е. Вальденбергу, Иосиф Волоцкий исходил из представлений о подчинении церковных дел государственной власти²⁸. По учению прп. Иосифа,

²¹ История политических и правовых учений. М., 2004. С. 112.

²² Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви. Кн. 4, ч. 1. М., 1996. С. 324.

²³ Флоровский Г., прот. Пути русского богословия. С. 19.

²⁴ Ср.: Голубинский Е. Е. История Русской Церкви. Кн. 2, ч. 1 // ЧОИДР. 1916. Кн. IV. С. 220–221.

²⁵ Послания Иосифа Волоцкого. М., Л., 1959. С. 72.

²⁶ Надгробное слово преп. Иосифу, игумену Волоколамскому, ученика и сродника его инока Досифея Топоркова // ЧОЛДП. 1865. Кн. 2. С. 174.

²⁷ Духовная грамота преподобного игумена Иосифа о монастырском и иноческом устройении // ВМЧ. Сентябрь 1–13. СПб., 1868. Стб. 559.

²⁸ Вальденберг В. Е. Древнерусские учения... С. 203.

забота о делах церкви точно так же входит в сферу прав и ответственности великого князя, как и дела светские. Он признавал за великокняжеской властью право вмешательства в церковные и монастырские дела; право наказывать еретиков. В послании к И. И. Третьякову Иосиф заявляет, что великого князя «Господь Бог устроил Вседержитель во свое место и посадил на царском престоле, суд и милость предать ему и церковное и монастырское и всего православного христианства всяя руския земля власть и попечение вручил ему» и, что «священныя правила повелеваот о церковных и монастырских обихах приходить к православным царем и князем»²⁹. В послании к Б. В. Кутузову Иосиф напоминает, что «все игумени, иже в Риме и в Иерусалиме живуще и в Египте, иже под греческим царством живуще, вси прихожаху к римским и к греческим царем о церковных и о монастырских обихах, якоже свидетельствуют божественная писания»³⁰.

Время Иосифа Волоцкого — это время утверждения представлений, что теперь «царь» — это великий князь московский. В обоих посланиях он ссылается на пример не только византийских императоров, но и русских князей и святителей. В «Просветителе», в 16-м «слове», эта мысль обобщается в наставлении царям и князьям, в котором на них возлагается забота о «стаде Христовом» и ограждение его от неверных. Из наставления прп. Иосиф делает такой вывод: «Цари и князья должны всячески заботиться о благочестии и охранять своих подданных от треволения душевного и телесного». Отсюда и следует высокая ответственность царя не только за телесное, но и за духовное здоровье своих подданных: «И как Бог хочет спасти всех людей, так и царь должен охранять от всякого вреда, душевного и телесного, все, что ему подвластно»³¹. Эту мысль прп. Иосиф подтверждает рядом примеров из византийской и русской истории.

Идею о ключевом значении и одновременно больших обязанностях царской власти Иосиф Волоцкий заимствовал из сочинения византийского автора VI в. диакона Агапита и соединил ее с цитатами из «Слова о судиях и властелех», авторство которого приписывалось св. Василию Кесарийскому³². Опираясь на них, 16-м «слове» «Просветителя» преподобный писал: «Ибо царь естеством подобен всем людям, властью же подобен Богу Вышнему»³³. Эта же цитата содержится и в отрывке из послания великому князю³⁴. Однако прп. Иосиф очерчивает и пределы царской власти. Во-первых, воздавать честь необходимо только истинному царю, который безукоризнен по своей вере («Божий слуга есть») и нравственным качествам, а также неустанно заботится о благе своих подданных. Подлинный государь — это человек, наделенный ангельскими добродетелями; страж законности и справедливого суда; творящий справедливый суд, не взирая на сильных мира сего; чуждый лжи, мздоимства и всякого тщеславия. Если же царь пренебрегает своими обязанностями, то повиноваться такому властителю нельзя, т. е. Иосиф предполагал обоснованную возможность сопротивления государственной власти³⁵.

Во-вторых, даже достойному носителю светской власти надлежит повиноваться только «телесне, а не душевне и воздавати им царскую честь, а не Божественную». Учение о внешнем повиновении царю находим и в «Послании о соблюдении

²⁹ Послания Иосифа Волоцкого. С. 197–198, 194.

³⁰ Там же. С. 219.

³¹ *Иосиф Волоцкий, прп.* Просветитель. Казань, 1882. С. 367–368.

³² *Лурье Я. С.* Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI вв. М., Л., 1960. С. 475–480.

³³ *Иосиф Волоцкий, прп.* Просветитель. С. 367.

³⁴ Послания Иосифа Волоцкого. С. 184.

³⁵ *Вальденберг В. Е.* Древнерусские учения... С. 215.

соборного приговора 1504 г.»³⁶. Таким образом, признавая за правителем права и обязанности по ограждению церкви от врагов и еретиков, а также внешнюю власть над церковными учреждениями прп. Иосиф решительно отказывался признать за светской властью право вмешиваться в духовные дела. Попытку увидеть в этом влияние католических идей о превосходстве церковной власти над светской отверг Я. С. Лурье³⁷.

Значительный вклад внес прп. Иосиф Волоцкий и в теорию образа, которая определяла программу создания и почитания икон³⁸. В 5-м, 6-м, 7-м «словах» «Просветителя» прп. Иосиф проследил глубокую укоренность учения о создании «образов и подобий Бога» в Ветхом и Новом завете и в святоотеческой письменности. При этом Иосиф Волоцкий очень избирательно использовал выписки из сочинения в защиту икон св. Иоанна Дамаскина и из его «Богословия», а также из «Маргарита» свт. Иоанна Златоуста, сочинения Козьмы Пресвитера, из сборника типа «Златая Чепь» и других. Нравственное совершенство иконописцев, их безпрекословное подчинение воле духовника, было для него одним из непременных условий творчества³⁹. Икона прежде всего служит преклонению человека перед Богом, является посредником между ними, а аналогом восхождения от образа к первообразу он считал соотношение образа Христа и отражение Его в Евангелиях⁴⁰.

Прп. Иосиф обращался к иконописцам с рядом рекомендаций: максимально детально прописывать каждый сюжет, особенно тщательно подходить к работе над наиболее сложным в содержательно-смысловом плане образом Святой Троицы, писать не только образы Христа, Богородицы или св. Иоанна Крестителя, но также архангелов Михаила и Гавриила и небесных сил, «аще бо бесплотни суть и неписани». В 11-м «слове» «Просветителя» он, по выражению В. В. Бычкова, определил икону как исторический источник, на который можно ссылаться для доказательства того или иного факта («Великий Пахомий... беаше тогда в единой ризе и бос, и не постриженою и непокровеною главою: тако бо пишеться на святых иконах»), отразил принцип «средневековой идеализации», который позволяет дополнить действительность («но того ради написаша, яко достоин есть зрети Господня Вознесения»). Считается общепринятым, что сформулированное прп. Иосифом богословие иконы оказала определяющее влияние на творчество иконописца Дионисия и его учеников⁴¹. Исследователи, изучавшие написанные Дионисием и его артелью фрески собора Рождества Богородицы в Ферапонтовом монастыре, отмечают влияние идей преподобного на программу росписей⁴².

Иосиф Волоцкий впервые на Руси предложил цельное обоснование ведения синодиков и повседневных поминаний в деле спасения души. В предисловии к синодику-помяннику он писал, что синодики являются полезными и душеспасительными книгами, которые в загробном мире избавляют душу вкладчиков от мук ада и помогают достичь райского блаженства. В земной жизни («нынешнем веке») синодики позволяют строить церкви и монастыри, снабжать их всем необходимым и совершать церковные службы⁴³. Для того, чтобы вкладчики стремились давать в монастырь вклады

³⁶ Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI в. М., Л., 1955. С. 509.

³⁷ Послания Иосифа Волоцкого. С. 76–80.

³⁸ Бычков В. В. Русская средневековая эстетика XI–XVII века. М., 1992. С. 229–239.

³⁹ Духовная грамота преподобного игумена Иосифа... Стб. 558.

⁴⁰ Иосиф Волоцкий, прп. Просветитель. С. 169.

⁴¹ Бычков В. В. Русская средневековая эстетика... С. 276.

⁴² Вздорнов Г. И. Живопись // Очерки русской культуры XIII–XV веков. Ч. 2: Духовная культура. М., 1970. С. 375.

⁴³ Синодик Иосифо-Волоколамского монастыря (1479–1510-е гг.). СПб., 2004. С. 128.

по душе, монастырь должен стать центром образцовой организации заупокойных богослужений.

Прямым следствием прописанной и обоснованной поминальной практики стало развитие учения о неотчуждаемости вкладов, данных в монастырь «в наследие вечных благ»⁴⁴. Развернутое теоретическое оправдание церковных и монастырских имуществ можно найти в сочинении «Яко не подобает святым Божиим церквам обид творити». В нем прп. Иосиф писал: «Церковное бо богатство — нищих богатство. Нищих прекормление чади мнози, странным приложением... в глуде прекормление... Живым прибежище и утешение, а мертвым память. Того ради на потребу церковную имение и люди своя давали»⁴⁵. Он настаивал, что имущества, помимо удовлетворения собственно церковных нужд, могут использоваться исключительно на благотворительные цели: «Церковная бо и монастырская, тако же и иноческаа и дела их вся Богови суть освящена, и на ино что не расточаются, разве на убогия и странныя и плененныя и елика такова подобне и на своя иноческаа и монастырскаяа и на церковныя потребности, нужныя обаче ниже в сия без потребности»⁴⁶. Прот. Г. Флоровский видел в этом «особого рода религиозно-земскую службу»⁴⁷. Идеи Иосифа Волоцкого о неотчуждаемости церковных имуществ противоречили практике взаимоотношений ктитора и монастыря начала XVI в., когда ктитору могли забрать обратно свои вклады при согласии на то игумена монастыря. Прп. Иосиф был убежден, что никто, даже носитель высшей власти, ни при каких обстоятельствах не может забирать церковные владения: «Князь же или ин некий и даждо самого настоящего не имам рещи, аще от сих что возмет на своя потребности, яко святотатец от Бога осудится»⁴⁸. Учение Иосифа Волоцкого создавало твердый фундамент для существования сильной и независимой церкви, которая, оказывая поддержку государственной власти, принимала на себя решение социальных задач. По сути, внедряемая прп. Иосифом поминальная практика обеспечивала возможность осуществлять широкую благотворительность. Это создавало единственно реальный механизм перераспределения богатств в тогдашнем российском обществе.

Нельзя не отметить, что прп. Иосиф Волоцкий внес выдающийся вклад в формирование трудовой этики. В его обители ручной труд был строго обязателен для всех членов монашеской братии независимо от происхождения. По подсчетам Т. Дикстры, который пытался проследить социальный состав братии Иосифо-Волоколамского монастыря, из 438 монахов, о которых есть известия за период 1479–1607 гг., осталось неясным социальное положение 59%, остальные по социальному составу делятся следующим образом: 22% принадлежало к аристократии (6% к высшей и 16% к мелким вотчинникам); 9% — относилось к слугам монастыря; по 4% к выходцам из духовенства и крестьян; 2% — к представителям торгового сословия⁴⁹. В обществе Средневековой Руси тяжелый ручной труд считался «рабским» уделом низших слоев населения. Следуя примеру прп. Сергия Радонежского и своего учителя Пафнутия Боровского, игумен Иосиф, подавая пример братии, сам копал пруды и сооружал запруды, таскал на своих плечах бревна и землю, первым брался за выполнение самой тяжелой работы. Согласно широко известному рассказу «Жития», написанного Саввой Черным, странствующий монах застал игумена, возвращавшего

⁴⁴ Послания Иосифа Волоцкого. С. 182.

⁴⁵ Малинин В. Старец Елеазарова монастыря Филофей... С. 144.

⁴⁶ Там же. С. 129.

⁴⁷ Флоровский Г., прот. Пути русского богословия. С. 18.

⁴⁸ Там же. С. 129.

⁴⁹ Dykstra T. E. *Russian Monastic Culture. "Josephism" and the Iosifo-Volokolamsk Monastery, 1479–1607*. München, 2006, p. 122–123.

ручной жернов для перемолки зерна, и пожелал заменить его на этой тяжелой работе. Так повторялось много дней, пока монах не покинул обитель Иосифа со словами «Не перемолоть мне этого игумена»⁵⁰. Пример Иосифа и его монашеской братии, которые каждый день занимались тяжелым ручным трудом, оказывал мощное влияние на землевладельцев округи, заставляя их пересмотреть взгляды на ценность труда земледельцев. В закладке церкви принимали участие князь Борис Волоцкий и его бояре⁵¹. Согласно известию Жития, князь Борис и игумен Иосиф первыми взяли на свои плечи бревно и заложили в основание церкви. Вдохновленные трудом своего господина его примеру последовали бояре, дружинники и слуги: «и вси они явишяся Бога ради яко земледелцы и сносиша берна (т.е. бревна)». Следует сказать, что личное участие князя в работах по закладке церкви в ту эпоху являлось скорее исключением, чем правилом. Личный труд владетельного князя на благо монастыря являлся образцом благочестивого поведения для своих подданных, свидетельствовал о тех изменениях в оценке физического труда, которые произошли под влиянием монашества. Как здесь не вспомнить высказывание известного медиевиста Ж. Ле Гоффа о роли монашеского труда: «Монахи придали физическому труду некоторое достоинство, которое было связано с их собственной личностью и общественным статусом. В результате произошло реабилитация трудовой этики во всеобщей системе религиозных и человеческих ценностей»⁵².

Перспективы для дальнейшего изучения творчества прп. Иосифа Волоцкого как оригинального мыслителя создают результаты работ, посвященных его творчеству. В частности, в моих работах был обоснован новый взгляд на текстологическую и творческую историю «Просветителя» и антиеретических посланий Иосифа Волоцкого⁵³. Согласно традиционной точке зрения считалось, что послания с обличениями еретиков были написаны в период господства жидовствующих при московском дворе в 1492–1494 гг., а затем на их основе составлен «Просветитель». Мне удалось привести текстологические аргументы в пользу обратной картины: сперва был создан антиеретический трактат, а затем на его основе написаны полемические послания. Таким образом, «Просветитель» следует рассматривать как созданное по единому плану сочинение в защиту православной веры, последовательно опровергающее все еретические нападки. То обстоятельство, что он был создан в пору господства еретиков при дворе великого князя Ивана III, сообщает высокую степень достоверности сведений, сообщаемых о ересеучении. Появление же созданных на основе «Просветителя» антиеретических посланий знаменует переход в стадию публичной полемики с еретиками, лишившимися покровительства со стороны великого князя. Уточнение обстоятельств творческой истории «Просветителя» и посланий Иосифа Волоцкого создает возможность для выстраивания ранней фазы полемики иосифлян и нестяжателей, достоверного установления реальных взглядов противоборствующих сторон.

⁵⁰ Надгробное слово преп. Иосифу... С. 170.

⁵¹ Житие и пребывание вкратце преподобного отца нашего игумена Иосифа, града Волока Ламского // ВМЧ. Сентябрь 1–13. СПб., 1868. Стб. 465.

⁵² Гофф Ле Ж. Средневековая Западная Европа // История человечества. Т. IV: VII–XVI века. М., 2003. С. 217.

⁵³ См.: Алексеев А. И. Сочинения Иосифа Волоцкого в контексте полемики 1480–1510 гг. СПб., 2010; *Его же*. Религиозные движения на Руси в последней трети XIV – начале XVI в.: стригольники и жидовствующие. М., 2012; *Его же*. Иосиф Волоцкий. М., 2014; *Его же*. «Бодроопасный воин Христов». Иосиф Волоцкий и его сочинения в свете данных современной науки. М., СПб., 2019.

Источники и литература

Источники

1. Духовная грамота преподобного игумена Иосифа о монастырском и иноческом устройении // Великие Минеи Четьи. Сентябрь 1–13. СПб., 1868. Стб. 499–566.
2. Житие и пребывание въкратце преподобного отца нашего игумена Иосифа, града Волока Ламского // Великие Минеи Четьи. Сентябрь 1–13. СПб., 1868. Стб. 453–499.
3. *Иосиф Волоцкий, прп.* Просветитель. Изд. 2-е. Казань, 1882.
4. Надгробное слово преп. Иосифу, игумену Волоколамскому, ученика и сродника его инока Досифея Топоркова // Чтения ОЛДП. 1865. Кн. 2. С. 153–180.
5. Послания Иосифа Волоцкого. М., Л., 1959.
6. Синодик Иосифо-Волоколамского монастыря (1479–1510-е гг.). СПб., 2004.
7. Сказание о славянской письменности. М., 1981.

Литература

8. *Алексеев А. И.* «Бодроопасный воин Христов». Иосиф Волоцкий и его сочинения в свете данных современной науки. М., СПб., 2019.
9. *Алексеев А. И.* Иосиф Волоцкий. М., 2014.
10. *Алексеев А. И.* Религиозные движения на Руси в последней трети XIV – начале XVI в.: стригольники и жидовствующие. М., 2012.
11. *Алексеев А. И.* Сочинения Иосифа Волоцкого в контексте полемики 1480–1510 гг. СПб., 2010.
12. *Бердяев Н. А.* Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 43–271.
13. *Бычков В. В.* Русская средневековая эстетика XI–XVII века. М., 1992.
14. *Вальденберг В. Е.* Древнерусские учения о пределах царской власти. Пг., 1916.
15. *Вздорнов Г. И.* Живопись // Очерки русской культуры XIII–XV веков. Ч. 2: Духовная культура. М., 1970. С. 254–377.
16. *Голубинский Е. Е.* История Русской Церкви. Т. 2, 1 пол. М., 1900.
17. *Голубинский Е. Е.* История Русской Церкви. Кн. 2, ч. 1 // ЧОИДР. 1916. Кн. IV.
18. *Гофф Ле Ж.* Средневековая Западная Европа // История человечества. Т. IV: VII–XVI века. М., 2003.
19. *Громов М. Н.* Образы философов в Древней Руси. М., 2010.
20. *Дьяконов М. А.* Власть московских государей: Очерки по истории политических идей древней Руси до конца XVI в. СПб., 1889.
21. *Жмакин В. И.* Борьба идей в России в первой половине XVI века // ЖМНП. 1882. Апрель. С. 148–162.
22. *Жмакин В. И.* Митрополит Даниил и его сочинения. СПб., 1881.
23. *Замалеев А. Ф.* Философская мысль в России XI–XX вв. СПб., 2015.
24. *Зеньковский В. В., прот.* История русской философии. Кн. 1, ч. 1. Л., 1991.
25. *Зимин А. А.* Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV–XVI вв.). М., 1977.
26. *Золотухина Н. М.* Иосиф Волоцкий. М., 1981.
27. История политических и правовых учений. М., 2004.
28. *Казакова Н. А., Лурье Я. С.* Антифеодальные еретические движения на Руси XIV – начала XVI в. М., Л., 1955.
29. *Кириллин В. М.* Социальные воззрения преподобного Иосифа Волоцкого // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. Вып. 4. С. 44–50.

30. Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Кн. 1. М., 1990.
31. Лурье Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI вв. М., Л., 1960.
32. Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви. Кн. 4, ч. 1. М., 1996.
33. Малинин В. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901.
34. Мильков В. В., Громов М. Н., Якунин С. Н. Идеиные течения древнерусской мысли. СПб., 2001.
35. Мильков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 2, ч. 1. Париж, 1931.
36. Невоструев К. И. Рассмотрение книги И. Хрущова // Отчет о 12-м присуждении награды гр. Уварова. СПб., 1870. С. 84–186.
37. Николаевский П. Русская проповедь в XV и XVI вв. // ЖМНП. 1868. № 4. С. 92–177.
38. Павлов А. С. Исторический очерк секуляризации церковных земель в России. Ч. 1. Одесса, 1871.
39. Плигузов А. И. Рец. на кн.: Золотухина Н. М. Иосиф Волоцкий // Плигузов А. И. Преподобный Иосиф Волоцкий. М., 2020. С. 278–281.
40. Пытин А. Иосиф Волоцкий и Нил Сорский // Вестник Европы. 1894. Июнь. С. 746–759.
41. Федотов Г. П. Святые Древней Руси. М., 1990.
42. Флоровский Г., прот. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991.
43. Хрущов И. П. Князь-инок Вассиан Патрикеев // Древняя и новая Россия. 1875. Т. 3. С. 264–276.
44. Dykstra T. E. *Russian Monastic Culture. "Josephism" and the Iosifo-Volokolamsk Monastery, 1479–1607*. München, 2006.

Sources and References

Sources

1. Duhovnaya gramota prepodobnogo igumena Iosifa o monastyrskom i inocheskom ustroenii [Spiritual letter of the venerable abbot Joseph on the monastic and monastic organization]. *Velikie Minei Chet'i*, September 1–13. St. Petersburg, 1868, col. 499–566. (In Old-Russian)
2. Joseph of Volotsk. *Prosvetitel' [Enlightener]*. 2nd ed. Kazan, 1882. (In Old-Russian)
3. Nadgrobnoe slovo prep. Iosifu, igumenu Volokolamskomu, uchenika i srodnika ego inoka Dosifeya Toporkova [Funeral sermon of St. Joseph, Abbot of Volokolamsk, his disciple and relative, monk Dositheus Toporkov]. *Chteniya Obshchestva lyubitelej drevnej pis'mennosti*, 1865, vol. 2, p. 153–180. (In Old-Russian)
4. *Poslanija Iosifa Volockogo [Epistles of Joseph of Volotsk]*. Moscow, Leningrad, 1959. (In Old-Russian)
5. *Synodicon of the Joseph-Volokolamsk Monastery (1479–1510s)*. St. Petersburg, 2004. (In Old-Russian)
6. *Skazanie o slavyanskoj pis'mennosti [The Tale of Slavic Writing]*. Moscow, 1981. (In Old-Russian)
7. Zhitie i prebyvanie vkratce prepodobnogo otca nashego igumena Iosifa, grada Voloka Lamskogo [The Life and Abode of Our Reverend Father Abbot Joseph, of the City of Volo Lamsky]. *Velikie Minei Chet'i*, September 1–13. St. Petersburg, 1868, col. 453–499. (In Old-Russian)

References

8. Alekseev A. I. "Bodroopasnyj vojn Hristov". *Iosif Volockij i ego sochinenija v svete dannyh sovremennoj nauki* ["A vigorous warrior of Christ". *Joseph Volotsky and his works in the light of modern science*]. Moscow, St. Petersburg, 2019. (In Russian)
9. Alekseev A. I. *Joseph of Volotsk*. Moscow, 2014. (In Russian)
10. Alekseev A. I. *Religioznye dvizhenija na Rusi poslednej treti 14 — nachala 16 vv.: strigol'niki i "zhidovstvujushhie"* [Religious movements in Rus' in the last third of the 14th — early 16th cent.: Strigolniki and "Judaizers"]. Moscow, 2012. (In Russian)
11. Alekseev A. I. *Sochinenija Iosifa Volockogo v kontekste polemiki 1480–1510-h gg.* [Works of Joseph Volotsky in the context of polemics of the 1480–1510s]. St. Petersburg, 2010. (In Russian)
12. Berdyayev N. A. *Russkaya ideya. Osnovny'e problemy` russkoj my`сли 19 veka i nachala 20 veka* [Russian idea. The main problems of Russian thought of the 19th century and the beginning of the 20th century]. *O Rossii i russkoj filosofskoj kul`ture*. Moscow, 1990, p. 43–271. (In Russian)
13. Bychkov V. V. *Russkaya srednevekovaya e`stetika 11–17 veka* [Russian Medieval Aesthetics of the 11th–17th Centuries]. Moscow, 1992. (In Russian)
14. D'yakonov M. A. *Vlast' moskovskih gosudarej: Oчерki po istorii politicheskikh idej drevnej Rusi do konca 16 v.* [The Power of the Moscow Sovereigns: Essays on the History of Political Ideas of Ancient Rus' to the End of the 16th Century]. St. Petersburg, 1889. (In Russian)
15. Dykstra T. E. *Russian Monastic Culture. "Josephism" and the Iosifo-Volokolamsk Monastery, 1479–1607*. München, 2006. (In English)
16. Fedotov G. P. *Svyatyje Drevnej Rusi* [Saints of Ancient Rus']. Moscow, 1990. (In Russian)
17. Florovskij G. *Puti russkogo bogosloviya* [Paths of Russian Theology]. Vilnius, 1991. (In Russian)
18. Le Goff Zh. *Medieval Western Europe. Istoriya chelovechestva*, vol. IV: 7–16 cent. Moscow, 2003. (In Russian)
19. Golubinskij E. E. *Istoriya Russkoj Cerkvi* [History of the Russian Church], vol. 2, half 1. Moscow, 1900. (In Russian)
20. Golubinskij E. E. *Istoriya Russkoj Cerkvi* [History of the Russian Church], vol. 2, part 1. *Chteniya v Obshchestve istorii i drevnostej rossijskikh*, 1916, book IV. (In Russian)
21. Gromov M. N. *Obrazy filosofov v Drevnej Rusi* [Images of philosophers in Ancient Rus']. Moscow, 2010. (In Russian)
22. Hrushchov I. P. *Knyaz'-inok Vassian Patrikeev* [Prince-monk Vassian Patrikeyev]. *Drevnyaya i novaya Rossiya*, 1875, vol. 3, p. 264–276. (In Russian)
23. *Istoriya politicheskikh i pravovyh uchenij* [History of political and legal doctrines]. Moscow, 2004. (In Russian)
24. Kazakova N. A., Lur'e Ya. S. *Antifeodal'nye ereticheskie dvizheniya na Rusi 14 — nachala 16 v.* [Anti-feudal heretical movements in Rus' in the 14th — early 16th centuries]. Moscow, Leningrad, 1955. (In Russian)
25. Kirillin V. M. *Social'nye vozzreniya prepodobnogo Iosifa Volockogo* [Social views of the Venerable Joseph of Volotsk]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki* [Old Russia. The questions of Middle Ages], 2015, no. 4, p. 44–50. (In Russian)
26. Kostomarov N. I. *Russkaya istoriya v zhizneopisaniyah ee glavnejshih deyatelej* [Russian history in the biographies of its main figures], book 1. Moscow, 1990. (In Russian)
27. Lurie Y. S. *Ideologicheskaja bor'ba v russkoj publicistike konca 15 — nachala 16 v.* [Ideological struggle in Russian journalism of the late 15 — early 16 cent.]. Moscow, Leningrad, 1960. (In Russian)
28. Makarij (Bulgakov), Metropolitan. *Istoriya Russkoj Cerkvi* [History of the Russian Church], book 4, part 1. Moscow, (In Russian)
29. Malinin V. *Starec Eleazarova monastyrja Filofej i ego poslaniya* [Elder Philotheus of the Eleazar Monastery and his messages]. Kiev, 1901. (In Russian)

30. Milkov V. V., Gromov M. N., Yakunin S. N. *Idejnye techeniya drevnerusskoj mysli [Ideological currents of ancient Russian thought]*. St. Petersburg, 2001. (In Russian)
31. Milyukov P. N. *Ocherki po istorii russkoj kul'tury [Essays on the history of Russian culture]*, vol. 2, part 1. Paris, 1931. (In Russian)
32. Nevostruev K. I. Rassmotrenie knigi I. Hrushchova [Review of the book by I. Khrushchev]. *Otchet o 12-m prisuzhdenii nagrad gr. Uvarova*. St. Petersburg, 1870, p. 84–186. (In Russian)
33. Nikolaevskij P. Russkaya propoved' v 15 i 16 vv. [Russian preaching in the 15th and 16th centuries]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*, 1868, no. 4, p. 92–177. (In Russian)
34. Pavlov A. S. *Istoricheskij ocherk sekulyarizacii cerkovnyh zemel' v Rossii [Historical essay on the secularization of church lands in Russia]*, part 1. Odessa, 1871. (In Russian)
35. Pliguzov A. I. Review of the book: Zolotukhina N. M. Joseph of Volotsk. In: Pliguzov A. I. *Prepodobnyj Iosif Volockij*. Moscow, 2020, p. 278–281. (In Russian)
36. Pypin A. Joseph Volotsky and Nil Sorsky. *Vestnik Evropy*, 1894, June, p. 746–759. (In Russian)
37. Val'denberg V. E. *Drevnerusskie ucheniya o predelah carskoj vlasti [Old Russian teachings on the limits of royal power]*. Petrograd, 1916. (In Russian)
38. Vzdornov G. I. Zhivopis' [Painting]. *Ocherki russkoj kul'tury 13–15 vv.*, part 2: Spiritual culture. Moscow, 1970, p. 254–377. (In Russian)
39. Zamaleev A. F. *Filosofskaya mysľ v Rossii 11–20 vv. [Philosophical thought in Russia in the 11th–20th centuries]*. St. Petersburg, 2015. (In Russian)
40. Zen'kovskij V. V. *Istoriya russkoj filosofii [History of Russian philosophy]*, vol. 1, part 1. Leningrad, 1991. (In Russian)
41. Zhmakin V. Bor'ba idej v Rossii v pervoj polovine 16 veka [The struggle of ideas in Russia in the first half of the 16th century]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*, 1882, April, p. 148–162. (In Russian)
42. Zhmakin V. I. *Mitropolit Daniil i ego sochineniya. [Metropolitan Daniel and his works]*. St. Petersburg, 1881. (In Russian)
43. Zimin A. A. *Krupnaya feodal'naya votchina i social'no-politicheskaya bor'ba v Rossii (konec 15–16 vv.) [Large feudal estates and socio-political struggle in Russia (late 15th–16th centuries)]*. Moscow, 1977. (In Russian)
44. Zolotuhina N. M. *Joseph of Volotsk*. Moscow, 1981. (In Russian)

А. С. Ищенко

Когда и как Иван IV Васильевич стал Иваном Грозным?

УДК 94(47):930.23+82-94
DOI 10.47132/2618-9674_2025_3_113
EDN N1MTME

Аннотация: Рассматриваются вопросы о времени и причинах присвоения первому российскому царю прозвища «Грозный», его семантика. Показано, что прозвище это имело достаточно сложное происхождение и целый ряд значений. К Ивану IV оно стало применяться уже после его смерти в качестве положительного атрибута правителя. Со второй половины XVII в. под влиянием иностранной литературы о российском царе эпитет «Грозный» постепенно превращается в уничижительный, окончательно став таковым во второй половине следующего столетия. Важную роль в этой трансформации и закреплении в отечественной традиции за Иваном IV прозвища «Грозный» сыграли историки поколения М. В. Ломоносова, но самую большую роль — Н. М. Карамзин. Благодаря художественному слову последнего прозвище «Грозный» окончательно закрепилось за Иваном IV, стало неотделимым от его имени.

Ключевые слова: Иван IV, Грозный, прозвище, титулярный эпитет, историография, фольклор.

Об авторе: **Александр Сергеевич Ищенко**

Кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории, философии и социальных технологий Новочеркасского инженерно-мелиоративного института Донского государственного аграрного университета.

E-mail: ischenko-2010@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1225-4273>

Для цитирования: Ищенко А. С. Когда и как Иван IV Васильевич стал Иваном Грозным? // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2025. № 3 (31). С. 113–133.

Статья поступила в редакцию 24.02.2025; одобрена после рецензирования 04.04.2025; принята к публикации 15.04.2025.

Aleksandr Ischenko

When and how did Ivan IV Vasilyevich become Ivan the Terrible?

UDK 94(47):930.23+82-94

DOI 10.47132/2618-9674_2025_3_113

EDN HIMTME

Abstract: Issues of time and reasons for the assignment of the nickname “Terrible” to the first Russian tzar, and semantics of this nickname are considered. It is shown that this nickname had a rather complex origin and a number of meanings. It was not until his death that this nickname started to be used as a positive attribute of Ivan IV. From the second half of the 17th century, under the influence of foreign literature about the Russian tzar, the epithet “Terrible” gradually transformed into a pejorative word, establishing itself as pejorative in the second half of the next century. An important role in this transformation and in the assigning of the nickname “Terrible” to Ivan IV in the domestic tradition was played by M. V. Lomonosov and especially N. M. Karamzin. Thanks to the artistic verbal talent of the latter, the nickname “Terrible” was finally assigned to Ivan IV and became inseparable from his name.

Keywords: Ivan IV, the Terrible, Nickname, Titular Epithet, Historiography, Folklore.

About the author: **Aleksandr Ischenko**

PhD in History, Associate Professor, Head of the Department of History, Philosophy and Social Technologies, Novochoerkassk Engineering and Land Reclamation Institute of Don State Agrarian University.

E-mail: ischenko-2010@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1225-4273>

For citation: Ischenko A. When and how did Ivan IV Vasilyevich become Ivan the Terrible?. *Paleorosia. Ancient Rus in time, in personalities, in ideas*, 2025, No. 3 (31), p. 113–133.

The article was submitted 24.02.2025; approved after reviewing 04.04.2025; accepted for publication 15.04.2025.

Многие правители средневековой Руси в исторической литературе традиционно упоминаются с прозвищами. Некоторые из таких прозвищ настолько прочно вошли в историческое сознание, что оказываются практически неотделимы от имен их носителей и воспринимаются едва ли не как фамилии. Среди наиболее расхожих, фактически сросшихся с именами — Ярослав *Мудрый*, Владимир *Мономах*, Юрий *Долгорукий*, Андрей *Боголюбский*, Всеволод *Большое Гнездо*, Александр *Невский*, Иван *Калита*, Дмитрий *Донской*, Василий *Темный* и ряд других. Всего таких прозвищ правителей Руси в историографии насчитывается около четырех десятков¹. Причем, что характерно, большинство из них имеют более позднее происхождение, чем время жизни тех, кому они приписываются². Не является исключением и прозвище, с которым в историю вошел первый российский царь Иван IV Васильевич, или как, согласно расхожей байке, он был представлен во французской энциклопедии Larousse, «Иван Грозный, за жестокость свою прозванный Васильевичем». Случай, конечно, курьезный, но западноевропейские интеллектуалы и в самом деле нередко именовали его «тиран Васильевич»³. Отечественные же авторы зачастую упоминают его вообще без имени, просто «Грозный» и все!⁴ Тех, кто изучает правление Ивана IV, А. Л. Хорошкевич даже предложила называть «грознаведами», а историографию его правления — «грознаведением»⁵.

История возникновения прозвища «Грозный», как и его семантика, несмотря на кажущуюся очевидность, не совсем ясна. Большинство историков пишут об Иване Грозном, не вдаваясь в подобные детали⁶. Те же из отечественных ученых, кто в них все же вдается, трактуют данное прозвище чаще всего в положительном ключе, оппонировав всевозможным негативным трактовкам, исходящим от иностранных авторов. Р. Ю. Виппер, например, критикуя распространенное на Западе изображение «Ивана Грозного в виде тирана, коронованного злодея и преступника», писал: «Русский народ дал совсем иную, глубоко мудрую оценку личности Ивана IV, выразив ее в прозвище Грозного. В иностранной исторической литературе смысл этой характеристики совершенно искажен переводами — Iwan der Schreckliche, Jean le Terrible, что означает “страшный”, “ужасный”, чем и подчеркивается обвинение Ивана IV в жестокости. В XVI веке в великой Московской державе “Грозный” звучало величественно и патриотично»⁷. Р. Ю. Виппер, конечно, ошибался: в XVI в. данное прозвище

¹ Горский А. А. О времени появления прозвищ у князей русского Средневековья // Средневековая Русь. Вып. 14. М., 2020. С. 24–26.

² Сиренов А. В. О прозвищах древнерусских князей // Петербургский исторический журнал. 2017. № 2. С. 184–193; Ищенко А. С. К вопросу о происхождении прозвищ древнерусских князей // Палеороссия. Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях. 2019. № 1 (11). С. 57–73; Горский А. А. О времени появления прозвищ... С. 26.

³ Филлюшкин А. И. Остановить «тирана Васильевича»! Пропагандистская война Европы против России // Родина. 2012. № 5. С. 59.

⁴ См., напр., названия глав в биографии Ивана IV, принадлежащей перу Р. Г. Скрынникова: «Был ли Грозный писателем?», «Семейная жизнь Грозного», «Смерть Грозного» (Скрынников Р. Г. Иван Грозный // Скрынников Р. Г. Василий III. Иван Грозный. М., 2008. С. 638–639).

⁵ Хорошкевич А. Л. О Висковатом, его времени и безвременьи // Russia Mediaevalis. 2001. Вып. 10. С. 273, 293, 302.

⁶ В частности, без объяснения прозвище первого российского царя оставлено в последних по времени биографиях Ивана Грозного, написанных Б. Н. Флорей, В. В. Шапошником и Д. М. Володихиным.

⁷ Vipper Р. Иван Грозный // Иван Грозный. Двойной портрет. М., 2020. С. 22. Аналогичное объяснение прозвища Ивана IV на закате сталинского правления, когда сверху насаждалась идеализация образа первого российского царя, давал И. И. Смирнов: «В народной памяти образ Ивана IV сохранился во многих былинах и песнях, называвших его “Грозным” за большую силу

в адрес его героя еще не звучало⁸. Более взвешенное объяснение того, почему первого российского царя стали называть «Грозным», давал В. И. Буганов: «И.[ван] IV В.[асильевич] получил в народе прозвище “Грозного”, отразившее представление о нем, как о могуществ.[енном] правителе, но царе-тиране, деспоте»⁹. Когда это произошло, он не указывал. Такой знаток эпохи Ивана Грозного, как Р. Г. Скрынников, признавал, что «в источниках XVI в. прозвище “Грозный” не встречалось. Скорее всего, — догадывался он, — царь Иван получил его, когда стал героем исторических песен», то есть в период Смуты. Тогда, поясняет историк, «в обстановке неслыханных бедствий время царя Ивана стали вспоминать как эпоху могущества Российской державы, ее процветания и величия. Кровавые и темные дела были забыты». При этом, как и другие советские историки, он полагал, что изначально данное прозвище не несло в себе никакого негативного смысла: «Перевод “Иван Страшный” или “Иван Ужасный” очевидным образом искажает смысл прозвища. В представлении людей того времени “гроза” символизировала стихию испепеляющую, неотвратимую и блистательную, притом стихию не столько природную, сколько божественную, знак вмешательства небесных сил в жизнь людей»¹⁰.

Об этом же последнем обстоятельстве, на которое обратил внимание Р. Г. Скрынников, более детально писали А. М. Панченко и Б. А. Успенский: «в приложении к царю эпитет “грозный” не имел отрицательного оттенка. Он связан не с идеей тирании, а с идеей величия». Ссылаясь на «Валаамскую беседу», в которой говорилось, что «достоит царю грозну быти», они поясняли: прилагательное «грозный» и существительное «гроза» появляются там, где «речь идет о порядке в государстве, а вовсе не крутом и безжалостном правлении». «Грозный царь» — это тот, от которого

его характера, решительность и твердость» ([Смирнов И. И.] Иван IV Васильевич // Большая советская энциклопедия. Изд. 2-е. Т. 17. М., б. г. С. 268).

⁸ На это обстоятельство обращал внимание, в частности, Я. С. Лурье (Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979. С. 383, комм. 19). Между тем, не один историк заявлял, что Иван IV стал «Иваном Грозным» еще при жизни. Г. В. Вернадский, в частности, писал, что «Иван IV стал известен среди русских и татар, как внушающий страх (грозный) после взятия Казани. «Русские, — пояснял он, — называли его Грозным как своего вождя и защитника от врагов. Для казанских татар он стал Явуз (турецкий вариант Грозный), как их победитель. По-английски царь Иван именуется “Ужасным” или “Страшным”» (Вернадский Г. В. Московское царство. Тверь, 2001. С. 57). И. И. Полосин полагал, что «само прозвище Ивана IV Грозный... подчеркивает восхищение современников его объединительной политикой. Напрасно французские историки называют Ивана IV “Jean le Terrible”, а немецкие “Iwan der Schreckliche”. В этом сказывается не только незнание истории Ивана IV, но и непонимание русского языка». Корректируя перевод прозвища «Грозный», И. И. Полосин заметил, что «более правильным переводом было бы Иван Могущественный (великий)» (Полосин И. И. Социально-политическая история России XVI — начала XVII в. М., 1963. С. 149). Едва ли, однако, с такой поправкой можно согласиться. Вместе с тем, как подметила И. де Мадариага, «между понятиями “ужасный” и “грозный” есть некоторая разница: ужасный сам по себе страшен, а грозный внушает страх» (Мадариага И. де. Иван Грозный. Первый русский царь. М., 2007. С. 36). Из современных историков о том, что «Грозным» Иван IV стал в XVI в. писал А. В. Сиренов, уточнявший, что так его называли «уже младшие современники» (Сиренов А. В. О прозвищах... С. 189; *Его же*. Русское историописание XV–XVII вв.: в поисках «своей истории» // Нарративы руси конца XV — середины XVIII в.: в поисках своей истории. М., 2018. С. 61). Никаких ссылок на источники ученый при этом не давал. Насколько можно судить, основывался он на не совсем ясном упоминании в одном из текстов Ионы Думина (см. о нем сноску 26).

⁹ Буганов В. И. Иван IV Васильевич Грозный // Советская историческая энциклопедия. Т. 5: Двинск — Индонезия. М., 1964. Стб. 731.

¹⁰ Скрынников Р. Г. Иван Грозный... С. 620.

исходит гроза — божье наказание за отступление от «правды»¹¹. Соответственно, «эпитет прилагается к царю, поскольку царь уподобляется божеству, понимается как образ бога на земле... Наименование “грозным” Ивана IV явно связано с принятием им царского титула... Одновременно эпитет “грозный” связывает царя с “грозным воеводой небесных сил”, носителем божьей воли — архангелом Михаилом»¹². Но это, как признавали авторы, еще не прозвище, а лишь «титularная формула, которая означала самодержавного государя»¹³. Реальные прозвища помещались после имени, иногда с пояснением («рекомьи Берладник», «зовомый Великое Гнездо» и т.п.). Более того, могут быть высказаны сомнения по поводу прямой связи данного титулярного эпитета и закрепившегося за Иваном IV прозвища «Грозный». Последнее, по-видимому, имеет более сложное происхождение. Наиболее ценные наблюдения по этому поводу были высказаны в статьях М. Шефтеля, Я. Г. Солодкина, Э. Кинана и Ч. Гальперина. Но и они имеют целый ряд неточностей и спорных суждений. Обо всем, однако, по порядку.

Прилагательное «грозный» в Средневековье означало строгий, суровый, грозный, вызывающий страх, страшный, ужасный, угрожающий, могущественный, сильный¹⁴. Мысль, будто бы гроза на языке людей того времени — разрушительная, блистательная, но скорее божественная сила, нежели человеческая стихия, должна, по мнению Я. Г. Солодкина, «считаться произвольной»¹⁵. В. Б. Веселовский отмечал, что «Грозный — распространенное прозвище в XV–XVII вв. в разных слоях населения»¹⁶. К сожалению, он не стал вдаваться в детали и приводить какие-либо примеры. По наблюдению Э. Кинана, при жизни Ивана IV прозвище «Грозный» было присвоено другому Ивану: в 1582 г. некий «Иван Грозный» был заурядным копыеносцем (сыном боярским)¹⁷. Я. Г. Солодкин обращал внимание на атамана Грозу Иванова (известного и как Иван Гроза) — одного из соратников Ермака при «взятии» Сибирского ханства, а также соловецкого старца Акакия Грозново¹⁸. Ч. Гальперин указывал, что в Никоновской летописи XVI в. упоминается потерпевший поражение в 1372 г. новгородский воевода «Михайло Грозной»¹⁹. Князя Рюриковичи до Ивана IV также награждали этим эпитетом. Едва ли не самое ранее его использование применительно к князю встречается в «Слове о полку Игореве», где киевский князь Святослав Всеволодович упоминается как «Святъславъ грозный Великийъ Киевский»²⁰. В другом памятнике древнерусской

¹¹ На связь эпитета «грозный» с «правдой» ранее обращал внимание М. Шефтель (Szeftel M. *The Epithet Groznyj in Historical Perspective. Russia and Orthodoxy. Essays in Honor of Georges Florovsky*, vol. II: *The Religions World of Russia Culture*, ed. by A. Blane. The Hague, Paris, 1968, p. 104–105). Особенно зримо эта связь обнаруживалась им на примере анализа произведений И. С. Пересветова, полагавшего, что царь обязан быть грозным, и часто говорившего о грозе царской (Сочинения И. Пересветова. М., Л., 1956. С. 153–154, 156, 159, 167, 172, 174, 180, 189).

¹² Панченко А. М., Успенский Б. А. Иван Грозный и Петр Великий: концепция первого монарха // Из истории русской культуры. Т. II, кн. 1: Киевская и Московская Русь. М., 2002. С. 475–476.

¹³ Там же. С. 475.

¹⁴ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 4: Г–Д. М., 1977. С. 140.

¹⁵ Солодкин Я. Г. Когда и почему стали называть Грозным первого московского царя? // ВИ. 2006. № 5. С. 173.

¹⁶ Веселовский В. Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974. С. 89.

¹⁷ Keenan E. How Ivan Became “Terrible”. *Harvard Ukrainian Studies*, 2006, vol. 28, no. 1/4, p. 534.

¹⁸ Солодкин Я. Г. Когда и почему стали называть Грозным... С. 175.

¹⁹ Halperin Ch. J. The Metamorphosis of Ivan IV into Ivan the Terrible. *Miscellanea slavica. Сб. статей к 70-летию Бориса Андреевича Успенского*. М., 2008. С. 382.

²⁰ Ироическая песнь о походе на половцов удельного князя Новгорода-Северскаго Игоря Святославича, писанная старинным русским языком в исходе XII столетия с переложением на употребляемое нынче наречие. М., 1800. С. 21. Д. С. Лихачев в этой связи полагал, что слово

литературы, «Слове о погибели Русской земли», отмечается, что среди прочего «земля Русская» славилась «князьми грозными»²¹. «Грозень» был, согласно его некрологу, помещенному под 1238 г. в Новгородской четвертой летописи, ростовский князь Василько Константинович, погибший в монгольском плену после поражения русских войск на реке Сити²². Но все это еще не прозвища. Если же говорить о прозвищах, то следует вспомнить тверского князя XIV в. Дмитрия Михайловича «Грозные Очи»²³, который, как установил А. А. Горский, впервые фигурирует с данным прозвищем в родословных книгах середины XVI в.²⁴ К этому же столетию относится и прозвание «Грозным» ярославского князя Василия Давыдовича (ум. 1345 г.), представленного в родословных книгах как «князь Василей, прозвище ему Грозной»²⁵. Следов же использования прозвища «Грозный» по отношению к Ивану IV при его жизни, повторимся, нет²⁶. Даже для А. М. Курбского, называвшего прежде «великославного» царя зверем, кровопийцей и «человекорастерзателем»²⁷, и которому, как заметил Э. Кинан, «не привыкать к прозвищам»²⁸, Иван был «тираном», но никак не «Грозным»²⁹.

Последнее, впрочем, неудивительно. До и во время правления Ивана IV слово «грозный», судя по всему, действительно не имело «отрицательного оттенка», а было хвалебным, положительным атрибутом правителя. И если бы, как заметил Ч. Гальперин, «Ивану тогда дали эпитет Грозный, это, должно быть, было бы похвалой его “великолепию”»³⁰. Но поскольку его ни разу так не называли, это, по-видимому,

«грозный» и «гроза» очень часто сопутствовало до XVII в. официальному титулованию старейших русских князей, хотя само в титул и не перешло», а «стало только прозвищем, при этом подчеркивающим положительные качества сильной власти» (*Лихачев Д. С.* «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1978. С. 128–129). Приводимые им примеры из Ипатьевской летописи, однако, неубедительны. Да и само упоминание в «Слове о полку Игореве» слова «грозный» вызывает некоторые сомнения. Неслучайно уже первые переводчики превратили его в простое прилагательное, изменив порядок слов: «грозный Святослав, Великий князь Киевский» (Ироическая песнь... С. 21).

²¹ *Безунов Ю. К.* Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М., Л., 1965. С. 123, 154–155.

²² ПСРЛ. Т. IV: Новгородские и псковские летописи. СПб., 1848. С. 33.

²³ Szeftel M. The Epithet Groznuj..., p. 103; Halperin Ch. J. The Metamorphosis of Ivan IV..., p. 380.

²⁴ *Горский А. А.* О времени появления прозвищ... С. 21.

²⁵ Там же. Ср.: Halperin Ch. J. The Metamorphosis of Ivan IV..., p. 380–381.

²⁶ Ч. Гальперин, однако, не исключает того, что во время его правления Ивана все же могли называть «грозным», причем слово это могло выступать не только в качестве простого прилагательного, но и прозвища. В этой связи он ссылается на одну из компилятивных редакций родословных книг начала XVII в., в которой среди сыновей великого князя Василия III упоминается «князь Великий Иван Грозной 20, иже и венчася Царскимъ венцемъ Манамаховымъ» (цит. по: Временник Императорского Московского Общества истории древностей российских. М., 1851. С. 26. Ср.: Halperin Ch. J. The Metamorphosis of Ivan IV..., p. 388). Добавим к этому, что ранним упоминанием прозвища царя, относящимся к концу XVI в., является также приписка к т. н. Алатырскому списку Воскресенской летописи, читающаяся только в нем и в Житии Александра Невского Ионы Думина: «его же имяную Грозной». По мнению А. В. Сиренова, в первый оно попало из второго (*Сиренов А. В.* Степенная книга: история текста. М., 2007. С. 309). Упоминания эти, однако, уникальны. Их происхождение и точная датировка не ясны. Неслучайно и сам Гальперин в конце концов вынужден был признать, что «у нас нет ни одного современного Ивану IV источника, в котором его называли бы “Иван Грозный”» (Halperin Ch. J. The Metamorphosis of Ivan IV..., p. 386–387).

²⁷ *Солодкин Я. Г.* Когда и почему стали называть Грозным... С. 173.

²⁸ Keenan E. How Ivan Became “Terrible”, p. 524.

²⁹ Szeftel M. The Epithet Groznuj... P. 107; Halperin Ch. J. The Metamorphosis of Ivan IV..., p. 385.

³⁰ Halperin Ch. J. The Metamorphosis of Ivan IV..., p. 384.

означает, что «современники и ближайшие потомки твердо знали, что царя нельзя подобным образом именовать». А. Л. Юрганов объясняет данный запрет тем, что применять к Ивану прилагательное, широко ассоциируемое с небесными силами вообще и с архангелом Михаилом в частности, даже самим Богом, было не уместно³¹. Противоречащие этому соображения А. М. Панченко и Б. А. Успенского он признает не имеющими «прямого отношения к самой исторической эпохе»³². Тот же факт, что эпитет «грозный» нередко прилагался в ту самую эпоху (в том числе и в качестве прозвища) к другим историческим персонам, А. Л. Юрганова, видимо, не смущает. Как и позиция критикуемых им А. М. Панченко и Б. А. Успенского, постулируемая им точка зрения представляется искусственной.

Ближе к концу XVII столетия Г. К. Котошихин (ок. 1630–1667 гг.) в своем сочинении, написанном по заказу шведского правительства, называет Ивана IV «Великий князь Иван Васильевич Московский, Гордый»³³. Будучи расположено после владельческого прилагательного «Московский», слово «Гордый» выступает здесь именно в качестве прозвища. Но учитывая иностранное происхождение данного текста и тот факт, что он, по-видимому, не был известен в России примерно до 1840-х гг.³⁴, едва ли его можно рассматривать как некий этап в эволюции российской практики. Тем не менее, показательно, что Котошихин — относительно близкий Ивану по времени и хорошо информированный чиновник — называл его «Гордым», а не «Грозным» (вслед за Я. Г. Солодкиным попутно заметим, что в т. н. Московском летописце, составленном, вероятно, между 1635 и 1645 гг., правитель «всёя Руси», первым венчавшийся на царство, называется «превысочайшим и гордояростным»³⁵). О его правлении Котошихин писал: «правивше государство свое въ ярости и во злобе силне, тиранскимъ обычаемъ, и имей со окрестными государствами войну и развратие. Когда же ему не случися быти со окрестными государствами въ розвратии, и тогда пленилъ подданныхъ своихъ, единоверныхъ христьянъ, и многи мучительства надъ князи и бояры своими и простыми людьми показа; понеже и сына своего смири на оный светъ пробища его осномъ своимъ, и единого митрополита повеле задушити подушкою»³⁶.

Общее представление о том, что Иван IV был «тираном» и довольно неприятным человеком, было в это время, судя по всему, достаточно распространено не только в Западной Европе, но и в самой России. Побывавший в Москве в 1660-е гг. английский врач С. Коллинз, а до него, еще во времена Смуты, кондотьеры К. Буссов и Ж. Маржерет в своих записках прямо называли его «Тираном»³⁷. Русские источники хотя и не используют этот термин, но к 1620-м гг. также начинают передавать представление о том, что Иван IV был в своем гневе, мягко говоря, не сдержан. «Новый летописец» — главный памятник московского официального летописания первой половины XVII в. намекает на это в известиях о смертях двух жен его сына Ивана и одной

³¹ Юрганов А. Л. Категории русской средневековой культуры. М., 1998. С. 398–399.

³² Там же. С. 399.

³³ О России в царствование Алексея Михайловича. Современное сочинение Григория Котошихина. СПб., 1884. С. 1.

³⁴ Впервые труд Котошихина был опубликован в 1840 г. археографом Я. И. Беренниковым, издавшим его по копии, которая была сделана с оригинала рукописи, хранившейся в Упсальском университете.

³⁵ ПСРЛ. Т. XXXIV: Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы. М., 1978. С. 221; Солодкин Я. Г. Когда и почему стали называть Грозным... С. 172.

³⁶ О России в царствование Алексея Михайловича... С. 1–2.

³⁷ Keenan E. How Ivan Became "Terrible", p. 524–526, 537. Ср.: Halperin Ch. J. The Metamorphosis of Ivan IV..., p. 385.

его собственной: «преставися царица царевича Ивана Ивановича, сына царя Ивана Васильевича всеа Руси..., а постригъ ее царь Иванъ Васильевичъ при царевиче Иване Ивановиче, роскручинился...»; «преставися царица Парасковья Михайловна царевича Ивана жъ Ивановича..., а постригъ ее царь Иванъ Васильевичъ при царевиче...»; «преставися царя и великого князя Ивана Васильевича царица Дарья..., а постригъ ее царь Иванъ Васильевичъ при себе»³⁸. В написанном между 1611–1613 гг. Пискаревском летописце передается пророчество казанской ханши, узнавшей о рождении сына у Василия III. По ее словам, «родился де у вас царь, а у него де двой зубы: одними де ему съести нас, а другими вас»³⁹. В «Хронографе» 1617 г. отмечается, что после того, как умерла первая жена царя Анастасия Романовна, наставлявшая его на всякие добродетели, «превратися многомудренный его умъ на нравъ яръ, и нача сокрушати отъ сродства своего многихъ, такоже и от вельмож синклитства своего... Еще же и крамолу междоусобную возлюбил... И сицевыхъ ради крамолствъ сына своего болшаго царевича Ивана мудрымъ смысломъ и благодатию сияюща, аки незрелый гроздь дебелимъ воздухомъ отрясе, и отъ ветви житія отторгну, о немъ же нецїи глаголаху, яко отъ отца своего ярости прїяти ему болезнь, отъ болезни же и смерть...»⁴⁰ Почти дословно рассказ «Хронографа» об убийстве Иваном Васильевичем своего старшего сына и наследника повторяет Исидор Сназин в Мазуринском летописце, дополняя только после слов «от жития отторгну» — «осном своим»⁴¹, то есть посохом.

Очевидно, что «Иваном Грозным» «царь Иван» в это время еще не стал. Не использовали в отношении него этот термин ни И. М. Катырев-Ростовский, ни Авраамий Палицын, ни другие публицисты, относившиеся к «жестокосердому» самодержцу, по наблюдению Я. Г. Солодкина, «двойственно или преимущественно негативно»⁴². Лишь во «Временнике» Ивана Тимофеева встречается эпитет «Всегрозный» (по мнению И. И. Полосина, «грозный во всем и ко всем»⁴³), причем, как заметил М. Шефтель, контекст его «указывает на похвалу, а не на порицание»⁴⁴: «твердый поборник благочестия, просвещенный Иван Всегрозный, сын великого князя Василия»⁴⁵. И далее М. Шефтель утверждает, что всякий раз, когда эпитет «грозный» применялся в XVII в. к Ивану IV «контекст всегда был положительным и никогда — отрицательным». Э. Кинан справедливо усомнился в данном выводе, попытавшись при этом дискредитировать «Временник», объявив Ивана Тимофеева «призраком»⁴⁶. Но что это, собственно, меняет? Кем бы ни был автор «Временника», его отношение к «Ивану Всегрозному» не было однозначным. Московский царь в этом «загадочном тексте» не только «твердый поборник благочестия», «преславный», великий победитель «во царех», но и «рабубитель и мирогубитель», который «бе страшен всем», гневлив и «яростив»⁴⁷. К тому же не будем забывать,

³⁸ ПСРЛ. Т. XIV: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000. С. 150, 153.

³⁹ ПСРЛ. Т. XXXIV. С. 194.

⁴⁰ Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенные в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 183.

⁴¹ ПСРЛ. Т. XXXI: Летописцы последней четверти XVII в. М., 1968. С. 142.

⁴² Солодкин Я. Г. Когда и почему стали называть Грозным... С. 172.

⁴³ Полосин И. И. Социально-политическая история России... С. 333.

⁴⁴ Szeftel M. The Epithet Groznuj..., p. 110–111.

⁴⁵ Временник Ивана Тимофеева. М., Л., 1951. С. 150, 328.

⁴⁶ «Настоящий текст, о котором идет речь, — пояснил Э. Кинан, — представляет собой компиляцию, основанную, по крайней мере частично, на труде греческого эмигранта Арсения, епископа Элассонского (1550–1626; в Москве [ок. 1589–1623], «Епископ архангельский»)» (Keenan E. How Ivan Became “Terrible”, p. 527).

⁴⁷ Временник Ивана Тимофеева. С. 14–16, 83, 187, 211.

что перед нами всего лишь эпитет, а не прозвище, или, как заметил Ч. Гальперин, «в лучшем случае — описательное использование термина “грозный”»⁴⁸. Недаром слова, начинающиеся причастием «все», встречаются во «Временнике», по наблюдению Я. Г. Солодкина, довольно часто⁴⁹.

То же самое следует сказать и о встречающейся в одной из Псковских летописей фразе «Сицева бысть держава грозного царя Ивана Васильевича», которая завершает описание разграбления Иваном IV Новгорода и сопутствующих ему бедствий⁵⁰. Отношение летописца к «царю Ивану Васильевичу» здесь сугубо негативное. В позитивном же контексте использование слова «грозный» встречаем в «Ином сказании», когда Гришка Отрепьев спрашивает польского короля: «слыхалъ ли де еси про Московского великого князя Ивана Васильевича, всеа Русии самодержца, коль былъ великъ и грозенъ, во многихъ ордахъ бысть славенъ?»⁵¹. В этой связи можно вспомнить и труд Ф. Грибоедова, характеризовавшего Ивана IV как «во всехъ странахъ славнаго и грозного государя царя и великого князя Ивана Васильевича, всеа Русии самодержца»⁵². Не следует, однако, забывать, что перед нами, говоря словами Ч. Гальперина, «проекция стандартного положительного прилагательного», обычный эпитет, относящийся не к имени, а к царю. Конечно, между такого рода прилагательным и прозвищем большая разница. Но «легко представить, как одно привело к другому. Князю, которого называют “кротким”, вероятно, не дали бы эпитета “Грозный”... Это качественное изменение, превращение слова из прилагательного в эпитет, требует дальнейшего изучения»⁵³. Едва ли, однако, как уже отмечалось выше, прозвище «Грозный» возникло из простого прилагательного, путем превращения титулярного эпитета в имя собственное.

Э. Кинан, вероятно, прав, утверждая, что применительно к первому российскому царю прозвище «Грозный» «вошло в обиход только в XVIII в.». Историки, начавшие заниматься фигурой Ивана, находились, — полагает он, — «под сильным влиянием своих европейских современников, более ранней европейской памфлетной литературы и таких материалов конца XVII века, как “Сборники Курбского”, переводы Гваньини, Бельского и Стрыйковского»⁵⁴. Иными словами, с точки зрения Э. Кинана, именование Ивана IV «Грозным» получает в отечественной историографии распространение как подражание европейской практике изображения первого российского царя в качестве «отвратительного» и «ужасного» тирана. Аналогичной точки зрения придерживался и Я. Г. Солодкин, писавший, что «прозвище, которое с течением времени оказалось символом целой эпохи русской истории, возникло в иностранной литературе». Создатели первых научных трудов о прошлом Российского государства заимствовали его «из произведений зарубежных авторов»⁵⁵. Говоря об этом, не следует, однако, подменять историю прозвища общим представлением о том, что Иван IV был «тираном». Необходимо также учитывать, что отношение российских историков XVIII в. к фигуре Ивана IV не было каким-то особенно критическим, а потому и далеко не всегда использование ими прозвища «Грозный» несло в себе отрицательный «заряд». Из хвалебного в уничижительный этот эпитет превратится,

⁴⁸ Halperin Ch. J. The Metamorphosis of Ivan IV..., p. 388.

⁴⁹ Солодкин Я. Г. Когда и почему стали называть Грозным... С. 172.

⁵⁰ ПЛ. Вып. 2. М., 1955. С. 262.

⁵¹ Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени // РИБ. Т. XIII. СПб., 1891. Стб. 23.

⁵² Федора Грибоедова История о Царях и Великих князьях Земли Русской. СПб., 1896. С. 25.

⁵³ Halperin Ch. J. The Metamorphosis of Ivan IV..., p. 386.

⁵⁴ Keenan E. How Ivan Became “Terrible”, p. 527.

⁵⁵ Солодкин Я. Г. Когда и почему стали называть Грозным... С. 173.

по наблюдению Ч. Гальперина, только во второй половине XVIII в.⁵⁶ К тому же прозвище «Грозный» закрепилось за Иваном IV далеко не сразу. В сочинении А. И. Манкиева оно применялось не по отношению к нему, а по отношению к его деду — Ивану III. Так, в описании одного из походов Ермака отмечалось: «Дошли после того до селидбы господь Строгановыхъ, которыхъ праотець при деде сего Государя Великомъ князе Московскомъ Иоанне Васильевичомъ Грозне, во время теснения от Московскихъ войскъ Великаго Новгорода, отъ страху совсемъ своимъ домомъ ушелъ оттуда въ Зыряны сиестъ Пермь Великую...»⁵⁷.

Одним же из первых, кто применил прозвище «Грозный» в российской историографии к Ивану IV был, судя по всему, В. Н. Татищев⁵⁸. В большинстве случаев он писал о нем как об «Иоанне II», то есть ведя счет Иванов, начиная с его деда, которого мы привыкли считать Иваном III, но иногда все же называл Ивана IV «Грозным», причем именование это у него, по-видимому, не несло в себе ни положительного, ни отрицательного «заряда», во всяком случае, в том смысле, как его понимали М. Шефтель и Э. Кинан. Непоследовательность Татищева в использовании по отношению к Ивану IV прозвища «Грозный» Э. Кинан объяснил редакторской работой историка: в более ранних версиях своих текстов он, по его наблюдению, отдавал предпочтение «Иоанну II», но к 1750 г. стал называть его «Грозным»⁵⁹. В самом деле, прозвище «Грозный» на страницах трудов Татищева появляется либо в текстах, подвергнутых редактуре (причем порой в следующем виде: «Иоанн II и Грозный»⁶⁰), либо написанных им в последние годы. Например, в «предъизвещении» к «Собранию законов древних русских», где со ссылкой на Судебник 1550 г., отмечалось, что «царь Иоан Грозный, как был царь мудрый...»⁶¹. Так или иначе, но поскольку работа Татищева, будучи впервые опубликована в 1768–1784 гг., сколь-нибудь широкой известности не обрела, то, очевидно, и заметной роли в закреплении за Иваном IV прозвища «Грозный» не сыграла. Произошло это закрепление, по-видимому, несколько позже, как настаивает Э. Кинан, «в поколение Ломоносова»⁶².

М. В. Ломоносов и его современники не были, конечно, оригинальны. Практику присоединения прозвищ к именам правителей они, по наблюдению того же Э. Кинана, позаимствовали из европейских исторических трудов, таких, как, например, работа Г. Кураса, в которой приводился целый ряд прозвищ европейских монархов («Генрих Птицелов», «Оттон Великий», «Генрих, по прозванию сварливый» и др.) и, что не менее примечательно, в русском приложении к изданию которой об Иване IV читалось: «в правлении с подданными поступал весьма жестоко; хотя запальчивой

⁵⁶ Halperin Ch. J. The Metamorphosis of Ivan IV..., p. 396. Данный вывод ученого, однако, не означает, что до середины XVIII в. эпитет «грозный» был исключительно хвалебным. Контекст его употребления, как уже отмечалось выше, мог быть как положительным, так и отрицательным. Но чаще всего, конечно, положительным.

⁵⁷ Манкиев А. И. Ядро Российской истории, сочиненное ближним стольником и бывшим в Швеции резидентом, князь Андреем Яковлевичем Хилковым, в пользу российского юношества, и для всех о российской истории краткое понятие иметь желающих в печать изданное, с предисловием о сочинителе сей книги, и о фамилии князей Хилковых. М., 1770. С. 205. Как отмечал Ч. Гальперин, находясь в шведском плену, «Манкиев читал Петрея», то есть, «Московскую хронику» шведского дипломата и историка П. Петрея. Из нее он, очевидно, и заимствовал этот эпитет, также применявшийся тем к Ивану III (Halperin Ch. J. The Metamorphosis of Ivan IV..., p. 390).

⁵⁸ Татищев В. Н. Собр. соч. Т. 1: История Российская, ч. 1. М., 1994. С. 84, 287, 351, 362–363, 365, 367, 370, 377.

⁵⁹ Keenan E. How Ivan Became “Terrible”, p. 528, 539.

⁶⁰ Татищев В. Н. Собр. соч. Т. 1: История Российская, ч. 1. М., 1994. С. 84, 287, 351.

⁶¹ Татищев В. Н. Собр. соч. Т. 8: Работы разных лет. М., 1996. С. 278.

⁶² Keenan E. How Ivan Became “Terrible”, p. 528.

его нрав, по которому он проименован Грозным, нередко умягчаем был разумными советами первой его супруги Анастасии Романовны»⁶³.

Процесс закрепления прозвища («проименования») «Грозный» за Иваном IV в русском общественно-историческом сознании шел, однако, довольно медленно, возможно даже «происходил не один раз»⁶⁴. Большую роль в этом процессе М. В. Ломоносову Э. Кинан, впрочем, отводил не случайно. Точнее, речь должна идти не о самом Ломоносове, а о приписываемом ему «Кратком российском летописце» (1760 г.), ставшем на долгие годы одним из наиболее распространенных обзоров российской истории. М. Шефтель даже считал Ломоносова первым, кто присвоил Ивану прозвище Грозный⁶⁵. Ч. Гальперин же полагал, что «Ломоносов впервые употребил этот эпитет в явно негативном смысле»⁶⁶. Но и это, как мы уже могли убедиться выше, не совсем так. Он, скорее, способствовал закреплению за прозвищем «Грозный» негативного смысла. Кроме того, следует иметь в виду, что та часть «Краткого российского летописца», в которой речь идет об Иване Грозном, была написана не Ломоносовым, а тогдашним библиотекарем Академии Наук А. И. Богдановым⁶⁷. Не совсем ясно и то, понимал ли автор слово «грозный» как прозвище, или как простое прилагательное. Перечислив предполагаемые проявления жестокости царя, он заключал: «По таким строгостям назван Царь Иван Васильевич Грозным»⁶⁸. Но даже если «Грозный» здесь вовсе не прозвище, отрицать роль «Краткого российского летописца» в закреплении данного эпитета за Иваном IV в качестве такового было бы опрометчивым. Неслучайно предложивший прозвища большинству русских правителей Т. С. Мальгин, характеризуя Ивана IV, не стал ничего выдумывать, а буквально повторил за А. И. Богдановым: «...по таким строгостям и вспыльчивости прозванъ Грознымъ»⁶⁹. В Словаре И. В. Нехачина объяснение прозвища «Иоанна IV Васильевича» несколько перефразировано: «Быль Государь нрава крутаго и запальчиваго; Грознымъ прозванъ по тому, что свирепымъ наказаниемъ казнилъ беспокойныхъ Новгородцевъ, и во гневе зашибъ сына своего Иоанна»⁷⁰.

Наконец, возражая утверждению Н.-Г. Леклерка о том, что русские князья были «тиранами своих подданных», И. Н. Болтин писал: «тирановъ своимъ подданнымъ ни одного, кроме Царя Иоанна Васильевича прозваннаго Грознымъ, летописи Российские не представляютъ»⁷¹. Считая Ивана IV тираном, Болтин тем не менее давал положительную оценку его деятельности. В первом томе своего труда он даже вступает в полемику с П.-Ш. Левеком и Н.-Г. Леклерком по поводу «прозывания»

⁶³ Курас Г. Универсальная история, содержащая все достопамятные в свете случаи от сотворения Мира по нынешнее время, со многим пополнением вновь переведенная и с приобщением краткой Российской истории вопросами и ответами в пользу учащегося юношества. СПб., 1762. С. 304.

⁶⁴ Keenan E. How Ivan Became "Terrible", p. 528.

⁶⁵ Szeftel M. The Epithet Groznyj..., p. 112.

⁶⁶ Halperin Ch. J. The Metamorphosis of Ivan IV..., p. 391.

⁶⁷ [Свирская В. П.] Примечания // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 6: Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии, 1747–1765 гг. М., Л., 1952. С. 589.

⁶⁸ Ломоносов М. В. Краткий Российский летописец с родословием // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 6: Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии, 1747–1765 гг. М., Л., 1952. С. 326.

⁶⁹ Мальгин Т. Зерцало российских государей с 1862 по 1789 год. СПб., 1789. С. 80.

⁷⁰ Нехачин И. В. Исторический словарь российских государей, князей, царей, императоров и императриц, в котором описаны их деяния, кончина, места погребения, имена их супруг и детей, с приложением двух родословных с княжескими российскими гербами. М., 1793. С. 208.

⁷¹ Болтин И. Н. Примечания на историю древняя и нынешняя России г. Леклерка, сочиненная генерал-майором Иваном Болтиным. Т. II. СПб., 1788. С. 17.

Ивана III и Ивана IV: «г. Левекъ, Великаго Князя Ивана Васильевича, по имени III го, именует Менаçant, а Царя Ивана Васильевича, по имени IV го, Terrible. Г. Леклеркъ первого также называетъ Менаçant, а второго Conquerant». Между тем, — продолжает Болтин, — «Иоанн III й, сынъ Василия IV го по прозванию Темнаго, проименованный Великимъ... Иоанн IV й, сынъ Василия V го по прозванию Храбраго а внукъ Иоанна Великаго, прозванный Грознымъ... Г. Левекъ Иоанна III го и Иоанна IV го соединилъ под едино прозвание, ибо Менаçant и Terrible означаютъ почти одно, и последнее ближе к тому смыслу въ какомъ мы разумеем слово *грозный*; а г. Леклеркъ приписалъ то деду что следовало отдать внуку»⁷². Примечательно, что сам Левек писал: «Иван IV, Васильевич, первый царь, прозванный русскими Грозным, а иностранцами Тираном»⁷³. Отсюда можно думать, что прозвище это он заимствовал из какого-то русского источника, возможно, как полагал Э. Кинан, из «Ломоносова/Богданова»⁷⁴, после чего «вновь ввел его в русский исторический диалог, где благодаря критике, подобной критике Болтина, или переводу, поскольку “История” Левека вышла в русском переводе в 1787 г., оно впервые стало популярным, хорошо зарекомендовавшим себя»⁷⁵.

Но еще большую роль в процессе закрепления за Иваном IV прозвища «Грозный» сыграл, очевидно, Н. М. Карамзин, открывший, согласно хрестоматийной фразе А. С. Пушкина, «русскому обществу его историю, как Колумб открыл Америку». Вместе с тем внес великий Историограф в этот процесс и некоторую сумятицу. Так, в своей «Истории государства Российского» он приписывал данное прозвище не только Ивану IV, но и Ивану III. О последнем он, в частности, писал: «Ему первому дали в России имя Грозного, но в похвальном смысле: грозного для врагов и строптивых ослушников. Впрочем, не будучи тираном подобно своему внуку, Иоанну Васильевичу Второму, он без сомнения имел природную жестокость во нраве, умеряемую в нем силою разума»⁷⁶. Н. М. Карамзин не был голословен. В примечании он ссылался на «Московскую хронику» П. Петрея (1615 г.)⁷⁷, цитировавшееся выше «Ядро российской истории» А. И. Манкиева, а также «Летописца Латухинского», то есть созданную в 1678 г. Латухинскую Степенную книгу⁷⁸. Все эти источники, однако, достаточно поздние и уже поэтому не внушают доверия. Во всяком случае, основанием

⁷² Там же. Т. I. СПб., 1788. С. 307–308.

⁷³ «Surnommé par les Russes le Terrible, et par les étrangers le Tyran» ([Levesque P.-Ch.] *Histoire de Russie, et des principales nations de l'empire russe*, t. 3. Paris, 1812, p. 1).

⁷⁴ В перечне основных источников, перечисленных Левеком в проспекте «Российской истории», в самом деле значится «Краткий летописец Ломоносова». Впрочем, Левек был знаком и с «Историей Российской» В. Н. Татищева и мог заимствовать прозвище Ивана IV из нее (Сомов В. А. Проспект «Российской истории» П.-Ш. Левека // Книга в России в эпоху Просвещения. Л., 1988. С. 186).

⁷⁵ Keenan E. How Ivan Became “Terrible”, p. 529.

⁷⁶ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. VI. М., 1999. С. 212.

⁷⁷ По подсчетам Ч. Гальперина, в немецком издании П. Петрей пять раз называл Ивана III «Grotzdyn» (то есть, «Грозный») и ни разу не применил этот эпитет к Ивану IV (Halperin Ch. J. The Metamorphosis of Ivan IV..., p. 387). Согласно выводу М. Шефтеля, «когда Петрей был в России... эпитет Грозный, по-видимому, не применялся к Ивану IV, или, по крайней мере, среди русских информаторов Петрея его не было» (Szeftel M. The Epithet Groznyj..., p. 102).

⁷⁸ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. VI. С. 315, прим. 588. Ср.: «Сей бо великий князь Иоаннъ, именуемый Тимофей, Грозный» (Латухинская Степенная книга. 1676 год. М., 2012. С. 386). Где автор Степенной книги нашел этот эпитет, неизвестно. Ч. Гальперин считал, что «вряд ли он был взят из его московских источников» (Halperin Ch. J. The Metamorphosis of Ivan IV..., p. 389). М. Шефтель полагал, что информация о том, что Иван III прозывался Грозным, могла быть почерпнута им у П. Петрея (Szeftel M. The Epithet Groznyj..., p. 102). Однако едва ли архим. Тихон Макарьевский был знаком с трудом шведского дипломата. Само упоминание

для ставшего с подачи Н. М. Карамзина расхожим утверждения, будто бы Грозным Ивана III называли уже современники⁷⁹ они служить не могут. Судя по всему, «Грозным» объединитель русских земель стал только в эпоху Смуты⁸⁰.

Что же касается Ивана IV, то, завершая свой обзор его царствования, Н. М. Карамзин заключал: «Добрая слава Иоаннова пережила его худую славу в народной памяти: стенания умолкли, жертвы истлели и старые предания затмились новейшими...; народ... отвергнул или забыл название Мучителя, данное ему современниками, и по темным слухам о жестокости Иоанновой доньне именует его только Грозным, не различая внука с дедом, так названным древнею Россиею более в хвалу, нежели в укоризну. История злопамятнее народа!»⁸¹. На самом деле Н. М. Карамзин ошибся. Народ все же отличает Ивана III от его внука, да и пытки, приписываемые последнему, вовсе не забылись. Неслучайно на воздвигнутом в Великом Новгороде в 1862 г. памятнике 1000-летию России, в отличие от Ивана III, изображенного на нем дважды (sic!), места Ивану IV не нашлось. По популярной версии — потому, что новгородцам был памятен кровавый опричный погром Новгорода в 1570 г.⁸². Потому-то и в историю он вошел именно с прозвищем «Грозный»⁸³, а не «Благочестивый», или «Справедливый», как его тщетно пытаются прозвать некоторые историки⁸⁴.

в последнем прозвища «Грозный», передаваемого как «Grotzdyn», говорит о том, что Петрей его не придумал, а сам где-то заимствовал.

⁷⁹ С. М. Соловьев, подражая Карамзину, в частности, писал: «Современники заметили, что Иоанн после брака на племяннице императора византийского явился грозным государем на московском великокняжеском столе; он первый получил название Грозного, потому что явился для князей и дружины монархом, требующим беспрекословного повиновения и строго карающим заслушание, возвысился до царственной недосягаемой высоты, перед которою боярин, князь, потомок Рюрика и Гедимина должны были благоговейно преклониться наравне с последним из подданных; по первому мановению Грозного Иоанна головы крамольных князей и бояр лежали на плахе» (*Соловьев С. М. Сочинения: в 18-ти книгах. Кн. 3: История России с древнейших времен, т. 5–6. М., 1989. С. 56–57*). Даже такой тонкий источниковед, как Н. П. Лихачев, рассуждая относительно прозвищ Ивана III, замечал: «прозвище Грозного, надо думать, было современным» (*Лихачев Н. П. Прозвища великого князя Ивана III-го. СПб., 1897. С. 3*). Ссылался он при этом, конечно же, на Карамзина.

⁸⁰ *Ищенко А. С. Был ли Иван III «Грозным»? // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2024. № 4. С. 60–63.*

⁸¹ *Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. IX. СПб., 1821. С. 471–472.*

⁸² *Филошкин А. И. Сотворение Грозного царя: зачем Н. М. Карамзину был нужен «тиран всея Руси»? // Тетради по консерватизму. 2016. № 4. С. 128–129.*

⁸³ Ч. Гальперин, признавая, что «написанный Карамзиным сентиментальный портрет Ивана IV доминировал в русской историографии и культуре XIX века», тем не менее, полагал, что «Иван IV стал Грозным не благодаря Карамзину, а благодаря Соловьеву». К такому выводу он пришел в силу того, что Карамзин «упоминал Ивана IV как Грозного только один раз». Соловьев же, называя Ивана IV в шестом томе своей «Истории» «Иоанном», перейдя к седьмому тому, стал писать о нем не только как об «Иване Грозном», но даже просто как о «Грозном». Это, по словам Гальперина, «знаменовало заключительный этап в эволюции эпитета», когда применявшееся до того эпизодически или непоследовательно, слово «Грозный» стало к 1860 г. «повсеместно использоваться для обозначения Ивана IV» (Halperin Ch. J. *The Metamorphosis of Ivan IV...*, p. 393, 396–397). И все же Гальперин, по-видимому, недооценил воздействие «Истории государства Российского» на ее читателей и всю последующую историографию. «Ну, Грозный! Ну, Карамзин! — восклицал К. Ф. Рылеев. — Не знаю, чему больше удивляться — тиранству ли Иоанна или дарованию нашего Тацита» (*Козлов В. П. «История государства Российского» Н. М. Карамзина в оценках современников. М., 1989. С. 99*).

⁸⁴ См., напр.: *Моисеева О. В. Иван IV Грозный или Иван IV Благочестивый? // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2023. № 2. С. 86.*

Для полноты картины остается заметить, что «народ» к происхождению прозвища «Грозный» отношения, конечно же, не имеет. Исторические песни, на которые в этой связи порой обращают внимание историки (И. И. Смирнов, Р. Г. Скрынников и др.), здесь совершенно ни при чем. Хотя многие из них и говорят об Иване, порой действительно называя его «грозным»⁸⁵, но слово это, как подметил исследователь Сборника Кирши Данилова А. А. Горелов, «отнюдь не является прозвищем конкретного государя Ивана Васильевича IV, как бы приросшим к царскому имени и “окаменевшим” в известной безотносительности к сюжетным положениям, коллизиям, в которых оказывается историко-песенный персонаж. Форма употребления эпитета “грозный” у Кирши Данилова указывает на то, что перед нами не дублетное, приименное общепризнанно-народное прозвание, но этикетный атрибут царского титула»⁸⁶. И далее А. А. Горелов поясняет: «Русская среда, окружающая в песнях о Грозном царя, пользуется у Кирши Данилова обращениями “Грозны царь Иван Васильевич”, “грозной царь Иван Васильевич”, сохранявшими ритмически-стиховой посыл. Лишь дважды в прозаизированном фрагменте текста “Ермак взял Сибирь” эпитет “грозный” оказывается в постпозиции (“царю грозному”) – в инверсированной формуле, также равняющейся на стихи. В отличие же от этикетного эпитета, прозвище, соединяясь с именем царя, должно было бы не только смещаться в постпозицию, а и обретать ощутимую семантическую акцентированность (звучать как “царь Иван Васильевич Грозный” либо – упрощенно, расхоже – в краткой, устно-разговорной форме “Иван Грозный”»⁸⁷.

Следует к тому же учитывать, что «фольклор об Иване был записан только через много десятилетий или даже столетий после его смерти... Самые ранние русские тексты фольклорных произведений об Иване встречаются в рукописях XVIII века»⁸⁸, то есть в то самое время, когда прозвище «Грозный» постепенно закрепляется за ним в книжной традиции. Едва ли при этом прав А. Л. Юрганов, утверждавший, что «именно из фольклора слово это, при посредничестве В. Н. Татищева, перекочевывает в науку, но уже с иным смыслом и как имя собственное русского царя»⁸⁹. Скорее, все было ровно наоборот: под влиянием книжной традиции эпитет «грозный» проникает в фольклорные тексты. Неслучайно, анализируя тексты песен Сборника Кирши Данилова об Иване Грозном, А. А. Горелов приходил к выводу о восхождении индивидуального стиля носителя этих песен к книжной культуре середины XVIII в. По существу, об этом же процессе заимствования писал и Э. Кинан, обращавший внимание на то, что превращение простого прилагательного «грозный» в клише «Грозный царь» и его «возрождение» в качестве самостоятельного названия «примерно совпадает с европейским влиянием на русскую историографию XVIII в.». В этой связи американский славист заключал: «по всей вероятности, мы имеем здесь дело с *gesunkenen Kulturgut*, тип которого так подробно и проницательно со ссылкой на другие тексты был описан Владимиром Николаевичем Перетцем»⁹⁰.

⁸⁵ Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М., Л., 1958. С. 86, 88–89, 220–221, 224–226, 343–346, 445–449; Исторические песни XIII–XVI вв. М.; Л., 1960. С. 91, 94–97, 131–133, 152–164, 171–172, 177–178, 180–182, 208, 211; Соколова В. К. Русские исторические песни XVI–XVIII вв. М., 1960. С. 21–81.

⁸⁶ Горелов А. А. Иван Грозный в Сборнике Кирши Данилова // Русский фольклор. Материалы и исследования. Т. 35. СПб., 2016. С. 19.

⁸⁷ Там же. С. 19–20. На то, что «Грозный» в фольклоре – это «прилагательное, не превращенное в имя собственное», «опять-таки эпитет, а не прозвище», обращали внимание и другие исследователи (Юрганов А. Л. Категории... С. 398; Солодкин Я. Г. Когда и почему стали называть Грозным... С. 172; Keenan E. How Ivan Became “Terrible”, p. 530–531).

⁸⁸ Perrie M. *The Image Ivan the Terrible in Russian Folklore*. Cambridge, 1987, p. 3.

⁸⁹ Юрганов А. Л. Категории... С. 399.

⁹⁰ Keenan E. How Ivan Became “Terrible”, p. 531.

Таким образом, прозвище «Грозный», с которым в историю вошел первый российский царь, имеет достаточно сложное происхождение. Само это слово, имевшее целый ряд значений, могло выступать и в качестве прозвища, и как титулярный эпитет. При этом непосредственно к Ивану IV оно начинает применяться уже после его смерти, не ранее первой половины XVII в. и то лишь эпизодически. С этого же времени данный термин претерпевает свою эволюцию — из положительного он постепенно превращается в отрицательный, что было связано со знакомством отечественных авторов с зарубежной литературой об Иване IV. Но окончательно из хвалебного в уничижительный эпитет «Грозный» превратился только во второй половине XVIII в. В это время в подражание европейской практике в моду входит массовое присвоение историческим героям прозвищ. Не раз называл царя Грозным уже В. Н. Татищев. Но решающую роль в закреплении за ним этого прозвища сыграли, по-видимому, историки поколения М. В. Ломоносова, а самую большую — Н. М. Карамзин. Благодаря художественному слову последнего прозвище «Грозный» окончательно закрепилось за Иваном IV, стало неотделимым от его имени или даже заменявшим его.

Источники и литература

Источники

1. *Бегунов Ю. К.* Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М., Л.: Наука, 1965.
2. *Временник Ивана Тимофеева.* М., Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1951.
3. *Древние российские стихотворения, собранные Киршеем Даниловым.* М., Л.: Наука, 1958.
4. *Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенные в хронографы русской редакции.* М., 1869.
5. *Ироическая песнь о походе на половцов удельного князя Новгорода-Северского Игоря Святославича, писанная старинным русским языком в исходе XII столетия с переложением на употребляемое нынче наречие.* М., 1800.
6. *Исторические песни XIII–XVI вв.* М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1960.
7. *Латухинская Степенная книга.* 1676 год. М.: Языки славянской культуры, 2012.
8. *Манкиев А. И.* Ядро Российской истории, сочиненное ближним стольником и бывшим в Швеции резидентом, князь Андреем Яковлевичем Хилковым, в пользу российского юношества, и для всех о российской истории краткое понятие иметь желающих в печать изданное, с предисловием о сочинителе сей книги, и о фамилии князей Хилковых. М., 1770.
9. *О России в царствование Алексея Михайловича.* Современное сочинение Григория Котошихина. СПб., 1884.
10. *Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени // Русская историческая библиотека.* Т. XIII. СПб., 1891.
11. *Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским.* Л.: Наука, 1979.
12. *ПСРЛ. Т. IV: Новгородские и псковские летописи.* СПб., 1848.
13. *ПСРЛ. Т. XIV: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью.* М.: Языки русской культуры, 2000.
14. *ПСРЛ. Т. XXXI: Летописцы последней четверти XVII в.* М.: Наука, 1968.
15. *ПСРЛ. Т. XXXIV: Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы.* М.: Наука, 1978.

16. Псковские летописи. Вып. 2. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955.
17. Сочинения И. Пересветова. М., Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1956.
18. Федора Грибоедова История о Царях и Великих князьях Земли Русской. СПб., 1896.

Литература

19. *Болтин И. Н.* Примечания на историю древняя и нынешняя России г. Леклерка, сочиненная генерал-майором Иваном Болгиным. Т. I–II. СПб., 1788.
20. *Буганов В. И.* Иван IV Васильевич Грозный // Советская историческая энциклопедия. Т. 5: Двинск – Индонезия. М., 1964. Стб. 730–732.
21. *Вернадский Г. В.* Московское царство. Тверь: Леан, М.: Аграф, 2001.
22. *Веселовский В. Б.* Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М.: Наука, 1974.
23. *Виппер Р.* Иван Грозный // Иван Грозный. Двойной портрет. М.: Ломоносовъ, 2020.
24. Временник Императорского Московского Общества истории древностей российских. М., 1851.
25. *Горелов А. А.* Иван Грозный в Сборнике Кириши Данилова // Русский фольклор. Материалы и исследования. Т. 35. СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. С. 6–24.
26. *Горский А. А.* О времени появления прозвищ у князей русского Средневековья // Средневековая Русь. Вып. 14. М.: Индрик, 2020. С. 7–26.
27. *Ищенко А. С.* Был ли Иван III «Грозным»? // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2024. № 4. С. 60–63.
28. *Ищенко А. С.* К вопросу о происхождении прозвищ древнерусских князей // Палеоросия. Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях. 2019. № 1 (11). С. 57–73.
29. *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. VI. М.: Наука, 1999.
30. *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. IX. СПб., 1821.
31. *Козлов В. П.* «История государства Российского» Н. М. Карамзина в оценках современников. М.: Наука, 1989.
32. *Курас Г.* Универсальная история, содержащая все достопамятные в свете случаи от сотворения Мира по нынешнее время, со многим пополнением вновь переведенная и с приобщением краткой Российской истории вопросами и ответами в пользу учащегося юношества. СПб., 1762.
33. *Лихачев Д. С.* «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л.: Художественная литература, 1978.
34. *Лихачев Н. П.* Прозвища великого князя Ивана III-го. СПб., 1897.
35. *Ломоносов М. В.* Краткий Российский летописец с родословием // *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. Т. 6: Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии, 1747–1765 гг. М., Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1952.
36. *Мадариага И. де.* Иван Грозный. Первый русский царь. М.: Омега, 2007.
37. *Мальгин Т.* Зерцало российских государей с 1862 по 1789 год. СПб., 1789.
38. *Моисеева О. В.* Иван IV Грозный или Иван IV Благодетельный? // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2023. № 2. С. 86–92.
39. *Нехачин И. В.* Исторический словарь российских государей, князей, царей, императоров и императриц, в котором описаны их деяния, кончина, места погребения, имена их супруг и детей, с приложением двух родословных с княжескими российскими гербами. М., 1793.
40. *Панченко А. М., Успенский Б. А.* Иван Грозный и Петр Великий: концепция первого монарха // Из истории русской культуры. Т. II, кн. 1: Киевская и Московская Русь. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 457–478.
41. *Полосин И. И.* Социально-политическая история России XVI — начала XVII в. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963.

42. [Свирская В. Р.] Примечания // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 6: Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии, 1747–1765 гг. М., Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1952.
43. Сиренов А. В. Русское историописание XV–XVII вв.: в поисках «своей истории» // Нарративы руси конца XV — середины XVIII в.: в поисках своей истории. М.: Политическая энциклопедия, 2018. С. 59–79.
44. Сиренов А. В. О прозвищах древнерусских князей // Петербургский исторический журнал. 2017. № 2. С. 184–193.
45. Сиренов А. В. Степенная книга: история текста. М.: Языки славянских культур, 2007.
46. Скрынников Р. Г. Иван Грозный // Скрынников Р. Г. Василий III. Иван Грозный. М.: АСТ, 2008.
47. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 4: Г–Д. М.: Наука, 1977.
48. [Смирнов И. И.] Иван IV Васильевич // Большая советская энциклопедия. Изд. 2-е. Т. 17. М., б. г. С. 266–269.
49. Соколова В. К. Русские исторические песни XVI–XVIII вв. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960.
50. Соловьев С. М. Сочинения: в 18-ти книгах. Кн. 3: История России с древнейших времен, т. 5–6. М.: Мысль, 1989.
51. Солодкин Я. Г. Когда и почему стали называть Грозным первого московского царя? // Вопросы истории. 2006. № 5. С. 172–175.
52. Сомов В. А. Проспект «Российской истории» П.-Ш. Левека // Книга в России в эпоху Просвещения. Л., 1988. С. 182–188.
53. Татищев В. Н. Собр. соч. Т. 1: История Российская, ч. 1. М.: Ладомир, 1994.
54. Татищев В. Н. Собр. соч. Т. 8: Работы разных лет. М.: Ладомир, 1996.
55. Филюшкин А. И. Остановить «тирана Васильевича»! Пропагандистская война Европы против России // Родина. 2012. № 5. С. 59–63.
56. Филюшкин А. И. Сотворение Грозного царя: зачем Н. М. Карамзину был нужен «тиран вся Русии»? // Тетради по консерватизму. 2016. № 4. С. 123–130.
57. Хорошкевич А. Л. О Висковатом, его времени и безвременьи // *Russia Mediaevalis*. 2001. Вып. 10. С. 273–302.
58. Юрганов А. Л. Категории русской средневековой культуры. М.: Мирос, 1998.
59. Halperin Ch. J. The Metamorphosis of Ivan IV into Ivan the Terrible. *Miscellanea slavica*. Сб. статей к 70-летию Бориса Андреевича Успенского. М.: Индрик, 2008. С. 379–397.
60. Keenan E. How Ivan Became “Terrible”. *Harvard Ukrainian Studies*, 2006, vol. 28, no. 1/4, p. 521–542.
61. [Levesque P.-Ch.] *Histoire de Russie, et des principales nations de l’empire russe*, t. 3. Paris, 1812.
62. Perrie M. *The Image Ivan the Terrible in Russian Folklore*. Cambridge University Press, 1987.
63. Szeftel M. The Epithet Groznyj in Historical Perspective. *Russia and Orthodoxy. Essays in Honor of Georges Florovsky*, vol. II: The Religions World of Russia Culture, ed. by A. Blane. The Hague, Paris, 1968, p. 101–116.

Sources and References

Sources

1. Begunov Yu. K. *Pamyatnik russkoj literatury 13 veka* "Slovo o pogibeli Russkoj zemli" [A Monument of Russian literature of the 13th Century "The Tale of the Destruction of the Russian Land"]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1965. (In Russian)
2. *Drevnie rossijskie stihotvoreniya, sobrannyye Kirsheyu Danilovym* [Ancient Russian Poems, collected by Kirshey Danilov]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1958. (In Old-Russian)
3. *Fedora Griboedova Istoriya o Caryah i Velikih knyaz'yah Zemli Russkoj* [Fyodor Griboedov the History of the Tsars and Grand Dukes of the Russian Land]. St. Petersburg, 1896. (In Old-Russian)
4. *Iroicheskaya pesn' o pohode na polovcov udel'nago knyazya Novagoroda-Severskago Igorya Svyatoslavicha, pisannaya starinnym russkim yazykom v iskhode 12 stoletiya s perelozheniem na upotreblyaemoe nynche narechie* [An Heroic Song about the Campaign of Prince Igor Svyatoslavich of Novgorod-Seversky against the Polovtsians, Written in the Old Russian Language at the End of the 12th Century and Translated into the Current Dialect]. Moscow, 1800. (In Russian)
5. *Istoricheskie pesni 13–16 vv.* [Historical Songs of the 13th-16th Centuries]. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Press, 1960. (In Old-Russian)
6. *Izbornik slavyanskij i russkij sochinenij i statej, vnesennyye v hronografy russkoj redakcii* [A Collection of Slavic and Russian Works and Articles, Included in the Chronographs of the Russian Edition]. Moscow, 1869. (In Old-Russian)
7. *Latuhinskaya Stepennaya kniga. 1676 god* [Latuhinskaya Degree Book. 1676]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2012. (In Old-Russian)
8. Mankiev A. I. *Yadro Rossijskoj istorii, sochinennoe blizhnim stol'nikom i byvshim v Shvecii rezidentom, knyaz' Andreem Yakovlevichem Hilkovym, v pol'zu rossijskago yunoshestva, i dlya vsekh o rossijskoj istorii kratkoe ponyatie imet' zhelayushchih v pechat' izdannoe, s predisloviem o sochinitele sej knigi, i o familii knyazej Hilkovyh* [The Core of Russian History, Written by Prince Andrey Yakovlevich Khilkov, a Former Resident in Sweden, for the Benefit of Russian Youth, and for all those who Wish to Have a Brief Understanding of Russian History, Published with a Preface about the Author of this Book and the Khilkov Family]. Moscow, 1770. (In Russian)
9. *Rossii v carstvovanie Alekseya Mihajlovicha. Sovremennoe sochinenie Grigoriya Kotoshihina* [About Russia during the Reign of Alexei Mikhailovich. Modern Essay by Grigory Kotoshikhin]. St. Petersburg, 1884. (In Old-Russian)
10. *Pamyatniki drevnej russkoj pis'mennosti, odnosyashchiesya k Smutnomu vremeni* [Monuments of Ancient Russian Literature Dating back to the Time of Troubles]. Russkaya istoricheskaya biblioteka, vol. 13. St. Petersburg, 1891. (In Old-Russian)
11. *Perepiska Ivana Groznogo s Andreem Kurbskim* [Correspondence of Ivan the Terrible with Andrei Kurbsky]. Leningrad, Nauka Publ., 1979. (In Old-Russian)
12. *Polnoe sobranie russkij letopisej* [Complete Collection of Russian Chronicles], vol. IV: Novgorod and Pskov Chronicles. St. Petersburg, 1848. (In Old-Russian)
13. *Polnoe sobranie russkij letopisej* [Complete Collection of Russian Chronicles], vol. XIV: Nikon Chronicle. Moscow, Yazyki russkoj kul'tury Publ., 2000. (In Old-Russian)
14. *Polnoe sobranie russkij letopisej* [Complete Collection of Russian Chronicles], vol. XXXI: Chronicles of the last quarter of the 17th century. Moscow, Nauka Publ., 1978. (In Old-Russian)
15. *Polnoe sobranie russkij letopisej* [Complete Collection of Russian Chronicles], vol. XXXIV: Postnikovsky, Piskarevsky, Moskovsky and Belsky chroniclers. Moscow, Nauka Publ., 1978. (In Old-Russian)
16. *Pskovskie letopisi.* [Pskov Chronicles], vol. 2. Moscow, USSR Academy of Sciences Press, 1955. (In Old-Russian)

17. *Sochineniya I. Peresvetova [Works by I. Peresvetov]*. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Press, 1956. (In Old-Russian)

18. *Vremennik Ivana Timofeeva [Ivan Timofeev's Timepiece]*. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Press, 1951. (In Old-Russian)

References

19. [Levesque P.-Ch.] *Histoire de Russie, et des principales nations de l'empire russe [History of Russia, and of the Principal Nations of the Russian Empire]*, vol. 3. Paris, 1812. (In French)

20. [Smirnov I. I.] *Ivan IV Vasil'evich. Bol'shaya sovetskaya enciklopediya*, 2nd ed., vol. 17. Moscow, no year, p. 266–269. (In Russian)

21. [Svirskaya V. R.] *Primechaniya [Notes]. Lomonosov M. V. Polnoe sobranie sochinenij [Complete Works]*, vol. 6: Trudy po russkoj istorii, obshchestvenno-ekonomicheskim voprosam i geografii, 1747–1765 gg. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Press, 1952. (In Russian)

22. Boltin I. N. *Primechaniya na istoriyu drevniya i nyneshniya Rossii g. Leklerka, sochinennyya general-majorom Ivanom Boltinym [Notes on the History of Ancient and Present Russia by Mr. Leclerc, Composed by Major General Ivan Boltin]*, vol. I–II. St. Petersburg, 1788.

23. Bуганов В. И. Иван IV Васильевич the Terrible. *Sovetskaya istoricheskaya enciklopediya*, vol. 5: Dvinsk – Indoneziya. Moscow, 1964, p. 730–732. (In Russian)

24. Filyushkin A. I. Ostanovit' "tirana Vasil'evicha"! Propagandistskaya vojna Evropy protiv Rossii [Stop "Tyrant Vasilyevich"! Europe's Propaganda War Against Russia]. *Rodina*, 2012, no. 5, p. 59–63. (In Russian)

25. Filyushkin A. I. Sotvorenie Groznogo carya: zachem N. M. Karamzinu byl nuzhen "tiran vseya Rusi"? [The Creation of the Terrible Tsar: Why Did N. M. Karamzin Need a "Tyrant of All Rus"?]. *Tetradi po konservatizmu*, 2016, no. 4, p. 128–129. (In Russian)

26. Gorelov A. A. Ivan Groznyj v Sbornike Kirshi Danilova [Ivan the Terrible in Kirsha Danilov's Collection]. *Russkij fol'klor. Materialy i issledovaniya*, vol. 35. St. Petersburg, Dmitrij Bulanin Publ., 2016, p. 6–24. (In Russian)

27. Gorskij A. A. O vremeni poyavleniya prozvizhch u knyazej russkogo Srednevekov'ya [About the Time of Appearance of Nicknames among Princes of the Russian Middle Ages]. *Srednevekovaya Rus'*, vol. 14. Moscow, Indrik Publ., 2020, p. 7–26. (In Russian)

28. Halperin Ch. J. The Metamorphosis of Ivan IV into Ivan the Terrible. *Miscellanea slavica. Sbornik statej k 70-letiyu Borisa Andreevicha Uspenskogo*. Moscow, Indrik Publ., 2008, p. 379–397. (In English)

29. Horoshkevich A. L. O Viskovatom, ego vremeni i bezvremen'i [About Viskovaty, his Time and Timelessness]. *Russia Mediaevalis*, 2001, no. 10, p. 273–302. (In Russian)

30. Ishchenko A. S. Byl li Ivan III "Groznyj"? [Was Ivan III "The Terrible"?]. *Gumanitarnye i social'no-ekonomicheskie nauki*, 2024, no. 4, p. 60–63. (In Russian)

31. Ishchenko A. S. K voprosu o proiskhozhdenii prozvizhch drevnerusskikh knyazej [On the issue of the Origin of Kievian Rus Prince's Nicknames]. *Paleorosiya. Drevnyaya Rus' vo vremeni, v lichnostyah, v ideyah = Paleorosiya. Ancient Rus: in Time, in Personalities, in Ideas*, 2019, no. 1 (11), p. 57–73. (In Russian)

32. Karamzin N. M. *Istoriya gosudarstva Rossijskogo [History of the Russian State]*, vol. VI. Moscow, Nauka Publ., 1999. (In Russian)

33. Karamzin N. M. *Istoriya gosudarstva Rossijskogo. [History of the Russian State]*, vol. IX. St. Petersburg, 1821. (In Old-Russian)

34. Keenan E. How Ivan Became "Terrible". *Harvard Ukrainian Studies*, 2006, vol. 28, no. 1/4, p. 521–542. (In English)

35. Kozlov V. P. "Istoriya gosudarstva Rossijskogo" N. M. Karamzina v ocenkah sovremennikov ["History of the Russian State" by N. M. Karamzin in the Assessments of Contemporaries]. Moscow, Nauka Publ., 1989. (In Russian)

36. Kuras G. *Universal'naya istoriya, sodержashchaya vse dostopamyatnye v svete sluchai ot sotvoreniya Mira po nyneshnee vremya, so mnogim popolnieniem vnov' perevedennaya i s priobshcheniem kratkoj Rossijskoj istorii voprosami i otvetami v pol'zu uchashchegosya yunoshestva* [Universal History, Containing all Memorable Events in the World from the Creation of the World to the Present Time, with Many Additions Newly Translated and with the Addition of a Brief Russian History with Questions and Answers for the Benefit of the Student Youth]. St. Petersburg, 1762. (In Russian)
37. Lihachev D. S. "Slovo o polku Igoreve" i kul'tura ego vremeni ["The Tale of Igor's Campaign" and the Culture of its Time]. Leningrad, Khudozhestvennaya literature Publ., 1978. (In Russian)
38. Lihachev N. P. *Prozvizhcha velikogo knyazya Ivana III-go* [Nicknames of the Grand Duke Ivan III]. St. Petersburg, 1897. (In Russian)
39. Lomonosov M. V. *Kratkij Rossijskij letopisec s rodosloviem* [A Brief Russian Chronicle with Genealogy]. *Lomonosov M. V. Polnoe sobranie sochinenij* [Complete Works], vol. 6: Trudy po russkoj istorii, obshchestvenno-ekonomicheskim voprosam i geografii, 1747–1765 gg. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Press, 1952. (In Russian)
40. Madariaga I. de. *Ivan Groznyj. Pervyj russkij car'* [Ivan the Terrible. The First Russian Tsar]. Moscow, Omega Publ., 2007. (In Russian)
41. Mal'gin T. *Zercalo rossijskikh gosudarej s 1862 po 1789 god* [Mirror of Russian Sovereigns from 1862 to 1789]. St. Petersburg, 1789. (In Russian)
42. Moiseeva O. V. Ivan IV Groznyj ili Ivan IV Blagochestivyj? [Ivan IV the Terrible or Ivan IV the Pious?]. *Gumanitarnye i social'no-ekonomicheskie nauki*, 2023, no. 2, p. 86–92. (In Russian)
43. Nekhachin I. V. *Istoricheskij slovar' rossijskikh gosudarej, knyazej, carej, imperatorov i imperatric, v kotorom opisany ih deyaniya, konchina, mesta pogrebeniya, imena ih suprug i detej, s prilozheniem dvuh rodoslovnih s knyazheskimi rossijskimi gerbami* [Historical Dictionary of Russian Sovereigns, Princes, Tsars, Emperors and Empresses, which Describes their Deeds, Death, Burial Places, Names of their Spouses and Children, with the Appendix of Two Genealogies with Princely Russian Coats of Arms]. Moscow, 1793. (In Russian)
44. Panchenko A. M., Uspenskij B. A. Ivan Groznyj i Petr Velikij: koncepcija pervogo monarha [Ivan the Terrible and Peter the Great: the Concept of the First Monarch]. *Iz istorii russkoj kul'tury*, vol. II, book 1: Kievskaya i Moskovskaya Rus'. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2002, p. 457–478. (In Russian)
45. Perrie M. *The Image Ivan the Terrible in Russian Folklore*. Cambridge University Press, 1987. (In English)
46. Polosin I. I. *Social'no-politicheskaya istoriya Rossii 16 — nachala 17 v.* [Social and Political History of Russia in the 16th — early 17th Centuries]. Moscow, USSR Academy of Sciences Press, 1963. (In Russian)
47. Sirenov A. V. O prozvizhchah drevnerusskikh knyazej [About the Nicknames of Ancient Russian Princes]. *Peterburgskij istoricheskij zhurnal*, 2017, no. 2, p. 184–193. (In Russian)
48. Sirenov A. V. Russkoe istoriopisanie 15–17 vv.: v poiskah "svoej istorii" [Russian Historiography of the 15th–17th Centuries: In Search of "Our Own History"]. *Narrativy rusi konca 15 — serediny 18 v.: v poiskah svoej istorii*. Moscow, Politicheskaya enciklopediya Publ., 2018, p. 59–79. (In Russian)
49. Sirenov A. V. *Stepennaya kniga: istoriya teksta* [The Book of Degrees: The History of the Text]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2007. (In Russian)
50. Skrynnikov R. G. *Ivan the Terrible. Skrynnikov R. G. Vasilij III. Ivan Groznyj*. Moscow, AST Publ., 2008. (In Russian)
51. *Slovar' russkogo yazyka 11–17 vv.* [Dictionary of the Russian language 11–17 centuries], vol. 4: G — D. Moscow, Nauka Publ., 1977. (In Russian)
52. Sokolova V. K. *Russkie istoricheskie pesni 16–18 vv.* [Russian Historical Songs of the 16th–18th Centuries]. Moscow, USSR Academy of Sciences Press, 1960. (In Russian)

53. Solodkin Ya. G. *Kogda i pochemu stali nazyvat' Grozным pervogo moskovskogo carya?* [When and Why Did they Start Calling the first Moscow Tsar Ivan the Terrible?]. *Voprosy istorii*, 2006, no. 5, p. 172–175. (In Russian)
54. Solov'ev S. M. *Sochinenija* [Works], in 18 books, book 3: *Istorija Rossii s drevnejshih vremen* [History of Russia since Ancient Times], vol. 5–6. Moscow, Mysl' Publ., 1989. (In Russian)
55. Somov V. A. Prospekt "Rossijskoj istorii" P.-Sh. Leveka [Prospectus of "Russian History" by P.-Ch. Leveque]. *Kniga v Rossii v epohu Prosveshcheniya. Sbornik nauchnyh trudov*. Leningrad, 1988, p. 182–188. (In Russian)
56. Szeftel M. The Epithet Groznyj in Historical Perspective. *Russia and Orthodoxy. Essays in Honor of Georges Florovsky*, vol. II: The Religions World of Russia Culture, ed. by A. Blane. The Hague, Paris, 1968, p. 101–116. (In English)
57. Tatishchev V. N. *Sobranie sochinenij* [Collected Works], vol. 1: Russian History, part 1. Moscow, Lodomir Publ., 1994. (In Russian)
58. Tatishchev V. N. *Sobranie sochinenij* [Collected Works], vol. 8: Works from Different Years. Moscow, Lodomir Publ., 1996. (In Russian)
59. Vernadskij G. V. *Moskovskoe carstvo* [Muscovite Kingdom]. Tver, Lean Publ., Moscow, Agraf Publ., 2001. (In Russian)
60. Veselovskij V. B. *Onomastikon. Drevnerusskie imena, prozvischa i familii* [Onomasticon. Old Russian Names, Nicknames and Surnames]. Moscow, Nauka Publ., 1974. (In Russian)
61. Vipper R. Ivan Groznyj [Ivan the Terrible]. *Ivan Groznyj. Dvojnoj portret*. Moscow, Lomonosov Publ., 2020. (In Russian)
62. *Vremennik Imperatorskogo Moskovskogo Obshchestva istorii drevnostej rossijskih* [Bulletin of the Imperial Moscow Society for the History of Russian Antiquities]. Moscow, 1851. (In Russian)
63. Yurganov A. L. *Kategorii russkoj srednevekovoj kul'tury* [Categories of Russian Medieval Culture]. Moscow, Miros Publ., 1998. (In Russian)

А. А. Казаков

**Волоколамский инок Арсений Невежа: факты биографии
в контексте событий первой трети XVI в.**

УДК 94(47):271.2-788(092)+930.23
DOI 10.47132/2618-9674_2025_3_134
EDN HTFTVI

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению свидетельств о волоколамском постриженнике Арсении Невеже из рода Квашниных. Автор привлекает широкий круг источников, среди которых агиографические сочинения, летописи, акты, вкладные книги, родословные росписи. Впервые вводится в научный оборот Обиходник Волоколамского монастыря начала 1530-х гг. Выявленные факты используются для реконструкции вех биографии волоколамского инока. Свидетельства источников позволяют сделать вывод о его связях с великим князем Василием III и, возможно, с двором его младшего брата, удельного князя Дмитрия Углицкого. Определяется предполагаемая дата иноческого пострига Арсения и время его кончины. Вехи мирской биографии оказали влияние на его жизнь в Волоколамском монастыре, благодаря чему повествования о нем сохранились в составе жизнеописаний прп. Иосифа Волоцкого.

Ключевые слова: Иосифо-Волоколамский монастырь, род Квашниных, Василий III, удельный князь Дмитрий Углицкий, прп. Иосиф Волоцкий, агиография, поминальные практики.

Об авторе: **Александр Александрович Казаков**

Кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра истории религии и Церкви Института российской истории РАН.
E-mail: ksandr.kazakov@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8506-3737>

Для цитирования: Казаков А. А. Волоколамский инок Арсений Невежа: факты биографии в контексте событий первой трети XVI в. // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2025. № 3 (31). С. 134–149.

Статья поступила в редакцию 07.03.2025; одобрена после рецензирования 07.05.2025; принята к публикации 21.07.2025.

Alexander Kazakov

**Volokolamsk Monk Arsenius Nevezha: His Biography
in Historical Context of the First Third of 16th Century**

UDK 94(47):271.2-788(092)+930.23
DOI 10.47132/2618-9674_2025_3_134
EDN HTFTVI

Abstract: The article is devoted to study of evidence about the Volokolamsk monk Arseny Nevezha from the Kvashnins' kin. The author uses a wide range of sources, such as hagiographic writings, chronicles, acts, donation books, genealogical sources. The list of Every Day Rules of the Volokolamsk Monastery of the early 1530s is became available for studying for the first time. The revealed facts are used to reconstruct the biography of the Volokolamsk monk. The sources allow us to conclude that he had connections with Grand Prince Vasily III and, possibly, with the court of his younger brother, the appanage prince Dmitry of Uglitch. The supposed date of Arseny's monastic tonsure and the time of his death are determined. The milestones of his secular biography influenced on his life in the Volokolamsk Monastery, so the tales about him have been preserved as part of the biographies of venerable Joseph of Volokolamsk.

Keywords: Joseph Volokolamsk Monastery, Kvashnins' Kin, Vasily III, Appanage Prince Dmitry of Uglitch, Joseph of Volokolamsk, Hagiography, Commemorative Practices.

About the author: **Alexander Kazakov**

Candidate of Historical Sciences, Research Fellow, Center for the History of Religion and Church, Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences.

E-mail: ksandr.kazakov@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8506-3737>

For citation: Kazakov A. Volokolamsk Monk Arsenius Nevezha: His Biography in Historical Context of the First Third of 16th Century. *Paleorosia. Ancient Rus in time, in personalities, in ideas*, 2025, No. 3 (31), p. 134–149.

The article was submitted 07.03.2025; approved after reviewing 07.05.2025; accepted for publication 21.07.2025.

Разыскания о судьбах насельников русских монастырей первой половины XVI в. ставят перед исследователем непростую задачу, связанную с неполнотой доступных сведений. Очевидно, от большинства иноков, даже подвизавшихся в крупнейших обителях, сохранилось в лучшем случае имя, записанное в монастырский синодик, немногие оставили о себе след в актовом материале, некоторые известны благодаря своей работе в монастырских скрипториях и совсем малая часть — по причине продвижения в церковной иерархии, которое могло отразиться в летописании. Набор источников весьма скуден, но иногда из этого правила бывают счастливые исключения. Об одном из них и пойдет речь ниже.

Инок Арсений Невежа, в миру Андрей Данилович Жохов из рода Квашниных¹, не принадлежал к сколько-нибудь заметным представителям братии Иосифо-Волоколамского монастыря. Его нельзя назвать выдающимся книжником, ибо из связанных с его именем манускриптов в описи монастырской библиотеки 1545 г. значится единственный список святцев². Арсений не оставил заметного следа и в управлении монастырем и, по всей вероятности, не был «преимушчим» или соборным старцем. Тем не менее, несмотря на свою «заурядность», Невежа, не будучи непосредственным постриженником и учеником первоигумена, тем не менее, оставил о себе известия в агиографических текстах, посвященных прп. Иосифу Санину.

Об иноке Арсении упоминает Досифей Топорков в Надгробном слове прп. Иосифу (1530-е гг.)³, а составитель минейного Жития (середина 1540-х гг.), епископ Крутицкий Савва Черный, многие годы подвизавшийся на Волоке, включает в состав своего труда пространную повесть «О Андрее Квашнине, пореклу Невежа»⁴. Рассказы о «боярине», принявшем иноческий постриг, носят сугубо назидательный характер, различаясь у Досифея и Саввы лишь количеством подробностей. Очевидно, Савва Черный, труд которого появился спустя десятилетие после создания Надгробного слова, использовал материалы своего предшественника⁵, дополнив их фактами, очевидцем которых он был.

Свидетельства агиографов сводятся к следующему. Некогда в Иосифовом монастыре постригся Андрей Невежа Квашнин, «иже бе от славных мира», как характеризует его Досифей, или «боярин», как его называет Савва. Причиной пострига была тяжелая болезнь, которая в монастыре отступила. Почувствовав облегчение, новоявленный монах решил вернуться к привычному мирскому обиходу: «и нача ризами украшати ся и во всем лишнее хотя, а не яко вся братия живут». Увещевания

¹ В литературе можно встретить сомнение в существовании «источника, где бы фигурировало» родовое прозвище Арсения «Жохов» (*Дайкстра Т.* Иноческие имена на Руси и проблемы идентификации их обладателей (на материале источников Иосифо-Волоколамского монастыря, 1479–1607) // *Именослов. Историческая семантика имени.* Вып. 2. М., 2007. С. 252). Но в одном из волоколамских синодиков имена Арсения и его рода, отца инока Иакинфа, матери инокини Натальи и жены инокини Улиты, записаны с пометой «Жох» (РГАДА. Ф. 1192. Оп. 2. № 561. Л. 14), под которым следует разуметь прозвище «Жохов».

² Опись книг Иосифо-Волоколамского монастыря 1545 г. // *Книжные центры Древней Руси. Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности.* Л., 1991. С. 35.

³ Надгробное слово преподобному Иосифу Волоколамскому ученика и сродника его Досифея Топоркова // *ЧОЛДП.* 1865. Кн. 2. Приложения. С. 178–179.

⁴ *Житие преподобного Иосифа Волоколамского, составленное Саввою, епископом Крутицким* // *ЧОЛДП.* 1865. Кн. 2. Приложения. С. 68–72.

⁵ По замечанию А. И. Плигузова, «Савва Черный в предисловии к житию, “забывая” о своем предшественнике, чью работу он знал и цитировал, называет минейную биографию первым жизнеописанием Иосифа» (*Плигузов А. И.* Вторая редакция минейного жития Иосифа Волоцкого // *Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода.* М., 1984. С. 29).

настоятеля и «преимущей» братии имели лишь временный успех: покаявшись в нарушении устава, Невежа вскоре взялся за старое, а потом и вовсе «нача проситися в обитель святого чудотворца Кирила». В конце концов Арсений отправился на Белозеро, но сначала посетил в Москве великого князя. Василий III «явися ему... яко чадолюбивый отец, и кротким гласом и любовным словом вопросы о здравии и зва ясти». Если Савва Черный не преувеличивает, статус Андрея Даниловича Квашнина в миру был достаточно высок, поскольку он пользовался великокняжеским расположением. Но попытка «державного» призвать инока Арсения к послушанию волоцкому настоятелю была тщетной, и через какое-то время Невежа прибыл в Кирилло-Белозерский монастырь. Там с ним случился удар, «разслабление тела и языку онемение». «Сродичь» Арсения Квашнина, известный кирилловский старец Гурий Тушин поспешил тому, чтобы болящего отправили обратно на Волок, где тот исцелился у гроба прп. Иосифа Волоцкого и с тех пор пребывал в послушании у игумена и старцев⁶. Мораль этой истории емко, но кратко передал Досифей Топорков: по его словам, «от сего яве есть», что старец Иосиф «и по смерти паче живет и чудодействует».

Как видим, агиографы начинают изложение с момента пострига Андрея Даниловича в Иосифо-Волоколамском монастыре, но очевидно, связи между Квашниным и обителью имели предысторию. Свидетельство тому — данная грамота, по которой Невежа пожаловал игумену Иосифу с братией сельцо Темниково и деревню Лучниково в Рузском уезде; монахи, в свою очередь, обязались поминать родителей вкладчика, а по его кончине — и его самого, и совершать по ним два заупокойных корма в год⁷. С. Б. Веселовский датировал составление грамоты весьма широко, концом XV — началом XVI в., заметив, что переданные в Иосифов монастырь земли являются единственным свидетельством о вотчине Андрея Даниловича — он принадлежал к роду, «из которого выходили малоземельные и безземельные родовитые люди, готовые встать в зависимость от великого князя, удельных князей и иерархов церкви, чтобы получить средства к существованию»⁸.

⁶ Я. С. Лурье высказал предположение, что из-под пера возвратившегося на Волок Арсения Невежи вышло переписанное в одном из сборников Евфимия Туркова послание, которое могло быть обращено к старцу Гурию Тушину. С одной стороны, из обезличенного текста, не сохранившего имен автора и получателя, следует, что первый был отправлен в «киновию Иосифову» волею своего корреспондента, что, на первый взгляд, соответствует ситуации, которую описал Савва Черный. С другой стороны, составитель обращается к адресату не иначе как «пресвятый владыко», указывает, что «тръпети удаления от великого пастыря не возмогах», и надеется «близ быти велиаго пастыря и того честное лице зрети». Все это, по мнению того же Я. С. Лурье, «говорит как будто о том, что адресат послания был епископом, а Тушин епископом не был», поэтому предложенная атрибуция выглядит не слишком обоснованно. Кроме того, автор, по всей вероятности, находился под каноническими прещениями: «Господа Бога ради, пречистый владыко, о Христове утробе умилосердися на мя грешнаго и недостойнаго, и приими мое окаанство на исповедание, и подай разрешение прогрешением моим, и сподоби причащения святых безсмертных Таинств Христовых» (*Лурье Я. С. Заметки к истории публицистической литературы конца XV — первой половины XVI в. // ТОДРЛ. 1960. Т. XVI. С. 463–465*). Последний факт и вовсе выходит за пределы тех известий, которые сообщает о Арсении агиограф. Развивая наблюдения Я. С. Лурье, следует обратить внимание на обширное «Послание некоего старца» — анонимный текст из волоколамского сборника содержит увещания иноку, самовольно оставившему место своего пострижения (РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. № 1054. Л. 556–567 об.). «Ты же ошельничества ради испаде из своего монастыря», — пишет неизвестный старец (Там же. Л. 559 об.), но, очевидно, эти слова едва ли могли быть обращены к Арсению Невеже.

⁷ АФЗХ. Ч. 2. М., 1956. С. 43. № 42.

⁸ *Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 282–283.*

А. А. Зимин в комментарии к грамоте Андрея Квашнина отнес его вклад к 1508–1515 гг.⁹ Верхняя граница периода не вызывает вопросов, будучи основана на упоминании в тексте прп. Иосифа, который преставился 9 сентября 1515 г., однако нижняя граница, будучи результатом многоступенчатой реконструкции, сомнительна. Исследователь считает разумеющимся, что вклад был сделан при пострижении Андрея Даниловича, которое могло состояться не ранее 1508 г., поскольку в минейном Житии рассказ об Арсении Неveje помещен вслед за повествованием о князе-иноке Арсении (в миру Андрее Андреевиче) Голенине, а Савва Черный упоминает, что Квашнин принял постриг «в малѣ времени послѣ сего князя». Последнее известие о служилой деятельности князя А. А. Голенина относится к 1508 г. — очевидно, вскоре после того он принял постриг.

Против этих доводов можно привести следующие аргументы. Во-первых, сомнительно, что Неveje Квашнин пожаловал в монастырь сельцо с деревней при постриге или уже по его принятии: в тексте грамоты он назван своим мирским христианским именем и отчеством, Андрей Данилович. А вот Андрей Голенин, который, как сообщает Савва Черный, передал свои вотчины Волоколамскому монастырю при постриге или сразу вслед за ним, в тексте данной грамоты упомянут как «князь Ондрей Одревич Голенин, в иноцех Арсеней»¹⁰.

Во-вторых, в древнейшей Вкладной книге в статье о пожалованиях Неveje он также фигурирует под мирским именем, на что обратила внимание Н. А. Казакова, которая, правда, вслед за А. А. Зиминим почему-то отнесла вклад Андрея Даниловича к 1508 г.¹¹ Кроме того, статье о вкладе Андрея Неveje предшествует запись о пожаловании монастырю Григорием Собакиным двухсот рублей, на которые были куплены деревни у Михаила Коровы Кутузова¹². Последний скончался не позднее середины 1504 г., поскольку в разъезжей грамоте, составленной в это время и определявшей границы удела князя Юрия Ивановича Дмитровского, упомянута деревня «Михайловых детѣи Кутузова»¹³ — последний факт, как рассудил сам А. А. Зимин, говорит о том, что Михаила Коровы к тому времени уже не было в живых¹⁴. Вслед за записью о вкладе Неveje Квашнина помещена запись о том, что князь Петр Никитич Оболенский дал на помин своей души три деревни в Рузе, позже к этому сообщению сделана приписка, согласно которой эти деревни старцы променяли у князя Юрия Дмитровского «на деревни же в Шепковской волости»¹⁵. Копия грамоты на эту сделку сохранилась, она содержит дату — 15 ноября 1507 г.¹⁶ Следовательно, записи о вкладах в монастырь вносились в хронологической последовательности, с позднейшими дополнениями, которые проясняли судьбу вкладов. Соответственно, данная грамота Андрея Даниловича Квашнина составлена не позднее 1507 г., а нижняя граница ее появления вполне может быть отнесена к концу XV в., как на то указывал С. Б. Веселовский. А. А. Зимин, усмотрев, вероятно, хронологические нестыковки в комментариях к изданию волоколамских грамот, впоследствии отнес постриг Андрея Неveje ко времени «после 1506 г.» — но и в этом случае исследователь продолжал придерживаться

⁹ См. примеч. 7.

¹⁰ АФЗХ. Ч. 2. С. 42. № 41.

¹¹ Казакова Н. А. Синодик Волоколамского монастыря // Казакова Н. А. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М., Л., 1960. С. 347.

¹² Синодик Иосифо-Волоколамского монастыря (1479–1510-е годы). СПб., 2004. С. 161–162.

¹³ ДДГ XIV–XVI вв. М., Л., 1950. С. 401. № 96.

¹⁴ См. комментарий к данной грамоте Михаила Глебовича Коровы Кутузова в: АФЗХ. Ч. 2. С. 15. № 9.

¹⁵ Синодик Иосифо-Волоколамского монастыря... С. 162.

¹⁶ АФЗХ. Ч. 2. С. 39–40. № 37.

мнения, что данная была если не приурочена, то так или иначе связана с постригом А. Д. Квашнина¹⁷.

Наконец, в-третьих. В последней четверти XVI в. минейное Житие прп. Иосифа Волоцкого было переработано, в результате чего появилась так называемая третья редакция этого памятника¹⁸. Рассказ о Невеже, сохранившийся среди чудес в ее составе, неожиданно пополнился важной подробностью: «По преставлении преподобнаго отца нашего игумена Иосифа, при игумене Данииле, пострижеса некто в немощи от боярска рода, Андрей именем, зовомый Квашнин, и наречен бысть Арсений»¹⁹. Следовательно, начало иноческой жизни Андрея Даниловича нужно отнести ко времени не ранее 9 сентября 1515 г., когда окончил свой земной путь прп. Иосиф Санин, а на игуменстве в Волоколамском монастыре утвердился его преемник²⁰.

Впрочем, время пострижения Андрея Даниловича можно уточнить и отнести и к более позднему времени, началу 1520-х гг. Типографская летопись сохранила

¹⁷ Зимин А. А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV–XVI в.). М., 1977. С. 113. Кроме того, ученый ошибался, полагая, что Андрей Невежа приходился правнуком Фоме Ивановичу Квашнину, который в 1489 г. был боярином князя Бориса Васильевича (Там же. С. 107. Примеч. 27). Родство Фомы Ивановича и Андрея Даниловича было иным: Фома Иванович приходился троюродным братом отцу Невежи, Даниле Родионовичу Жоху (Родословная книга по списку князя М. А. Оболенского // Памятники истории русского служилого сословия. М., 2011. С. 103–104). Фома и Данила Квашнины — очевидно, современники: первый в 1489 г. был боярином удельного князя Бориса Волоцкого, второй в 70-х — первой половине 80-х гг. XVI в. служил великой княгине Марии Ярославне. На эти факты указал сам А. А. Зимин: Зимин А. А. Удельные князья и их дворы во второй половине XV и первой половине XVI в. // История и генеалогия. С. Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований. М., 1977. С. 171, 173.

¹⁸ Третьей редакцией это сочинение назвал А. И. Плигузов, отметив, что оно «включило в себя минейное Житие Иосифа, Надгробное слово, похвальное слово и оригинальные чудеса подвижника», а его создание было приурочено к общерусскому прославлению прп. Иосифа Волоцкого в 1591 г. (Плигузов А. И. Вторая редакция минейного жития Иосифа Волоцкого... С. 30; 49, примеч. 3).

¹⁹ ГИМ. Барс. 774. Л. 52; РГАДА. Ф. 181. Оп. 9. № 841. Л. 104 об.–105. На последнюю рукопись мне любезно указал А. А. Манохин, за что я искренне его благодарю.

²⁰ Разумеется, нельзя оставить в стороне вопрос о корректности уникальных свидетельств столь позднего памятника. Анонимный автор переделки минейного жития добавил в текст факты, отсутствующие у Саввы Черного, но известные из иных источников. Так, в третьей редакции появляется свидетельство, что мать игумена Иосифа, инокия Мария, прожила в постриге 30 лет (ГИМ. Барс. 774. Л. 12; РГАДА. Ф. 181. Оп. 9. № 841. Л. 27 об.) — этого факта нет у Саввы, он заимствован из Надгробного слова Досифея Топоркова (Надгробное слово преподобному Иосифу Волоколамскому... С. 163). Также в третьей редакции появляется рассказ о строительстве в монастыре трапезной палаты с храмом Богоявления, начало которому было положено 9 мая 1506 г. (ГИМ. Барс. 774. Л. 33 об.; РГАДА. Ф. 181. Оп. 9. № 841. Л. 72 об.–73 об.), оно восходит к известию краткого летописца Волоколамского монастыря (Плигузов А. И. Летописчик Иосифа Санина // Летописи и хроники. 1984 г. М., 1984. С. 186). Но также текст содержит известие о сооружении в обители третьего каменного храма в честь Одигитрии «под колоколы» (ГИМ. Барс. 774. Л. 34; РГАДА. Ф. 181. Оп. 9. № 841. Л. 73 об.–74) — оно уникально и в иных сохранившихся источниках не встречается, но никаких сомнений не вызывает, поскольку возведение столпообразного храма вполне соответствует архитектурным тенденциям эпохи (Петров Д. А. Отражение в церковном строительстве 1510–1520-х гг. присоединения Василием III Пскова и Смоленска // Вестник ПСТГУ. Серия V: Вопросы истории и теории христианского искусства. 2016. Вып. 4 (24). С. 72–75). Схожим образом может обстоять дело и с указанием на постриг Невежи Квашнина в игуменство Даниила: такого рода уточнение не может быть отвергнуто лишь на том основании, что появляется оно в поздней переделке минейного Жития. Оно, хотя и не находит подтверждения в иных известных источниках, тем не менее, не противоречит рассказу Саввы Черного.

в своем составе пространный рассказ о преставлении в Угличе тамошнего удельного князя Дмитрия Ивановича Жилки, младшего брата «державного» Василия III. За несколько дней до кончины, которая прихлась на 13 февраля 1521 г., князь Дмитрий отправил в Москву с вестью о своей тяжелой болезни Андрея Квашнина²¹. Вероятно, этот Андрей Квашнин либо служил удельному князю, либо как-то был связан с его двором. А. А. Зимин, разбирая состав двора в Угличе, отметил, что «некоторые бояре и именитые вотчинники Волоцкого удельного княжества переходили на службу на тягло Дмитрию Ивановичу»²². Исследователь имел в виду прежде всего князей Хованских, вотчины которых располагались в бывшем уделе князя Бориса Васильевича Волоцкого и его сына Федора Борисовича, занимая значительную часть территории Хованского стана по реке Хованке, которая и дала им родовое прозвище²³. Один из представителей рода, князь Андрей Федорович, присутствовал при составлении духовной Дмитрия Ивановича Углицкого накануне кончины князя²⁴.

Владения Андрея Невежи Квашнина, переданные в Иосифов монастырь, также располагались на территории бывшего Волоцкого удела, по берегам реки Большой Сестры²⁵, поэтому нельзя исключить возможности, что он мог быть в числе служилых землевладельцев, которые после смерти удельного князя Федора Борисовича в мае 1513 г. перешли на службу в Углич. Примечательный факт сообщил Савва Черный: когда инок Арсений вознамерился уйти из Иосифова монастыря, игумен и старцы стали вопрошать о причинах его решения, а Арсений, «не веде, что им и како отвещати», заявил, что жить на Волоке ему невозможно, поскольку «дети вскрай обители живут, не мочно ми спастися»²⁶. По всей вероятности, высказывание следует понимать так, что взрослые сыновья Андрея Даниловича жили где-то недалеко от обители и могли привносить в жизнь отца мирские начала, от которых тот отрекся при постриге²⁷. Сын Невежи, Федор, кроме того, что писал данную грамоту своего отца Иосифо-Волоколамскому монастырю, выступал еще и послухом в купчей 1514/15 г., поэтому, вероятно, на момент пострига Андрея Даниловича был вполне взрослым человеком. В купчей 1525/26 г. в качестве послуха упомянут другой сын Андрея Даниловича, Василий²⁸.

Впрочем, нужно учитывать, что род потомков Ивана Квашни к тому времени сильно разросся, и к тому же поколению, что и Невежа, принадлежали еще пять представителей Квашнинных с именем Андрей. Это двоюродные братья Андрея Даниловича, Андрей Яковлевич Черной и Андрей Степанович Самарин, и его

²¹ ПСРЛ. Т. XXIV. Пг., 1921. С. 218.

²² Зимин А. А. Княжеские духовные грамоты начала XVI в. // Исторические записки. 1948. Вып. 27. С. 279.

²³ Чернов С. З. Волок Ламский в XIV — первой половине XVI в. Структуры землевладения и формирование военно-служилой корпорации. М., 1998. С. 283.

²⁴ ДДГ. С. 414. № 99.

²⁵ Чернов С. З. Волок Ламский... С. 191–192.

²⁶ Житие преподобного Иосифа Волоколамского, составленное Саввою... С. 70.

²⁷ В данном случае аргументация инока Арсения носила не только и не столько формальный характер, но основывалась на канонических презумпциях. «Два правила монахам», известные из Кормчих, не одобряют общения иноков с оставшимися в миру родственниками (Смирнов С. И. Древнерусский духовник. Исследование из истории церковного быта. М., 1913. С. 38, 299–309 второй пагинации). Эти установления, судя по всему, были прекрасно известны в Иосифо-Волоколамском монастыре, во всяком случае встречаются в одном из монастырских сборничков рубежа XV–XVI вв. под заголовком «От русских правил»: «Аще чернец постригся, а не идет от рода своего, не венчается. Аще чернец бегае роду своего, то к Богу прибегае. Аще чернец приходит к роду своему, Бог от него бегае» (ГИМ. Епарх. 358. Л. 371).

²⁸ АФЗХ. Ч. 2. С. 59–60. № 60; с. 91. № 96.

четвероюродные братья, Андрей Фомич, сын Фомы Ивановича, который был боярином князя Бориса Васильевича Волоцкого, Андрей Александрович Рубцов и Андрей Михайлович Тушин, родной брат кирилловского старца Гурия (в миру Григория) Тушина²⁹. Не исключено, что повесть «О преставлении благоверного и христоролюбивого князя Дмитрия Ивановича Углицкого» могла упоминать любого из них, тем более, о их служебном положении известий почти не сохранилось. Исключение составляет лишь Андрей Александрович Рубцов. Его отец, Александр Васильевич, «был боярином новгородского владыки Макария. Через эту службу и связь с Макарием, позже митрополитом, попал в думу великого князя сын Александра, Андрей Александрович, единственный из Квашниных в думе великого князя. Он пожалован в окольные в 1548 г., и в конце того же года царь Иван послал его к митрополиту Макарию с приглашением на совещание о походе на Казань. В 1556 г. он упоминается в чине окольного и дмитровского дворецкого. В 1559 г., “в глубокой старости”, пожалован, отставлен от службы и отпущен постричься в Кириллове монастыре»³⁰. По всей вероятности, продвижение Андрея Александровича по служебной лестнице, если связывать его с Макарием, возведенным на кафедру в марте 1526 г.³¹, началось не раньше этого времени. Впрочем, надо признать, что неполнота сохранившихся свидетельств не позволяет дать однозначный ответ на этот вопрос.

Но все же особа Андрея Даниловича в данном случае выглядит предпочтительней. Дело в том, что отношения между Василием III и его младшим братом Дмитрием Ивановичем к началу 20-х гг. XVI в. переживали не лучшие времена. Разбирая деятельность князя Дмитрия Ивановича, А. А. Зимин отметил, «что около 1520 г. с ним по поручению Василия III вел беседу Шигон Поджогин, так как князь Дмитрий говорил какие-то “недозволенные речи” о великом князе»³². В «наказе», который от лица великого князя Иван Юрьевич Шигон «наедине» представил его младшему брату, речь идет о каких-то провинностях углицкого князя «в Козельских делах»³³. Попытка князя Дмитрия объяснить свои действия, отправив посланца в Москву, вызвала еще больший гнев «державного»: «А ныне еси, брат наш, того больша нам непригоже учинил, прислал еси к нам паробка такого, какого было тебе паробка к нам непригоже посылати...»³⁴.

Последний факт, очевидно, свидетельствует в пользу того, что накануне кончины удельного князя Дмитрия Ивановича Жилки из Углича в столицу вряд ли бы отправили вестника, статус которого мог вызвать раздражение Василия III: скорее, это был человек, который был вхож к великому князю. И рассказ Саввы Черного о визите инок Арсения Квашнина к великокняжескому двору в целом подтверждает возможность того, что из Углича был послан боярин Андрей Данилович Квашнин. Но если последний находился при удельном князе и в то же время был близок великому князю, нужно задаться вопросом о его положении. Возможно, Андрей Данилович Квашнин

²⁹ Родословная книга по списку князя М. А. Оболенского... С. 103–105.

³⁰ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев... С. 268.

³¹ ПСРЛ. Т. XIII, ч. 1. СПб., 1904. С. 45.

³² Зимин А. А. Удельные князья и их дворы... С. 166.

³³ Поскольку в «наказе» речь шла о «козельских делах», можно предположить, что относились они к концу 1510-х гг., когда, по замечанию С. М. Каштанова, «вследствие тяжелой болезни (или заключения?), а затем смерти (25 июня 1518 г.) князя Семена Ивановича Калужского началась острая борьба за перераспределение земель между Василием III и удельными князьями» (Каштанов С. М. Из истории последних уделов // Труды Московского государственного историко-архивного института. 1957. Т. 10. С. 293–294).

³⁴ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 1. СПб., 1841. № 291. С. 531.

был введен в окружение удельного князя Дмитрия Углицкого по воле великого князя вследствие конфликта рубежа 10-х — 20-х гг. XVI в. Здесь уместно вспомнить, какой исход имел демарш другого младшего брата Василия III, князя Семена Ивановича, попытавшегося в начале 1511 г. бежать в Литву. Предприятие это успеха не имело, благодаря заступничеству митр. Симона великий князь простил брата, при этом, как свидетельствует летопись, «людей его и бояр и детей боярских всех переменял»³⁵. Разумеется, инцидент с князем Дмитрием Жилкой по своему значению и последствиям едва ли мог сравниться с событиями января 1511 г., но, очевидно, его результатом стал рост взаимного недоверия между Москвой и Угличем — в этих условиях Василий III мог ввести своих доверенных лиц в состав удельного двора Дмитрия Жилки, одним из которых, возможно, был Невежа Квашнин.

К тому же в грамоте, отправленной митр. Даниилом в Иосифов монастырь в 1525 г. по завершении соборного суда над Максимом Греком, третьим среди наиболее авторитетных старцев обители, после Кассиана Босого, Ионы Головы, назван Арсений³⁶. Весьма вероятно, это был Невежа, поскольку князя-инок Арсения Голенина к тому времени не было в живых: согласно свидетельству третьей редакции минейного Жития Иосифа Волоцкого, перед кончиной князь-инок получал напутствие от игумена Даниила³⁷. Но Даниил был возведен на митрополичью кафедру 27 февраля 1522 г.³⁸, следовательно, Голенин скончался до этой даты. И если принять гипотезу о службе Невежи Квашнина в Углицком уделе до 13 февраля 1521 г. и факт его пострига при игумене Данииле, совершенно очевидно, что боярин Андрей Данилович мог стать иноком Арсением в промежутке между указанными датами. Вероятно, вскоре после того он отправился на Белоозеро, поскольку старец Гурий Тушин, живший в Кириллове в то время, скончался 8 июля 1526 г.³⁹ — соответственно, после того появиться на Белоозере Невежа никак не мог.

Таким образом, постриг и события, на которых акцентировали внимание Савва Черный и Досифей Топорков, рассказывая об иноке Арсении, по всей вероятности, произошли в первой половине 20-х гг. XVI в. Досифей Топорков упоминает, что Андрей Данилович «оставил жену и дети и пострижися в обители» на Волоке⁴⁰. Монастырская Вкладная книга середины 1550-х гг. содержит запись о земельных пожалованиях Арсения Невежи, в которой упоминается его супруга: «Поминание Арсения Невежино. Инока Иакинфа. Иноки Наталии. Инока Арсения. Сих поминати, доколе манастырь Пречистые стоит, ис повседневнаго поминания не выгладити. Да быти по Арсении корму малому от году до году генваря 16. А дал на то Арсений селцо Темниково с луги и з деревню с Лучниковым. Да после дал по своей жене иноке Иулите деревню Рязаново в селе Мамошине». Запись правилась переписчиком: в ней зачеркнуто слово «двема», а следующие слова «кормом малым» исправлены на «корму малому»; после

³⁵ ПСРЛ. Т. XIII, ч. 1. С. 13.

³⁶ Судные списки Максима Грека и Исака Собака. М., 1971. С. 121.

³⁷ ГИМ. Барс. 774. Л. 51 об.; РГАДА. Ф. 181. Оп. 9. № 841. Л. 104–104 об.

³⁸ В литературе можно встретить точку зрения, что смерть князя Дмитрия Ивановича Жилки произошла в результате отравления, за которым мог стоять как великий князь Василий III, так и конфликтовавший с ним его младший брат, удельный князь Юрий Иванович Дмитровский (*Иглесиас Р. Ф.* К вопросу о предполагаемом наследнике Василия III между 1505 и 1530 гг. // Каптеревские чтения. Вып. 14. М., 2016. С. 294). Если рассматривать эту версию всерьез, роль Андрея Квашнина в тех событиях может быть совершенно неожиданной, как и причины его последующего пострига. Но делать такие выводы на основании фрагментарно сохранившихся источников следует максимально осторожно.

³⁹ *Зимин А. А.* Краткие летописцы XV–XVI вв. // Исторический архив. Вып. V. М., Л., 1950. С. 29.

⁴⁰ Надгробное слово преподобному Иосифу Волоколамскому... С. 178.

слов «от году до году» затерто «июня (*неразб.*) да»⁴¹. Следовательно, два заупокойных корма по иноку Арсению в середине 1550-х гг. были заменены одним ежегодным кормовым поминанием. Правленная запись пришла на смену статье в ранней Вкладной книге, где, как было отмечено выше, предусматривалось два корма по родителям Невежи, иноку Иакинфу и инокине Наталии, а также отсутствовало упоминание о передаче монастырю деревни Рязаново на помин души его супруги, инокини Улиты, можно высказать догадку, что последний вклад был приурочен к постригу Андрея Даниловича, за которым, очевидно, должен был последовать и постриг его жены, мирское имя которой осталось неизвестным. К моменту же внесения записи во Вкладную книгу середины 1550-х гг. все упомянутые особы давно скончались.

Вероятно, редактирование записи Вкладной книги о пожалованиях Невежи Квашнина было связано с пересмотром размера платы за кормовое поминание — разумеется, в сторону увеличения. Это подтверждает наблюдение С. Б. Веселовского о том, что представители рода Квашниных отнюдь не были состоятельными, а стоимость их вотчин, вложенных на помин души, оценивалась весьма скромно, и в изменившихся условиях второй половины XVI в. ее едва хватало на поддержание кормового поминовения.

Впрочем, сохранился еще один касающийся поминальных практик источник, на который, правда, прежде не обращали внимания; особая ценность его в том, что составлен он был при жизни инока Арсения Невежи. Это — Обиходник Иосифо-Волоколамского монастыря из сборника-конволюта инока Ануфрия Исакова, ученика известного волоколамского старца Дионисия Звенигородского, ныне — РГБ. Ф. 113. № 577 (далее — Вол. 577). Рукопись хорошо известна благодаря своему составу. Г. М. Прохоров обращался к сборнику при изучении посланий Нила Сорского, которые читаются на лл. 1–22 об. Исследователь датировал их рубежом XV–XVI вв., отметив, что иные части сборного манускрипта «более позднего, судя по филиграммам, происхождения, но — не позже второго десятилетия XVI в.»⁴². А. И. Плигузов в своих разысканиях относительно монастырского летописчика также обращался к Вол. 577, поскольку сборник содержит единственный список Пространной редакции этого памятника. «Как следует из анализа филиграней, — отметил историк, — сборник Ануфрия Исакова... был переплетен в 40-х годах XVI в., но по бумаге его можно датировать концом 20-х годов XVI в.»⁴³.

Обиходник переписан на лл. 298 об. — 301 рукописи, сразу вслед за летописными статьями и припиской Ануфрия о кончине его духовного наставника, старца Дионисия, озаглавлен как «Память благоверных князей и княгинь и всех православных христиан о кормех, которого месяца и в какое число корму быти», и состоит из двух частей: собственного кормового списка и устава о квасе на монастырских трапезах⁴⁴.

⁴¹ ГИМ. Епарх. 419. Л. 28 об. Кроме земельных дач, инок Арсений Невежа вложил в Волоколамский монастырь «2 иконы на золоте, праздники, ядници малые», что известно из описи монастырского имущества 1545 г. (Три описи Иосифо-Волоколамского монастыря XVI века. СПб., 2014. С. 36 (л. 13 об.)).

⁴² Прохоров Г. М. Послания Нила Сорского // ТОДРЛ. 1974. Т. XXIX. С. 130.

⁴³ Плигузов А. И. Летописчик Иосифа Санина... С. 180.

⁴⁴ Очевидно, записи о кормах и устав о квасе на трапезах в Вол. 577 взаимосвязаны и представляют собой ранний вариант именно Обиходника. Позже Евфимий Турков соединил обе части, расположив статьи о поминальных кормах вперемежку с записями об организации монастырского стола в постные и праздничные дни согласно месящеслову. Так, например, статья под 16 января, когда совершался заупокойный корм «меньшей» по иноку Арсению Невеже и старцу Макарию Оладье, предшествует обширная запись относительно монастырского распорядка в праздник Богоявления 6 января, когда полагался «корм большей» и «квас медян» (ГИМ. Син. 829. Л. 73–74).

Кормовые поминовения расписаны по календарю, начиная с 1 сентября, когда совершался корм по князе Симеоне Бельском, и заканчивая 28 августа, когда полагалось поминать Вассиана Санина, архиепископа Ростовского и брата прп. Иосифа Волоцкого. В целом перечень особ в списке совпадает с тем, что содержится в древнейшей Вкладной книге, с тремя прибавлениями. Первое связано с заупокойным кормом по удельному князе Дмитрии Ивановиче Жилке, который скончался, как было отмечено выше, в феврале 1521 г., а в июне 1522 г. на помин его души Василий III вложил в Иосифов монастырь село Фаустову Гору в Зубцовском уезде⁴⁵. Второе — это приуроченный к 1 октября корм по владыке Геннадии Суздальском; согласно летописи, он преставился 23 марта 1531 г.⁴⁶ — и, следовательно, список не мог быть составлен ранее этой даты. Третий момент — записи о кормах по родителям Арсения Невежи, иноке Иакинфе и инокине Наталии, под 16 января и 31 июля. Статья же о дачах Андрея Даниловича в древнейшей Вкладной книге хотя и содержала упоминание о двух кормах, конкретных дат их не приводила. Не значит ли это, что в то время, когда Невежа пожаловал в Иосифов сельцо Темниково и деревню Лучниково, его родители, приняв постриг, были еще живы? Ответить на этот вопрос вряд ли получится, но совершенно очевидно, что в момент составления кормового списка начала 1530-х гг. инок Арсений еще подвизался на Волоке. А учитывая отсутствие в списке корма по великом князе Василии III, в иночестве Варлааме, который в позднейшем Обиходнике приурочен к дате его кончины, 4 декабря 1533 г.⁴⁷, можно предположить, что инок Арсений Квашнин скончался приблизительно в то же время.

Этот вывод косвенно подтверждается свидетельством Саввы Черного, который, завершая рассказ о Невеже, сообщил, что «и по 10 летех преставления его обретохом тело его ничим не вредимо, ни паки ризе его тление, но яко вчера погребен бысть»⁴⁸. Поскольку агиограф приступил к составлению жизнеописания Иосифа Санина, в который вошла повесть об Арсении Квашнине, тридцать лет спустя по кончине волоцкого первоигумена⁴⁹, то есть не ранее 1545 г., можно предположить, что, если останки Невежи были потревожены в это время или ранее, то скончался он не позже середины 30-х гг. XVI в. Эта версия известна⁵⁰, но она не учитывает двух факторов.

Первый фактор связан с разысканиями И. Э. Иванова. Изучив художественные особенности текста Саввы, он пришел к заключению, что указание на число лет, прошедших от преставления прп. Иосифа Волоцкого до того момента, как Савва Черный приступил к работе над Житием, имеет скорее символический смысл. Поэтому, вероятно, «не стоит считать 1545–1546 гг. точной датой создания памятника... Житие могло быть составлено и несколькими годами позже»⁵¹. В таком случае, очевидно, дату кончины Арсения Невежи следует отнести самое позднее ко второй половине

⁴⁵ АФЗХ. Ч. 2. С. 83–85. № 87.

⁴⁶ ПСРЛ. Т. XIII, ч. 1. С. 58. Запись о епископе Геннадии во Вкладной книге Волоколамского монастыря содержит известия о его пожалованиях, предписание поминать самого владыку и его родителей, инока Александра и Евдокию, совершать поминальный корм на «память великомученика Григория Великаго Армении» (ГИМ. Епарх. 419. Л. 41–41 об.), то есть, по всей вероятности, в день празднования святому, в честь которого было выбрано мирское имя будущего владыки.

⁴⁷ ПСРЛ. Т. XIII, ч. 1. С. 76; ГИМ. Син. 829. Л. 65–65 об.

⁴⁸ Житие преподобного Иосифа Волоколамского, составленное Саввою... С. 72.

⁴⁹ Там же. С. 2.

⁵⁰ Казаков А. А. Иосиф Волоцкий: от агиографического повествования к научной биографии. М., СПб., 2022. С. 37.

⁵¹ Иванов И. Э. Тернарные структуры в минейном Житии Иосифа Волоцкого // Проблемы исторической поэтики. 2023. Т. 21, № 4. С. 71–72.

1530-х гг. Второй фактор связан с теми причинами, которые вынудили волоколамских иноков раскопать погребение Арсения: этот прецедент мог быть связан с возведением каких-либо построек в обители, в результате чего менялись границы существовавших некрополей⁵². По наблюдениям А. А. Зимина, в 1543 г. в монастыре было начато строительство каменной ограды, на возведение которой «была истрачена громадная сумма — 2745 рублей»⁵³. По всей вероятности, основным источником известий о строительстве была для исследователя монастырская Вкладная книга, в которую записывались крупные (больше 50 рублей) денежные дачи и указывались цели, на которые тратились. Одним из наиболее ранних датированных вкладов стали 50 рублей, вложенные в 7051 (1542/43) г. князем Михаилом Ивановичем Кубенским, которые были израсходованы на строительство укрепленных стен⁵⁴. Очевидно, в это время работы были уже начаты, поэтому можно предположить, что некоторые захоронения, среди которых, вероятно, и могила инок Арсения Квашнина, были потревожены, а его останки перезахоронены «у предних дверей церковных от ворот», что было зафиксировано в Обиходнике Евфимия Туркова⁵⁵. И поскольку работы были начаты в первой половине 40-х гг., руководствуясь свидетельством Саввы и известиями из раннего Обиходника, кончину Невежи можно отнести к первой половине 30-х гг. XVI в., позже конца марта 1531 г.⁵⁶

Таким образом, несмотря на неполноту сохранившихся в источниках известий, наиболее заметные вехи биографии Андрея Даниловича Невежи Жохова Квашнина можно, по крайней мере, выстроить в хронологической последовательности. Его связи с Иосифо-Волоколамским монастырем, где он позже принял постриг, кажется, восходят к рубежу XV–XVI вв., когда он отписал обители часть своих вотчин. Подробности служилой биографии А. Д. Квашнина большей частью остаются неизвестными, но, судя по свидетельствам Саввы Черного, Василий III знал Невежу и относился к нему достаточно благожелательно. Постригся на Волоке Андрей Данилович, вероятно, не ранее рубежа второго и третьего десятилетий XVI в. и в это же время передал в обитель землю на помин души своей супруги. Если признать, что Невежа служил в уделе князя Дмитрия Ивановича Жилки, постриг следует отнести к самому началу 1520-х гг. Очевидно, прояснение сложного и интересного вопроса о связях Невежи с Углицким удельным двором еще ждет своего исследователя. Более уверенно можно говорить о том, что в начале 1530-х гг. Невежа все еще проживал в Иосифовой обители. По всей вероятности, инок Арсений формально не принимал участия в управлении монастырем — во всяком случае, свидетельств тому не сохранилось, но, как можно предположить, пользовался некоторым влиянием, истоки которого были связаны с его мирскими связями, в первую очередь с великим князем, и мог позволить себе такой предосудительный шаг, как уход с Волока, места своего пострижения, в Кириллов монастырь. Как следует из рассказа Саввы, ни игумен, ни «большие» старцы Иосифова монастыря не имели

⁵² Схожим образом дело обстояло, по-видимому, и с открытием останков волоколамского инок Епифания Коровина Кутузова; см.: Казаков А. А. Иосиф Волоцкий... С. 112–113.

⁵³ Зимин А. А. Крупная феодальная вотчина... С. 55.

⁵⁴ ГИМ. Епарх. 419. Л. 56.

⁵⁵ ГИМ. Син. 829. Л. 74.

⁵⁶ Датировка, кстати, позволяет скорректировать время составления надгробного слова прп. Иосифу Волоцкому: прежде труд Досифея Топоркова мы отнесли к середине 1520-х гг. (Казаков А. А. Иосиф Волоцкий... С. 40). Но агиограф сообщает, что по исцелении у гроба прп. Иосифа инок Арсений «пребысть служа болным, и пищу и питье принося им и до кончины своея» (Надгробное слово преподобному Иосифу Волоколамскому... С. 179). Очевидно, упоминание о смерти Арсения не могло появиться в тексте ранее 1530-х гг.

возможности как-то смирить строптивного Арсения, а их увещевания были бездейственны: благословения на уход ему не дали, но и остановить не смогли. И лишь благодаря чудесному вмешательству самого прп. Иосифа Волоцкого, пораженный тяжким недугом Невежа вернулся к месту своего пострижения, где получил исцеление и прожил еще едва ли не десяток лет в смиренной и покаянии. Кончина инока может быть отнесена ко времени не позже середины 30-х гг. XVI в., поскольку его останки, вероятно, были потревожены во время строительства крепостных стен Волоколамского монастыря в первой половине 1540-х гг. — во всяком случае, именно так можно интерпретировать сообщение Саввы Черного.

Очевидно, Арсений Невежа был не столь уж типичным насельником Волоколамского монастыря. Неизвестные детали его служилой биографии непосредственным образом сказались на его жизни в обители. Своеволие инока, впрочем, было чудесным образом наказано, что стало основой назидательных повествований, сохранившихся в жизнеописаниях прп. Иосифа Волоцкого.

Список сокращений

Барс. — собрание рукописей Е. В. Барсова
Епарх. — Епархиальное собрание рукописей
Син. — Синодальное собрание рукописей

Источники и литература

Источники

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 1. СПб., 1841.
2. АФЗХ. Ч. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1956.
3. ГИМ. Барс. 774. Агиографический сборник, нач. XVII в.
4. ГИМ. Епарх. 358. Сборник учительный, кон. XV в.
5. ГИМ. Епарх. 419. Вкладная книга Иосифо-Волоколамского монастыря, вторая пол. XVI в.
6. ГИМ. Син. 829. Обиходник Евфимия Туркова, 70-е гг. XVI в.
7. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
8. Житие преподобного Иосифа Волоколамского, составленное Саввою, епископом Крутицким // ЧОЛДП. 1865. Кн. 2. Приложения. С. 1–76.
9. Надгробное слово преподобному Иосифу Волоколамскому ученика и сродника его Досифея Топоркова // ЧОЛДП. 1865. Кн. 2. Приложения. С. 153–180.
10. Опись книг Иосифо-Волоколамского монастыря 1545 г. // Книжные центры Древней Руси. Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности. Л.: Наука, 1991. С. 24–41.
11. ПСРЛ. Т. XIII, ч. 1. СПб., 1904.
12. ПСРЛ. Т. XXIV. Пг., 1921.
13. РГАДА. Ф. 181. Оп. 9. № 841. Житие Иосифа Волоцкого, XVII в.
14. РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. № 1054. Сборник посланий, сер. XVI в.
15. РГАДА. Ф. 1192. Оп. 2. № 561. Синодик Иосифо-Волоколамского монастыря, кон. XVI в.

16. РГБ. Ф. 113. № 577. Сборник-конволют, вторая четв. XVI в.

17. Родословная книга по списку князя М. А. Оболенского // Памятники истории русского служилого сословия. М.: Древлехранилище, 2011. С. 10–170.

18. Синодик Иосифо-Волоколамского монастыря (1479–1510-е годы). СПб.: Дмитрий Буланин, 2004.

19. Судные списки Максима Грека и Исаака Собаки. М., 1971.

20. Три описи Иосифо-Волоколамского монастыря XVI века. СПб.: Реноме, 2014.

Литература

21. *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М.: Наука, 1969.

22. *Дайкстра Т.* Иноческие имена на Руси и проблемы идентификации их обладателей (на материале источников Иосифо-Волоколамского монастыря, 1479–1607) // Именослов. Историческая семантика имени. Вып. 2. М.: Индрик, 2007. С. 238–298.

23. *Зимин А. А.* Княжеские духовные грамоты начала XVI в. // Исторические записки. 1948. Вып. 27. С. 266–290.

24. *Зимин А. А.* Краткие летописцы XV–XVI вв. // Исторический архив. Вып. V. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 3–39.

25. *Зимин А. А.* Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV–XVI в.). М.: Наука, 1977.

26. *Зимин А. А.* Удельные князья и их дворы во второй половине XV и первой половине XVI в. // История и генеалогия. С. Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований. М.: Наука, 1977. С. 161–188.

27. *Иванов И. Э.* Тернарные структуры в минейном Житии Иосифа Волоцкого // Проблемы исторической поэтики. 2023. Т. 21, № 4. С. 63–81. DOI: 10.15393/j9.art.2023.13082

28. *Иглесиас Р. Ф.* К вопросу о предполагаемом наследнике Василия III между 1505 и 1530 гг. // Каптеревские чтения. Вып. 14. М., 2016. С. 246–296.

29. *Казаков А. А.* Иосиф Волоцкий: от агиографического повествования к научной биографии. М., СПб., 2022.

30. *Казакова Н. А.* Синодик Волоколамского монастыря // *Казакова Н. А.* Вассиан Патрикеев и его сочинения. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 342–357.

31. *Каштанов С. М.* Из истории последних уделов // Труды Московского государственного историко-архивного института. 1957. Т. 10. С. 275–302.

32. *Лурье Я. С.* Заметки к истории публицистической литературы конца XV – первой половины XVI в. // ТОДРЛ. 1960. Т. XVI. С. 457–465.

33. *Петров Д. А.* Отражение в церковном строительстве 1510–1520-х гг. присоединения Василием III Пскова и Смоленска // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия V: Вопросы истории и теории христианского искусства. 2016. Вып. 4 (24). С. 67–80. DOI: 10.15382/sturV201624.67–80

34. *Плигузов А. И.* Вторая редакция минейного жития Иосифа Волоцкого // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1984. С. 29–55.

35. *Плигузов А. И.* Летописчик Иосифа Санина // Летописи и хроники. 1984 г. М.: Наука, 1984. С. 174–186.

36. *Прохоров Г. М.* Послания Нила Сорского // ТОДРЛ. 1974. Т. XXIX. С. 125–143.

37. *Смирнов С. И.* Древнерусский духовник. Исследование из истории церковного быта. М., 1913.

38. *Чернов С. З.* Волок Ламский в XIV – первой половине XVI в. Структуры землевладения и формирование военно-служилой корпорации. М.: Галерея, 1998.

Sources and References

Sources

1. *Akty feodal'nogo zemlevladieniia i khoziaistva* [The Charters of Feudal Landowning and Economy], part 2, ed. by A. A. Zimin. Moscow, USSR Academy of Sciences Press, 1956. (In Old-Russian)
2. *Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoiu komissieiu* [The Historical Charters Collected and Edited by the Archaeographical Commission], vol. 1. St. Petersburg, 1841. (In Old-Russian)
3. *Dukhovnye i dogovornye gramoty velikikh i udel'nykh kniazei 14–16 vv.* [The Testament and Agreement Charters of Grand and Appanage Princes of 14th-16th cc.]. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Press, 1950. (In Old-Russian)
4. Nadgrobnoe slovo prepodobnomu Iosifu Volokolamskomu uchenika i srodnika ego Dosifeia Toporkova [The Funeral Speech about Joseph of Volokolamsk by His Disciple and Kinsman Dositheus Toporkov]. *Chteniia v Obshchestve liubiteli dukhovnogo prosveshcheniia*, 1865, no. 2, additions, p. 153–180. (In Old-Russian)
5. Opis' knig Iosifo-Volokolamskogo monastyria 1545 g. [The Inventory of Manuscripts of Joseph Volokolamsk Monastery of 1545]. *Knizhnye tsenry Drevnei Rusi. Iosifo-Volokolamskii monastyr' kak tsentr knizhnosti*. Leningrad, Nauka Publ., 1991, p. 24–41. (In Old-Russian)
6. *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [The Complete Collection of Russian Chronicles], vol. 13, part. 1. St. Petersburg, 1904. (In Old-Russian)
7. *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [The Complete Collection of Russian Chronicles], vol. 24. Petrograd, 1921. (In Old-Russian)
8. Rodoslovnaia kniga po spisku kniazia M. A. Obolenskogo [The Genealogical Book in Copy of Prince M. A. Obolensky]. *Pamiatniki istorii russkogo sluzhilogo sosloviia* [The Historical Writings of Russian Service Class]. Moscow, Drevlekhranilishche Publ., 2011, p. 10–170. (In Old-Russian)
9. Russian State Archive of Old Charters. F. 181, inv. 9, no. 841. (In Old-Russian)
10. Russian State Archive of Old Charters. F. 196, inv. 1, no. 1054. (In Old-Russian)
11. Russian State Archive of Old Charters. F. 1192, inv. 2, no. 561. (In Old-Russian)
12. Russian State Library. F. 113, no. 577. (In Old-Russian)
13. *Sinodik Iosifo-Volokolamskogo monastyria (1479–1510-e gody)* [The Synodicon of Joseph Volokolamsk Monastery, 1479–1510s]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2004. (In Old-Russian)
14. State Historical Museum. Ye. V. Barsov Collection, no. 774. (In Old-Russian)
15. State Historical Museum. Eparchial Collection, no. 358. (In Old-Russian)
16. State Historical Museum. Eparchial Collection, no. 419. (In Old-Russian)
17. State Historical Museum. Synodal Collection, no. 829. (In Old-Russian)
18. *Sudnye spiski Maksima Greka i Isaka Sobaki* [The Trial Lists of Maximus the Greek and Isaak Sobaka]. Moscow, 1971. (In Old-Russian)
19. *Tri opisi Iosifo-Volokolamskogo monastyria 16 veka* [Three Inventories of Joseph Volokolamsk Monastery of 16th Century]. St. Petersburg, Renome Publ., 2014. (In Old-Russian)
20. Zhitie prepodobnogo Iosifa Volokolamskogo, sostavlennoe Savvoiu, episkopom Krutitskim [The Life of Venerable Father Joseph of Volokolamsk Wrotten by Sabba, Archbishop of Krytitsy]. *Chteniia v Obshchestve liubiteli dukhovnogo prosveshcheniia*, 1865, no. 2, additions, p. 1–76. (In Old-Russian)

References

21. Chernov S. Z. *Volok Lamskii v 14 — pervoi polovine 16 v. Struktury zemlevladieniia i formirovanie voenno-sluzhiloi korporatsii* [Volok Lamsky in 14th — thirist half of 16th c., landowning structure and military service corporation's formation]. Moscow, Galeria Publ., 1998. (In Russian)

22. Daikstra T. Inocheskie imena na Rusi i problemy identifikatsii ikh obladatelei (na materiale istochnikov Iosifo-Volokolamskogo monastyria, 1479–1607) [The Monks Names in Old Russia and the Problems of Identification of their Owners (by the sources from Joseph Volokolamsk Monastery, 1479–1607)]. *Imenoslov. Istoricheskaja semantika imeni*, issue 2. Moscow, Indrik Publ., 2007, p. 238–298. (In Russian)
23. Iglesias R. F. K voprosu o predpolagaemom naslednike Vasiliia III mezhdru 1505 i 1530 gg. [On the presumptive heir of Vasily III between 1505 and 1530]. *Kapterevskie chteniia*, issue 14. Moscow, 2016, p. 246–296. (In Russian)
24. Ivanov I. E. Ternarnye struktury v mineinom Zhitii Iosifa Volotskogo [Ternary Structures of the Life of Joseph Volotsky]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, 2023, vol. 21, no. 4, p. 63–81. DOI: 10.15393/j9.art.2023.13082 (In Russian)
25. Kashtanov S. M. Iz istorii poslednixh udelov [On the History of the Last Appanage Principalities]. *Trudy Moskovskogo gosudarstvennogo istoriko-arkhivnogo instituta*, 1957, vol. 10, p. 275–302. (in Russian)
26. Kazakov A. A. *Iosif Volotskii: ot agiograficheskogo povestvovaniia k nauchnoi biografii* [Joseph Volosky: from hagiographic narrative to scientific biography]. Moscow, St. Petersburg, 2022. (In Russian)
27. Kazakova N. A. Sinodik Volokolamskogo monastyria [The Synodicon of Volokolamsk Monastery]. In.: Kazakova N. A. *Vassian Patrikeev i ego sochineniia*. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Press, 1960, p. 342–357. (In Russian)
28. Lur'e Ia. S. Zametki k istorii publitsisticheskoi literatury kontsa 15 – pervoi poloviny 16 v. [Notes on the history of public literature from the late 15th – first half of the 16th century]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Leningrad, 1960, vol. 16, p. 457–465. (In Russian)
29. Petrov D. A. Otrazhenie v tserkovnom stroitel'stve 1510–1520-kh gg. prisoedineniia Vasiliem III Pskova i Smolenska [The Church Building in 1510–1520s as the Reflection of Accession of Pskov and Smolensk by Vasily III]. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta = The Herald of Orthodox St. Tikhon University for the Humanities*, series 5: The Problems of Christian Art, 2016, no. 4 (24), p. 67–80. DOI: 10.15382/sturV201624.67–80 (In Russian)
30. Pliguzov A. I. Letopischik Iosifa Sanina [The Short Chronicle of Joseph Sanin]. *Letopisi i khroniki*, 1984. Moscow, Nauka Publ., 1984, p. 174–186. (In Russian)
31. Pliguzov A. I. Vtoraiia redaktsiia mineinogo Zhitii Iosifa Volotskogo [The Second Redaction of Menology Life of Joseph of Volokolamsk]. *Issledovaniia po istochnikovedeniiu istorii SSSR dooktiabr'skogo perioda*. Moscow, 1984, p. 29–55. (In Russian)
32. Prokhorov G. M. Poslaniia Nila Sorskogo [The Epistles of Nil Sorsky]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Leningrad, 1974, vol. 29, p. 125–143. (In Russian)
33. Smirnov S. I. *Drevnerusskii dukhovnik. Issledovanie iz istorii tserkovnogo bytia* [The Old Russian Confessor. The Study of Church History Being]. Moscow, 1913. (In Russian)
34. Veselovskii S. B. *Issledovaniia po istorii klassa sluzhilykh zemlevladel'tsev* [The Studies on the History of Service Landowners Class]. Moscow, Nauka Publ., 1969. (In Russian)
35. Zimin A. A. Kniazheskie dukhovnye gramoty nachala 16 v. [The Princes Testaments of the Early of 16th c.]. *Istoricheskie zapiski*, 1948, vol. 27, p. 266–290. (In Russian)
36. Zimin A. A. Kratkie letopisty 15–16 vv. [The Short Chronicles of 15th–16th cc.]. *Istoricheskie arkhiv*, issue 5. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Press, 1950, p. 3–39. (In Russian)
37. Zimin A. A. *Krupnaia feodal'naia votchina i sotsial'no-politicheskaia bor'ba v Rossii (konets 15–16 v.)* [The large feudal landowning and socio-political struggle in Russia, the late 15th c. – 16th c.]. Moscow, Nauka Publ., 1977. (In Russian)
38. Zimin A. A. Udel'nye kniaz'ia i ikh dvory vo vtoroi polovine 15 i pervoi polovine 16 v. [The Appanages Princes and their Courts in the Second Half of 15th c. and the First Half of 16th c.]. *Istoriia i genealogiia. S. B. Veselovskii i problemy istoriko-genealogicheskikh issledovanii*. Moscow, Nauka Publ., 1977, p. 161–188. (In Russian)

В. В. Митрофанов

**Творческие связи А. Е. Преснякова и С. Ф. Платонова
в 1900–1905 гг.
(по эпистолярным источникам)**

УДК 94(47)(093):929+82-6
DOI 10.47132/2618-9674_2025_3_150
EDN BXEWIQ

Аннотация: В научный оборот вводятся в полном объеме письма А. Е. Преснякова за 1900–1905 г., адресованные его университетскому учителю С. Ф. Платонову. Одно из самых востребованных исследователями архивных дел позволяет назвать основные темы их научных коммуникаций, вопросы педагогической, административной и издательской деятельности. Значительное место уделено и семейным делам, это обстоятельство в большей степени указывает на близкие и теплые отношения между ними. А. Е. Пресняков входил в число многочисленных учеников С. Ф. Платонова, составивших основу петербургской исторической школы, и относился к их «старшему поколению», при этом достигнув научного мастерства уровня своего наставника.

Ключевые слова: Пресняков, Платонов, петербургская историческая школа, переписка, архивные материалы, творческие коммуникации.

Об авторе: **Виктор Владимирович Митрофанов**

Доктор исторических наук, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин АНО «Университета при МА ЕврАзЭС», Санкт-Петербург.

E-mail: viktor-n1962@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2094-6883>

Для цитирования: Митрофанов В. В. Творческие связи А. Е. Преснякова и С. Ф. Платонова в 1900–1905 гг. (по эпистолярным источникам) // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2025. № 3 (31). С. 150–174.

Статья поступила в редакцию 23.04.2025; одобрена после рецензирования 04.06.2025; принята к публикации 05.06.2025.

Viktor Mitrofanov

Creative Relations between A. E. Presnyakov and S. F. Platonov
in 1900–1905
(according to Epistolary Sources)

UDK 94(47)(093):929+82-6
DOI 10.47132/2618-9674_2025_3_150
EDN BXEWIQ

Abstract: The letters of A. E. Presnyakov for 1900–1905, addressed to the university teacher S. F. Platonov, are fully introduced into scientific circulation. One of the most sought-after archival cases by researchers allows us to name the main topics of their scientific communications, issues of pedagogical and administrative and publishing activities. A lot of attention is also paid to family matters, this circumstance to a greater extent indicates a close and warm relationship between them. A. E. Presnyakov is one of the many students of S. F. Platonov, who formed the basis of the St. Petersburg historical school and belongs to their “older generation”, while reaching the level of scientific mastery of the level of his mentor.

Keywords: Presnyakov, Platonov, St. Petersburg Historical School, Correspondence, Archival Materials, Creative Communications.

About the author: **Viktor Mitrofanov**

Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Autonomous Non-Profit Organization “University of the Eurasian Economic Community”, St. Petersburg.

E-mail: viktor-n1962@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2094-6883>

For citation: Mitrofanov V. Creative Relations between A. E. Presnyakov and S. F. Platonov in 1900–1905 (according to Epistolary Sources). *Paleorosia. Ancient Rus in time, in personalities, in ideas*, 2025, No. 3 (31), p. 150–174.

The article was submitted 23.04.2025; approved after reviewing 04.06.2025; accepted for publication 05.06.2025.

Тема, где затрагиваются взаимоотношения между С. Ф. Платоновым и А. Е. Пресняковым — представителями одной петербургской исторической школы, современниками, бывшими в научной среде близкими коллегами, связи которых можно поместить в формулу «учитель-ученик», не нова¹. Сегодня всё чаще говорят о школе как о едином научном феномене и называют его «...школа С. Ф. Платонова, А. С. Лаппо-Данилевского, А. Е. Преснякова»². Это является целесообразным и оправданным, даже с учетом разных методологических походов её лидеров.

Важным достижением современной историографии является вовлечение в научный оборот эпистолярных материалов³. Изданный огромный том писем (в сокращении) А. Е. Преснякова к матери и жене активно используется исследователями для аргументации своих мнений⁴, порой без учета трансформации взглядов, подходов и оценочных суждений автора. Особенно часто ссылаются на фразу из письма 11 октября 1899 г. А. Е. Преснякова матери, чтобы нивелировать процесс влияния С. Ф. Платонова на своего ученика и показать большую его самостоятельность, даже независимость в научном творчестве, и представить его только младшим коллегой: «учеником Платонова в настоящем смысле слова — я не могу быть...»⁵ Но это было сказано в период его становления как ученого, задолго до магистерской и, тем более, докторской диссертаций. В этой связи следует привести его признания 1911 г. в отношении С. Ф. Платонова: «А то тут выйдет измена желанию учителя, который сам дает мне радостное право так себя называть»⁶. Или в письме от 26 июня 1912 г. подтверждение предыдущей мысли: «...чувствуешь себя студентом-мальчишкой перед мастером-учителем»⁷. Даже в конце жизни А. Е. Пресняков обращается к С. Ф. Платонову «Дорогой Учитель!»⁸. Приведенные фразы однозначно отвечают на вопрос, как ценил А. Е. Пресняков роль, значение и влияние С. Ф. Платонова для своей научной карьеры. Говорить же о «тесном сюртуке» «платоновского ученика»⁹, думается, не оправданно. Да, ученик приблизился к учителю настолько, что встал с ним на один уровень пьедестала в науке. Но это относится уже ко времени подготовки докторской диссертации.

Поэтому актуальность введения в научный оборот всего комплекса писем А. Е. Преснякова, адресованных С. Ф. Платонову, позволят исправить неточности, высказанные в ряде исследований об их взаимоотношениях в разные периоды общения. Можно сделать и сравнительную рефлексии высказываний в письмах к близким

¹ Брачев В. С. А. Е. Пресняков и петербургская историческая школа. СПб., 2011; Жуковская Т. Н. Александр Евгеньевич Пресняков и его университетские отношения // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Альманах, вып. 7. СПб., 2017. С. 347–360; Её же. Научные амбиции vs этические принципы: особенности академической карьеры А. Е. Преснякова // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 6. С. 42–50.

² Дворниченко А. Ю., Штыков Н. В. Традиции петербургской исторической школы в творчестве Михаила Павловича Ирошников // Вестник С.-Петерб. ун-та. Серия: История. 2022. Т. 67, вып. 1. С. 276.

³ Академик С. Ф. Платонов: Переписка с историками: в 2-х томах. Т. 1. М., 2003.

⁴ Пресняков А. Е. Письма и дневники. 1889–1927. СПб., 2005; Переписка А. Е. Преснякова с друзьями: 1890–1899 // Мир историка: Историографический сборник. Вып. 3. Омск, 2007. С. 376–438.

⁵ Пресняков А. Е. Письма и дневники... С. 305.

⁶ ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3945. Л. 6.

⁷ Там же. Л. 12 об.

⁸ Там же. Л. 29.

⁹ Жуковская Т. Н. Научные амбиции vs этические принципы... С. 46.

людям¹⁰, которым он, безусловно, доверял и поэтому писал не таясь, с содержанием корреспонденций, адресованных С. Ф. Платонову.

Влияние С. Ф. Платонова на процесс становления молодого ученого можно проследить по известным фактам, которые нельзя отрицать или иначе интерпретировать. А. Е. Пресняков начал посещать семинары С. Ф. Платонова, начиная со второго курса. Передавая суть разговора с профессором 2 марта 1893 г., он писал, что он «изо всех молодых будущих петербургских русских историков настоящими считает Рождественского (этот кончил 2 года тому назад и теперь держит магистерский экзамен) и меня». И действительно, именно они и будут среди первых, кто составит «старшее поколение» учеников платоновской школы (к ним следует причислить ещё И. И. Лаппо, Н. П. Павлова-Сильванского и М. А. Полиевктова).

В 1893 г. одной из тем конкурсных сочинений по русской истории в столичном университете на филолого-историческом факультете была «Царственная книга: ее состав и происхождение»¹¹. С. Ф. Платонов привлек к работе А. Е. Преснякова, который 9 сентября 1892 г. писал своей матери: «Ты спрашиваешь, что у меня за работа. Платонов предлагал тему “Царственная книга, ее происхождение и состав”»¹². Согласимся с М. Б. Свердловым, который справедливо заметил: «Платонов заинтересовал подающего надежды студента исследовательской научной работой»¹³. Хронология работы над конкурсным сочинением в полной мере прослеживается по письмам А. Е. Преснякова матери, поэтому скажем, что оно было благополучно завершено и представлено согласно процедуре¹⁴.

Рассматривая сочинение под номером IV с девизом «Disjecta membra poetae» («Разбросанные части поэта»), рецензент, которым являлся С. Ф. Платонов, отметил, что оно обладает большими достоинствами. Небольшой отзыв недавно опубликован¹⁵. Заслуженная награда, открывшая путь к оставлению при университете, была вручена 7 февраля 1893 г. По инициативе С. Ф. Платонова А. Е. Пресняков был оставлен на кафедре со стипендией в 200 руб. В этом же году молодого исследователя учитель представлял и знакомил с «патриархами» ученой корпорации на Археологическом съезде в Вильно. Этот процесс продолжался и в последующие годы. Так, 6 января 1902 г. С. Ф. Платонов писал о А. Е. Преснякове своему старшему коллеге В. С. Иконникову в Киев «Он — талантливый, знающий и очень хороший человек, и я всегда готов ему посочувствовать и посодетьствовать. Если что-либо можете ему сказать или сделать, не откажите»¹⁶.

К юбилею ученого С.-Петербургским институтом истории РАН была проведена конференция (так в её программе) «Школы в исторических науках: к 150-летию А. Е. Преснякова», где было представлено 6 докладов:

- А. В. Сиренов. «Сергей Федорович Платонов и его школа»;
- М. Б. Свердлов. «Александр Евгеньевич Пресняков (1870–1929): к 150-летию со дня рождения»;

¹⁰ Пресняков А. Е. Письма и дневники... С. 4, 92.

¹¹ Протоколы заседаний Совета Санкт-Петербургского университета за весеннее полугодие 1892 года. № 46. СПб., 1892. С. 7, 13.

¹² Пресняков А. Е. Письма и дневники... С. 45.

¹³ Свердлов М. Б. А. Е. Пресняков (1870–1929) жизнь и творчество // Пресняков А. Е. Княжко право в Древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993. С. 512.

¹⁴ Митрофанов В. В. С. Ф. Платонов и А. Е. Пресняков: о первоначальном этапе исследования Царственной книги // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения: Гуманитарные исследования. 2021. № 2 (10). С. 43–52.

¹⁵ Платонов С. Ф. Отзыв на конкурсное сочинение А. Е. Преснякова «Царственная книга: ее состав и происхождение» / Подгот. к печати В. В. Митрофанов // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения: Гуманитарные исследования. 2021. № 2 (10). С. 51.

¹⁶ Академик С. Ф. Платонов: Переписка с историками: в 2-х т. Т. 1. С. 78–79.

- Т. Н. Жуковская. «Амбиции vs научные принципы: особенности академической карьеры А. Е. Преснякова»;
- В. Г. Вовина. «А. Е. Пресняков и А. А. Шахматов: по материалам переписки»;
- А. В. Карпов. «Начальные этапы истории Ростово-Суздальской земли в концептуальных построениях А. Е. Преснякова и современные историко-археологические исследования»;
- З. В. Дмитриева. «Александр Львович Шапиро и его школа».

Здесь же была и презентация книги: «Пресняков А. Е. Лекции по русской истории: Северо-Восточная Русь и Московское государство. СПб.: Нестор-История, 2020». Думается, что конференция со столь обстоятельными докладами, сделанными известными исследователями творчества, эпистолярного наследия представителей петербургской исторической школы, да публикация многие десятилетия лежавшего труда А. Е. Преснякова удалась и должным образом позволили отметить замечательную дату.

Последнее крупное мероприятие, посвященное 150-летию С. Ф. Платонова, прошло в Петербургском университете и Российской Национальной библиотеке в 2010 г.¹⁷

Настоящая публикация приурочена к годовщине со дня рождения ученых — 165-летию С. Ф. Платонова и 155-летию А. Е. Преснякова. В фонде академика хранится 3 папки довольно большого объема писем А. Е. Преснякова. В одной насчитывается 28 писем, хронологически они охватывают период 1900–1905 гг.¹⁸ Это дело было востребовано исследователями, выдавалось до 2017 г. 30 раз. Тематика писем самая разнообразная: обращение за помощью в наведении некоторых нужных справок (например, где найти список работ И. Д. Беляева); работа с летописными сводами; ход преобразования Педагогических курсов при С.-Петербургских гимназиях в Женский педагогический институт (ЖПИ)¹⁹, изложены некоторые сомнения по частным вопросам, содержащимся в «Лекциях» С. Ф. Платонова. В этой связи интересно письмо (в приложении № 23). На него был дан ответ, в начале которого читаем: «Меня очень порадовало Ваше письмецо с научным мне предостережением, как знак Вашего доброго внимания, напомнивший старую дружбу»²⁰.

Немало места уделено работе над диссертацией, которая серьезно затянулась и названа в одном из писем «несчастной». В ответном письме С. Ф. Платонов, успокаивая своего ученика, уже состоявшегося ученого, писал: «Я же знаю, что Ваш труд уже готов»²¹. Кстати, эти слова стали заглавием одной из недавней публикации²².

Часто встречается информация о подготовке статей и исследований, редактировании книги «Люди Смутного времени». Семейные горести и утраты — смерть сына, находят своё место в письмах.

Второе архивное дело насчитывает 22 письма за 1906–1909 гг.²³ После создания ЖПИ, директором которого сразу же в 1903 г. был назначен С. Ф. Платонов²⁴, а А. Е. Пресняков был приглашен преподавателем и руководителем практических занятий

¹⁷ Памяти академика Сергея Федоровича Платонова: исследования и материалы. СПб., 2011. 502 с.

¹⁸ ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3943. Л. 1–38.

¹⁹ Кстати, одно письмо, относящееся к этому времени, мы из другого архивного дела помещаем здесь.

²⁰ Академик С. Ф. Платонов: Переписка с историками: в 2-х томах. Т. 1. С. 94.

²¹ Там же. С. 87.

²² Гришина Н. В., Белик К. М. «Я же знаю, что Ваш труд уже готов», или диссертационные поиски учеников С. Ф. Платонова в переписке с учителем // *Magistra Vitae*. 2017. № 2. С. 162–169.

²³ ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3943. Л. 1–32.

²⁴ Митрофанов В. В. Деятельность С. Ф. Платонова во главе женского Педагогического института // *Клио*. 2006. № 4 (35). С. 212–224.

по русской истории и к тому же был избран секретарем историко-филологического отделения, а потом и профессором. Поэтому в письмах содержится немало сведений по этому учреждению, в том числе о распределении учебной нагрузки.

Третье дело, как свидетельствует лист его выдачи, является наиболее востребованным. На 2024 г. выдавалось 58 раз, насчитывает 23 письма (одно по содержанию относится к первому периоду переписки, поэтому перенесено) и 2 телеграммы, датируются они 1910–1928 гг. Небольшое количество корреспонденций за продолжительный период указывает на эпизодичность письменного общения. Здесь затрагиваются, как и прежде, многочисленные вопросы, представляющие взаимный интерес: деятельность и заседания разного рода комиссий, научных обществ. Особый интерес представляют специальные вопросы по русской истории, например, духовные Ивана Калиты, проблемы Московского государства и работа над исследованиями по заказам издательств, содержание выходящих журналов, уровень студенческих работ. Проявление заботы о П. Г. Любомирове, сведения о летнем пребывании С. А. Адриана — близкого друга А. Е. Преснякова, отзыв о книге М. А. Островской²⁵, лаконичная характеристика работы Н. Ф. Лаврова о московских летописях. В письмах упоминаются многочисленные фамилии как известных ученых, так и молодых исследователей. Историкографический интерес представляет «Жизнеописание А. Е. Преснякова» с приложением списка публикаций на имя В. П. Волгина, бывшего в то время деканом этнологического факультета МГУ.

Характерной чертой всех корреспонденций является отсутствие года написания или вообще даты. Поэтому важны карандашные пометы С. Ф. Платонова, почтовые штемпели на открытках и конвертах, позволяющие датировать и установить хронологию писем. Это обстоятельство затрудняло работу как архивных работников, так и исследователей.

Кроме указанных эпистолярий в этом же архиве имеются и другие многочисленные материалы, имеющие отношение к А. Е. Преснякову²⁶. Например, опубликовано письмо к нему М. А. Александровой (ученица С. Ф. Платонова, первая в России женщина — начальница учительского института) из Хабаровска, от 26 сентября 1899 г. Здесь А. Е. Пресняков именуется «самым верным его (С. Ф. Платонова — В. М.) учеником»²⁷. Интерес представляет и несколько черновигов, три из которых написаны С. Ф. Платоновым и одна — записка А. Е. Преснякова, относящиеся к 1919–1925 гг.²⁸ О том, что переписка между ними была взаимной, свидетельствует небольшое количество писем С. Ф. Платонова, хранящихся в Петербурге²⁹. Они все опубликованы³⁰.

В приложении помещены письма за 1900–1905 гг., которыми начинается публикация эпистолярий А. Е. Преснякова, адресованных С. Ф. Платонову. Они в полной мере,

²⁵ Отзыв о сочинении М. А. Островской «Земельный быт населения русского севера в XVI–XVIII вв.» СПб., 1913 (IX+370+96 стр.), составленный проф. А. Е. Пресняковым / Подгот. к публ. В. В. Митрофанов // Клио. 2008. № 1 (40) С. 14–19. Примечательно, что С. Ф. Платонов, обратился к А. Е. Преснякову с просьбой о составлении упомянутого отзыва и присоединился к его содержанию и выводам.

²⁶ ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 4. Д. 6722. Л. 1–2.

²⁷ Митрофанов В. В. «Сергею Федоровичу привет от самой верной его ученицы через самого верного его ученика»: Письма М. А. Постниковой (Александровой) из Хабаровска // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2020. № 3 (68). С. 23.

²⁸ ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 1886. Л. 1–4 об.

²⁹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 193. Оп. 2. Д. 18. Л. 1–13 об.

³⁰ Академик С. Ф. Платонов: Переписка с историками: в 2-х томах. Т. 1. С. 68, 85–88, 94, 96–97, 123.

с применением историко-сравнительного метода с «Письмами и дневниками», позволят составить картину взаимоотношений между учителем и учеником в течение нескольких десятилетий. С. Ф. Платонов был первым, кто составил отзыв на первое серьезное исследование студента А. Е. Преснякова, он же успел составить и некролог³¹ о своём выдающемся ученике, правда, опубликованный уже после ареста.

В деловой корреспонденции директора ЖПИ С. Ф. Платонова на имя Почетного попечителя великого князя Константина Константиновича не раз упомянут А. Е. Пресняков. Так, 3 февраля 1906 г. первый «Почтительнейше ходатайствует» об утверждении «в должности секретаря» Словесно-исторического отделения А. Е. Преснякова, избранного 26 января³². 21 мая этого же года он подписался под рекомендациями как член комиссии, рассматривавшей вопрос о «желательной постановке преподавания в Институте Закона Божия»³³.

Таким образом, в указанный период общение С. Ф. Платонова с А. Е. Пресняковым было очень активным. Прежде всего оно было личным: в ЖПИ, научно-исторических обществах, на официальных мероприятиях, в семейном кругу. Это подчеркивает довольно частая переписка. Среди вопросов, которые представляли взаимный интерес, были научные, учебные, административные, личные, семейные дела, а также касающиеся третьих лиц. Формы общения уважительные, доброжелательные. О чем и свидетельствуют публикуемые письма.

Источники и литература

Источники

1. Академик С. Ф. Платонов: Переписка с историками: в 2-х томах. Т. 1. М., 2003.
2. Архив СПбИИ РАН. Ф. 193 (А. Е. Пресняков). Оп. 2. Д. 18.
3. ОР РНБ. Ф. 585 (С. Ф. Платонов). Оп. 1. Ч. 2. Д. 1886.
4. ОР РНБ. Ф. 585 (С. Ф. Платонов). Оп. 1. Ч. 2. Д. 3943.
5. ОР РНБ. Ф. 585. (С. Ф. Платонов). Оп. 1. Ч. 2. Д. 3945.
6. ОР РНБ. Ф. 585. (С. Ф. Платонов). Оп. 1. Ч. 4. Д. 6722.
7. Отзыв о сочинении М. А. Островской «Земельный быт населения русского севера в XVI–XVIII вв.» СПб., 1913 (IX+370+96 стр.), составленный проф. А. Е. Пресняковым / Подгот. к публ. В. В. Митрофанов // Клио. 2008. № 1 (40) С. 14–19.
8. Переписка А. Е. Преснякова с друзьями: 1890–1899 // Мир историка: Историографический сборник. Вып. 3. Омск, 2007. С. 376–438.
9. Платонов С. Ф. Отзыв на конкурсное сочинение А. Е. Преснякова «Царственная книга: ее состав и происхождение» / Подгот. к печати В. В. Митрофанов // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения: Гуманитарные исследования. 2021. № 2 (10). С. 51.
10. Пресняков А. Е. Письма и дневники. 1889–1927. СПб., 2005.
11. Протоколы заседаний Совета Санкт-Петербургского университета за весеннее полугодие 1892 года. № 46. СПб., 1892.

³¹ Платонов С. Ф. А. Е. Пресняков: [Некролог] // Известия Академии Наук СССР. Отделение гуманитарных наук. Сер. VII. [1930]. № 2. С. 83–86.

³² Митрофанов В. В. Почетный попечитель и директор Женского педагогического института: деловая переписка (1902–1907 гг.) // Культурный ландшафт регионов. 2024. Т. 6, № 3–4. С. 51–52.

³³ Там же. С. 54.

Литература

12. Брачев В. С. А. Е. Пресняков и петербургская историческая школа. Изд. 2-е. СПб., 2011.
13. Гришина Н. В., Белик К. М. «Я же знаю, что Ваш труд уже готов», или диссертационные поиски учеников С. Ф. Платонова в переписке с учителем // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии*. 2017. № 2. С. 162–169.
14. Груздева Е. Н. Академическое интермеццо: Очерки истории Санкт-Петербургского Императорского Женского педагогического института. СПб., 2009.
15. Дворниченко А. Ю., Штыков Н. В. Традиции петербургской исторической школы в творчестве Михаила Павловича Ирошников // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Серия: История. 2022. Т. 67, вып. 1. С. 276–292.
16. Жуковская Т. Н. Александр Евгеньевич Пресняков и его университетские отношения // *Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях*. Альманах, вып. 7. СПб., 2017. С. 347–360.
17. Жуковская Т. Н. Научные амбиции vs этические принципы: особенности академической карьеры А. Е. Преснякова // *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*. 2022. Т. 44, № 6. С. 42–50.
18. Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888.
19. Люди Смутного времени / под ред. А. Е. Преснякова. СПб., 1905.
20. Митрофанов В. В. Деятельность С. Ф. Платонова во главе женского Педагогического института // *Клио*. 2006. № 4 (35). С. 212–224.
21. Митрофанов В. В. «Сергею Федоровичу привет от самой верной его ученицы через самого верного его ученика»: Письма М. А. Постниковой (Александровой) из Хабаровска // *Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина*. 2020. № 3 (68). С. 15–27.
22. Митрофанов В. В. С. Ф. Платонов и А. Е. Пресняков: о первоначальном этапе исследования Царственной книги // *Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения: Гуманитарные исследования*. 2021. № 2 (10). С. 43–52.
23. Митрофанов В. В. Почетный попечитель и директор Женского педагогического института: деловая переписка (1902–1907 гг.) // *Культурный ландшафт регионов*. 2024. Т. 6, № 3–4. С. 33–83.
24. Памяти академика Сергея Федоровича Платонова: исследования и материалы. СПб.: Любавич, 2011.
25. Платонов С. Ф. А. Е. Пресняков: [Некролог] // *Известия Академии Наук СССР. Отделение гуманитарных наук*. Сер. VII. [1930]. № 2. С. 83–86.
26. Свердлов М. Б. А. Е. Пресняков (1870–1929) жизнь и творчество // *Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории*. Киевская Русь. М., 1993. С. 506–554.

Sources and References

Sources

1. *Akademik S.F. Platonov: Perepiska s istorikami [Academician S.F. Platonov: Correspondence with historians]*, in 2 vols., vol. 1. Moscow. (In Russian)
2. Archive of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences. F. 193 (A. E. Presnyakov), inv. 2, no. 18. (In Russian)
3. Department of Manuscripts of the Russian National Library. F. 585 (S. F. Platonov), inv. 1, part 2, no. 1886. (In Russian)

4. Department of Manuscripts of the Russian National Library. F. 585 (S. F. Platonov), inv. 1, part 2, no. 3943. (In Russian)
5. Department of Manuscripts of the Russian National Library. F. 585 (S. F. Platonov), inv. 1, part 2, no. 3945. (In Russian)
6. Department of Manuscripts of the Russian National Library. F. 585 (S. F. Platonov), inv. 1, part 4, no. 6722. (In Russian)
7. Otzyv o sochinenii M. A. Ostrovskoj “Zemel’nyj byt naseleniya russkogo severa v 16–18 vv.” St. Petersburg, 1913 (IX+370+96 str.), sostavlennyj prof. A. E. Presnyakovym [Review of M. A. Ostrovskaya’s work “The land life of the population of the Russian North in the 16–18 centuries.” St. Petersburg, 1913 (IX+370+96 pages), compiled by Professor A. E. Presnyakov], prep. for publ. by V. V. Mitrofanov. *Klio*, 2008, no. 1 (40), p. 14–19. (In Russian)
8. Perepiska A. E. Presnyakova s druz'yami 1890–1899 [Correspondence of A. E. Presnyakov with the friends 1890–1899]. *Mir istorika: Istoriograficheskij sbornik*, issue 3. Omsk, 2007, p. 376–438. (In Russian)
9. Platonov S. F. Otzyv na konkursnoe sochinenie A. E. Presnyakova “Czarstvennaya kniga: ee sostav i proisxozhdenie” [Review of A. E. Presnyakov’s competitive essay “The Royal Book: its composition and origin”], prep. for publ. by V. V. Mitrofanov. *Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo universiteta putej soobshheniya: Gumanitarny`e issledovaniya = Bulletin of the Siberian State University of Railway Transport: Humanitarian Studies*, 2021, no. 2 (10), p. 51. (In Russian)
10. Presnyakov A. E. *Pis'ma i dnevniki. 1889–1927* [Letters and diaries. 1889–1927]. St. Petersburg, 2005. (In Russian)
11. *Protokoly zasedanij Soveta Sankt-Peterburgskogo universiteta za vesennee polugodie 1892 goda* [Minutes of the meetings of the Council of St. Petersburg University for the spring half of 1892], no. 46. St. Petersburg, 1892. (In Russian)

References

12. Brachev V. S. *A. E. Presnyakov i peterburgskaya istoricheskaya shkola* [A. E. Presnyakov and the St. Petersburg Historical School], 2nd ed. St. Petersburg, 2011. (In Russian)
13. Dvornichenko A. Yu., Shty`kov N. V. Tradicii peterburgskoj istoricheskoy shkoly v tvorchestve Mixajla Pavlovicha Iroshnikova [Traditions of the St. Petersburg Historical School in the works of Mikhail Pavlovich Iroshnikov]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta = Bulletin of St. Petersburg University*, series History, 2022, vol. 67, issue 1, p. 276–292. (In Russian)
14. Grishina N. V., Belik K. M. “Ya zhe znayu, chto Vash trud uzhe gotov”, ili dissertacionnye poiski uchenikov S. F. Platonova v perepiske s uchitelem [“I know that your work is already ready”, or the dissertation searches of S. F. Platonov’s students in correspondence with a teacher]. *Magistra Vitae = Magistra Vitae. An electronic journal of historical sciences and archeology*, 2017, no. 2, p. 162–169. (In Russian)
15. Gruzdeva E. N. *Akademicheskoe intermecco: Oчерki istorii Sankt-Peterburgskogo Imperatorskogo Zhenskogo pedagogicheskogo instituta* [Academic Interlude: Essays on the History of the St. Petersburg Imperial Women’s Pedagogical Institute]. St. Petersburg, 2009. (In Russian)
16. Lihachev N. P. *Razryadnye d’yaki 16 veka* [Rank clerks of the 16 century]. St. Petersburg, 1888. (In Russian)
17. *Lyudi Smutnogo vremeni* [People of the Time of Troubles], ed. by A. E. Presnyakov. St. Petersburg, 1905. (In Russian)
18. Mitrofanov V. V. Deyatel’nost S. F. Platonova vo glave zhenskogo Pedagogicheskogo instituta [The activities of S. F. Platonov at the head of the Women’s Pedagogical Institute]. *Klio*, 2006, no. 4 (35), p. 212–224. (In Russian)
19. Mitrofanov V. V. Pochetnyj popechitel i direktor Zhenskogo pedagogicheskogo instituta: delovaya perepiska (1902–1907 gg.) [Honorary trustee and director of the Women’s Pedagogical

Institute: business correspondence (1902–1907)]. *Kul'turny'j landshaft regionov*, 2024, vol. 6, no. 3–4, p. 33–83. (In Russian)

20. Mitrofanov V. V. S. F. Platonov i A. E. Presnyakov: o pervonachalnom etape issledovaniya Czarstvennoj knigi [S. F. Platonov and A. E. Presnyakov: on the initial stage of the study of the Royal Book]. *Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo universiteta putej soobshheniya: Gumanitarny'e issledovaniya* = *Bulletin of the Siberian State University of Railway Transport: Humanitarian Studies*, 2021, no. 2 (10), p. 43–52. (In Russian)

21. Mitrofanov V. V. "Sergeyu Fedorovichu privet ot samoj vernoj ego uchenicy cherez samogo vernogo ego uchenika": Pis'ma M. A. Postnikovoj (Aleksandrovoj) iz Xabarovska ["Greetings to Sergey Fedorovich from his most faithful pupil through his most faithful pupil": Letters from M. A. Postnikova (Alexandrova) from Khabarovsk]. *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S. A. Esenina* = *Bulletin of Ryazan State University named after S. A. Yesenin*, 2020, no. 3 (68), p. 15–27. (In Russian)

22. *Pamyati akademika Sergeya Fedorovicha Platonova: issledovaniya i materialy* [In memory of Academician Sergei Fedorovich Platonov: research and materials]. St. Petersburg: Lyubavich Publ., 2011. (In Russian)

23. Platonov S. F. A. E. Presnyakov: [Nekrolog] [A. E. Presnyakov: [Obituary]]. *Izvestiya Akademii Nauk SSSR. Otdelenie Gumanitarnykh nauk*, series VII, [1930], no. 2, p. 83–86. (In Russian)

24. Sverdlov M. B. A. E. Presnyakov (1870–1929) zhizn' i tvorchestvo [A. E. Presnyakov (1870–1929) life and work]. In: Presnyakov A. E. *Knyazhoe pravo v Drevnej Rusi. Lekcii po russkoj istorii. Kievskaya Rus'*. Moscow, 1993, p. 506–554. (In Russian)

25. Zhukovskaya T. N. Aleksandr Evgen'evich Presnyakov i ego universitetskie otnosheniya [Alexander Evgenievich Presnyakov and his university relations]. *Drevnyaya Rus: vo vremeni, v lichnostyax, v ideyax* [Ancient Russia: in time, in personalities, in ideas], Almanac, issue 7. St. Petersburg, 2017, p. 347–360. (In Russian)

26. Zhukovskaya T. N. Nauchnye ambicii vs eticheskie principy: osobennosti akademicheskoy karery A. E. Presnyakova [Scientific ambitions vs ethical principles: features of A. E. Presnyakov's academic career]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, vol. 44, no. 6, p. 42–50. (In Russian)

Приложение

Письма А. Е. Преснякова С. Ф. Платонову: 1900–1905 гг.

№ 1

13 сент[ября]

Карандашная помета С. Ф. Платонова: «1900».

Многоуважаемый Сергей Федорович!

Мне помешали сегодня прийти к Вам. Поэтому, не решаясь отнимать у Вас время неурочное, позволяю себе просить Вашего указания письменно: нельзя ли по тексту, напечатанного у Лихачева³⁴ в «Разрядных дьяках»³⁵ на стр[анице] 468 определить кто был в 1576 г. Петр Шетнёв, и не знаете ли Вы чего-либо о нём? Конечно, второй вопрос касается только того, что Вы, быть может, вспомните о нём, и, ради Бога, не утруждайте себя никакими справками. А за ответ на первый вопрос, если это Вас не затрудит,

³⁴ Лихачёв Николай Петрович (1862–1936) — русский и советский историк, специалист в области источниковедения, дипломатики и сфрагистики

³⁵ Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888.

буду очень благодарен. Пишу, ибо думаю, что Вам легче черкнуть два слова, чем терять время на моё посещение с личной просьбой.

Простите за бесцеремонность преданного Вам А. Преснякова /Автограф/³⁶.
ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3943. Л. 1–1 об.

№ 2

Карандашная помета С. Ф. Платонова: «1900»

Многоуважаемый Сергей Федорович!

Мне перед Вами очень стыдно. Появляюсь незванный, то понапрасну заручаюсь Вашим разрешением. В пятницу мне опять помешали. Приехал зять с сестрой³⁷ — заявил, что он именинник и потому приехал к нам. Духу не хватило прогнать его или уехать — мы не так часто видимся. А время упустил, теперь не знаю, как быть. Боюсь совсем надоесть Вам, а, между тем, досмотреть Патриарший список³⁸ мне необходимо. Простите великодушно и помогите. Вы, кажется, говорили, что всегда по пятницам заняты. Я не спешу и приду в Пятницу — во что бы то ни стало — если позволите. Не утруждайте себя ответом, если ничего не имеете против. А если нельзя, то назначьте любой вечер.

Напрасно беспокоил я Вас и просьбой своей о книге Перетца³⁹. Лапшин⁴⁰ мне свой экземпляр подарил.

Преданный Вам А. Пресняков /Автограф/.

Не спешу со списками Никоновской лет[описью]⁴¹, потому что много возни в Львовской⁴² и Карамзинским В[ременником]⁴³. Набрал мелких наблюдений и никак не слажу с их упорядочением. А слажу тогда свет увижу.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3943. Л. 2–2 об.

№ 3

24 апр[еля].

Карандашная помета С. Ф. Платонова: «1901»

Многоуважаемый Сергей Федорович!

Вчера я узнал от Бороздина⁴⁴ крайне грустные вести о деле преобразования Педагогических Курсов⁴⁵ Комиссия, под председательством В[еликого] К[нязя] К[онстантина]

³⁶ Ответное письмо от 14 сентября опубликовано в: Академик С. Ф. Платонов: Переписка с историками: в 2-х томах. Т. 1. С. 68.

³⁷ У А. Е. Преснякова было 5 сестер, трудно сказать о ком идет речь.

³⁸ Список «Царственной книги, то есть Летописец царствования царя Иоанна Васильевича, от 7042 году до 1761», хранившейся в Патриаршей библиотеке.

³⁹ Перетц Владимир Николаевич (1870–1935) — филолог, литературовед, академик.

⁴⁰ Лапшин Иван Иванович (1870–1952) — философ, психолог, друг А. Е. Преснякова.

⁴¹ Никоновская летопись — крупнейший памятник русского летописания XVI в., названа по имени патриарха Никона, которому принадлежал один из ее списков.

⁴² Львовская летопись — русская летопись XVI в., содержащая известия до 1533 г. Летопись была издана в 1792 г. Н. А. Львовым, от которого и получила свое название.

⁴³ Карамзинский список Русской Правды — это вид списков Пространной Правды, открытый Н. М. Карамзиным.

⁴⁴ Бороздин Александр Корнилович (1863–1918) — историк русской литературы, приват-доцент Санкт-Петербургского (Петроградского) университета (1895–1918), преподаватель русской литературы на Педагогических курсах с 1903 г. и в ЖПИ (1895–1907).

⁴⁵ Педагогические курсы при Санкт-Петербургских женских гимназиях были основаны в 1859 г. при первой женской (Мариинской) гимназии и с тех пор подвергались неоднократным преобразованиям.

К[онстантиновича]⁴⁶, как будто действует — и вот в каком составе: 1) Федоров 2) Каптерев, 3) Воронцов, 4) Степанов, 5) Папкина, 6) Кемецкая, 7) Корф и 8) Кеппен⁴⁷.

Т. е. из элементов либо безразличных, сторонних курсам, либо враждебных нашему начинанию (Степанов и три дамы) — и никто из них не несёт тона “высшего” образования. Думаю, они организуют “педагогические” классы с духовно-убогим настроением. Нет ли в этой Комиссии и будущего «инспектора» в лице Федорова?

Крайне сожалею, что не попросил у Вас «дела» об учебниках Кареева, чтобы просмотреть к субботе.

Преданный Вам А. Пресняков /Автограф/
ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3943. Л. 3–3 об.

№ 4

Многоуважаемый Сергей Федорович,

Я получил письмо от библиотекаря Синодальной Библиотеки Н. П. Попова⁴⁸, с сообщением, что от Прокурора Синодальной Конторы отправлена в Археографическую Комиссию просьба с высылке изданий. Попов пишет, что «вообще, а в частности в Петербурге» одно официальное ходатайство ничего не значит, и что ему обратиться не к кому, а потому просит меня помочь, если могу. При этом он указывает, что «многие лица и учреждения недовольны на теперешнюю администрацию Библиотеки за прекращение высылки рукописей», но думает, что это недовольство не справедливо переносится на подчиненное учреждение, которое не имеет возможности влиять на своё начальство. Занимающиеся в Библиотеке также не повинны в «ненормальном порядке, который охраняется властными руками».

Наконец: «если Комиссия преследует истинно научные цели, то этим целям, как нельзя более соответствует высылка изданий в место, где ими может пользоваться большое число лиц и при том в самые нужные моменты, когда возникают какие-либо научные комбинации».

Позволяю себе передать Вам аргументы Попова в надежде, что Вы найдёте возможным подействовать. Адрианов говорил, что подобные просьбы иногда оставались под сукном из-за правителя дел. А это было бы жаль, п[отому] что нужда в Синод[альной] Биб[лиотеке] большая.

Преданный Вам А. Пресняков /Автограф/

Кстати: Страннолюбский⁴⁹ недавно говорил, что в инспектора курсов думают пригласить какое-нибудь ещё авторитетное и постороннее ведомству⁵⁰, но имеет ли

⁴⁶ Константин Константинович (1858–1915) — великий князь, поэтический псевдоним «К. Р.», член Российского Императорского дома, президент Академии наук, почетный попечитель Женского педагогического института.

⁴⁷ В. В. Федоров, А. Г. Воронов, П. И. Степанов (начальник женских гимназий) — члены Ученого комитета ММП. П. Ф. Каптерев — педагог, О. А. Папкина — начальница Курсов, А. М. Кемецкая и М. Л. Корф — помощницы начальницы. П. Е. Кеппен (1846–1911) — адъютант великого князя Константина Николаевича, генерал от артиллерии. Е. Н. Груздева к этому списку, ссылаясь на архивный документ (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 1. Д. 296. Л. 10), добавляет руководителей Маринского ведомства П. М. фон-Кауфмана и Н. А. Воеводского (*Груздева Е. Н.* Академическое интервью: Очерки истории Санкт-Петербургского Императорского Женского педагогического института. СПб., 2009. С. 15).

⁴⁸ Попов Николай Петрович (1864–1938) — историк, археограф, хранитель Синодальной библиотеки и московского Патриаршего древнехранилища, специалист по древнерусской догматической и богослужебной литературе, греческой палеографии.

⁴⁹ Страннолюбский Александр Николаевич (1839–1903) — русский педагог и общественный деятель, участвовал в организации Высших женских курсов в Санкт-Петербурге.

⁵⁰ Ведомство по учреждениям императрицы Марии.

кого-ниб[удь] в виду, ему не сказали. Проект 4-х летнего курса⁵¹ — в ведомстве и, по-видимому, вел[икий] князь⁵² тянет дело о назначении инспектора, пока преобразование курсов не будет решено в принципе, с ассигновкой нужной суммы, более значительной, чем та, которую мы наметили в нашем проекте. Всё это Стр[аннолюбский] слышал, кажется от Кеппена⁵³.

Пометы С. Ф. Платонова: План двора дома с указанием расстояния между домами в метрах⁵⁴.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3944. Л. 31–32.

№ 5

Карандашная помета С. Ф. Платонова: «Весна 1901»

Многоуважаемый Сергей Федорович!

Только что узнал, что в Учебном Отделе М[инистерства] Финансов готово положение о студенческом самоуправлении, которое предполагают теперь же (в мае) ввести в подведомственных Витте⁵⁵ учебных заведениях. Этому шагу Витте придаёт вид награды студентам за их корректное поведение. Когда ему доложили, что едва ли удобно обойтись без сношения с Ванновским⁵⁶, он ответил, что уже говорил с Государем. Ходит слух, что Сазонова, редактора «России»⁵⁷ призывал князь Шаховской⁵⁸ и объявил ему предостережение за статью «Перед дверьми университета» и прибавил, что т[а]к к[а]к предостережение поднимают продажу, то оно объявлено не будет (последнее — не первый пример).

Возможно ли это?

Преданный Вам А. Пресняков /Автограф/⁵⁹.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3943. Л. 4–4 об.

№ 6

Карандашная помета С. Ф. Платонова: «1901»

Многоуважаемый Сергей Федорович!

Я забыл спросить Вас, нужно ли Вам теперь же то описание Александро-Невской летописи, которое Вы весной поручили мне составить. Если да, то я это могу выполнить в неделю, при чём имею дерзость надеяться, что Вы возьмёте рукопись

⁵¹ Речь идет о создании ЖПИ.

⁵² Речь идет о великом князе Константине Константиновиче, стоявшем у истоков ЖПИ и ставшем его почетным попечителем.

⁵³ Кеппен Павел Егорович (1846–1911) — генерал от артиллерии, адъютант великого князя Константина Николаевича (1879–1892), управляющий двором великой княгини Александры Иосифовны (с 1892 г.).

⁵⁴ Содержание письма указывает на время написания, когда решался вопрос о преобразовании Курсов в ЖПИ.

⁵⁵ Витте Сергей Юльевич (1849–1915) — граф, государственный деятель, министр финансов (1892–1903).

⁵⁶ Ванновский Петр Семенович (1922–1904) — русский военный и государственный деятель, военный министр (1881–1898) и министр народного просвещения (1901–1902).

⁵⁷ Сазонов Георгий Петрович (1852 (1857) — после 1934) — российский статистик, в 1899–1902 гг. был главным редактором газеты «Россия».

⁵⁸ Шаховской Николай Владимирович (1856–1906) — князь, историк, экономист, литературовед, начальник Главного управления по делам печати Российской империи с 1900 по 1902 гг.

⁵⁹ Слова «теперь же (в мае)» позволяют датировать письмо этим месяцем.

из Комиссии и дадите мне. Если же это не удобно, то я, конечно, и в Комиссии могу заниматься.

Ваш А. Пресняков /Автограф/⁶⁰.
ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3943. Л. 5.

№ 7

8 ноября [1901]

Многоуважаемый Сергей Федорович!

Нового ср. с 28–29 стр. «Царств[енной] книги» я предложил бы, ввиду полной бесполезности сих страниц, описание А[лександро]-Н[евской] летописи по отрывкам (от слов-до слов), с точным указанием, какие отрывки вполне повторяют «Царств[енную] книгу», какие — Ник[оновскую] с рис., а какие ни то, ни другое, а дают возможность реставрировать утраченные листы. При этом само собой выясняется значение «двойных» и «тройных» листов, т. е. quasi- повторений в «А[лександро]-Н[евской] летописи. Конечно, это дело пустое, но мне эту разборку легче и скорее сделать, по моему черновому описанию «А[лександро]-Н[евской]», чем Вам.

Если Вам это пригодится, то позвольте зайти за рукописью завтра, в пятницу, около 4 ½ часов. Если Вас дома не будет, то оставьте рукопись для передачи мне. С[ергея] А[лександровича]⁶¹ я об этом уже предупредил.

Ваш А. Пресняков /Автограф/⁶².
ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3943. Л. 6.

№ 8

Многоуважаемый Сергей Федорович!

Простите, что беспокою. Не можете ли Вы указать мне, где я мог бы найти возможно полный список работ И. Д. Беляева⁶³? Мне хотелось бы просмотреть всё, что он писал о летописях (для вступительной главы).

А если такой библиографии нет, то как избежать неполноты, которая для меня нежелательна, по отношению к Беляеву?

Исполнением этой просьбы весьма обяжите Вашего А. Преснякова /Автограф/.
Моховая, 22, кв. 24.

Карандашная помета С. Ф. Платонова: «1901».
ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3943. Л. 7.

№ 9

18 февр[аля].

Карандашная помета С. Ф. Платонова: «1902».

Многоуважаемый Сергей Федорович!

Так как я прикомандирован к Ив. М. по части Средней истории и оба мы весьма беспомощны перед Византией и славянами то, быть может, мне было бы полезно, а, во всяком случае, весьма интересно, познакомиться с запиской Б. А. Тураева⁶⁴

⁶⁰ На почтовой карточке. На штемпеле дата не пропечатана.

⁶¹ Вероятно, речь идет о С. А. Адрианове, члене Археологической комиссии.

⁶² На почтовой карточке. На штемпеле — 1901 г.

⁶³ Беляев Иван Дмитриевич (1810–1873) — российский историк, археолог, коллекционер.

⁶⁴ Тураев Борис Александрович (1868–1920) — русский историк-антиковед, создатель отечественной школы истории Древнего Востока, в частности, Древнего Египта и Нубии.

по делу об усилении восточных православных элементов в Средней истории. Если она у Вас есть — не одолжите ли? Может быть, найдёте возможным прислать её по почте?

Ваш А. Преснякова /Автограф/.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3943. Л. 8.

№ 10

18 марта

Карандашная помета С. Ф. Платонова: «1902».

Дорогой Сергей Федорович!

Прочёл Тифлиссские протоколы — и не знаю, чем бы я мог быть Вам полезен. Это «планы уроков» и их разбор, очень дельный, но едва ли можно его обобщать? В таком деле всё сводится к тысяче мелочей и вариантов. Для общих указаний пока мало материала, вероятно.

Вот если бы собрать большой материал такого рода, да его систематизировать — это бы дело было. Практику тут могли бы дать и обобщенный материал, конечно, если обобщать его будут они же, а не чиновники Округа или М[инистерст]ва.

Важнейшие вопросы, поднятые тут: напр[имер], о карте (стр.3); люди опытные высказались в её пользу.

Такие пустяки, как составление альбомов из рисунков иллюстрированных изданий, лучше не подчёркивать (хотя это ведь и К. А. Иванов⁶⁵ рекомендует)?

Затем, вопрос о выяснении причин. Поучительно, что Комиссия пришла сперва решительно к выводу, что рассказы должны лишь отвечать на вопрос: «как»? (стр. 4), но на деле должна отказаться от этого (стр. 45).

Выбор и его мотивировка на стр. 6, кажутся мне очень дельными: мелкие рассказы летописи, яркие в своей сжатой конкретности нельзя раздувать в рассказы классные — ничего не выйдет. Здоровым чувством подказана и антипатия к антитезе Владимира язычника и В[ладими]ра христианина.

Замечания по поводу пользования поэтическими (26–27) убеждают меня, что я зря написал в своей записке об этом. Думаю, что тут верно отрицать их пользу.

Симпатичным показалась мне наличность бесед, с местной старины (стр. 9) — ср[авнить] Мегульгунова 1-я беседа. Не обобщить ли это?

Зато подчёркивание 17-го Окт[ября] не могу одобрить, ибо фальшиво? И дети посмышлёнее в чудо не поверят. А что такое 25-е Декабря? К стыду — не знаю (стр. 9). А вот это: как смотрите Вы на записи (стр. 40–41)? Чтобы всё-таки было дело, была работа, было сознание, что надо сохранить что-то? Я знаю все, что против сего приводят. Не думаю, что утрируют и что заметки по указаниям педагогов для предубеждения некоторой самостоятельности, и, пожалуй, лучше иной раз зубренье текста учебника? Или это ересь?

Выжимаю из себя всё, что могу. Но это собственно, признание банкротства. Дело мне не знакомое. Ни опыта, ни способностей к этому преподаванию, лишь внешне по материалу, историческому у меня нет. Простите, что негоден.

Мне вообще грустно. Ни я педагог, ни я учёный. Таков мотив и даже Leitmotiv моего нынешнего настроения.

Ваш А. Преснякова /Автограф/.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3943. Л. 9–10 об.

⁶⁵ Иванов Константин Алексеевич (1858–1919) — педагог, директор ряда гимназий Петербурга, преподавал детям императора Николая II, университетский друг С. Ф. Иванова.

№ 11

5 июня

Карандашная помета С. Ф. Платонова: «1902».

Дорогой Сергей Федорович!

До Вас дошли вести о моих перипетиях. Мы спешно вернулись из деревни, потому что мой второй сынишка⁶⁶ заболел брюшным тифом. Теперь дело идёт на поправку, хотя силёнки восстанавливаются медленно и нужна большая осторожность, что бы снова не пошатнулось.

Как бы то ни было, пора приниматься за работу. Хотелось бы очень повидать Вас. Успею-ли? Вы чуть-ли не после завтра уезжаете? Но, кажется, не совсем? Если время мною ещё не упущено, и если у Вас оно есть, будьте добры черкнуть, могу ли я Вас поймать.

Преданный Вам А. Преснякова /Автограф/.

Моховая, 22. Кв. 24.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3943. Л. 11.

№ 12

[5. X. 1902]⁶⁷

Дорогой Сергей Федорович,

И. М. Гревс весьма огорчён, что не получил программ? Я ему ответил предположением, что Вы ему послали экземпляр в гимназию, или оставите в университете, или сделаете это. Вероятно — угадал?

А знаете, что относительно сих программ разослан контр-циркуляр с отметкой их пробы на деле? Что в III-х классах начали русскую историю, потом, получив программы, бросили и взялись за древнюю, а теперь это бросили и возвращаются к русской?

Господи, спаси нас от безумия сего времени.

Преданный Вам А. Преснякова /Автограф/.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3943. Л. 12.

№ 13

[16. II. 1903]⁶⁸

Дорогой Сергей Федорович!

Я получил от Карцева⁶⁹ письмо с приглашением на собрание в Бюро Пед[агогического] Общ[ества]⁷⁰ в понедельник, но быть не могу, ибо на понедельник назначено собрание в Мраморном Дворце⁷¹, на котором мне, к сожалению, нельзя не быть. Ваш А. Преснякова /Автограф/.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3943. Л. 13.

⁶⁶ Пресняков Александр (1902–1953) — сын А. Е. Преснякова.

⁶⁷ Дата на почтовом штемпеле.

⁶⁸ Дата на почтовом штемпеле на почтовой карточке.

⁶⁹ Карцев Николай Сергеевич (1856–?) — инспектор Мариинского института.

⁷⁰ Было создано 23 января 1860 г.

⁷¹ Резиденция великого князя Константина Константиновича.

Дорогой Сергей Федорович!

У меня осталось неприятное впечатление от одной мною Вам сказанной фразы. Простите, что беспокою Вас таким вздором, но меня мутит, что Вы могли бы Бог весть как понять её. На Ваши слова что хорошо поработать на пользу учителей, я сказал, что удивляюсь Вашей вере и сам не знаю, не значит ли это лить воду за окошко. Я совсем не то разумел, не учителей, конечно, и не работу для них, а сотрудничество и влияние Ваше в благом деле улучшения преподавания. Меня удручают циркуляры, проекты и повеления, чтобы округ, который их исполнять будет мог искренно — я говорю об учреждении, а не о лице, В. А. Латышеве⁷², конечно, искренне изменить такт по отношению к учителям. Спор о программе и рассказанный анекдот о Санчурском⁷³ — хорошая иллюстрация. Обещает свободу и уважение, а щёлкает. Кто такие для ведомства Латышев или Санчурский? Я знаю некоторые взгляды Дебольского⁷⁴ — то этим программа должна связывать преподавателя, который не должен своих мнений пропагандировать. А «новый курс» пока шатается и выродился в хаос и бестолковщину. Вот такого порядка мысли заставили меня так говорить с Вами.

Простите. Но мне было бы больно, если бы у Вас, дорогой Сергей Федорович, осталось впечатление, что я выразил низкую мысль. А, вперёд, что Вы не обратили внимания на случайный обмен репликами — то тем лучше.

Ваш А. Преснякова /Автограф/.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3943. Л. 14–15.

Дорогой Сергей Федорович!

Сердечное спасибо Вам и Надежде Николаевне за доброе слово. Поразило нас с Юлей неожиданное известие о Вашей маленькой Оли. Ваше сердечное участие мне искренне дорого⁷⁵, как всё Ваше отношение ко мне. Примите и наше участие и сочувствие в Вашем глубоком горе⁷⁶.

⁷² Латышев Василий Алексеевич (1850–1912) — русский педагог-методист, с 24 апреля 1902 г. стал помощником попечителя Санкт-Петербургского учебного округа.

⁷³ Санчурский Николай Васильевич (1857–1906) — русский педагог, окружной инспектор Петербургского учебного округа.

⁷⁴ Дебольский Николай Григорьевич (1842–1918) — в 1896–1904 гг. вице-директор департамента Министерства народного просвещения.

⁷⁵ Речь идет о смерти третьего сына Вениамина (1900–28 июля 1903). В письме от 2 августа 1903 г. А. Е. Преснякову С. Ф. Платонов писал: «Примите от нас самое искреннее выражение нашего глубокого соболезнования и участия! Дай Бог Юлии Петровне и Вам мужественно перенести Ваше горе и не потерять сил, нужных для других Ваших детей. Искренне желаем им и Вам всего доброго! Ваш С. Платонов

5-го июня мы схоронили нашу маленькую Олю» (Академик С. Ф. Платонов: Переписка с историками: в 2-х томах. Т. 1. С. 85).

⁷⁶ 4 июня 1903 г. С. Ф. Платонов писал своему другу И. А. Шляпкину: «Твоя крестница, наша Оля, вчера утром умерла от воспаления мозга или его оболочек. Болела меньше недели!» (Академик С. Ф. Платонов: Переписка с историками: в 2-х томах. Т. 1. С. 85.)

Я сегодня уеду обратно в деревню: Препы, Сувалкской губернии⁷⁷, имение Домброво. Сообщаю адрес потому что не могу съездить повидаться с Вами, а мне очень нужно знать Ваше мнение о затее Введенского⁷⁸ пригласить меня для преподавания методики истории на Высших Курсах. Я месяц тому назад получил от него письмо. Ответил, что не знаю, какой это предмет, никогда им не занимался, не знаю литературы этого предмета, если она существует и плохо верю в возможность существования этого предмета. Но прибавил, что мог бы себе представить ряд бесед на тему о свойствах исторического знания и мышления в отличии от всякого иного, о педагогическом значении исторического образования, и ряд занятий, по разбору учебных пособий не только русских. Но и такого «курса», не подходящего под понятие «методики» у меня готового нет, вырабатывать мне пришлось бы урывками, с трудом, ввиду занятий, которые нынче до 30 ч[асов] дошли и без Курсов. От Введенского, которого я просил подумать о другом преподавателе, о себе ответил я не определённо — я получил письмо с выражением удовольствия, что я согласен, ввиду того, что моё понимание содержания курса совпадает с тем, которое взяло верх в Совете Курсов — и с просьбой написать Раеву⁷⁹ о моём согласии. Только не знаю, что делать. Так хотелось бы поговорить с Вами. Не черкнёте ли пару слов? Простите, что пишу на Ваше время, но я привык не совершать поступков без совета с Вами. Буду ждать. В 20-х числах вернусь в Петербург. Если Вас не затруднит ответить на это письмо — упомяните о том, когда вернетесь в Петербург⁸⁰.

Наш привет и лучшие пожелания Вам и всем Вашим.

Ваш А. Преснякова /Автограф/.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3943. Л. 16–17 об.

№ 16

5 авг[уста]

Карандашная помета С. Ф. Платонова: «[19]03».

Спасибо, дорогой Сергей Федорович, за письмо. Мне легче написать о смерти моего сынишки, чем рассказывать. Мы главным образом для него ехали в Либаву: Вяжлинский⁸¹ советовал его послать. Ещё здесь, в деревне, потом там, в Либаве, мальчик буквально расцвёл — окреп, развернулся. В Петербурге считался самым слабым из трёх: а в Либаве он обращал на себя внимание, про него говорили: «какой крепенький мальчик». И как мы радовались на него: захворал он в 20-х числах июля инфлюэнцей — в довольно лёгкой форме, 27-го был ещё весёлый, и, хотя лежал в кровати, но особой слабости не было. 28-го утром явился новый симптом, какое-то судорожное движение горла, хотя затруднения дыхания не было. А в 2 ч. дня он погас, без погас, без агонии, неожиданно и для доктора — непонятно.

Эта непонятность была невыносима — приходили мысли о какой-либо органически пред обусловленной причине, тем более, что и старший мой мальчик погиб⁸²

⁷⁷ Губерния Царства Польского Российской империи.

⁷⁸ Введенский Александр Иванович (1856–1925) — русский философ, профессор Высших женских (Бестужевских) курсов.

⁷⁹ Раев Николай Павлович (1855–1919) — директор Высших женских (Бестужевских) курсов с 1894 по 1905 г.

⁸⁰ С. Ф. Платонов 6 августа дал обстоятельный аргументированный ответ на злободневный вопрос и не рекомендовал соглашаться на сделанное предложение (Академик С. Ф. Платонов: Переписка с историками: в 2-х томах. Т. 1. С. 85–86).

⁸¹ Вяжлинский Николай Константинович (1860–1939) — действительный статский советник, доктор медицины, один из первых российских детских врачей — основоположников петербургской педиатрической школы.

⁸² Петр (апрель 1896 — март 1897).

как то для врачей непонятно. Я решился обратиться в Либавскую городскую больницу для вскрытия — и оно выяснило, что единственной ненормальностью в организме было значительное увеличение зубной железы (Thymus'a), которое наружным осмотром не может быть замечено. Это явление у грудных детей при внезапной кончине ни раз наблюдалось, но у 3-х летних железа эта должна быть уже значительно уменьшенная, потом она совсем атрофируется. Ни причин её увеличения, ни способ её убийственного действия для нынешней физиологии не ясны, как и роль этой железы в организме. Либо он вырабатывает какой-нибудь органический яд, либо — для нашего случая вероятнее, давлением на близлежащий нерв (если не ошибаюсь, то есть на важный нервный узел, соседний с нею) — прерывает деятельность сердца. Так понимает дело Вяжлинский, а либавские немцы говорят, что вскрытие не установило «keine positive Ursachen es Tolles»⁸³.

Что касается «методики» то Вы формулировали только яснее и со знанием условий — то, что меня смущало. Позвольте мне воспользоваться Вашим замечанием, для меня непонятным, что (от меня скоро и «вероятно, теперь же») потребуется время для ведения практических занятий (каким это образом?), чтобы мотивировать мой отказ Введенскому. Я, по мере, так же по ментальности и не умею отказываться, а также по губельной для моей продуктивности склонности заинтересоваться всяким новым делом и новой средой — ввел в заблуждение Введенского, отвечая ему уклончиво, дав ему право считать мой ответ за согласие. Но лучше проглотить крупную неловкость по отношению к Введенскому, чем поставить себя в положение человека, взявшего на себя больше, чем можно толком исполнить. Сама по себе некоторая фальшь положения на Курсах меня бы не испугала, но другие сомнения становятся решением, ввиду того, что Вам так кажется лучше. А это последнее для меня — до ребячества — много значит: «λντὸς ἐγγυ»; кроме шуток, у нас с Адриановым это конец многих аргументаций.

Приеду к 25-му. Можно? Дело в том, что я никуда не гожусь. Впечатлительность невольностью повышена и надо привести себя в равновесие.

А моя несчастная «диссертация»⁸⁴, этот печальный миф, которому, по-видимому, суждено сыграть тяжкую роль в моей жизни. Я очень мало, почти ничего не делал за лето — и не могу теперь ничего делать. Она мне просто не по плечу, и, при всей необходимости степени, напр[имер], для положения в «нашем» институте, я не думаю, чтобы вылез из одолевших меня затруднений. Крушение — это тяжело — и по отношению к моим, и по отношению к Вам. Ну, поживём-увидим. Напишу Введенскому. Конечно, о Вас помину не будет; напишу, что взвесил, вижу, что не могу, особенно ввиду того, что выясняется необходимость иметь время для курсов и для Комиссии — ибо надо же когда ниб[удь] и тут вступить в исполнение принятых на себя обязательств. Право, даже голова кругом идёт: как это всё распутается?

Ну, простите. От души желаю всего лучшего Вам и всем Вашим. Юлия кланяется Над[ежде] Ник[олаевне] и Вам.

Ваш А. Преснякова /Автограф/⁸⁵.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3943. Л. 18–20 об.

⁸³ Нет основательных причин для жизни (нем.).

⁸⁴ Этому сюжету было посвящен специальный ответ от 17 августа 1903 г., в котором С. Ф. Платонов, успокаивая своего ученика, писал: «Я же знаю, что Ваш труд уже готов и что его осталось лишь записать и разделить на главы. Об этом-то и поговорим при свидании, а пока знайте, что я ни на минуту не поверил в возможность для Вас остановиться и опуститься» (Академик С. Ф. Платонов: Переписка с историками: в 2-х томах. Т. 1. С. 87).

⁸⁵ Ответное письмо от 6 августа опубликовано (Академик С. Ф. Платонов: Переписка с историками: в 2-х томах. Т. 1. С. 85–86).

№ 17

IX

Карандашная помета С. Ф. Платонова: «1904».

Дорогой Сергей Федорович,

И здешний, и деревенский доктор, требуют, чтобы Юлия не ехала одна с детьми и меня побуждают поехать за ней. Я уезжаю и вернусь в среду утром. А из этого следует, что во вторник в Институте не буду. Весьма неудобная комбинация: на этой неделе я не получил часа для занятий с I-й группой II курса — должен был на час во вторник — и не могу. Нельзя ли устроить мне rendez- vous с этой группой в четверг, пятницу или субботу? Вы, верно, уже начали — а я отстал, не знаю почему. Ведь и на I курсе мы ещё не начинали, ибо разделение на группы ещё не определилось.

Ваш А. Преснякова /Автограф/.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3943. Л. 21.

№ 18

[16 апреля 1905]⁸⁶

Карандашная помета С. Ф. Платонова: «1905».

Многоуважаемый Сергей Федорович,

На совещание я могу явиться, когда угодно, кроме вечера в субботу.

Что касается статьи, то я сообщил Вам средний расчёт, разделив общее число страниц на число предполагаемых статей. Это, конечно, не должно стеснять Вас, если Вы будете, так добры написать Годунова. И срок, и размер — на Ваше усмотрение.

Ваш А. Преснякова /Автограф/.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3943. Л. 22.

№ 19

5/V

Карандашная помета С. Ф. Платонова: «[19]05».

Многоуважаемый Сергей Федорович,

Простите великодушно, что только сегодня я раздобыл лист словаря со статьёй о Годунове и посылаю его Вам.

Низкий поклон Надежде Николаевне.

Ваш А. Преснякова /Автограф/.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3943. Л. 23.

№ 20

7/V

Карандашная помета С. Ф. Платонова: «[1]905».

Многоуважаемый Сергей Федорович,

Мне никак нельзя исполнить Ваше желание. Считая, после нашего последнего разговора, что я Вам для гимназии не нужен, я согласился на 2 ч. у Таганцевой и на некоторую прибавку у Оболенской. Образовалось, с Институтом, 27 часов,

⁸⁶ На почтовой карточке. Дата на почтовом штемпеле.

maximum, выше которого подниматься не вижу возможности. Ломать же упомянутые соглашения, только что состоявшиеся, было бы более чем неудобно. Я хотел сегодня писать Вам, с просьбой не рассчитывать на меня, так как я говорил Вам, что часа 2 возьму, если Вам понадобится может; хотел и от этого отпроситься заранее, пока надобность не выяснилась. И вдруг Ваше письмо о 7 часах!

Ради Бога устройтесь без меня, ибо я не в силах взять на себя так много. Разделение преподавания русской и всеобщей истории хорошо бы вообще провести в гимназиях, а для этого на вторую приглашать не русских историков. Наверное, можно найти хорошего преподавателя на древнюю и среднюю из наших магистрантов, хотя я мало кого из них знаю настолько, чтобы кого-ниб[удь] назвать.

Что касается Годунова, то я искренне сожалею, что стал без вины виноватым такой неприятности для Вас. Право, не знаю, как быть? Не можете ли Вы сами поручить кому-ниб[удь] составление статьи «по Платонову»? Я думаю, что согласие на это не превышает моих «редакторских» полномочий? Но для меня было бы много приятнее и удобнее, если бы Вы сами выбрали, кому её поручить под Вашим присмотром. Простите, что я так бесцеремонно об этом пишу: но ведь меня пригласили в редакторы только для того, чтобы Вы не отказывались. Я был бы очень рад, если бы можно было самому отказаться от этой роли. Как Вы находите: нельзя ли мне сообщить просто «хозяевам», что Вы по непредвиденным обстоятельствам не имеете времени на статью, а потому и я, ввиду обстоятельств моего приглашения, считаю за лучшее отказаться от quasi-редакторства? Если это возможно, то это нас обоих избавило бы от неудобных и неприятных обязательств.

Попробую завтра около 2-х ч[асов] забежать к Вам; м[ожет] б[ыть], сговоримся о плане комиссии.

Ваш А. Преснякова /Автограф/.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3943. Л. 24–25 об.

№ 21

[23. V 1905]⁸⁷

Многоуважаемый Сергей Федорович,

Большое спасибо.

Полагаю, что решение Ваше единственно верное, и что я, прося Вас о подписи, не совсем сознательно, но кривил душой. Простите!

Ваш А. Преснякова /Автограф/.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3943. Л. 26.

№ 22

[24. IX 1905]⁸⁸

Многоуважаемый Сергей Федорович,

Мы с С[ергеем] Ал[ександровичем] разослали приглашения в собрание комиссии на понедельник 26-го, час дня.

Ваш А. Преснякова /Автограф/.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3943. Л. 27.

⁸⁷ Дата на штемпеле почтовой открытки.

⁸⁸ Дата на штемпеле почтовой открытки.

№ 23

[8. XI]⁸⁹

Карандашная помета С. Ф. Платонова: «[1]905».

Здесь. Петербургская сторона. Малая Посадская, № 26.

Женский педагогический Институт

Его Превосходительству Сергею Федоровичу Платонову

Многоуважаемый Сергей Федорович, — чтобы не забыть — одна мелочь: на стр. 573 Ваших Лекций (изд.4) цитата о том, что Сперанский требует совершенной зависимости Госуд[арственной] Думы от власти самодержавной — взято со стр[аницы] 32 «Плана» (по изд[анию] «Рус[ской] мысли»), где Сп[еранский] излагает первую по его терминологии систему, отвергаемую им решительно на стр[аницах] 34–35. Его взгляд на положении Думы на стр[анице] 33, номер 1), а сие понимать должно, см[отреть] стр[аницу] 48 номер 1), и далее.

Вполне соглашась с тем, что план «либеральный по принципам» — очень умерен и осторожен по «наполнению», я решаюсь обратить Ваше внимание на разницу, вполне кажется, определённую — терминов «самодержавие и «державная власть». О первом см[отреть] стр[аницу] 18, и особенно 30–31 («доселе самодержавная»), 32 (вверху: самодержавие ограничить — и учредить державную власть). Это, по-видимому, переворот «деспотии» и «монархии» Монтескье⁹⁰, хотя у Сп[еранского] державная власть, по общему определению на стр[анице] 4-й и развито шире и значит просто «государств[енная] верховная власть» независимо от формы правления.

Простите за эту записку. Теперь не до того, но казалось, что эти примечания всё-таки сообщить Вам надо, авось разъясните, если не согласны.

Ваш А. Преснякова /Автограф/.

Карандашная помета С. Ф. Платонова: «1905»⁹¹.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3943. Л. 28–28 а.

№ 24

Карандашная помета С. Ф. Платонова: «1905».

Дорогой Сергей Федорович,

Заходил я к Вам — да неудачно. Мне надо было сообщить Вам, что по свойствам предполагаемого сборника «Деятели Смуты»⁹² на статью приходится приблизительно 32 тысячи букв, всего на всего. А «условия» определены «фирмой» — 100 р. за лист, лист же их 48 т. букв. Признаюсь, неловким представляется мне просить Вас дать статью при этих условиях. Но раз я впутался в дело, больше по малодушию, играю роль редактора и пишу Вам сию челобитную.

Хилинский сказал мне, что его кандидатская работа о Жолкевском осталась у Вас, но не мог объяснить на дому ли или в университете. Если она у Вас и не трудно ей найти — не позволите ли забежать за ней; я посулил Хилинскому, что доставлю её, если Вас не затруднит её найти.

⁸⁹ Дата на штемпеле почтовой открытки.

⁹⁰ Шарль Луи де Секонда, барон де Ла Бред и де Монтескье (1689–1755) — французский философ, правовед и писатель эпохи Просвещения, один из зачинателей идеологии либерализма, разработал доктрину о разделении власти.

⁹¹ Ответное письмо с «научным мне предостережением» С. Ф. Платонов написал сразу же — 8 ноября (Академик С. Ф. Платонов: Переписка с историками: в 2-х томах. Т. 1. С. 94).

⁹² Люди Смутного времени / под ред. А. Е. Преснякова. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1905. 84 с. В данном сборнике были опубликованы статьи А. Е. Преснякова, С. Ф. Платонова, М. А. Полиевктова, С. В. Рождественского, П. Г. Васенко, К. В. Хилинского.

От Васенка ответа ещё не имею. Его я тоже не застал и написал ему письмо. А остальное берут Рождественский, Полиевктов и я.

Поклоны Вашим. Хороших праздников.

Ваш А. Преснякова /Автограф/.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3943. Л. 29–29 об.

№ 25

Карандашная помета С. Ф. Платонова: «1905».

Дорогой Сергей Федорович, в пр[имечании] 30, на стр[анице] 29-й брошюры о «Царств[енной] книге» я привёл, к сожалению, выписку из Каталога Соколова о том, что будто «Др[евний] Летописец» писан «Игнатием, чернецом Михаила, архиерея Смоленского» — Остермановский список обнимает гг. 1253–1424.

Недоразумение разъяснено в печати, кажется, только Вами в предисловии к XI тому. Но всё это никакого отношения не имеет к тому, о чём толкует Васенко на стр[анице] 152–153? Нет у меня под руками Голубинского II, стр[аница] 351 там что-то есть об архимандрите Игнатии.

Что касается четверга, то м[ожет] б[ыть], ввиду неудобства этого дня, можно собраться в пятницу?

Суббота у меня и у С[ергея] А[лександровича] занята. Если вечера неудобны, то м[ожет] б[ыть] — днём?

Ваш А. Преснякова /Автограф/.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3943. Л. 30.

№ 26

Многоуважаемый Сергей Федорович,

Большое спасибо. Будет исполнено.

Ваш А. Преснякова /Автограф/.

Карандашная помета С. Ф. Платонова: «1905».

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3943. Л. 31–31 об.

№ 27

Многоуважаемый Сергей Федорович,

Не могу утерпеть, чтобы не предупредить Вас, что у Лихачева т. I, стр[аниц] 330 — сказано и о заклеяке имён митрополитов в Оболенском сп[иске], и о том, что на свет видно: 41 Иоасаф, 42 «Макарий» (с прибавкой к последнему «может быть»). При этом он утверждает, что 33 Феодосий; 34 Серапион; 35 Пимен — вписаны другим почерком. Не знаю, не ввел Вас Шахматов⁹³ в заблуждение. Анализ списка Оболенского у Л[ихачева] очень хитрый, пересказать трудно, а прислать книгу не могу, ибо отдал в переплёт, и ссылаюсь по экземпляру Об[щества] Л[юбителей] Др[евней] Пис[ьменности]. Лих[ачев] считает список Об[оленского] «в сущности сборник, разные части которого не совсем одновременны».

А Строев⁹⁴ — увь! Взял своё определение конца № 486, как списка Царственной — из предисловия тех уже не видел — издателей, которых так бранит! Так же мало

⁹³ Шахматов Алексей Александрович (1864–1920) — русский филолог, лингвист и историк, основоположник исторического изучения русского языка, древнерусского летописания и литературы, академик.

⁹⁴ Строев Павел Михайлович (1796–1876) — русский историк, археограф и библиограф, академик.

даёт заметка Б[естужева]-Р[юмина]⁹⁵ о сходстве начала Типографского летописца⁹⁶ с Радзивилловским⁹⁷.

«Если увидишь на клетке льва надписание — собака — не верь глазам своим» — так звучит, приблизительно один из афоризмов⁹⁸ К. Прутков. О, Господи!

Ваш А. Преснякова /Автограф/.

Р. С. Не знаете ли «Реестра книг Типографской библиотеки» в Румянцевском музее? Там отмечено, что отдано в Синод[альную] биб[лиотеку]. Упоминает его Ундольский⁹⁹ в «Москвитяине» за 1846 г. № 2, относя его во времени после 1727 г.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3943. Л. 32–33.

№ 28

Многоуважаемый Сергей Федорович,

Простите великодушно, что я до сих пор не исполнил Вашего поручения. Эти дни прошли для меня очень беспокойно, а попытка разобраться в пометках относительно рукописей Синодальной библиотеки, какие попадались мне на глаза, хотя и не имели прямого отношения к тогдашней очередной задаче — были не вполне удачны. Я не всё понимаю в этих пометках, сделанных мимоходом. Но ясно одно: я не видал в Синодальной библиотеке ни одной рукописи Никоновской летописи, кроме известной «Никоновской с рис.», т. е. № 962 по кат[алогу] арх[иепископа] Саввы «Царственной книги».

Для издания текста, содержащего в них, Вы признали полезным воспользоваться рукописями д[окто]ра Лебедева¹⁰⁰ (4-х томной, часть которой издана) и другой, о которой я Вам говорил, что она, в общем напомнила мне Карамзинский список и показала очень исправной. Но как её назвать? Как объяснить Лебедеву, о чём идёт речь? Авось сообразит, хотя — *entre nous soit dit*¹⁰¹ — он очень милый, но столь же и бестолковый человек.

Адрес его: Москва. Арбат. Кривоарбатский переулок, собств[енный] дом Андрея Николаевича Лебедева.

Большой интерес представляют лично для меня след[ующие] рукописи Синодальной библиотеки: № 486, № 963, № 941, № 789, № 485, и, отчасти № 645.

Первые четыре содержат текст частей моск[овского] свода, с отступлениями от обычного и заслуживающими изучения для моей задачи уловить всё, что может быть родственно Львовскому летописцу¹⁰². № 485 — мною совсем не определён, но может быть и относящийся к делу. № 465 — большая загадка, не разгаданная по-видимому, описанием в III вып[уске] Лет[описи] Зан[ятый] Арх[еографической] Ком[иссии]. Первые четыре (№№ касается не те, что я дал Адрианову) мне особенно были бы приятны.

⁹⁵ Бестужев-Рюмин Константин Николаевич (1829–1897) — русский историк, руководитель Петербургской школы историографии, специалист по источниковедению.

⁹⁶ Типографская летопись — русская летопись конца XV — начала XVI вв.

⁹⁷ Радзивилловская или Кёнигсбергская летопись — летописный памятник предположительно начала XIII в.

⁹⁸ «Если на клетке слона прочтешь надпись “буйвол”, не верь глазам своим» — афоризм Козьмы Пруткова.

⁹⁹ Ундольский Вукол Михайлович (1816–1864) — русский литературовед и библиограф, исследователь рукописной и старопечатной книги

¹⁰⁰ Лебедев Алексей Петрович (1845–1908) — русский историк Церкви, византист, заслуженный профессор Московского университета.

¹⁰¹ Между нами говоря (фр.).

¹⁰² Львовская летопись — русская летопись XVI в., содержащая известия до 1533 г.

Вот и всё, что могу написать.

Низкий поклон Надежде Николаевне.

Ваш А. Преснякова /Автограф/.

Не лучше ли попросить у Лебедева обе рукописи, из которых он привел кое-какие варианты к своему изданию, называя их рукопись № 1 и № 2?

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3943. Л. 34–35 об.

№ 29

Дорогой Сергей Федорович,

Т[а]к к[а]к Вы сказали, что быть может заедете к нам, то спешу сообщить, что у Лепнера все кабинеты оказались заняты и мы собираемся у Максимова (Садовая, угол Невского), в 6 ч., а кв. 9, верно, почти все переберутся ко мне.

Ваш А. Преснякова /Автограф/¹⁰³.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3943. Л. 36.

¹⁰³ Далее в деле хранятся два конверта на имя С. Ф. Платонова.

Е. Н. Дербин

**Политический строй Древней Руси
в трудах русских историков-эмигрантов в Италии
(конец 1910-х — середина 1940-х гг.)**

УДК 94(47)(091):325.2(=161.1)+929
DOI 10.47132/2618-9674_2025_3_175
EDN BGVVJA

Аннотация: Статья посвящена взглядам русских историков-эмигрантов в Италии (конец 1910-х — середина 1940-х гг.) на проблему политического строя Древней Руси. Анализируются труды таких исследователей, как Е. Ф. Шмурло, А. М. Волконский, Н. А. Баумгартен, Н. П. Оттокар и И. Е. Степанов, представляющих разные поколения и разнообразный род деятельности. Продолжая трудиться в различных уголках Италии, они, с одной стороны, единодушно повторяли укоренившиеся в дореволюционной отечественной историографии концепции, особенно В. О. Ключевского, с другой, представляли их широкую вариативность. Так, в картине политического строя Древней Руси можно заметить взгляды на дуализм власти князя и веча (Е. Ф. Шмурло, А. М. Волконский, И. Е. Степанов) или триализм, включая сюда еще и Боярскую думу (Н. П. Оттокар). Причем если Е. Ф. Шмурло писал о единстве интересов княжеской власти и веча (за исключением Новгорода), то И. Е. Степанов подчеркивал антагонизм данных институтов верховной власти на Руси. В целом необходимо сказать, что и в таком небольшом центре русской эмиграции, как Италия, историки-эмигранты смогли отметиться значимыми трудами по русской истории.

Ключевые слова: политический строй Древней Руси, княжеская власть, вече, боярская дума, русская зарубежная историография, русская эмиграция в Италии.

Об авторе: **Евгений Николаевич Дербин**

Кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный аграрный университет».

E-mail: derbin80@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-0528-066X>

Для цитирования: Дербин Е. Н. Политический строй Древней Руси в трудах русских историков-эмигрантов в Италии (конец 1910-х — середина 1940-х гг.) // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2025. № 3 (31). С. 175–189.

Статья поступила в редакцию 19.06.2025; одобрена после рецензирования 01.09.2025; принята к публикации 02.09.2025.

Evgeniy Derbin

The Political System of Ancient Rus’
in Works of Russian Emigrant Historians in Italy
(late 1910s – mid 1940s)

UDK 94(47)(091):325.2(=161.1)+929
DOI 10.47132/2618-9674_2025_3_175
EDN BGVVJA

Abstract: The article presents a study of the views of Russian emigrant historians in Italy (late 1910s – mid 1940s) regarding the problem of the political system of Ancient Rus. The works of such researchers as E. F. Shmurlo, A. M. Volkonsky, N. A. Baumgarten, N. P. Ottokar and I. E. Stepanov, representatives of different generations and diverse fields of activity, are analyzed. Working in different parts of Italy, they, on the one hand, unanimously followed the concepts rooted in pre-revolutionary Russian historiography, especially those of V. O. Klyuchevsky, and on the other hand, represented a wide variation of those concepts. Thus, in the picture of the political system of Ancient Rus’, one can notice views on the dualism of the power of the prince and the veche (E. F. Shmurlo, A. M. Volkonsky, I. E. Stepanov) or trialism, including in it the Boyar Duma (N. P. Ottokar). Moreover, if E. F. Shmurlo wrote about the unification of interests of the princely power and the veche (with the exception of Novgorod), I. E. Stepanov emphasized the antagonism of those institutions of the supreme power in Rus. In general, it should be said that even in such a small center of Russian emigration as Italy, emigrant historians were able to distinguish themselves with significant works on Russian history.

Keywords: Political System of Ancient Rus’, Princely Power, Veche, Boyar Duma, Russian Foreign Historiography, Russian Emigration in Italy.

About the author: **Evgeniy Derbin**

PhD in History, Associate Professor at Udmurt State Agricultural University, Izhevsk.

E-mail: derbin80@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-0528-066X>

For citation: Derbin E. The Political System of Ancient Rus’ in Works of Russian Emigrant Historians in Italy (late 1910s – mid 1940s). *Paleorosia. Ancient Rus in time, in personalities, in ideas*, 2025, No. 3 (31), p. 175–189.

The article was submitted 19.06.2025; approved after reviewing 01.09.2025; accepted for publication 02.09.2025.

До 1917 г. Италия была одним из крупнейших центров русской эмиграции и до начала 1920-х гг. в ней сохранялось заметное присутствие деятелей культуры из России. Однако после прихода к власти Б. Муссолини в 1922 г. и признания Италией СССР в 1924 г. наметился значительный отток их в иные страны, что сделало Апеннины периферией русского рассеяния. Если в начальный период русская ученая диаспора пыталась самоорганизоваться (в 1917 г. в Милане был создан Русский институт, переехавший в 1918 г. в Рим; в 1921 г. — Русская академическая группа в Риме), то в дальнейшем каждый ученый решал свою судьбу индивидуально, устраиваясь в местные научно-образовательные учреждения. Не способствовала развитию русской науки в Италии и невероятная территориальная ее разобщенность. В отличие от всех других стран, где проживали русские эмигранты, в Италии они концентрировались не в одном крупном центре, а сразу в нескольких: Рим, Флоренция, Милан, Неаполь, Венеция, Генуя, о. Капри и др. Эта децентрализация, а также отсутствие какой-либо помощи со стороны властей страны, находившейся к тому же в тяжелом социально-экономическом кризисе, привели к небывалому для всей русской диаспоры за границей феномену: здесь не появилось ни русскоязычной прессы, ни русских школ. В такой обстановке эмигрант был вынужден вливаться в местную научную среду или уезжать. С другой стороны, давние культурные связи России и Италии, большой интерес к русской истории и культуре среди итальянских деятелей способствовали появлению специализированных периодических изданий, посвященных России или славянским странам в целом¹. В итальянских университетах открываются кафедры славистики, в Риме образуются Папский Восточный институт (Pontificio Istituto Orientale, 1917) и Институт Восточной Европы (Istituto per l'Europa Orientale, 1921)².

Таким образом, несмотря на все трудности, и здесь русская историческая наука нашла свое место в лице немалого количества своих представителей. Так, старшее поколение было представлено одним профессиональным историком — Е. Ф. Шмурло (1853/54–1934), двумя историками-любителями — А. М. Волконским (1866–1934) и Н. А. Баумгартемом (1867–1939), писателем М. К. Первухиным (1870–1928) и историком искусства А. М. Суханиной (1870–1969). Из них первые трое посвятили некоторые свои труды древнерусской истории.

Евгений Францевич Шмурло³, один из старейших русских историков в эмиграции, член-корреспондент Российской академии наук (1911), получил образование

¹ Первым таким изданием была газета «La Russia» («Россия»), выходившая в Риме в 1917–1918 гг. при финансовой поддержке российского посольства под ред. К. Р. Кочаровского и Б. В. Яковенко. Затем выходили журналы «La Russia Nuova» («Новая Россия») в 1918–1920 гг. (ред. Б. В. Яковенко и И. Е. Степанов), «Russia: rivista di letteratura, arte, storia» («Россия: журнал литературы, искусства, истории») в 1920–1926 гг. (ред. Этторе Ло Гатто), «Rivista di letterature slave» («Журнал славянских литератур») в 1926–1932 гг. (ред. Этторе Ло Гатто), «L'Europa orientale» («Восточная Европа») в 1921–1943 гг. (издание Института Восточной Европы в Риме) и др.

² Россия и Италия. Вып. 5. Русская эмиграция в Италии в XX веке. М., 2003; Комолова Н. П. Италия в русской культуре Серебряного века: времена и судьбы. М., 2005; Русские в Италии: культурное наследие эмиграции: международная научная конференция. М., 2006; Гардзонио С., Сульпассо Б. Осколки русской Италии: исследования и материалы. Кн. 1. М., 2011; Русское присутствие в Италии в первой половине XX века: энциклопедия. М., 2019.

³ См. о нем: Саханев В. В. Евгений Францевич Шмурло // Записки Русского исторического общества в Праге. Прага, Нарва, 1937. Кн. 3. С. 27–79; Демина Л. И. «Автобиографические заметки» Е. Ф. Шмурло о его научной деятельности в Италии (1903–1924 гг.) // Археографический ежегодник за 1992 год. М., 1994. С. 248–254; Беляев С. А. Евгений Шмурло в эмиграции (основные вехи жизни и творчества) // Россия и Италия. Вып. 5: Русская эмиграция в Италии в XX веке. М., 2003. С. 149–157; Ковалев М. В. Евгений Францевич Шмурло: русская итальянистика в эмиграции // Новая и новейшая история. 2016. № 1. С. 155–172; Яковенко С. Г. Е. Ф. Шмурло

в Санкт-Петербургском университете (1874–1878), став ближайшим учеником К. Н. Бестужева-Рюмина. После защиты магистерской диссертации (1888) был назначен приват-доцентом Санкт-Петербургского университета (1889–1891), затем профессором Дерптского (Юрьевского) университета по кафедре русской истории (1891–1903), много путешествовал, совмещая отдых с работой в архивах, музеях, библиотеках, открыл для русской историографии множество источников в Ватиканском архиве. С 1903 г. был назначен на должность ученого корреспондента Историко-филологического отделения Императорской Санкт-Петербургской академии наук в Риме, где встретил революцию и оказался в эмиграции. В 1921 г. организовал в Риме Русскую академическую группу, но, оставшись без средств к существованию, был вынужден в 1924 г. переехать в более гостеприимную Прагу, получив стипендию чехословацкого правительства. Дальнейшая жизнь и научная работа Е. Ф. Шмурло будут связаны с Прагой.

Живя в Италии с 1903 г., в течение 20 лет вся научная деятельность историка была связана с работой по собиранию, публикации и интерпретации документов из европейских архивов. После революции и утраты связи с Российской академией наук и явно в поисках заработка Е. Ф. Шмурло обратился к написанию научно-популярных трудов. Так в итальянской периодике появились статьи «Россия в Азии и в Европе» (1921), «Культура и цивилизация в Древней Руси» (1923), в которых он впервые обращается к древнерусской истории⁴. И, наконец, в 1922 г. в Германии на русском (в Италии тогда отсутствовали русские издательства) вышло его учебное пособие «История России: 862–1917», где также впервые им дана общая концепция русской истории. Как писал Е. Ф. Шмурло в предисловии, обращаясь к эмигрантской молодежи, целью написания стало «в теперешнее тяжелое время, разобраться и отдать отчет в исторических судьбах своей Родины и возможно сознательнее отнестись к своему настоящему, которое, всегда и везде, есть фатальный продукт прошлого»⁵. К сожалению, историком была выбрана необычная для учебных книг конспективная форма изложения материала, которая схематично выпячивает анализ ключевых событий, процессов, явлений часто без связи их между собой, оставляя пустоты в понимании эволюции того или иного отрезка истории. К тому же, автор намеренно обошел вниманием многие спорные вопросы русской истории, например, о происхождении Руси, о существовании в Древней Руси феодального строя, и старался, за редким исключением, основывать свои взгляды на уже устоявшихся в дореволюционной историографии представлениях⁶. Таким образом, как будет видно, воззрения Е. Ф. Шмурло не ушли дальше воспринятых им еще в 1870-х — 1880-х гг., концепций Н. И. Костомарова, В. И. Сергеевича и В. О. Ключевского.

Говоря о политическом строе Древней Руси, Е. Ф. Шмурло сразу начинает с «зачатков Русского государства», связанного с приходом варяжских князей, лишь упоминая, что «до варягов начатки гражданственности уже существовали» (родоплеменные союзы и торговые города с развитой вечевой жизнью), но развивались они медленно вследствие того, что восточные славяне в ходе колонизации осели на «пустое место», не связанное с предшествующими традициями государственности

(1854–1934 гг.) — ученый корреспондент Российской академии наук в Риме (1903–1924 гг.): незавершенный проект // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2024. Т. 19, № 1/2, ч. I. С. 132–156; № 3/4, ч. II. С. 136–165.

⁴ Sc'murlo E. La Russia in Asia e in Europa. *L'Europa orientale: politica, economia, cultura, bibliografia*, 1921, no. 3, p. 169–186; Idem. *Cultura e civiltà nella Russia antica. Russia: rivista di letteratura, arte, storia*, 1923, no. 1, p. 5–29.

⁵ Шмурло Е. Ф. *История России: 862–1917*. Мюнхен, 1922. С. V–VI.

⁶ Там же. С. VIII.

Древнего мира, в отличие от Западной Европы. Варяги же, сыграв «роль фермента», «воспитали в русских племенах вместо прежней жизни вразброд» «государственный порядок и быт». Варяжские «князья вводили в покоренных областях свое управление, набирали там себе войско, собирали дань, творили суд и расправу на основе справедливости, порядка и законности», обороняли страну от внешних врагов и охраняли торговые караваны⁷. С середины XI в., когда вместо племен образуются области, политический строй Древней Руси определяется, по мнению Е. Ф. Шмурло, взаимодействием двух сил: населения, выраженного в вечевой деятельности, и княжеской семьи, обусловленной родовыми отношениями и междоусобицами. «Вече и князь представляли собой два необходимых элемента государственной власти» «дополняли, поддерживали друг друга, действовали в духе “одиначества”», сознавая общность интересов и договариваясь «на почве взаимного доверия и симпатий». Возникавшие между ними разногласия «обязаны были мотивами более или менее случайными и личными»⁸. Однако с середины XII в. это положение меняется.

До этого времени единство Руси с центром в Киеве еще сохранялось (киевский период) и население оставалось чуждо междукняжеским спорам, лишь бы был князь, отвечающий своему назначению. Княжеская власть, согласно Е. Ф. Шмурло, добывалась тремя способами: наследованием по старшинству в роде, «избранием народным (призвание по постановлению веча), захватом вооруженной рукой». Князь правил вместе со своей Думой, в состав которой входили бояре, «иногда участвуют епископы и игумены». Автор лишь указывает, что некоторые историки считают княжескую Думу, наряду с князем и вечем, «третьим необходимым органом государственной власти»⁹. В следующий период (суздальско-волынский: 1169–1242 гг.), связанный с «неустойчивостью политического центра», в отдельных землях формируются свои особенности политического строя. Так, Е. Ф. Шмурло традиционно отмечает во Владимиро-Суздальской земле ослабление вечевого строя и усиление единоличной княжеской власти, согласно теории С. М. Соловьева о старых и новых городах. Здесь образуется удельный строй, в котором князь — хозяин и вотчинник, независимый от других князей, а княжество начинает переходить не от брата к брату, а от отца к сыну. В Галицко-Волинской земле, в связи с ранним оседанием дружины на землю и превращением ее в крупных землевладельцев, образовался независимый и враждебный князю аристократический слой бояр. Под влиянием соседних Польши и Венгрии он стал играть видную политическую роль, стараясь «подчинить князя своим видам и ослабить его власть», беря перевес и над вечем. Особенностью политического строя в Новгороде стал перевес веча над князем вследствие частой смены князей. Здесь «князь — это наемник, которому платят и за которым следует зорко следить, как бы он не использовал своего положения в ущерб народной свободе и материального благосостояния». Князь был нужен для обороны от внешних врагов, справедливого суда, безопасности торговли, но его власть во всем ограничивалась совместной деятельностью с посадниками и тысяцкими, избиравшимися на вече¹⁰. Более развернуто представления Е. Ф. Шмурло на политический строй Древней Руси будут представлены в его трудах, опубликованных в Праге¹¹.

⁷ Там же. С. 1, 10, 16–17.

⁸ Там же. С. 35.

⁹ Там же. С. 31, 34–35.

¹⁰ Там же. С. 47–55.

¹¹ *Дербин Е. Н.* Политический строй Древней Руси в трудах русских историков-эмигрантов в Чехословакии (1920-е — середина 1940-х годов) // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2024. Т. 34, № 3. С. 651–653.

Александр Михайлович Волконский, князь, дипломат, окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета и Академию Генерального штаба, с 1908 г., с перерывом, — военный атташе при Российском посольстве в Риме. Осев в Италии и оказавшись в эмиграции, стал заниматься русской историей, работал в Папском восточном институте в Риме в качестве профессора славистики, принял католичество и монашество. С 1919 г. в многочисленных публицистических статьях, объединенных в книгу «Историческая правда и украинофильская пропаганда» (Турин, 1920), А. М. Волконский вступил в полемику с украинской пропагандой и выступил против существования украинского народа отдельного от русского¹². Для этого он начал с разбора фантастического утверждения о существовании Украины в IX–XIII вв. Poleмизуя с М. С. Грушевским, А. М. Волконский опирался в основном на В. О. Ключевского, цитируя дореволюционные учебники и пересказывая известные летописные факты, оправдываясь тем, что его работа была задумана прежде всего для иностранцев¹³. И действительно, не высказав ничего нового и редко касаясь проблемы политического строя Древней Руси, которая находилась вне его темы, А. М. Волконский представлял себе древнерусскую власть как дуализм самодержавного и демократического строя, князя и веча. Порядок же престолонаследия был родового «с нередкими ограничениями и нарушениями». Междукняжеские отношения, по его мнению, не были феодальными. «В России было одно своеобразное явление: она не знала иных князей, кроме членов семьи Рюрика. Эта семья была коллективной носительницей верховной власти, великий князь был лишь *primus inter*; им в принципе должен был быть старший в роде, но понятие старшинства юридически установлено не было». «Историки тщетно пытались установить в точности систему, коей руководились Рюриковичи, жизнь была сложнее всякой системы», и подобные вопросы решались практически, т. е. «последним юридическим доводом к добыванию киевского престола был меч»¹⁴. В 1929 г. А. М. Волконский продолжил дискуссию в ответ на статьи украинского публициста Е. Д. Онацкого, но ничего существенно нового не добавил¹⁵. Однако его работы сами по себе являются важным фактом в полемике между украинской и русской историографиями, т. к. представители последней редко участвовали в ней, считая видимо излишним доказывать очевидное. Напротив, украинские историки активно выступали за дебаты по вопросу происхождения Руси, но оставались в одиночестве¹⁶.

Николай Александрович фон Баумгартен, как писал о нем его рецензент, «представляет собой интересный пример самоучки, который к концу жизни зарекомендовал себя как серьезный историк. Бывший офицер императорской гвардии, затем предводитель дворянства, в России он занимался лишь второстепенными вопросами генеалогии. Эмигрировав в Рим (с 1920 г.), он опубликовал два прекрасных труда

¹² Сама полемика достойна отдельного изучения; см.: *Сведина Д.* Эмигрантская полемика: князь А. М. Волконский и Е. Д. Онацкий // Проблемы истории Русского зарубежья: материалы и исследования. Вып. 1. М., 2005. С. 302–316.

¹³ *Волконский А. М.* Историческая правда и украинофильская пропаганда. Турин, 1920. С. V, 9, 39, 50.

¹⁴ Там же. С. 30–31, 49, 77.

¹⁵ *Wolkonsky A.* Come la storia della Russia premongolica può divenire una questione di attualità (A proposito dell'articolo di Onatsky "Il problema ucraino a traverso la storia"). *L'Europa Orientale*, 1929, no. 3/4, pp. 93–117; *Idem.* "Russ" del sud e "Russ" del nord. *L'Europa Orientale*, 1929, no 5/6, pp. 203–213; *Волконский А. М.* Имя Руси в домонгольскую пору. Прага, 1929; *Его же.* I. В чем главная опасность? II. Малоросс или украинец? Ужгород, 1929.

¹⁶ *Дербин Е. Н.* Дискуссия по вопросу «Откуда есть пошла Руская земля... и откуда Руская земля стала есть» в украинской эмигрантской историографии начала 1930-х гг. // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2022. Т. 32, вып. 1. С. 55–64.

по генеалогии Рюриковичей и несколько очерков по древнерусской истории»¹⁷. Действительно, в конце 1920-х и в 1930-е гг. ряд его работ по древнерусской истории был опубликован на французском языке в журнале «*Orientalia Christiana*» и других изданиях Папского Восточного института¹⁸. В этих исследованиях акцент сделан на изучении отдельных фактов древнерусской истории.

Среди среднего поколения русских эмигрантов, оказавшихся в разное время в Италии и занимавшихся историей, можно выделить историка искусства и филолога-классика В. Н. Забугина (1880–1923), археолога Т. С. Варшер (1880–1960), известного историка искусства и писателя П. П. Муратова (1881–1950), философа и публициста Б. В. Яковенко (1884–1949), историков-медиевистов Н. П. Оттокара (1884–1957) и Е. А. Ананьина (1888–1965), журналиста А. И. Каффи (1887–1955), психолога и искусствоведа И. Е. Степанова (1889–1960), историков искусства В. П. Зубова (1884–1969) и М. А. Крашенинникову (1889–1963). Младшее поколение было представлено лишь писателями М. Л. Слонимом (1894–1976), Н. М. Сементовским-Курило (1901–1979) и Л. А. Нуссимбаумом (1905–1942). Из них древнерусской историей непосредственно никто не занимался. Однако Н. П. Оттокар и И. Е. Степанов являлись авторами общих очерков по русской истории, в которых несколько по-разному отражена изучаемая проблема политического строя Древней Руси.

Так, Николай Петрович Оттокар, выдающийся медиевист, один из немногих профессиональных русских историков-эмигрантов кто смог реализовать себя в иноязычной научной среде, да еще по своей специальности. Окончив Санкт-Петербургский университет в 1908 г. (ученик И. М. Гревса), с 1911 по 1914 г. он был в научной командировке в Италии, где готовил магистерскую диссертацию по истории средневековой Флоренции. С 1915 г. приват-доцент Петроградского университета по кафедре всеобщей истории, с 1917 г. профессор Пермского университета (там же был деканом, проректором и ректором). После защиты диссертации в 1921 г. добился научной командировки в Италию, где с 1924 г. стал профессором Флорентийского университета по кафедре средневековой истории (до 1952 г.)¹⁹. Необходимость заниматься русской историей, которой Н. П. Оттокар до тех пор никогда серьезно не интересовался, была вызвана его работой в многотомной «Итальянской энциклопедии наук, литературы и искусств» («*Enciclopedia Italiana di scienze, lettere ed arti*»), где ему поручили написать большую статью по истории России с древнейших времен до современности. В итоге статья вышла значительно больше оговоренного лимита и в результате редакторских сокращений была опубликована без подписи автора²⁰. Затем одно из лучших

¹⁷ Soloviev A. [Рец.:] Baumgarten N. de. Aux origines de la Russie. Roma, 1939. (*Orientalia Christiana analecta*, № 119) // *Анналы Института имени Н. П. Кондакова (Seminarium Kondakovianum)*. Вып. XI. Белград, 1940. С. 277.

¹⁸ Baumgarten N. de. *Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides russes du Xe au XIIIe siècle*. Roma, 1927; Idem. *Chronologie ecclésiastique des terres russes du Xe au XIIIe siècle*. Roma, 1930; Idem. *Olaf Tryggwison Roi de Norvège et ses relations avec Saint Vladimir de Russie*. Roma, 1931; Idem. *Saint Vladimir et la conversion de la Russie*. Roma, 1932; Idem. *Généalogies des branches régnautes de Rurikides du XIIIe au XVIe siècle*. Roma, 1934; Idem. Polotzk et la Lithuanie. Une page d'histoire. *Orientalia Christiana Periodica*, 1936, vol. 2, pp. 223–253; Idem. *Aux origines de la Russie*. Roma, 1939.

¹⁹ См. о нем: Комолова Н. П. Профессор Флорентийского университета Н. П. Оттокар // Россия и Италия. Вып. 5: Русская эмиграция в Италии в XX веке. М., 2003. С. 157–164; Клементьев А. К., Клементьева В. А. Три университета Николая Петровича Оттокара. Санкт-Петербург – Петроград – Пермь – Флоренция // Русские в Италии: культурное наследие эмиграции: международная научная конференция. М., 2006. С. 377–404; Клюев А. И. Историк Н. П. Оттокар и его концепция средневекового западноевропейского города. Дисс... канд. истор. наук. Омск, 2021.

²⁰ [Ottokar N.] Russia. *Storia. Enciclopedia Italiana di scienze, lettere ed arti*. [Milano, Roma], 1936, vol. XXX, p. 288–308.

в Италии издательств Laterza предложило ему опубликовать эту статью в виде книги. Так в 1936 г. в Бари на итальянском языке появилась «Краткая история России: главные линии»²¹ (книга переиздавалась еще дважды: в 1945 г. тем же издательством и в 1950 г. в переработанном виде под несколько другим названием²²).

Формат энциклопедической статьи, с необходимостью передачи основных фактов с небольшим анализом их, Н. П. Оттокар перенес в книгу, которая, несмотря на удачную конструкцию, отличается минимальной самостоятельностью выводов, по крайней мере в том, что касается истории Древней Руси. Так, описывая древнерусский политогенез, автор всецело следует за В. О. Ключевским. До прихода варягов у восточных славян образовались волости, в каждой из которых собиралось вече, состоявшее из глав семей, а с развитием международной торговли небольшие города-крепости превращаются в крупные экономические центры, места хранения товаров и центры волостей, «образуя настоящие городские общины, которыми руководит вече города». С приходом варягов, поселившихся в этих центрах, «где их приветствовали ввиду военной обороны городов и торговых караванов, а их вожди (конунги) часто изображали из себя хозяев своих городских общин», образовалось в течение IX в. несколько нормандских или варяжских княжеств. Затем эти княжества объединились в одно огромное государство под руководством князей-варягов, которые «вскоре оказались ассимилированы славянской средой». Смерть Ярослава Мудрого, разделившего Русь между своими сыновьями, по мнению историка, не привела к уничтожению единства государства, «поскольку уделы отдельных князей не составляли наследственных владений», а «распределялись между членами княжеского рода в соответствии с правами старшинства» и «вся Русь рассматривалась как достояние всего рода в целом, тогда как отдельные его члены пользовались только доходами и властью в регионе, который им временно приписывался. Такие регионы распределялись в соответствии с их важностью и богатством и в соответствии с рангом, который отдельные князья занимали в генеалогии рода», а «старший князь, называемый великим князем Киевским, считался отцом всех остальных». Однако, формально подчиняясь ему, «князья каждого региона пользовались практически неограниченной властью», их связь была «скорее нравственная, определяемая семейными обычаями». После наступает период междоусобных войн и «склонность князей пустить более глубокие корни в той области, которая принадлежала их отцам, то есть утвердить принцип наследования уделов», но он «не мог легко одержать победу, особенно в отношении главного Киевского княжества». В этот процесс часто вмешивались и городские веча, «которые, не заботясь о генеалогическом порядке и правах отдельных князей, сами решали конфликты претендентов, призывая одного из них или изгоняя соперника, менее желанного по какой-либо причине народу». Значение веча, «фактически ограничивавшего абсолютную власть князя», «значительно возросло во время конфликтов XII века, когда отдельные соперники, чтобы обеспечить себе наследование особого княжества, часто считали целесообразным заключить союз с гражданами столицы, который часто принимал форму настоящего договора, согласно которому жители клялись в верности своему будущему государю, оставляя, однако, за собой право изгнать его в случае нарушения самого договора. В XII веке компетенция веча распространялась на все внешние и внутренние дела княжества. Короче говоря, не будучи формально и юридически установленным и изменяясь в зависимости от места и обстоятельств, сосуществование власти княжеской и власти вечевой, определяемое своего

²¹ Ottokar N. *Breve storia della Russia: linee generali*. Bari, 1936. — Подзаголовок можно перевести и по-другому: общие тенденции, общие положения, общие линии, общие черты.

²² Ottokar N. *Compendio di storia della Russia*. Firenze, 1950.

рода двусторонним договором, является характерным и постоянным фактом русской жизни в XI–XII веках». Кроме того, власть князя была ограничена во всех важных делах и его Боярской думой. Русь этого времени, считал Н. П. Оттокар, «можно рассматривать как своего рода семейную федерацию почти автономных и слабо связанных между собой княжеств». К концу XII в. главный центр власти стал смещаться «от древних южных, вернее днепровских регионов, к более отдаленным». «Главными новыми центрами стали Волынское и Галицкое княжества на западе, древний город Новгород и, наконец, Суздальская земля». Здесь Н. П. Оттокар традиционно отмечает разные формы власти: всевластие князя во Владимиро-Суздальской земле, веча в Новгороде и бояр на Волыни и в Галичине, где под влиянием Венгрии и Польши создается из них «собственно феодальный класс»²³.

Еще одна «История России», написанная в Италии русским эмигрантом, принадлежит перу Ивана Евгеньевича Степанова. Сын известного врача, профессора Московского университета Евгения Михайловича Степанова (1855–1923), он получил психологическое образование в Германии и Италии, где обосновался еще до революции. Был публицистом, занимался психологией, философией, историей, писал об искусстве и музыке²⁴. В 1919 г. на немецком языке в Цюрихе в двух частях вышел уникальный сборник «Россия», куда вошел очерк И. Е. Степанова «Четыре периода русской истории»²⁵. Трудно сказать, почему именно ему доверили написать подобный исторический обзор, тогда как среди авторов сборника были известные историки К. В. Сивков и С. П. Мельгунов. Последний, кстати, был женат на родной сестре И. Е. Степанова Прасковье Евгеньевне Степановой, также принимавшей деятельное участие в сборнике, как и другая его сестра Вера Евгеньевна Эрисман-Степанова, ставшая вместе со своим мужем Теодором Эрисманом редактором всего издания. Получилось семейное предприятие с привлечением большого количества известных русских авторов, объединенных сотрудничеством с московским издательством С. П. Мельгунова «Задруга»²⁶. Очерк И. Е. Степанова тогда же был издан отдельно, а вскоре в 1923 г. во Флоренции вышла его книга «История России от истоков до наших дней», переиздававшаяся с дополнениями еще в 1950 г.²⁷ В отличие от книги Н. П. Оттокара, работа И. Е. Степанова представляет собой не столько краткое изложение событий русской истории, сколько их краткую характеристику.

Как и Н. П. Оттокар, взяв за основу схему В. О. Ключевского, И. Е. Степанов излагает политогенез Древней Руси сначала как процесс формирования варяжских княжеств вокруг славянских городов, служивших защитой от внешних врагов и складами товаров, располагавшихся на Днепровском торговом пути. Затем варяжские или нормандские князья с их вооруженной силой, став где-то путем приглашения, где-то путем завоевания покровителями торговли на всей славянской территории, сделали главный торговый порт Киев политической столицей и резиденцией великого князя, объединив вокруг него славянские области. Это, по мнению автора, «дает первый толчок развитию государственной жизни на юге России, но на этом заканчивается и задача варяг-норманн», т. к. в отличие от Западной Европы «к Днепру пришли лишь отдельные немногочисленные банды, которые вскоре были полностью поглощены коренным славянским элементом». Эта «малочисленность и слабость нормандского

²³ *Ottokar N. Breve storia della Russia...*, p. 10–11, 14–15, 17–22.

²⁴ См. о нем: *Гардзонио С. Степанов Иван Евгеньевич // Русское присутствие в Италии в первой половине XX века: энциклопедия. М., 2019. С. 622–623.*

²⁵ *Stepanow I. Die vier Perioden der russischen Geschichte. Russland, Teil II. Zürich, 1919, S. 1–39.*

²⁶ *Taxo-Godi E. Алексей Лосев в эпоху русской революции: 1917–1919. М., 2014. С. 144–169.*

²⁷ *Stepanow G. Storia della Russia dalle origini ai giorni nostril. Firenze, 1923; Idem. Storia della Russia. Firenze, 1950.*

элемента также препятствовали тому, чтобы власть правителей в недавно образованных княжествах стала абсолютной». Здесь характеристики политического строя Древней Руси И. Е. Степанова несколько отличаются от представлений Н. П. Оттокара. Во-первых, Степанов считал, что на Руси «повсюду высшая власть в княжестве — по крайней мере номинально — принадлежит народу, который проводил свои собрания “веча”». Более того, пишет И. Е. Степанов, «мы встречаем здесь форму прямого суверенитета народа, и “вече” могло быть связано с экклесиями (народными собраниями) муниципалитетов древности, которые можно сравнить с Грецией — пусть и в зачаточном виде. Однако ни продолжительность, ни способ обращения, ни порядок проведения дебатов и голосования, ни компетенция самого вече, которая должна была быть в основном законодательной, административной и судебной, и, прежде всего, касалась регулирования отношений территории с князем, не были четко определены. Кроме того, вечное противостояние верхов и низов, богатых и бедных, богатых горожан и землевладельцев, бедных горожан и свободных крестьян, которые все имели равное право участвовать в вече, лишило его силы и единства, которые сами по себе могли бы дать ему возможность не только противостоять князю, но навязывать ему свою волю». Поэтому вече приобретало решающее значение «только в исключительных случаях, когда происходило какое-либо важное событие, например внешняя угроза, объединявшая всех граждан в едином волеизъявлении. В обычное время оно почти не функционировало, и все его полномочия были переданы князю. Этот последний всегда имел сильную опору в самом вече в лице своих людей, бывших вооруженных купцов, которые теперь, как и сам князь, стали землевладельцами и составляли высший класс древнерусского общества». «Но тем не менее самим своим существованием вече ограничивало власть князей и приводило к тому дуализму между князем и вечем, при котором ни один из них не имел власти, а полномочия обеих сторон не были ни четко разграничены друг от друга, ни примирены друг с другом» и «приводили к скрытому или явному антагонизму между ними». Во-вторых, представления И. Е. Степанова отличаются от идей Н. П. Оттокара тем, что первый даже не упоминает о какой-либо роли Боярской думы в политическом строе Древней Руси. Что касается порядка престолонаследия и междукняжеских отношений, то тут Степанов традиционно пишет о родовом праве князей на все русские земли и лестничном порядке распределения столов по старшинству в роде, который с размножением князей приводил к противоречию с желанием наследования от отца к сыну и стремлению устранить всех остальных родственников. К тому же «часто само население приглашало одного князя и изгоняло другого». «Эта внутренняя борьба, наряду с набегами степных кочевников, стала основной причиной быстрого упадка Киевской Руси». В течение XI–XII вв., «по мере того, как все новые и новые варварские кочевые орды вторгались в южную Русь, связь с Черным морем становилась все более затруднительной и неопределенной, значение Киева неизбежно уменьшалось. Периферийные тенденции приобретали преобладание, а отдельные княжества, в которых правили разные ветви одного княжеского рода, с течением времени становились все более изолированными», и Русь распалась на многочисленные княжества, постоянно боровшиеся друг с другом. И здесь, в-третьих, отличие представлений И. Е. Степанова и Н. П. Оттокара проявились в том, что различные русские княжества в этот период, по мнению первого, «представляют нам все вариации от более или менее полной монархии до республиканской формы правления». Публицист не выделял особенностей Галицко-Волынской земли, лишь акцентируя внимание на Новгороде, «где республиканская форма получила наибольшее и наиболее прочное развитие», а князь «был всего лишь чиновником второй степени с очень ограниченными полномочиями, который находился под постоянным контролем первого, управляющего

республикой, избранного должностного лица “посадника”, своего рода президента». Тогда как на Северо-Востоке, куда со времени Андрея Боголюбского перемещается политический центр Руси, начинает формироваться феодализм, а Владимиро-Суздальская земля «делилась на все большее число отдельных вотчин с феодальными князьями во главе» (тут И. Е. Степанов ссылается на Н. П. Павлова-Сильванского). Но этот процесс историк относит уже к следующему периоду истории России и заключает: «несмотря на эту непрерывную и изнурительную борьбу, киевский период с его насыщенной жизнью, с его напряженным движением, с его свободными и демократическими учреждениями — особенно по сравнению с таковыми позднего периода — является, пожалуй, самым привлекательным периодом в русской истории»²⁸.

Таким образом, и в таком небольшом центре русской эмиграции, как Италия, русские историки-эмигранты продолжали трудиться, повторяя, с одной стороны, укоренившиеся в дореволюционной отечественной историографии концепции, особенно В. О. Ключевского, с другой, представляя их широкую вариативность. Так, в картине политического строя Древней Руси можно отметить взгляды на дуализм власти князя и веча (Е. Ф. Шмурло, А. М. Волконский, И. Е. Степанов) или триализм, включая сюда еще и Боярскую думу (Н. П. Оттокар). Причем если Е. Ф. Шмурло писал об «одиначестве», т. е. единении интересов княжеской власти и веча (за исключением Новгорода), то И. Е. Степанов подчеркивал антагонизм данных институтов верховной власти на Руси. Наконец, нельзя не отметить и у последнего автора попытку сравнения веча с епископиями Древней Греции²⁹.

Источники и литература

Источники

1. Волконский А. М. I. В чем главная опасность? II. Малоросс или украинец? Ужгород, 1929.
2. Волконский А. М. Имя Руси в домонгольскую пору. Прага, 1929.
3. Волконский А. М. Историческая правда и украинофильская пропаганда. Турин, 1920.
4. Шмурло Е. Ф. История России: 862–1917. Мюнхен: Град Китеж, 1922.
5. Baumgarten N. de. *Aux origines de la Russie*. Roma, 1939. (Orientalia Christiana analecta, 119).
6. Baumgarten N. de. *Chronologie ecclésiastique des terres russes du Xe au XIIIe siècle*. Roma, 1930. (Orientalia Christiana, vol. XVII, num. 58).
7. Baumgarten N. de. *Généalogies des branches régnautes de Rurikides du XIIIe au XVIe siècle*. Roma, 1934. (Orientalia Christiana, vol. XXXV, num. 94).
8. Baumgarten N. de. *Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides russes du Xe au XIIIe siècle*. Roma, 1927. (Orientalia Christiana, vol. IX, num. 35).
9. Baumgarten N. de. *Olaf Tryggwison Roi de Norvège et ses relations avec Saint Vladimir de Russie*. Roma, 1931. (Orientalia Christiana, vol. XXIV, num. 73).

²⁸ Stepanow I. Die vier Perioden der russischen Geschichte... S. 4–10; Stepanow G. *Storia della Russia dalle origini ai giorni nostril*. P. 9–11, 15–17, 19–20.

²⁹ Кстати, И. Е. Степанова иногда путают с другим Степановым, Иваном Владимировичем (1890–1933/34), автором книги «Белые, красные и евразийство» (Брюссель, 1927), а в каталоге Российской государственной библиотеки его работа «Die vier Perioden der russischen Geschichte» почему-то приписывается известному советскому деятелю Ивану Ивановичу Скворцову-Степанову.

10. Baumgarten N. de. Polotzk et la Lithuanie. Une page d'histoire. *Orientalia Christiana Periodica*, 1936, vol. 2, p. 223–253.
11. Baumgarten N. de. *Saint Vladimir et la conversion de la Russie*. Roma, 1932. (*Orientalia Christiana*, vol. XXVII, num. 79).
12. Ottokar N. *Breve storia della Russia: linee generali*. Bari, 1936. (Biblioteca di cultura moderna).
13. Ottokar N. *Compendio di storia della Russia*. Firenze: Vallecchi editore, 1950.
14. [Ottokar N.] Russia. Storia. *Enciclopedia Italiana di scienze, lettere ed arti*, vol. XXX: Romania — Scap. [Milano, Roma], 1936, p. 288–308.
15. Sc'murlo E. Cultura e civiltà nella Russia antica. *Russia: rivista di letteratura, arte, storia*, 1923, no. 1, p. 5–29.
16. Sc'murlo E. La Russia in Asia e in Europa. *L'Europa orientale: politica, economia, cultura, bibliografia*, 1921, no. 3, p. 169–186.
17. Stepanow I. Die vier Perioden der russischen Geschichte. *Russland*, Teil II. Zürich, 1919, S. 1–39.
18. Stepanov G. *Storia della Russia*. Firenze: Vallecchi Editore, 1950, 251 p.
19. Stepanow G. *Storia della Russia dalle origini ai giorni nostril*. Firenze, 1923, 143 p.
20. Wolkonsky A. Come la storia della Russia premongolica può divenire una questione di attualità (A proposito dell'articolo di Onatsky "Il problema ucraino a traverso la storia"). *L'Europa Orientale*, 1929, no. 3/4, p. 93–117.
21. Wolkonsky A. "Russ" del sud e "Russ" del nord. *L'Europa Orientale*, 1929, no 5/6, p. 203–213.

Литература

22. Беляев С. А. Евгений Шмурло в эмиграции (основные вехи жизни и творчества) // Россия и Италия. Вып. 5: Русская эмиграция в Италии в XX веке. М.: Наука, 2003. С. 149–157.
23. Гардзонио С. Степанов Иван Евгеньевич // Русское присутствие в Италии в первой половине XX века: энциклопедия. М.: Политическая энциклопедия, 2019. С. 622–623.
24. Гардзонио С., Сульпассо Б. Осколки русской Италии: исследования и материалы. Кн. 1. М.: Викмо-М, 2011.
25. Демина Л. И. «Автобиографические заметки» Е. Ф. Шмурло о его научной деятельности в Италии (1903–1924 гг.) // Археографический ежегодник за 1992 год. М.: Наука, 1994. С. 248–254.
26. Дербин Е. Н. Дискуссия по вопросу «Откуда есть пошла Русская земля... и откуда Русская земля стала есть» в украинской эмигрантской историографии начала 1930-х гг. // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2022. Т. 32, вып. 1. С. 55–64.
27. Дербин Е. Н. Политический строй Древней Руси в трудах русских историков-эмигрантов в Чехословакии (1920-е — середина 1940-х годов) // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2024. Т. 34, № 3. С. 651–653.
28. Клементьев А. К., Клементьева В. А. Три университета Николая Петровича Оттокара. Санкт-Петербург — Петроград — Пермь — Флоренция // Русские в Италии: культурное наследие эмиграции: международная научная конференция. М.: Русский путь, 2006. С. 377–404.
29. Клюев А. И. Историк Н. П. Оттокар и его концепция средневекового западноевропейского города. Дисс. ... канд. истор. наук. Омск, 2021.
30. Ковалев М. В. Евгений Францевич Шмурло: русская италянистика в эмиграции // Новая и новейшая история. 2016. № 1. С. 155–172.
31. Комолова Н. П. Италия в русской культуре Серебряного века: времена и судьбы. М.: Наука, 2005.

32. Комолова Н. П. Профессор Флорентийского университета Н. П. Оттокар // Россия и Италия. Вып. 5: Русская эмиграция в Италии в XX веке. М.: Наука, 2003. С. 157–164.
33. Россия и Италия. Вып. 5. Русская эмиграция в Италии в XX веке. М.: Наука, 2003.
34. Русские в Италии: культурное наследие эмиграции: международная научная конференция. М.: Русский путь, 2006.
35. Русское присутствие в Италии в первой половине XX века: энциклопедия. М.: Политическая энциклопедия, 2019.
36. Саханев В. В. Евгений Францевич Шмурло // Записки Русского исторического общества в Праге. Прага, Нарва, 1937. Кн. 3. С. 27–79.
37. Сьедина Д. Эмигрантская полемика: князь А. М. Волконский и Е. Д. Онацкий // Проблемы истории Русского зарубежья: материалы и исследования. Вып. 1. М.: Наука, 2005. С. 302–316.
38. Тахо-Годи Е. Алексей Лосев в эпоху русской революции: 1917–1919. М.: Модест Колеров, 2014. (Исследования по истории русской мысли, т. 17).
39. Яковенко С. Г. Е. Ф. Шмурло (1854–1934 гг.) — ученый корреспондент Российской академии наук в Риме (1903–1924 гг.): незавершенный проект // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2024. Т. 19, № 1/2, ч. I. С. 132–156; № 3/4, ч. II. С. 136–165.
40. Soloviev A. [Рец.:] Baumgarten N. de. Aux origines de la Russie. Roma, 1939. (Orientalia Christiana analecta, № 119) // Анналы Института имени Н. П. Кондакова (Seminarium Kondakovianum). Вып. XI. Белград, 1940. С. 277–280.

Sources and References

Sources

1. Baumgarten N. de. *Aux origines de la Russie [The origins of Russia]*. Roma, Pontificium Istitutum Orientalium Studiorum Publ., 1939. (Orientalia Christiana analecta, 119). (In French)
2. Baumgarten N. de. *Chronologie ecclésiastique des terres russes du Xe au XIIIe siècle [Ecclesiastical chronology of the Russian lands from the 10th to the 13th century]*. Roma, Pontificium Istitutum Orientalium Studiorum Publ., 1930. (Orientalia Christiana, vol. XVII, num. 58). (In French)
3. Baumgarten N. de. *Généalogies des branches régnantes de Rurikides du XIIIe au XVIe siècle [Genealogies of the Rurikid ruling branches from the 13th to the 16th century]*. Roma, Pontificium Istitutum Orientalium Studiorum Publ., 1934. (Orientalia Christiana, vol. XXXV, num. 94). (In French)
4. Baumgarten N. de. *Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides russes du Xe au XIIIe siècle [Genealogies and Western Marriages of the Russian Rurikides from the 10th to the 13th Century]*. Roma, Pontificium Istitutum Orientalium Studiorum Publ., 1927. (Orientalia Christiana, vol. IX, num. 35). (In French)
5. Baumgarten N. de. *Olaf Tryggwison Roi de Norvège et ses relations avec Saint Vladimir de Russie [Olaf Tryggwison King of Norway and his relationship with Saint Vladimir of Russia]*. Roma, Pontificium Istitutum Orientalium Studiorum Publ., 1931. (Orientalia Christiana, vol. XXIV, num. 73). (In French)
6. Baumgarten N. de. Polotzk et la Lithuanie. Une page d'histoire [Polotzk and Lithuania. A Page of History]. *Orientalia Christiana Periodica*, 1936, vol. 2, p. 223–253. (In French)
7. Baumgarten N. de. *Saint Vladimir et la conversion de la Russie [Saint Vladimir and the Conversion of Russia]*. Roma, Pontificium Istitutum Orientalium Studiorum Publ., 1932. (Orientalia Christiana, vol. XXVII, num. 79). (In French)

8. Ottokar N. *Breve storia della Russia: linee generali* [Brief history of Russia: general outline]. Bari, G. Laterza & Figli Publ., 1936. (Biblioteca di cultura moderna). (In Italian)
9. Ottokar N. *Compendio di storia della Russia* [Compendium of Russian history]. Firenze, Vallecchi editore Publ., 1950. (In Italian)
10. [Ottokar N.] Russia. Storia [Russia. History]. *Enciclopedia Italiana di scienze, lettere ed arti*, vol. XXX: Romania – Scap. [Milano, Roma], Istituto Giovanni Treccani Publ., 1936, p. 288–308. (In Italian)
11. Shmurlo E. Cultura e civiltà nella Russia antica [Culture and Civilization in Ancient Russia]. *Russia: rivista di letteratura, arte, storia*, 1923, no. 1, p. 5–29. (In Italian)
12. Shmurlo E. F. *Istoriya Rossii: 862–1917* [History of Russia: 862–1917]. Munich, Grad Kitezhl Publ., 1922. (In Russian)
13. Shmurlo E. La Russia in Asia e in Europa [Russia in Asia and Europe]. *L'Europa orientale: politica, economia, cultura, bibliografia*, 1921, no. 3, p. 169–186. (In Italian)
14. Stepanow I. Die vier Perioden der russischen Geschichte [The four periods of Russian history]. *Russland*, part 2. Zürich, Art Institut Orell Füssli Publ., 1919, p. 1–39. (In German)
15. Stepanov G. *Storia della Russia* [History of Russia]. Firenze, Vallecchi Editore Publ., 1950, 251 p. (In Italian)
16. Stepanow G. *Storia della Russia dalle origini ai giorni nostril* [History of Russia from its origins to the present day]. Firenze, A. Vallecchi Publ., 1923, 143 p. (In Italian)
17. Volkonskij A. M. *I. V chem glavnaya opasnost'?* II. *Maloross ili ukrainec?* [I. What is the main danger? II. Little Russian or Ukrainian?]. Uzhgorod, 1929. (In Russian)
18. Volkonskij A. M. *Imya Rusi v domongol'skuyu poru* [The Name of Rus' in Pre-Mongol Times]. Prague, Yedinstvo Publ., 1929. (In Russian)
19. Volkonskij A. M. *Istoricheskaya pravda i ukrainofil'skaya propaganda* [Historical truth and Ukrainophile propaganda]. Turin, Vikentiy Bona Publ., 1920. (In Russian)
20. Wolkonsky A. Come la storia della Russia premongolica può divenire una questione di attualità (A proposito dell'articolo di Onatsky “Il problema ucraino a traverso la storia”) [How the History of Pre-Mongolian Russia Can Become a Current issue (About Onatsky's Article “The Ukrainian Problem Through History”)]. *L'Europa Orientale*, 1929, no. 3/4, p. 93–117. (In Italian)
21. Wolkonsky A. “Russ” del sud e “Russ” del nord [Southern “Rus” and Northern “Rus”]. *L'Europa Orientale*, 1929, no. 5/6, p. 203–213. (In Italian)

References

22. Belyaev S. A. Evgenij Shmurlo v emigracii (osnovnye vekhi zhizni i tvorchestva) [Evgeny Shmurlo in emigration (the main milestones of his life and work)]. *Rossiya i Italiya*, part 5: Russian emigration in Italy in 20 century. Moscow, Nauka Publ., 2003, p. 149–157. (In Russian)
23. Gardzonio S. Stepanov Ivan Evgen'evich. *Russkoe prisutstvie v Italii v pervoj polovine 20 veka: encyclopediya*. Moscow, Politicheskaya enciklopediya Publ., 2019, p. 622–623.
24. Gardzonio S., Sul'passo B. *Oskolki russkoj Italii: issledovaniya i materialy* [Fragments of Russian Italy: Research and Materials], book 1. Moscow, Vikmo-M Publ., 2011. (In Russian)
25. Demina L. I. “Avtobiograficheskie zametki” E. F. Shmurlo o ego nauchnoj deyatel'nosti v Italii (1903–1924 gg.) [“Autobiographical notes” by E. F. Shmurlo about his scientific activities in Italy (1903–1924)]. *Arheograficheskij ezhegodnik za 1992 god*. Moscow, Nauka Publ., 1994, p. 248–254. (In Russian)
26. Derbin E. N. Diskussiya po voprosu “Otkudu est' poshla ruskaya zemlya... i otkudu ruskaya zemlya stala est'” v ukrainskoj emigrantskoj istoriografii nachala 1930h gg. [Discussion on the issue “Otkudu est' poshla ruskaya zemlya... i otkudu ruskaya zemlya stala est'” in the Ukrainian emigrant historiography of the early 1930s]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta = Bulletin of Udmurt University*, series: History and Philology, 2022, vol. 32, no. 1, p. 55–64. (In Russian)

27. Derbin E. N. *Politicheskij stroj Drevnej Rusi v trudah russkikh istorikov-emigrantov v Chekhoslovakii (1920-e – ser. 1940-h gg.)* [The Political system of Ancient Rus' in the works of Russian historians-emigrants in Czechoslovakia (1920s – mid 1940s)]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta = Bulletin of Udmurt University*, series: History and Philology, 2024, vol. 34, no. 3, p. 651–661. (In Russian)
28. Klement'ev A. K., Klement'eva V. A. *Tri universiteta Nikolaya Petrovicha Ottokara. Sankt-Peterburg – Petrograd – Perm' – Florenciya* [Three universities of Nikolai Petrovich Ottokar. St. Petersburg – Petrograd – Perm' – Florence]. *Russkie v Italii: kul'turnoe nasledie emigracii. Materials of conference*. Moscow, Russkij put' Publ., 2006, p. 377–404. (In Russian)
29. Klyuev A. I. *Istoriik N. P. Ottokar i ego koncepciya srednevekovogo zapadnoevropejskogo goroda* [Historian N. P. Ottokar and his concept of the medieval Western European city], thesis Ph. D. (History) dissertation. Omsk, 2021. (In Russian)
30. Kovalev M. V. *Evgenij Francevich Shmurlo: russkaya ital'yanistika v emigracii* [Evgeny Frantsevich Shmurlo: Russian Italian Studies in Exile]. *Novaya i novejschaya istoriya*, 2016, no. 1, p. 155–172. (In Russian)
31. Komolova N. P. *Italiya v russkoj kul'ture Serebryanogo veka: vremena i sud'by* [Italy in Russian Culture of the Silver Age: Times and Destinies]. Moscow, Nauka Publ., 2005. (In Russian)
32. Komolova N. P. *Professor Florentijskogo universiteta N. P. Ottokar* [Professor of the University of Florence N. P. Ottokar]. *Rossiya i Italiya*, part 5: Russian emigration in Italy in 20 century. Moscow, Nauka Publ., 2003, p. 157–164. (In Russian)
33. *Rossiya i Italiya [Russia and Italy]*, part 5: Russian emigration in Italy in 20 century. Moscow, Nauka Publ., 2003. (In Russian)
34. *Russkie v Italii: kul'turnoe nasledie emigracii: mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya* [Russians in Italy: cultural heritage of emigration: international scientific conference]. Moscow, Russkij put' Publ., 2006. (In Russian)
35. *Russkoe prisutstvie v Italii v pervoj polovine 20 veka* [Russian presence in Italy in the first half of the 20th century]: encyclopedia. Moscow, Politicheskaya enciklopediya Publ., 2019. (In Russian)
36. Sahanev V. V. *Evgenij Francevich Shmurlo. Zapiski Russkogo istoricheskogo obshchestva v Prage*, Prague, Narva, 1937, vol. 3, p. 27–79. (In Russian)
37. S'edina D. *Emigrantskaya polemika: knyaz' A. M. Volkonskij i E. D. Onackij* [Emigrant Controversy: Prince A. M. Volkonsky and E. D. Onatsky]. *Problemy istorii Russkogo zarubezh'ya: materialy i issledovaniya*, vol. 1. Moscow, Nauka Publ., 2005, p. 302–316. (In Russian)
38. Soloviev A. [Review:] Baumgarten N. de. *Aux origines de la Russie*. Roma, 1939. (Orientalia Christiana analecta, № 119). *Annaly Instituta imeni N. P. Kondakova (Seminarium Kondakovianum)*, vol. 11. Belgrade, 1940, p. 277–280. (In French)
39. *Taho-Godi E. Aleksej Losev v epohu russkoj revolyucii* [Alexey Losev in the era of the Russian revolution]: 1917–1919. Moscow, Modest Kolerov Publ., 2014. (In Russian)
40. *Yakovenko S. G. E. F. Shmurlo (1854–1934 gg.) – uchenyj korrespondent Rossijskoj akademii nauk v Rime (1903–1924 gg.): nezavershennyj proekt* [E. F. Shmurlo (1854–1934) – correspondent scientist of the Russian Academy of Sciences in Rome (1903–1924): unfinished project]. *Slavyanskij mir v tret'em tysyacheletii*, 2024, vol. 19, no. 1/2, part I, p. 132–156; no. 3/4, part II, p. 136–165. (In Russian)

А. С. Билецкий

**Трансформация представлений о становлении
древнерусской государственности в трудах
российских историков середины XIX — начала XX вв.**

УДК 94(47)(091):321.01
DOI 10.47132/2618-9674_2025_3_190
EDN ZOKYRR

Аннотация: В статье рассматриваются концепции формирования государственности на Руси в работах отечественных историков середины XIX — начала XX вв. В ходе исследования было выделено несколько основных историографических направлений, доминировавших в науке того времени, проанализированы различные взгляды ученых на вопросы генезиса социальных и политических отношений. Предпринят компаративный анализ концепций генезиса древнерусской государственности как в синхронном, так в диахронном (в сопоставлении с предшествующим периодом и современной наукой) аспектах. Выдвигается и обосновывается тезис об актуальности многих идей и подходов историков того времени, поскольку ими был поднят целый ряд проблем, находящихся в фокусе внимания современных ученых.

Ключевые слова: историография, политогенез, средневековая Русь, государственная школа, киевская школа, вече, дружина.

Об авторе: **Алексей Сергеевич Билецкий**

Ассистент НОЦ «Перспективные решения в образовании» Южного Федерального университета.

E-mail: alexey.biletski@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-1731-7203>

Для цитирования: Билецкий А. С. Трансформация представлений о становлении древнерусской государственности в трудах российских историков середины XIX — начала XX вв. // Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2025. № 3 (31). С. 190–208.

Статья поступила в редакцию 03.06.2025; одобрена после рецензирования 11.07.2025; принята к публикации 21.07.2025.

Alexey Biletskii

**Transformation of Ideas about Formation
of Old Rus' Statehood in Works
of Russian Historians of the mid-19th – early 20th Centuries**

UDK 94(47)(091):321.01
DOI 10.47132/2618-9674_2025_3_190
EDN ZOKYRR

Abstract: The article discusses the concepts of the formation of statehood in Rus in the works of Russian historians of the mid-19th – early 20th centuries. During the study, several main historiographical trends dominating in the science of that time were identified, and different views of scientists on the issues of genesis of social and political relations were analyzed. A comparative analysis of the concepts of genesis of the Old Russian statehood is undertaken in both synchronic and diachronic (in comparison with the previous period and modern science) aspects. A thesis is put forward and arguments are given about the relevance of many ideas and approaches of historians of that time, since historians raised a number of issues that are in the center of attention of modern scientists.

Keywords: Historiography, Politogenesis, Medieval Rus', State School, Kievan School, Veche, Retinue.

About the author: **Alexey Biletskii**

Assistant of the Scientific and Research Center "Perspective Solutions in Education" of the Southern Federal University.

E-mail: alexey.biletski@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-1731-7203>

For citation: Biletskii A. Transformation of Ideas about Formation of Old Rus' Statehood in Works of Russian Historians of the mid-19th – early 20th Centuries. *Paleorosia. Ancient Rus in time, in personalities, in ideas*, 2025, No. 3 (31), p. 190–208.

The article was submitted 03.06.2025; approved after reviewing 11.07.2025; accepted for publication 21.07.2025.

В последние годы все больше исследователей вновь обращается к теме генезиса государственности в средневековой Руси. При этом диалектика развития историографического процесса такова, что в ходе обсуждения ключевых аспектов данной проблемы обнаруживается стремление историков обратиться к опыту предшествующих поколений. Тенденция к реактуализации идей предшественников на новом теоретико-методологическом уровне отчетливо прослеживается в работах А. В. Назаренко¹, А. А. Горского², А. Ю. Дворниченко³, П. С. Стефановича⁴, П. В. Лукина⁵, П. И. Гайденко⁶ и других авторов. При этом наиболее пристальное внимание современных исследователей обращено к достижениям российской исторической науки рубежа XIX–XX в. Причин такого предпочтения — как минимум две. С одной стороны, вряд ли требует пространного обоснования утверждение, что данный период стал пиком развития русской дореволюционной историографии, и именно в это время весь аккумулированный за предшествующее столетие опыт воплотился в беспрецедентном росте исследовательской активности — фундаментальных открытиях, прорывных идеях и смелых гипотезах. С другой стороны, не менее очевидным является и то, что политические катаклизмы 1917–1920 гг. прервали столь многообещающее поступательное развитие отечественной науки: часть ученых, не приняв новую власть, покинула страну, тогда как другая часть вскоре была лишена возможности продолжать исследования вследствие разгрома академической корпорации и политических репрессий, учиненных новой властью. Поэтому многие перспективные направления исследований, намеченные историками предреволюционного времени, остались незавершенными, и именно это обстоятельство делает актуальным обращение к их опыту в поисках незаслуженно забытых идей и гипотез.

Особая роль в формировании проблемного поля древнерусского политогенеза принадлежит «государственной школе» русской историографии, сложившейся к середине XIX в. благодаря деятельности таких выдающихся ученых и мыслителей, как С. М. Соловьев, К. Д. Кавелин, Б. Н. Чичерин, А. Д. Градовский. Как следует из самого наименования данной школы, ее предшественники делали особый акцент на проблемах развития права и государственных институтов. Их творчество знаменовало качественно новый этап в развитии отечественной исторической науки: говоря словами Г. В. Вернадского, «трудами поколения С. М. Соловьева русская историческая наука вступила в период возмужания⁷». Действительно, эта когорта российских историков впервые сделала шаг от написания «гранд-нарративов» к проблемному анализу исторического процесса. В связи с этим следует согласиться с тезисом А. Ю. Дворниченко о том,

¹ Назаренко А. В. Древняя Русь и славяне // Древнейшие государства Восточной Европы. 2007 год. М., 2009; *Его же*. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей в IX–XII вв. М., 2001.

² Горский А. А., Кучкин В. А., Лукин П. В., Стефанович П. С. Древняя Русь: очерки политического и социального строя. М., 2008; Горский А. А. Средневековая Русь: о чем говорят источники. М., 2016.

³ Дворниченко А. Ю. Зеркала и химеры. О возникновении древнерусского государства. СПб., 2014.

⁴ Стефанович П. С. Знать и военные слуги в социально-политической структуре Древнерусского государства в X — первой трети XII в. Автореф. дисс. ... докт. истор. наук. М., 2014.

⁵ Лукин П. В. Новгородское вече. М., 2014.

⁶ Гайденко П. И. Репрезентация архиерейской власти в домонгольской Руси: буллы, верительные документы, сан, титулы // *Magistra Vitae*. 2013. № 18 (309). С. 67–78; *Его же*. Священная иерархия Древней Руси (XI–XIII вв.): Зарисовки власти и повседневности. М., 2014.

⁷ Вернадский Г. В. Русская историография. М., 1998. С. 106.

что именно в 1840-е гг. начинается «звездный» период русской историографии, вершина ее развития⁸.

Особый интерес ученых этой школы к происхождению законов, положению князя и границам власти общины на Руси вполне объясним тем обстоятельством, что все они занимались вопросами истории права. Однако этот фактор не был единственным в генезисе воззрений «государственной школы»: нельзя не отметить влияния на ее авторов достижений предшествующих поколений русских ученых. Так, их аксиология государственности — ничто иное, как отзвук державного пафоса карамзинского гранд-нарратива⁹, здоровая доля критического отношения к источникам — наследие «скептической школы» М. Т. Каченовского¹⁰, идея родового быта, активно использовавшаяся Кавелиным и Соловьевым, была сформулирована Г. фон Эверсом¹¹, а на методологические основы их работ огромное влияние оказало гегельянство¹². Как указал впоследствии Г. В. Вернадский, основа исторической концепции Соловьева — понимание истории как процесса развития¹³. Впрочем, как отмечает Л. В. Мининкова, не была полностью чужда ему и позитивистская мысль¹⁴, повлиявшая на стремление историка к поиску исторических параллелей, «общих культурных закономерностей»¹⁵. Хотя переход этот произошел не сразу — даже С. М. Соловьев стоял еще на своего рода стыке эпох — между привычными для исторической науки первой половины XIX в. гранд-нарративами и приходящим им на смену проблемным подходом.

Многие концепции были также почерпнуты «государственной школой» из работ М. П. Погодина, во многом предвосхитившего выводы его продолжателей. Так, П. С. Стефанович прямо пишет о том, что именно М. П. Погодин сыграл ключевую роль в появлении представлений о принципиальном отличии уклада средневековой Руси от западного феодализма¹⁶. Не оспаривая справедливости этого вывода в целом, отметим, тем не менее, что в целом ряде аспектов взгляды Погодина не укладываются в узкие рамки данной концепции. Так, именно он впервые в российской историографии обратился к компаративистике, сравнивая политическое устройство Руси и Западной Европы. В частности, в полемике со «скептиками», оспаривавшими надежность «Русской правды» как исторического источника, он указывал на явные параллели между этим памятником и западными «варварскими правдами». В то же время, историк очень точно отметил все элементы, позволяющие характеризовать державу Рюриковичей как весьма архаичское образование: родовое управление страной¹⁷, отсутствие устойчивых связей аристократии и земли¹⁸, данническая форма господства над племенами¹⁹. Однако, в силу собственных идеологических и методологических ограничений, он так и не смог провести параллели между устройством Руси

⁸ Дворниченко А. Ю. Зеркала и химеры... С. 65.

⁹ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 1. СПб., 1818.

¹⁰ Каченовский М. Т. Два рассуждения о кожаных деньгах, и о русской правде. М., 1849.

¹¹ Эверс И. Ф. Г. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии СПб., 1835.

¹² Ерыгин А. Н. Философия истории Гегеля и русская мысль XIX века. Ростов-на-Дону, 2012. С. 108–117.

¹³ Вернадский Г. В. Русская историография. С. 107.

¹⁴ Мининкова Л. В. Князь и дружина Древней Руси: исследование форм общественно-политических отношений раннего русского Средневековья. М., 2018. С. 25.

¹⁵ Там же. С. 29.

¹⁶ Стефанович П. С. Знать и военные слуги... С. 27.

¹⁷ Погодин М. П. Древняя русская история до монгольского ига. Т. 1. М., 1871. С. 406, 409–410.

¹⁸ Там же. С. 413, 415–417, 420.

¹⁹ Там же. С. 410–413.

в X–XI вв. и формированием других «варварских» королевств, объяснив специфику развития восточнославянского государства «особым русским путем»²⁰. Таким образом, верные предпосылки привели историка к абсолютно неверным выводам.

Идеи М. П. Погодина о сходстве и различии общественно-политических устоев Древней Руси и Западной Европы получили логичное, но вполне самостоятельное развитие в трудах авторов «государственной школы». В целом, и С. М. Соловьев, и К. Д. Кавелин сходились во мнении, что древнерусский жизненный уклад отличался от европейского в первую очередь тем, что на Руси отсутствовал ключевой элемент западного Средневековья — феодализм. Соловьев, подчеркнув близость славян и германцев²¹, отметил и ряд существенных различий, обусловленных, по его мнению, размерами державы Рюриковичей — одной из главных проблем на пути развития «классических» феодальных отношений²². Вторил ему и Кавелин, утверждая, что древнерусскую политическую систему следует называть именно «удельным» государством²³. Попутно заметим, что с легкой руки классиков «государственной школы» данный термин (сам по себе — анахроничный, поскольку само слово «удел» не встречается в источниках вплоть до конца XIV в.²⁴) прочно закрепился в историографии и вплоть до нашего времени используется для обозначения эпохи между распадом Киевской державы и образованием Московской.

Важной частью исторической концепции «государственной школы» было понятие рода. Именно «родовой быт», по мнению историков, господствовал первые несколько веков русской истории. Кавелин и вовсе утверждал, что генезис государственности как таковой был следствием исключительно внешнего, варяжского, влияния, а сами восточные славяне, в силу слабого развития собственной культуры, были на него пока не способны²⁵. Родовыми отношениями объясняются и взаимодействия внутри княжеского рода: Русь, в представлении историков, находилась во власти именно дома Рюриковичей, а не конкретного отдельного князя.

При этом, вся домонгольская история Руси в представлении историков была периодом активного противостояния родовых отношений и того, что их постепенно разрушало. «Весь наш государственный быт, от Ярослава до усиления Москвы, есть история развития родового начала, [...] история его постепенного разложения и упадка»²⁶ — отмечал Кавелин. Противовес родовым отношениям он видел в постепенном формировании отношений семейных, а Соловьев — государственных. Так, князья и окружавшие их дружины стали, по мнению историка, той силой, которая подтачивала традиционные устои славянского общества: ведь в дружинной среде начала формироваться сословная мораль в противовес родовой. Кризис привычных устоев произошел из-за распрей князей друг с другом и изгоями²⁷, на фоне чего области начали «отпадать от единства»²⁸. Главными причинами этого, по мнению С. М. Соловьева, стало постепенное формирование «понятия об отдельной собственности»²⁹, борьба между родовыми и государственными представлениями, начавшаяся в XII в., а также

²⁰ Там же. С. 86–90.

²¹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 1, т. I–V. СПб., 1851. С. 95.

²² Там же. С. 218.

²³ Кавелин К. Д. Собр. соч. Т. 1. СПб. 1897. С. 6.

²⁴ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 3. СПб., 1912. Стб. 1158–1159.

²⁵ Там же. Стб. 13–16, 19–21, 25.

²⁶ Там же. Стб. 26.

²⁷ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 1, т. I–V. СПб., 1851. С. 646.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. С. 653.

развитие основываемых князьями городов³⁰. Становление древнерусской государственности историки относили к XII в., тем самым де-факто признавая существование в политической структуре державы Рюриковичей большого количества архаических элементов. В их выводах прослеживается традиционная для науки XIX в. точка зрения, согласно которой средневековая Русь к моменту вторжения монголов только начала превращаться в государство.

Впрочем, уже здесь возникли определенные внутренние противоречия. Так, К. Д. Кавелин, описывая существование весьма архаичных институтов в период правления Ярослава Мудрого, замечает, что «не ранее» XI в. началась постепенная передача земли во власть церкви и выходцам из княжеской дружины³¹, а в середине XII в. Андрей Боголюбский уже «оседает» на землю, превращая дружинников в своих «слуг», «двор»³². Но разве контроль дружины над землей и прикрепление к ней крестьян не является формой государственных отношений? Разве контроль представителей политической элиты над землей не показывает все возрастающую ее ценность?

Наиболее последовательной здесь выглядит позиция Б. Н. Чичерина, с одной стороны, признававшего господство князей и дружинников над землей³³, ключевую роль дружины в разрушении общинного быта³⁴, хотя и с оговоркой, что право на землю в описываемый период — это, в первую очередь, право суда и сбора дани³⁵. С другой стороны, он просто отказывался считать средневековые взаимоотношения князя и общины формой государства, ведь там, по мнению историка, господствовали исключительно частные — вотчинные и общинные, а не общегосударственные интересы³⁶. Таким образом, государственность на Руси, по представлению Чичерина, только начинала формироваться под влиянием разрушавшей традиционные институты княжеской дружины.

Примечательно, что альтернативу «монархической» парадигме осмысления прошлого искали как в кругах западников, так и среди славянофилов, хотя, по замечанию П. С. Стефановича, отличия в их позициях были не так уж и велики³⁷. Как пишет П. В. Лукин, «сам дух этого времени» способствовал поискам в русском прошлом проявлений народовластия³⁸. Очевидным кандидатом на роль олицетворения древнерусской свободы стал институт веча.

Довольно подробно политические аспекты его функционирования были рассмотрены в труде В. И. Сергеевича «Вече и князь». Народ и князь, по мнению историка, были двумя центрами политической власти в Средние века³⁹: «князь и вече стояли друг подле друга, как две неподчиненные одна другой власти, для совокупного действия которых было необходимо взаимное соглашение»⁴⁰. Довольно оригинально В. И. Сергеевич объяснял проблему молчания более поздних источников об этом социальном явлении: ученый утверждал, что отсутствие летописных свидетельств

³⁰ Там же. С. 217, 228.

³¹ Кавелин К. Д. Собр. соч. Т. 1. СПб. 1897. С. 39.

³² Там же.

³³ Чичерин Б. Н. Опыты по истории русского права. М., 1858. С. 9, 11–14, 64–65, 75.

³⁴ Там же. С. 7–9, 62.

³⁵ Там же. С. 75–79.

³⁶ Там же. С. 69, 70, 242.

³⁷ Стефанович П. С. Знать и военные слуги... С. 33.

³⁸ Лукин П. В. Новгородское вече: старые концепции и новые данные // Исторический Вестник. 2012. № 1. С. 99–101.

³⁹ Сергеевич В. И. Вече и князь. Русское государственное устройство и управление во времена князей Рюриковичей. М., 1867. С. 1.

⁴⁰ Там же. С. 106.

вовсе не является признаком утраты вечевыми собраниями прежней силы⁴¹, ведь у князей в домонгольский период все равно не было достаточно инструментов управления, чтобы их окончательно подавить⁴². Таким образом, снова вышел на первый план тезис о слабости княжеской власти, шаткости ее положения на протяжении X–XIII вв.

Призвание князей, согласно Сергеевичу, было не постоянным — если князь не нравился, его могли прогнать, — но неограниченным по срокам⁴³. Князь призывался для водворения порядка, которого не могло осуществить само общество⁴⁴. При призвании князя заключался ряд и все дальнейшие спорные вопросы обсуждались на вече⁴⁵. Княжеские столы не наследовались, а «добывались»⁴⁶: князь мог занять, завоевать или заставить уступить себе престол⁴⁷. Волости переходили по отчине, но далеко не всегда⁴⁸. Даже победивший князь был вынужден договариваться с побежденными, либо покидал волость⁴⁹. Велико было влияние веча: в 1113 г. киевляне даже сумели отменить решение Любечского съезда⁵⁰. Главной целью деятельности веча историк считал именно призвание князя⁵¹, а также вопросы законодательства и войны⁵². Причину, по которой этот институт обладал на Руси таким влиянием, историк объяснял тем, что без поддержки мужей, составлявших большую часть войска, князь просто не смог бы вести войну⁵³. Помимо жителей главного города, вече включало в себя и представителей пригородов⁵⁴. Пригородное вече обычно было подчинено городскому⁵⁵, а волость, в свою очередь, возникла вследствие распространения поземельных отношений жителей главного города на окрестные земли⁵⁶.

Упадок веча историк связывал с монгольским нашествием, последовавшей после него централизацией земель вокруг Москвы и введением в XV в. поместной системы⁵⁷. Усиление княжеской власти было, по мнению Сергеевича, связано, в первую очередь, с внешним влиянием, а не исходило из внутренней логики развития восточнославянского общества. В той или иной степени подобные трактовки были типичны для историков «государственной школы»: они полагали, что на ранних этапах становления древнерусской государственности ее развитие было обусловлено воздействиями извне: варягами, христианизацией, татарским игом. Вслед за другими авторами своей эпохи, историк рассматривал X–XIII вв. как эпоху безраздельного господства архаических институтов и родовых отношений. Более того, В. И. Сергеевич прямо пишет о том, что древнерусское общество обладало только «зародышами» сословий⁵⁸. Лишь в XIV–XV вв., по мнению историка, князья

⁴¹ Там же. С. 19.

⁴² Там же. С. 20.

⁴³ Там же. С. 71.

⁴⁴ Там же. С. 98.

⁴⁵ Там же. С. 100–101.

⁴⁶ Там же. С. 273.

⁴⁷ Там же. С. 279–281.

⁴⁸ Там же. С. 325.

⁴⁹ Там же. С. 120–121.

⁵⁰ Там же. С. 70.

⁵¹ Там же. С. 67.

⁵² Там же. С. 82.

⁵³ Там же. С. 389.

⁵⁴ Там же. С. 23–24, 30.

⁵⁵ Там же. С. 93–95.

⁵⁶ Там же. С. 92.

⁵⁷ Там же. С. 21–22.

⁵⁸ Там же. С. 31.

окончательно обрели власть над русской землей и начали награждать дружинников за службу землей⁵⁹.

Резкую критику идеи Сергеевича встретили в работах другого представителя «государственной школы» — А. Д. Градовского. Согласившись с рядом выводов историка об отсутствии сословий⁶⁰, исконности общинного быта⁶¹, Градовский остался совершенно неудовлетворен раскрытием центральной темы работы Сергеевича — вече. Историк подчеркивал, что вече — это выражение общинного быта, аналоги которого можно найти у многих других народов⁶². Необходимость призвания князя, в свою очередь, прямо проистекала именно из несовершенства общинного правления, неспособности традиционных институтов выстроить устойчивый порядок правления⁶³. Историк утверждал, что именно с призвания князей на Руси начался постепенный процесс образования государства, так как именно фигура князя, как вершителя правосудия, стала для него ключевой⁶⁴. Этот вывод Градовского крайне важен для понимания дальнейшего развития российской историографии: историк фактически подвел свои рассуждения к тому, что политогенез у восточных славян был не следствием исключительно внешнего импульса, но закономерным следствием процессов, происходивших внутри самой общины, вынужденной в определенных обстоятельствах призывать власть извне для устойчивого функционирования. Более того, в разных частях Руси формы тандема князь–вече были разными, так как и сила городских общин в разных волостях была разной⁶⁵. При этом Градовский подчеркивал важность идеалов и ценностей в процессе превращения конгломерата волостей в единое государство. Представления о единой земле и едином князе в Киеве, единство Русской Церкви выступали важными факторами политического единства⁶⁶. Многовековое наступление княжеской власти против общин в «московский» период закончилось победой первой, за счет все большего усиления «начал престолонаследия»⁶⁷.

Влияние «государственной школы» на развитие русской историографии трудно переоценить. Именно в ее рамках впервые произошел полноценный переход от исследования биографий отдельных личностей к связной и структурированной истории политических и социальных институтов, что позволило историкам обнаружить высокую степень влияния общин и слабость княжеской власти в домонгольской Руси. Историки «государственной школы» были склонны относить становление государственности у восточных славян лишь к рубежу XIV–XV вв. или даже ко временам Ивана III. Такой подход вполне объясним тем, что именно в этот период можно обнаружить в зрелом виде все признаки «настоящего» государства, включая монополию на насилие и сбор налогов. Однако ученые зачастую упускали или недостаточно акцентировали внимание на том, что русское государство XV в. возникло именно в результате развития тех институтов, начало которым было положено еще в период становления державы Рюриковичей, тем самым теряя важный пласт в истории формирования древнерусской государственности.

⁵⁹ Там же. С. 411.

⁶⁰ Градовский А. Д. Начала русского государственного права // *Его же. Собрание сочинений.* Т. 7. СПб., 1907. С. 187–189; Т. 1. СПб., 1899. С. 360.

⁶¹ Там же. Т. 1. С. 360.

⁶² Там же. С. 348.

⁶³ Там же. С. 361, 364.

⁶⁴ Там же. С. 359, 364.

⁶⁵ Там же. С. 361.

⁶⁶ Там же. С. 368, 371–375.

⁶⁷ Там же. С. 379–381.

Несмотря на то, что в подавляющем большинстве историографических исследований В. О. Ключевского называют основателем отдельной научной школы⁶⁸, нельзя не заметить определенную связь и преемственность во взглядах и подходах между ним и его учителем С. М. Соловьевым. Соглашаясь с выводами историков «государственной школы» о важности волостей⁶⁹, он утверждал, что ключевым фактором политического развития у восточных славян были торговые интересы, поспособствовавшие появлению военно-промышленного класса⁷⁰, в состав которого с IX в. начали входить и варяги⁷¹. Приход к власти Рюриковичей представлял собой не призыв, обусловленный недостатками общинного правления, а захват власти наемниками⁷², начавшими затем распространять свое влияние за пределы изначальных торговых городов⁷³. При этом «общий интерес соединился с завоевательной силой» — т.е. расширение сферы влияния варягов соответствовало общим торговым интересам «городовых волостей»⁷⁴. Примечательно, что это один их первых эпизодов столь пристального внимания российских историков к экономическому фактору в древнерусской истории. В понимании Ключевского, именно экономика оказывается одной из основных сил в формировании древнерусского государства.

Второй этап политогенеза Ключевский выделял в связи с принятием христианства и последовавшим вслед за этим усвоением византийских политических идеалов⁷⁵. Такая позиция была не нова для отечественной историографии, в частности, схожих взглядов придерживался Н. И. Костомаров⁷⁶, однако именно Ключевский подчеркнул важность церковного влияния на право. В частности, он считал Русскую правду продуктом именно церковного, а не обычного права⁷⁷.

Важное уточнение сделал В. О. Ключевский и в вопросе отношений князей друг с другом. Как отмечает Кучкин, несмотря на довольно критическое отношение к теории Соловьева, историк «воспринимал [ее] не целиком и отрицал не все»⁷⁸. В. О. Ключевский разделил вопрос права (принадлежавшего княжескому роду) и порядка владения землей⁷⁹. Сама земля, в рамках системы владения, оказывалась мало связана с тем или иным князем, «живя местными порядками», и настоящей силой в волостях были главные города⁸⁰. Элита, начиная с XI в. все же оказывается связана с землей, однако работают на земле рабы-челядины⁸¹. Такую политическую систему историк определял как «земский союз»⁸² — еще не государство в полном смысле этого слова, но конгломерат волостных владений, связанный общей династией, правящим классом и «формами гражданского порядка».

⁶⁸ *Алеврас Н. Н.* Русская историография XIX — начала XX века: лекции по истории исторической науки. Ч. 2: Российская историческая наука периода буржуазных перемен. Челябинск, 2013. С. 71–74.

⁶⁹ *Ключевский В. О.* Сочинения: в 10-ти томах. Т. 1. М., 1987. С. 51, 116–117.

⁷⁰ Там же. С. 137, 141.

⁷¹ Там же. С. 144–149.

⁷² Там же. С. 148.

⁷³ Там же. С. 151–152.

⁷⁴ Там же. С. 156–160.

⁷⁵ Там же. С. 174–176.

⁷⁶ *Костомаров Н. И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 2009. С. 6.

⁷⁷ *Ключевский В. О.* Сочинения: в 10-ти томах. Т. 1. М., 1987. С. 216–220.

⁷⁸ *Кучкин В. А.* О времени существования Древнерусского государства (историография вопроса) // Исторический вестник. 2012. № 1 (148). С. 127.

⁷⁹ *Ключевский В. О.* Сочинения: в 10-ти томах. Т. 1. М., 1987. С. 199–200.

⁸⁰ Там же. С. 200–203.

⁸¹ Там же. С. 278–281.

⁸² Там же. С. 208–209.

Альтернативу продолжателям С. М. Соловьева, делавшим акцент на развитии государственных институтов, представляла так называемая «киевская школа», сформировавшаяся в Малороссии в пику польскому академическому влиянию⁸³. Ее авторы концентрировали внимание, во-первых, на проблемах местной истории, во-вторых — осознавали историю Руси, в первую очередь, как историю развития народа.

Довольно характерным примером южнорусской историографии могут служить труды Н. И. Костомарова (которого можно условно отнести к «киевской школе», хотя учился он в Харьковском университете), в которых подробно освещена проблематика «федеративного начала» в средневековой Руси. В отличие от авторов «государственной школы», историк утверждал, что первичной формой политической организации восточных славян были не волости, а племена⁸⁴. Они пока не представляли собой единого политического народа, будучи скрепленными в общность при помощи языка, быта, династии Рюриковичей и Православной Церкви⁸⁵. Династические связи здесь оказываются ключевыми, ведь, по словам ученого, когда в XIV в. на Западную Русь пришла новая династия, ее связи с северо-востоком значительно ослабли⁸⁶. Фактически, для Костомарова средневековые княжества — это именно отдельные государства, единство которых, в первую очередь, было религиозным и династическим, но ни в коем случае не политическим. Русь же в данном случае — это не страна, а скорее «русский материк»⁸⁷ — некое субцивилизационное⁸⁸ образование, сродни латинскому Западу или византийскому миру.

Даннические отношения между Киевом и подвластными ему племенами историк объяснял тем, что варяги в ранний период не смогли прочно закрепиться на этих территориях, поэтому и вынуждены были собирать дань⁸⁹, а объединение княжеских интересов с народными произошло лишь к середине XII в.⁹⁰ Князь в политической системе Руси был «необходим, но избираем и мог быть изгнан»⁹¹, т. е. находился в зависимом положении относительно городской общины. Правовое же развитие в немалой степени было обусловлено византийским, в первую очередь — церковным, влиянием, постепенно проникавшим из сферы канонического права в светское законодательство⁹². Аристократическое начало на Руси историк прямо называл «слабым»⁹³.

⁸³ Михальченко С. И. Киевская историческая школа // Вестник С.-Петерб. ун-та. Серия: История. 2019. № 1. С. 56–57.

⁸⁴ Костомаров Н. И. Мысли о федеративном начале в древней Руси. СПб., 1861. С. 2–4, 10–11.

⁸⁵ Там же. С. 15–16, 32–34.

⁸⁶ Там же. С. 29–30.

⁸⁷ Там же. С. 33.

⁸⁸ Термин «субцивилизация», обозначающий пространство, с одной стороны, тесно связанное с остальным средневековым христианским универсумом, а с другой — обладающее собственными уникальными особенностями культурного, религиозного и социально-политического развития, в данном случае кажется вполне уместным. В современном научном дискурсе он стал использоваться сравнительно недавно, однако представляется целесообразным применение данного понятия в таксономии средневековых культурно-исторических общностей; см.: Лубский А. В. Особенности Древнерусской (славяно-европейской) цивилизации // Древняя Русь и Московское государство. У истоков Российской цивилизации. Ростов-на-Дону, 1998. С. 47–53; Суворов Д. В. Смена субцивилизаций и модернизационные волны в культурно-историческом развитии России. Автореф. дисс. ... канд. культурологии. Екатеринбург, 2006.

⁸⁹ Там же. С. 7.

⁹⁰ Там же. С. 12.

⁹¹ Костомаров Н. И. Две русские народности // Его же. Собрание сочинений. Исторические монографии и исследования. Кн. 1, т. 1–3. СПб., 1903. С. 41.

⁹² Костомаров Н. А. Мысли о федеративном начале... С. 35–36.

⁹³ Там же. С. 37.

Как отмечает А. Ю. Дворниченко, именно Костомаров внес в историю Руси «этнографический» оттенок⁹⁴. Будучи продолжателем романтических идей С. П. Шевырева, он интересовался этнографическими аспектами средневековой русской истории. Историк неоднократно подчеркивал разницу между севером и югом Руси⁹⁵, обусловленную различными способами утверждения там власти варяжских князей. В целом, Костомаров выделял шесть «народностей», «параллельно» которым в «удельно-вечевой»⁹⁶ период были размещены князья⁹⁷: южнорусская, северская, великорусская, белорусская, полесская, новгородская.

Идеи Костомарова получили развитие в трудах другого ученого «киевской школы» — М. Ф. Владимирского-Буданова. Тот также делал акцент на «национальной», а не «государственной» истории⁹⁸. Первый этап политического развития он видел в земском или княжеском периоде истории — IX–XIII вв., когда Русь представляла собой конгломерат отдельных государств-земель, объединяющих под своей властью союз «градов», волостей и пригородов⁹⁹. Внутреннюю политику этих «государств» определяли три составляющие: князь, городское собрание-вече¹⁰⁰ и боярская дума, действовавшая с ним в тесной связке¹⁰¹. Князь при этом сохранял полноту власти лишь до тех пор, пока находился в согласии с народом¹⁰². Такая система сложилась без внешнего влияния и к моменту призвания варягов уже функционировала: как пишет Владимирский-Буданов, «князья варяги застали везде готовый государственный строй»¹⁰³. Упадок этого строя и укрепление наследственной власти историк связывал не с татарским игом, а с внутренними факторами, в первую очередь с тем, что вечевая форма правления не могла успешно функционировать на такой значительной территории¹⁰⁴. Все это, как признавал сам ученый, были «только зачатки будущего государственного единства»¹⁰⁵.

Примечательно, что Владимирский-Буданов не был склонен винить в политической децентрализации домонгольской Руси разрастание дома Рюриковичей и конфликты между его представителями. Напротив, он подчеркивал, что власть над восточнославянскими землями одного княжеского рода¹⁰⁶ способствовала не разделению, а постепенному их превращению в более крупные государственные образования¹⁰⁷. Таким образом, историк затронул вопрос существования древнерусской народности, утверждая, что не единый народ распался на несколько субэтнических групп, а наоборот — небольшие племена постепенно сформировали несколько крупных народностей.

В целом, позиция Владимирского-Буданова представляется двойственной: с одной стороны, он был сторонником концепции раннего образования государства у восточных славян, находя его признаки уже в IX в. С другой стороны, утверждая наличие развитых институтов, Владимирский-Буданов отрицал существование общерусского

⁹⁴ Дворниченко А. Ю. Зеркала и химеры... С. 103.

⁹⁵ Костомаров Н. И. Две русские народности... С. 39, 43–44, 54–56, *Его же*. Мысли о федеративном начале... С. 9–11.

⁹⁶ Костомаров Н. И. Мысли о федеративном начале... С. 15.

⁹⁷ Там же. С. 15–16, 28.

⁹⁸ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. СПб., 1909. С. 3, 24, 68.

⁹⁹ Там же. С. 4, 10–11, 20.

¹⁰⁰ Там же. С. 51–59.

¹⁰¹ Там же. С. 50, 51, 25–27.

¹⁰² Там же. С. 43.

¹⁰³ Там же. С. 13.

¹⁰⁴ Там же. С. 60.

¹⁰⁵ Там же. С. 75.

¹⁰⁶ Там же. С. 37.

¹⁰⁷ Там же. С. 14, 16.

политического единства, что роднит его с историками «киевской школы». Впрочем, нельзя назвать ученого и радикальным оппонентом школы «государственной», так как, говоря о первых князьях, Владимирский-Буданов подчеркивал нестабильность их власти, зависимость от воли веча, серьезные отличия древнерусской политической системы от государств Нового времени¹⁰⁸.

Начало XX в. стало периодом небывалого расцвета российской историографии. В первую очередь это произошло вследствие существенного приращения знания в теоретико-методологической сфере, произошедшего в конце XIX в. Как отмечает Л. В. Мининкова, для этого периода были характерны попытки найти «общие места» в историческом пути разных стран¹⁰⁹, что неизбежно усилило интерес русских ученых к компаративистике и новым методологическим подходам.

Идеи В. О. Ключевского и С. Ф. Платонова в начале XX в. развивал Н. П. Павлов-Сильванский, испытавший на себе влияние социологии, марксизма и французского позитивизма. Признавая выдающийся авторитет своих предшественников и даже соглашаясь с ними по многим вопросам, историк, тем не менее, критиковал ряд методологических воззрений «государственной школы». В первую очередь это касалось подхода к формированию источниковой базы: Павлов-Сильванский строил исследование, основываясь не столько на летописном, сколько на актовом материале¹¹⁰. Это в значительной мере определило как выводы, к которым он пришел, там и хронологические рамки его работы — как признавал сам историк, до XIV в. существует не так много источников этого типа.

Огромное значение Павлов-Сильванский уделял компаративному анализу, постоянно проводя параллели между развитием поземельных отношений на Руси и в Западной Европе, что, по замечанию Л. В. Мининковой, в некоторой степени роднило его с первыми русскими марксистами¹¹¹. Здесь, как отметил А. Ю. Дворниченко, ему помогло хорошее знание западноевропейской литературы¹¹². Подробно рассмотрев различные категории населения и формы зависимости, он сделал вывод о том, что социально-экономические отношения на Руси в целом если и не идентичны, то, по крайней мере, типологически близки таковым на Западе: волостная община аналогична германской марке¹¹³, боярщина — сеньории¹¹⁴, вилланы — крестьянам¹¹⁵, поместье — бенефицию¹¹⁶, вотчина — аллоду¹¹⁷. Историка не смущало отсутствие на Руси замков: по его словам, они представляли собой лишь «крайнее» проявление независимости, в то время как основу феодального общества представляли собой хорошо вооруженные конные воины¹¹⁸. Более того, вслед за Л. В. Мининковой следует согласиться с тем, что «Н. П. Павлов-Сильванский вплотную подошел к признанию теории вотчинного государства. Он ее фактически признал для западноевропейских условий»¹¹⁹.

¹⁰⁸ Там же. С. 41–42.

¹⁰⁹ Мининкова Л. В. Князь и дружина Древней Руси... С. 32.

¹¹⁰ Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в России. М., 1988. С. 19.

¹¹¹ Мининкова Л. В. Князь и дружина Древней Руси... С. 37.

¹¹² Дворниченко А. Ю. Зеркала и химеры... С. 186.

¹¹³ Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в России. М., 1988. С. 54–55.

¹¹⁴ Там же. С. 58.

¹¹⁵ Там же. С. 60.

¹¹⁶ Там же. С. 112.

¹¹⁷ Там же. С. 114.

¹¹⁸ Там же. С. 48, 57, 120–121.

¹¹⁹ Мининкова Л. В. Н. П. Павлов-Сильванский о теории вотчинного государства в русской историографии // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2015. № 1 (185). С. 54.

При этом, Павлов-Сильванский подчеркивал, что, несомненно, на Руси не было «идеального» феодализма — но не было его и на Западе, вопреки утверждениям недостаточно хорошо владеющих материалом русских историков¹²⁰.

При этом, вслед за историками XIX в. Н. П. Павлов-Сильванский называл период X–XII вв. эпохой господства общины¹²¹, выразившей свою власть через вече. Феодализм, по его мнению, окончательно установился на Руси лишь в XIII в.¹²² Волость-община же существовала на Руси испокон веков, еще до призвания варягов¹²³, и в IX–XI вв. князья вынуждены были мириться с ней, не имея достаточно сил, чтобы выступить против обычного права, однако власть князей начала усиливаться, а земля, до этого принадлежавшая общине, — окняживаться¹²⁴. С XII в. начала развиваться «оседлость» князей, а вслед за ней и частная поземельная собственность дружины¹²⁵.

Своеобразный синтез идей предшествующих мыслителей представлен в работах А. Е. Преснякова, творившего уже на исходе исследуемой эпохи. Он, хотя и с оговорками, признавал раннее формирование государственности и постепенное «оседание» элиты на землю еще в эпоху Ярослава Мудрого¹²⁶. Однако, вслед за А. Д. Градовским, крайне важной в процессе политогенеза историк считал роль князя и княжеской власти¹²⁷. Именно князь осуществлял организацию военных сил и городского управления¹²⁸, именно с его властью связано появление тысяцких и посадников¹²⁹, именно князья заложили основы «нового строя»¹³⁰ — в противовес традиционному вечевому. Хотя автор не использовал это слово в работе, но отношения князей и волостной общины в его трактовке представляют собой некий симбиоз, где, в зависимости от региона, центр тяжести постепенно смещался либо в сторону веча (на северо-западе), либо же в сторону княжеской власти (на юге).

Крайне важны рассуждения Преснякова об эволюции дружины. Фактически, здесь он в значительной мере предвосхищает идею немецких и чешских историков о «большой дружине»¹³¹. Во-первых, он провел прямую параллель между древнерусской и германской дружинами, отметил, что этот институт был «общевропейским» явлением¹³². Во-вторых, Пресняков указал на факт постепенного расширения полномочий дружины, получения дружинниками административных функций, следствием чего стало усложнение состава дружины¹³³. В итоге дружинники оказались «довольно рано» наделены «хлебом и имением»¹³⁴, т. е. еще в XI в. начали получать в награду за службу земельную собственность. Немалую роль в формировании поземельных отношений сыграла и церковь: автор отмечал тесную связь между

¹²⁰ Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в России. С. 92–95.

¹²¹ Там же. С. 51, 152, 217–221, 232.

¹²² Там же. С. 148–149, 477–482.

¹²³ Там же. С. 232.

¹²⁴ Там же. С. 354–356.

¹²⁵ Там же. С. 429–430.

¹²⁶ Пресняков А. Е. Княжое право в древней Руси: очерки по истории X–XII столетий. СПб., 1909. С. 236.

¹²⁷ Там же. С. 218.

¹²⁸ Там же. С. 193, 196.

¹²⁹ Там же. С. 192, 194, 198.

¹³⁰ Там же. С. 219.

¹³¹ Граус Ф. К вопросу о происхождении княжеской (королевской) власти в Чехии // ВИ. 1959. № 4. С. 140.

¹³² Пресняков А. Е. Княжое право в древней Руси... С. 220–229.

¹³³ Там же. С. 231–235.

¹³⁴ Там же. С. 236, 269.

княжеским и церковным землевладением¹³⁵. Впрочем, «бытовое обособление» бояр не могло полностью разорвать их связь с князем — в дружине продолжали существовать архаичные представления, которые Пресняков находил даже в конце XII в.¹³⁶

Параллельно со ставшими на тот момент уже привычными для российского интеллектуального пространства гегельянцами и (нео)кантианцами, альтернативную концепцию исторического развития пытались сформировать историки-марксисты: Г. В. Плеханов, Н. А. Рожков, М. Н. Покровский. Как объяснял сам М. Н. Покровский, «если какой-нибудь спор долго длится, не находя себе разрешения, то обыкновенно здесь бывают виноваты не одни спорящие, а самый предмет спора»¹³⁷. Иными словами, марксистов не удовлетворяло не то или иное конкретное объяснение исторических процессов, а само направление, в котором развивалась отечественная историческая наука. Хотя в этом было больше деклараций, чем реальной новизны. С одной стороны, их методологические подходы были тесно связаны с позитивистскими аспектами в работах предшествующих историков¹³⁸. С другой, многое в них было созвучно взглядам классиков русской историографии (например, роль торговли и торговых путей в становлении государственности), хотя описывалось это с помощью иного терминологического аппарата. Из марксистского подхода к истории закономерно вытекал интерес к экономической стороне происхождения государства и попытки соотносить этапы исторического развития Руси с другими странами. Впрочем, в отличие от будущей советской историографии, марксисты рубежа XIX–XX вв. не шли на окончательный разрыв с устоявшимися концепциями. Так, Рожков был вполне солидарен с тем, что феодализация земли началась лишь в XI–XII вв.¹³⁹, а древнерусское общество обладало довольно слабой социальной стратификацией¹⁴⁰. Более того, историк прямо проводил параллель между обезземливанием русских крестьян в XIV–XVI вв. и аналогичными процессами во Франции в VI–X вв.¹⁴¹ Признавал архаичность славянского права и Покровский¹⁴², утверждавший также, что власть князя была тесно связана с патриархальной властью отца семейства¹⁴³. При этом, отмечая «очень раннее» появление крупного землевладения, историк все равно ссылается на казусы XII–XIII вв.¹⁴⁴, тем самым косвенно соглашаясь с тем, что в ранний период отыскать доказательства существования феодальных отношений на Руси было довольно проблематично.

Таким образом, подводя итог предпринятому анализу отечественной историографии середины XIX — начала XX вв., можно отметить, что именно в рамках дореволюционной историографической традиции были впервые поставлены вопросы, ответы на которые историки ищут и по сей день. Нельзя отрицать, что именно работы авторов исследуемого периода послужили основой для формирования ряда современных научных концепций: проблематику городов-государств развивали в своих работах И. Я. Фроянов и его ученики, прямо признавая преемственность с «государственной школой». Подобные параллели обнаруживаются и в работах

¹³⁵ Там же. С. 294–295.

¹³⁶ Там же. С. 252.

¹³⁷ Покровский М. Н. Русская история: в 3-х томах. Т. 1. СПб., 2002. С. 9.

¹³⁸ Рубинштейн Н. Л. Русская историография. СПб., 2008. С. 644.

¹³⁹ Рожков Н. А. Эволюция хозяйственных форм. СПб., 1905. С. 5–6, 8; *Его же*. Обзор русской истории с социологической точки зрения. М., 1905. С. 126.

¹⁴⁰ Рожков Н. А. Эволюция хозяйственных форм. С. 9; *Его же*. Обзор русской истории... С. 165.

¹⁴¹ Рожков Н. А. Эволюция хозяйственных форм... С. 13–19.

¹⁴² Покровский М. Н. Русская история. Т. 1. С. 19.

¹⁴³ Там же. С. 22.

¹⁴⁴ Там же. С. 28–30.

П. Н. Лукина¹⁴⁵, акцентирующего внимание на сходстве между устройством некоторых древнерусских городов и североитальянских коммун. Сюжеты, отражающие связь между политическим развитием Руси и влиянием на него церкви, в настоящее время рассматриваются в работах П. И. Гайденко¹⁴⁶ и К. А. Костромина, прямо указавшего на то, что христианская религия стала проводником на Русь новых форм социальных отношений¹⁴⁷. Именно на рубеже XIX–XX вв. в ходе дискуссий между историками различных политических и методологических направлений был намечен круг проблемных вопросов, поисками ответов на которых будет занята наука как XX, так и XXI вв.

Большой проблемой стало то, что в силу трагических событий 1920–30-х гг., разработки исторических школ не получили развития и на долгое время были забыты. Советская власть не была заинтересована в развитии и сохранении наследия «буржуазной» историографии, хотя и здесь необходимо учитывать, что некоторые из первых советских исследователей (хотя бы М. Н. Покровский) фактически были продолжателями именно дореволюционной историографической традиции, часто лишь прикрывая при помощи марксистской лексики научные идеи своих наставников.

При этом, главной сложностью периода середины XIX — начала XX вв. оставалась методологическая и исследовательская разобщенность. Различные школы опирались на разные подходы и недостаточно контактировали между собой. Российские историки по отдельности делали наблюдения, которые могли бы стать научным прорывом, но очень часто не «доводили» мысль до логического конца, из-за чего «последний шаг» в исследовании вопроса после них делали их потомки. Несомненно, это нельзя ставить отечественным историкам исследуемого периода в вину — ведь они осуществляли научную деятельность в рамках еще очень молодой на тот момент науки, методология которой на протяжении всего XIX в. находилась только в стадии вызревания и формирования. В свете этого тем более важным и даже необходимым для современного исследователя кажется обращение к наследию дореволюционной российской историографии — ведь именно там в незавершенном виде могут скрываться «ключи» к решению актуальных научных проблем.

Источники и литература

Источники

1. *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. СПб., 1909.
2. *Градовский А. Д.* Начала русского государственного права // *Градовский А. Д.* Собр. соч. Т. 7. СПб., 1907.
3. *Градовский А. Д.* Собр. соч. Т. 1. СПб., 1899.
4. *Кавелин К. Д.* Собр. соч. Т. 1. СПб. 1897.
5. *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. 1. СПб., 1818.
6. *Каченовский М. Т.* Два рассуждения о кожаных деньгах, и о русской правде. М., 1849.

¹⁴⁵ Лукин П. В. Новгород и Венеция: сравнительно-исторические очерки становления республиканского строя. СПб., 2022. С. 14–20.

¹⁴⁶ Гайденко П. И. Репрезентация архиерейской власти... С. 71–73; *Его же.* Священная иерархия Древней Руси... С. 18, 82–83, 140; *Его же.* Несколько замечаний о каноническо-правовых институтах на Руси в XI–XIII вв. // *Христианское чтение.* 2018. № 2. С. 81, 84.

¹⁴⁷ Костромин К. А., *прот.* Потестарность и христианизация Руси // *Древняя Русь: во времени, личностях, в идеях.* Альманах, вып. 7. СПб., 2017. С. 97–98.

7. *Ключевский В. О.* Сочинения: в 10-ти томах. Т. 1. М.: Мысль, 1987.
8. *Костомаров Н. И.* Две русские народности // *Костомаров Н. И.* Собр. соч. Исторические монографии и исследования. Кн. 1, т. 1–3. СПб., 1903. С. 31–66.
9. *Костомаров Н. И.* Мысли о федеративном начале в древней Руси. СПб., 1861.
10. *Костомаров Н. И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М.: Эксмо, 2009.
11. *Павлов-Сильванский Н. П.* Феодализм в России. М., 1988.
12. *Погодин М. П.* Древняя русская история до монгольского ига. Т. 1–2. М., 1871.
13. *Покровский М. Н.* Русская история: в 3-х томах. Т. 1. СПб.: Полигон, 2002.
14. *Пресняков А. Е.* Княжое право в древней Руси: очерки по истории X–XII столетий. СПб., 1909.
15. *Рожков Н. А.* Обзор русской истории с социологической точки зрения. М., 1905.
16. *Рожков Н. А.* Эволюция хозяйственных форм. СПб., 1905.
17. *Сергеевич В. И.* Вече и князь. Русское государственное устройство и управление во времена князей Рюриковичей. М., 1867.
18. *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. 1, т. I–V. СПб., 1851.
19. *Чичерин Б. Н.* Опыты по истории русского права. М., 1858.
20. *Эверс И. Ф. Г.* Древнейшее русское право в историческом его раскрытии СПб., 1835.

Литература

21. *Алеврас Н. Н.* Русская историография XIX – начала XX века: лекции по истории исторической науки. Ч. 2: Российская историческая наука периода буржуазных перемен. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2013.
22. *Вернадский Г. В.* Русская историография. М.: Аграф, 1998.
23. *Гайденок П. И.* Несколько замечаний о каноническо-правовых институтах на Руси в XI–XIII вв. // Христианское чтение. 2018. № 2. С. 79–91.
24. *Гайденок П. И.* Репрезентация архиерейской власти в домонгольской Руси: буллы, верительные документы, сан, титулы // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2013. № 18 (309). С. 67–78.
25. *Гайденок П. И.* Священная иерархия Древней Руси (XI–XIII вв.): Зарисовки власти и повседневности. М.: Университетская книга, 2014.
26. *Горский А. А., Кучкин В. А., Лукин П. В., Стефанович П. С.* Древняя Русь: очерки политического и социального строя. М.: Индрик, 2008.
27. *Горский А. А.* Средневековая Русь: о чем говорят источники. М.: Ломоносов, 2016.
28. *Граус Ф.* К вопросу о происхождении княжеской (королевской) власти в Чехии // Вопросы истории. 1959. № 4. С. 138–155.
29. *Дворниченко А. Ю.* Зеркала и химеры. О возникновении древнерусского государства. СПб.: Евразия, 2014.
30. *Ерыгин А. Н.* Философия истории Гегеля и русская мысль XIX века. Ростов-на-Дону, 2012.
31. *Костромин К. А., прот.* Потестарность и христианизация Руси // Древняя Русь: во времени, личностях, в идеях. Альманах, вып. 7. СПб., 2017. С. 93–101.
32. *Кучкин В. А.* О времени существования Древнерусского государства (историография вопроса) // Исторический вестник. 2012. № 1 (148). С. 120–143.
33. *Лубский А. В.* Особенности Древнерусской (славяно-европейской) цивилизации // Древняя Русь и Московское государство. У истоков Российской цивилизации. Ростов-на-Дону: Логос, 1998. С. 47–53.
34. *Лукин П. В.* Новгород и Венеция: сравнительно-исторические очерки становления республиканского строя. СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2022.

35. Лукин П. В. Новгородское вече. М.: Индрик, 2014.
36. Лукин П. В. Новгородское вече: старые концепции и новые данные // Исторический Вестник. 2012. № 1. С. 98–119.
37. Мининкова Л. В. Князь и дружина Древней Руси: исследование форм общественно-политических отношений раннего русского Средневековья. М., 2018.
38. Мининкова Л. В. Н. П. Павлов-Сильванский о теории вотчинного государства в русской историографии // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2015. № 1 (185). С. 50–55.
39. Михальченко С. И. Киевская историческая школа // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: История. 2019. № 1. С. 53–69.
40. Назаренко А. В. Древняя Русь и славяне // Древнейшие государства Восточной Европы. 2007 год. М., 2009. С. 5–515.
41. Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей в IX–XII вв. М.: Языки русской культуры, 2001.
42. Рубинштейн Н. Л. Русская историография. СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2008.
43. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 3. СПб., 1912.
44. Стефанович П. С. Знать и военные слуги в социально-политической структуре Древнерусского государства в X — первой трети XII в. Автореф. дисс. ... докт. истор. наук. М., 2014.
45. Суворов Д. В. Смена субцивилизаций и модернизационные волны в культурно-историческом развитии России. Автореф. дисс. ... канд. культурологии. Екатеринбург, 2006.
46. Фроянов И. Я. Города-государства Древней Руси. Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1988.

Sources and References

Sources

1. Chicherin B. N. *Opyty po istorii russkogo prava [Essays on the History of Russian Law]*. Moscow, 1858. (In Russian)
2. Evers I. F. G. *Drevnejshee russkoe pravo v istoricheskom ego raskrytii [The most ancient Russian law in its historical disclosure]*. St. Petersburg, 1835. (In Russian)
3. Gradovsky A. D. *Nachala russkogo gosudarstvennogo prava [Fundamentals of Russian State Law]*. In: Gradovsky A. D. *Sobraniye sochineniy*, vol. 7. St. Petersburg, 1907. (In Russian)
4. Gradovsky A. D. *Sobraniye sochineniy [Collected Works]*, vol. 1. St. Petersburg, 1899. (In Russian)
5. Kachenovsky M. T. *Dva rassuzhdeniya o kozhanyh den'gah, i o russkoj pravde [Two Essays on Leather Money and on Russian Justice]*. Moscow, 1849. (In Russian)
6. Karamzin N. M. *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo [History of the Russian State]*, vol. 1, St. Petersburg, 1818. (In Russian)
7. Kavelin K. D. *Sobraniye sochineniy [Collected Works]*, vol. 1. St. Petersburg, 1897. (In Russian)
8. Klyuchevsky V. O. *Sochineniya [Works]* in 10 vols, vol. 1. Moscow, Mysl' Publ., 1987. (In Russian)
9. Kostomarov N. I. *Dve russkie natsional'nosti [Two Russian Nationalities]*. In: Kostomarov N. I. *Sobraniye sochineniy. Istoricheskie monografii i issledovaniya*, book I, vol. 1–3. St. Petersburg, 1903, p. 31–66. (In Russian)
10. Kostomarov N. I. *Mysli o federativnom nachale v drevnej Rusi [Thoughts on Federal Principles in Ancient Russia]*. St. Petersburg, 1861. (In Russian)

11. Kostomarov N. I. *Russkaya istoriya v zhizneopisaniyah ee glavnejshih deyatelej* [Russian History in Biographies of Its Main Figures]. Moscow, Eksmo Publ., 2009. (In Russian)
12. Pavlov-Silvansky N. P. *Feodalizm v Rossii* [Feudalism in Russia]. Moscow, Nauka Publ., 1988. (In Russian)
13. Pogodin M. P. *Drevnyaya russkaya istoriya do mongol'skogo iga* [Ancient Russian History Before the Mongol Yoke], vol. 1–2. St. Petersburg, 1871. (In Russian)
14. Pokrovsky M. N. *Russkaya istoriya* [Russian History] in 3 vols, vol. 1. St. Petersburg, Poligon Publ., 2002. (In Russian)
15. Presnyakov A. E. *Knyazhoe pravo v drevnej Rusi: ocherki po istorii 10–12 stoletij* [Princes' Right in Ancient Russia: Essays on the History of the 10–12 Centuries]. St. Petersburg, 1909. (In Russian)
16. Rozhkov N. A. *Evoljutsiya ekonomicheskikh form* [Evolution of Economic Forms]. St. Petersburg, 1905. (In Russian)
17. Rozhkov N. A. *Obzor russkoj istorii s sociologicheskoi tochki zreniya* [An Overview of Russian History from a Sociological Perspective]. Moscow, 1905. (In Russian)
18. Sergeevich V. I. *Veche i knyaz'. Russkoe gosudarstvennoe ustrojstvo i upravlenie vo vremena knyazej Rjurikovickej* [The Veche and Prince: The Russian State Structure and Governance During the Rurik Dynasty]. Moscow, 1867. (In Russian)
19. Solovyov S. M. *Istoriya Rossii s drevneyshikh vremyon* [History of Russia from Ancient Times], book 1, vol. I–V. St. Petersburg, 1851. (In Russian)
20. Vladimírsky-Budanov M. F. *Obzor istorii russkogo prava* [Overview of the History of Russian Law]. St. Petersburg, 1909. (In Russian)

References

21. Alevras N. N. *Russkaya istoriografiya 19 — nachala 20 veka: lektzii po istorii istoricheskoy nauki* [Russian Historiography from the 19 to Early 20 Century: Lectures on the History of Historical Science], part II: Russian Historical Science during Bourgeois Changes. Chelyabinsk State University Press, 2013. (In Russian)
22. Dvornichenko A. Yu. *Zerkala i khimery: O vozniknovenii drevnerusskogo gosudarstva* [Mirrors and Chimeras: On the Emergence of the Ancient Russian State]. St Petersburg, Eurasia Publ., 2014. (In Russian)
23. Froianov I. Ya. *Goroda-gosudarstva Drevney Rusi* [City-States of Ancient Rus']. Leningrad State University Press, 1988. (In Russian)
24. Gaydenko P. I. Neskol'ko zamechaniy o kanonicheskopravovykh institutakh na Rusi v 11–13 vv. [Some Remarks on Canonical-Legal Institutions in Rus' in the 11–13 Centuries]. *Khristianskoe chtenie = Christian Reading*, 2018, no. 2, p. 79–91. (In Russian)
25. Gaydenko P. I. Reprezentatsiya arkhiepireskoy vlasti v domongol'skoy Rusi: bully, veritel'nye dokumenty, san, tituly [Representation of Archiepiscopal Power in Pre-Mongol Rus': Bulls, Letters of Credence, Dignities, Titles]. *Magistra Vitae*, 2013, no. 18 (309), p. 67–78. (In Russian)
26. Gaydenko P. I. *Svyashchennaya ierarkhiya Drevney Rusi (11–13 vv.): Zarisovki vlasti i povsednevnosti* [Sacred Hierarchy of Ancient Rus' (11–13 Centuries): Sketches on Power and Everyday Life]. Moscow, Universitetskaya kniga Publ., 2014. (In Russian)
27. Gorsky A. A. *Srednevekovaya Rus': o chem govoryat istochniki* [Medieval Rus': What Sources Tell Us]. Moscow, Lomonosov Publ., 2016. (In Russian)
28. Gorsky A. A., Kuchkin V. A., Lukin P. V., Stefanovich P. S. *Drevnyaya Rus': ocherki politicheskogo i sotsial'nogo stroya* [Old Rus': Essays on Political and Social Structure]. Moscow, Indrik Publ., 2008. (In Russian)

29. Graus F. K voprosu o proiskhozhdenii knyazheskoy (korolevskoy) vlasti v Chekhii [On the Question of the Origin of Prince (Royal) Power in Bohemia]. *Voprosy istorii*, 1959, no. 4, p. 138–155. (In Russian)
30. Kostromin K. A. Potestarnost' i khristianizatsiya Rusi [Potestarianism and the Christianization of Rus']. *Drevnyaya Rus': vo vremeni, lichnostyakh, v ideyakh* [Ancient Rus': In Time, Personalities, Ideas], Almanac, issue 7. St. Petersburg, 2017, p. 93–101. (In Russian)
31. Kuchkin V. A. O vremeni sushchestvovaniya Drevnerusskogo gosudarstva (istoriografiya voprosa) [On the Existence Period of the Ancient Russian State (Historiography of the Issue)]. *Istoricheskii vestnik*, 2012, no. 1 (148), p. 120–143. (In Russian)
32. Lubskij A. V. Osobennosti Drevnerusskoj (slavyano-evropejskoj) civilizacii [Features of the Old Russian (Slavic-European) civilization]. *Drevnyaya Rus' i Moskovskoe gosudarstvo. U istokov Rossijskoj civilizacii*. Rostov-on-Don, Logos Publ., 1998, p. 47–53. (In Russian)
33. Lukin P. V. *Novgorod i Veneziya: sravnitel'no-istoricheskie ocherki stanovleniya respublikanskogo stroya* [Novgorod and Venice: Comparative-Historical Essays on the Formation of Republican Governance]. St. Petersburg, European University Press, 2022. (In Russian)
34. Lukin P. V. *Novgorodskoe veche* [The Novgorod Veche]. Moscow, Indrik Publ., 2014. (In Russian)
35. Lukin P. V. Novgorodskoe veche: starye kontseptsii i novye dannye [The Novgorod Veche: Old Concepts and New Data]. *Istoricheskii vestnik*, 2012, no. 1, p. 98–119. (In Russian)
36. Mikhalchenko S. I. Kievskaja istoricheskaja shkola [The Kyiv Historical School]. *Bulletin of St Petersburg University*, series History, 2019, no. 1, p. 53–69. (In Russian)
37. Mininkova L. V. *Knyaz' i družina Drevney Rusi: issledovanie form obshchestvenno-politicheskikh otnoshenij rannego russkogo Srednevekov'ya* [The Prince and the Retinue in Ancient Rus': An Investigation into Forms of Socio-Political Relations in Early Medieval Russia]. Moscow, 2018. (In Russian)
38. Mininkova L. V. N. P. Pavlov-Silvansky o teorii votchinnogo gosudarstva v russkoy istoriografii [N. P. Pavlov-Silvansky on the Theory of Feudal State in Russian Historiography]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenij: Severo-Kavkazskiy region*, series Social sciences, 2015, no. 1 (185), p. 50–55. (In Russian)
39. Nazarenko A. V. *Drevnyaya Rus' i slavyane* [Ancient Rus' and the Slavs]. *Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy*, 2007. Moscow, 2009, p. 5–515. (In Russian)
40. Nazarenko A. V. *Drevnyaya Rus' na mezhdunarodnykh putyakh: Mezhdistsiplinarnye ocherki kul'turnykh, torgovykh, politicheskikh svyazey v 9–12 vekakh* [Ancient Rus' on International Routes: Interdisciplinary Essays on Cultural, Trade, and Political Connections in the 9th-12th centuries]. Moscow, Yazyki Russkoj Kul'tury Publ., 2001. (In Russian)
41. Rubinstein N. L. *Russkaya istoriografiya* [Russian Historiography]. St. Petersburg State University Press, 2008. (In Russian)
42. Sreznevsky I. I. *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pismennym pamiatnikam* [Materials for the Dictionary of Old Russian Language Based on Written Monuments], vol. 3. St. Petersburg, 1912. (In Russian)
43. Stefanovich P. S. *Znat' i voennye sluzhi v sotsial'no-politicheskoy strukture Drevnerusskogo gosudarstva v 10 — pervoy treti 12 veka* [Nobility and Military Servants in the Socio-Political Structure of the Ancient Russian State in the 10th — Early 12th Century], abstract of a Doctor of History dissertation. Moscow, 2014. (In Russian)
44. Suvorov D. V. *Smena subcivilizacij i modernizacionnye volny v kul'turno-istoricheskom razvitii Rossii* [Change of subcivilizations and modernization waves in the cultural and historical development of Russia]. Abstract of a PhD thesis in Cultural Studies. Ekaterinburg, 2006. (In Russian)
45. Vernadsky G. V. *Russkaya istoriografiya* [Russian Historiography]. Moscow, Agraf Publ., 1998. (In Russian)
46. Yerygin A. N. *Filosofiya istorii Gegelya i russkaya mysl' 19 veka* [Hegel's Philosophy of History and Russian Thought in the 19 Century]. Rostov-on-Don, 2012. (In Russian)

Сокращения

- АЕ — Археографический ежегодник
АИППЗ — Археология и история Пскова и Псковской земли
АФЗХ — Акты феодального землевладения и хозяйства
БЛДР — Библиотека литературы Древней Руси
ВИ — Вопросы истории
ВМЧ — Великие Минеи Четыи
ГИМ — Государственный исторический музей
ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.
ДРМВ — Древняя Русь. Вопросы медиевистики
ЖМПН — Журнал Министерства народного просвещения
НПЛмл — Новгородская первая летопись младшего извода
ОРЯС — Отделение русского языка и словесности Императорской Академии наук
ПВЛ — Повесть временных лет
ПЛ — Псковские летописи
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
ПСТГУ — Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
РГАДА — Российский государственный архив древних актов
РГБ — Российская государственная библиотека
РИБ — Русская историческая библиотека
РНБ — Российская национальная библиотека
РГГУ — Российский государственный гуманитарный университет
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы
ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских
ЧОЛДП — Чтения в Обществе любителей духовного просвещения

Правила оформления статей

Статьи для опубликования в журнале «Палеоросия. Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях» высылаются на электронную почту paleorosia@mail.ru

Просьба присылать материалы в форматах doc, docx, rtf. Шрифт Times New Roman. В случае использования иноязычных шрифтов необходимо прислать файлы шрифтов и статью в формате pdf. Объем — до 2 авторских листов.

Статьи нужно оформлять в следующем виде:

Инициалы, фамилия

Название статьи (по центру страницы полужирным шрифтом)

Аннотация (не менее 3–4 фраз) и **ключевые слова** (не менее 6 и не более 10)

Сведения об авторе: имя, отчество и фамилия автора целиком, научная степень, должность и название учреждения, электронная почта, номер ORCID.

Пример:

Иван Иванович Иванов

Доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Заалтайского федерального университета.

E-mail: ivanov@zaagu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0000-1234-5678>

Эти сведения **сначала** приводятся **на русском**, а **затем** — на **английском** языке.

Пример:

Ivan Ivanov

Doctor of History, Professor of the Department of Russian History at the Trans-Altai Federal University.

E-mail: ivanov@zaagu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0000-1234-5678>

ОБРАЗЦОМ ОФОРМЛЕНИЯ МОЖЕТ СЛУЖИТЬ ЛЮБАЯ СТАТЬЯ ЖУРНАЛА ЗА 2024–2025 Г.

Текст статьи (интервал — одинарный, шрифт — 12 кегля, абзац — 1,27 см)

Источники и литература

Списки источников и литературы должны быть пронумерованы и упорядочены по алфавиту. Если количество источников превышает три, они выделяются в отдельный список. Фамилии и инициалы авторов просьба выделять курсивом. **В монографиях общее количество страниц приводится только в том случае, когда есть опасность спутать используемое издание с аналогичным** (при совпадении года выпуска и издательства). Для изданий после 1945 года необходимо давать название издательства.

Пример:

Иванов И.°И. Роль крестьян Крайнего Севера в развитии российской государственности XIII–XVII в. // Вестник Шпицбергенского педагогического института. Серия: история. 2016. №7. С.°34–38.

Сидоров С.°С. Крестьянские поселения на Крайнем Севере: страницы истории. М.: Нарвал, 1997. С.°67.

Библиографическое описание иностранных публикаций производится следующим образом:

Статьи:

Автор. Название статьи. *Название журнала* (дается курсивом), год, номер, страницы. Знаки «//» и «-» для разделения структурных элементов библиографического описания не ставятся.

Пример:

Smith A. Communications between Elephants and People in Ancient Russia. *Indian historical journal*, 2005, vol. 10, no. 2, pp. 49–53.

В монографиях курсивом дается название книги.

Пример:

Smith B. *Russian Prince Vladimir the Saint in the Senegalese Japan historiography*. Chicago, 2007.

После русскоязычных списков источников и литературы даются списки **Sources and References** по тем же общим параметрам, что и русскоязычные.

Основные правила оформления Sources and References. Фамилия и инициалы автора даются либо в латинской транслитерации (если они даны не на латинице), либо в оригинале (если есть оригинальное написание на латинице) и курсивом не выделяются. Название статьи (если это статья в журнале или сборнике) дается в виде транслитерации, а затем в квадратных скобках – перевод. Название журнала, книги или сборника дается курсивом, при этом если у книги (сборника, журнала) есть английское наименование, приводится только оно; если английского названия нет, дается его транслитерация, а затем в квадратных скобках – перевод. Сведения о количестве томов, номере тома или выпуска, об издании, редакторе даются через запятые после наименования (косые черты не используются). Место издания дается полностью на английском языке, название издательства, если оно не на латинице, дается в виде транслитерации с добавлением слова Publ. (если издательство принадлежит университету или научному институту, дается его английское наименование с добавлением слова Press), год. Далее в скобках указывается язык публикации и (при наличии) номер DOI. Если у статьи в журнале имеется описание For citation (Link), то оно приводится без транслитераций, но с применением общих правил оформления References.

Пример:

Povest' vremennyh let [The Tale of Bygone Years], ed. by D. S. Likhachev and V. P. Andrianova-Peretz. 2nd ed. St Petersburg, Nauka Publ., 1999. (In Old-Russian and Russian)

Weisman A. D. *Grechesko-russkij slovar' [Greek-Russian dictionary]*, 5th ed. St Petersburg, 1899. (In Greek and Russian)

Beliakova E., Zhurova L., Kostromin K., Pigin A., Soboleva L. Demons and Heretics in Transitional Culture: Historical-Literary and Attitudinal Contexts in a Research Perspective. *Quaestio Rossica*, 2023, vol. 11, no 2, p. 633–656. (In Russian) DOI 10.15826/qr.2023.2.810

Gaidenko P. I. Chastnaja zhizn' drevnerusskogo duhovenstva i ego pastvy: problema intimnosti [Private life of the Ancient Russian clergy and their flock: the problem of intimacy]. *Kirik Novgorodec i drevnerusskaja kul'tura [Kirik Novgorodian and Old Russian culture]*, part 3, ed. by V. V. Mil'kov. Velikij Novgorod, Novgorod state university Press, 2014, p. 130–155. (In Russian)

Сноски постраничные. Фамилии и инициалы авторов просьба выделять курсивом. В сносках издательства и иные дополнительные данные не указываются.

Инициалы и иные буквенные значения необходимо привязывать к основным словам неразрывными пробелами. Интервал — одинарный, шрифт — 10 кегля, абзац — 0,5 см. Знак сноски в тексте ставится перед знаком препинания. При повторной ссылке ставится фамилия и инициалы, а также название книги или статьи в сокращении. Сокращения «Указ. соч.» не используются.

Пример:

Иванов И.°И. Роль крестьян Крайнего Севера... С.°34–38.

Сидоров С.°С. Крестьянские поселения на Крайнем Севере. С.°67.

Сокращенные названия иностранных публикаций в сносках оформляется по сходным принципам, что и русскоязычные.

В конце статьи просьба прилагать перечень использованных сокращений.

Дорогие коллеги!

Ждем ваши статьи в научный журнал «Палеоросия. Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях». Проект посвящён проблемам древнерусской истории: истории государственных и общественных институтов, внешнеполитических отношений древнерусского государства, истории христианства на Руси, истории в лицах, истории идей и повседневности.

Статьи просим присылать на эл. адрес: paleorosia@mail.ru

Журнал издается четыре раза в год. Материалы рецензируются. Редколлегия оставляет за собой право отклонять присланные статьи. Публикация бесплатная. Автор может получить один авторский экземпляр. Журнал включен в перечень ВАК, размещен в РИНЦ, Киберленинке, Google Scholar и в научной социальной сети Academia.edu, включен в международные базы данных WorldCat и UlrichsWeb, включен в наукометрическую базу МГУ «ИСТИНА». Журнал входит в Перечень ВАК (Категория К2) по специальностям:

5.6.1. **Отечественная история** (исторические науки);

5.6.5. **Историография, источниковедение, методы исторического исследования** (исторические науки);

5.9.1. **Русская литература и литература народов Российской Федерации** (филологические науки);

5.11.2. **Историческая теология** (по исследовательскому направлению: православие) (теология).

Для заметок

Учредители журнала:

- Религиозная организация – духовная образовательная организация высшего образования «Санкт-Петербургская Духовная Академия Русской Православной Церкви»
- Протоиерей Константин Александрович Костромин, г. Санкт-Петербург
- Павел Иванович Гайденко, г. Казань

Журнал учрежден 29 марта 2018 года
(с 2014 года издавался как альманах)

**Палеоросия. Древняя Русь:
во времени, в личностях, в идеях**

№ 3 (31), 2025

Научный журнал

ISSN 2618-9674 (Print)
ISSN 2686-9063 (Online)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-82728 от 27 января 2022 года

Главный редактор журнала:
кандидат исторических наук, кандидат богословия, протоиерей
Константин Александрович Костромин

Адрес редакции журнала:
191167, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, 17

Официальный сайт журнала:
<https://scientific-journals-spbda.ru/paleorosia>
Электронная почта журнала:
E-mail: paleorosia@mail.ru

ИЗДАТЕЛЬ ЖУРНАЛА

Автономная некоммерческая организация
«Издательство Санкт-Петербургской Духовной Академии»
(Издательство СПбДА; ИНН 7839291089).

Адрес издателя:
191167, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, 17
Тел.: +7 812 612 40 44, доб. 339
E-mail: izdatspbda@gmail.com

Главный редактор Издательства СПбДА Д. В. Волужков
Верстка Н. Н. Пимшина
Дизайн обложки Константин Пешков

Подписано в печать: 26.12.2025. Дата выхода в свет: 26.01.2026.
Формат 70 x 100 / 16. Гарнитура: Linux Libertine.
Объем журнала: 16,3 а.л. Свободная цена.

Отпечатано в ООО «Аргус СПб»
198320, Санкт-Петербург, Красное Село, ул. Юных Пионеров, д. 38, литера А
Заказ № 297. Тираж 250 экз.